

З.И. Файнбург, Г.П. Козлова

КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИДЕАЛ. ТЕОРИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ

ПЕРМСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

З.И. Файнбург, Г.П. Козлова

КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИДЕАЛ. ТЕОРИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ

Мемориальное издание

Пермь 2013

УДК 316, 343.6
ББК 60.033.231
Ф17

Файнбург, З.И.

Ф17 Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность. *Мемориальное издание* / З.И. Файнбург, Г.П. Козлова; подготовка к изданию – проф. Г.З. Файнбург. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. – 352 с.

ISBN 978-5-398-00982-8

Книга является систематическим изложением теории коллективистского общества. Написанная живым языком, она рассказывает об общей тенденции и механизмах становления и развития коллективистского общества, о подлинной теории марксизма, его строго научной методологии и методах ее применения на практике для объективного анализа современного общества в его динамике и развитии, о закономерных тенденциях и случайных поворотах истории.

Содержание книги служит своеобразным итогом многолетнего научного поиска истинных ученых – научного тандема и семейной пары – кандидата экономических и доктора философских наук, профессора Захара Ильича Файнбурга (24.01.1922–10.09.1990) и кандидата экономических наук, доцента Галины Петровны Козловой (18.03.1927–24.02.2000), более полувека занимавшихся теоретическим осмыслением исторического развития нашего общества, его движущих сил.

Книга была задумана как популярный очерк об историческом месте социализма, направленный против догм официальной социальной науки того времени. Однако логика изложения и логика научного поиска авторов изменили задуманное – книга стала монографическим изложением теории коллективистского общества. Написанная в 1985–1988 гг., книга в силу ряда обстоятельств так и не была издана. Идеи этой книги, пусть даже высказанные в оболочке тогдашней фразеологии и понятийного аппарата, понятны, глубоки, оригинальны и актуальны поныне...

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, всех заинтересованных читателей.

Публикуется в авторской редакции по рукописи 1988 года, подготовленной для издательства Саратовского государственного университета.

Печатается по решению и при поддержке гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (декан – доктор социологических наук, профессор В.Н. Стегний).

ISBN 978-5-398-00982-8

© Файнбург Г.З., 2013

© Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2013

*Козлова Галина Петровна (18.03.1927 – 24.02.2000)
и Файнбург Захар Ильич (24.01.1922 – 10.09.1990) –
научный тандем и семейная пара*

ОГЛАВЛЕНИЕ

В КАЧЕСТВЕ ЭПИГРАФА	8
ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ	9
ИСТОКИ НАУЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ КНИГИ, ЕЕ АВТОРЫ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ.....	12
ВВЕДЕНИЕ 1977 ГОДА К ВОЗМОЖНОЙ КНИГЕ «СОЦИАЛИЗМ. КРАТКИЙ КОНСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ»	43
ПОСЛЕДНЯЯ АВТОРСКАЯ РЕДАКЦИЯ КНИГИ 1990 ГОДА.....	46
ВВЕДЕНИЕ	46
ГЛАВА I. Генезис идеи коллективности: развитие социальной практики, отраженное в идее	52
МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РУКОПИСИ 1988 ГОДА: КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕАЛ. ТЕОРИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ.....	64
ВВЕДЕНИЕ	67
ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПОИСКИ ИСТИНЫ	71
Реальность фантазии или насколько не утопичны утопии	71
Решающий шаг: от предпочитаемого к закономерному.....	74
Современное прочтение классики: концепция или цитата?	77
Новая практика жизни – новая парадигма науки	80
Наука и утопия: отрицание и преемственность	84
Современное состояние научной теории коллективистского общества.....	89
Необходимость новой парадигмы марксистского социального знания	94

ГЛАВА II. НЕОБРАТИМОСТЬ ИСТОРИИ И ЗАКОНОМЕРНЫЙ ХАРАКТЕР ПЕРЕХОДА К КОЛЛЕКТИВИСТСКИМ ОТНОШЕНИЯМ	99
Материалистическое понимание истории.....	99
Направленность истории и проблема прогресса	102
Методология формационного анализа социализма: общие принципы научного подхода к явлению	104
Главная детерминанта необходимости коллективистского общества	114
От абстрактной закономерности к конкретной революции	129
ГЛАВА III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КАК РЕШЕНИЕ И КАК ПРОБЛЕМА	136
Революции вчера и революции сегодня.....	136
«Слабое звено» и будущее возводимого социализма.....	141
Первоначально в одной стране.....	150
Перспективы коллективистской революции на пороге новой исторической эпохи.....	155
Диалектическое формационное отрицание: старое в облики нового.....	159
ГЛАВА IV. ГЛАВНОЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ, ОСНОВНОЕ... ..	165
Начало начал.....	169
Всеобщая история и историзм основного отношения социализма.....	173
Совместность и коллективность: генетическая связь и взаимодействие при социализме	180
Коллективность как отношение: признаки, свойства, структура	186
Социальные гарантии как выражение исторических преимуществ коллективности	192
Соревновательность или конкуренция?.....	203
Коллективистские отношения и участие индивида в общественном труде.....	207
Коллективность и производительность общественного труда	215
Коллективность и социальная структура	219

Определяющее отношение как определяющее (основное) противоречие	225
Итоги и обобщение: критерии и ступени формационного развития коллективистского общества	236
ГЛАВА V. КОЛЛЕКТИВНОСТЬ КАК ПЛАНОМЕРНОСТЬ	244
Планомерность – способ движения коллективности	244
Планирование как система противоречий	249
Планомерность как социальное предвидение в сфере практического развития	256
Планомерность совокупной жизнедеятельности: формы и границы	258
«Эффект Мюнхаузена» или проблема планомерности будущего развития общества	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: БЕСКОНЕЧНОСТЬ ИСТОРИИ.....	263

**ДОПОЛНЕНИЯ К ОСНОВНОМУ ТЕКСТУ
РУКОПИСИ 1988 ГОДА..... 270**

ОСНОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАНИЯ И ОБЪЕМА РУКОПИСИ	270
---	-----

ГЛАВА VI. КОЛЛЕКТИВИСТСКАЯ КУЛЬТУРА И КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ	274
Несколько общих характеристик понятия «культура»	274
Культура эксплуататорских формаций как индивидуалистическая культура	276
«Массовая культура» и «воспроизводственная жизнь» как продукты индивидуалистического общества	279
Становление социалистической культуры – наполнение культуры коллективистским содержанием	283
Реальная культура реального социализма	286
Тенденции развития коллективистской культуры	289
Исторический тип культуры и человек социалистического сознания	293
Реальное социальное самосознание в реальном социалистическом обществе и тенденция его развития	297

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I. Ф. Энгельс об искажениях подлинного марксизма людьми, в той или иной мере считающими себя марксистами	302
---	-----

**СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗБРАННЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ
ТРУДОВ ЗАХАРА ИЛЬЧИЧА ФАЙНБУРГА И ГАЛИНЫ
ПЕТРОВНЫ КОЗЛОВОЙ ПО ТЕМАТИКЕ КНИГИ..... 305**

ПРИЛОЖЕНИЯ 310

Приложение 1. План-проспект книги «ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА (социально-экономические очерки)» [1966 г.].....	310
---	-----

Приложение 2. План-проспект книги «СОЦИАЛИЗМ: Краткий конспект системной трактовки явления» [1974 г.].....	312
---	-----

Приложение 3. План-проспект книги «ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА» [1976 г.]	329
--	-----

Приложение 4. План-конспект спецкурса «ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА: методологический аспект проблемы (Монографическое изложение содержания специального курса лекций)» [1983 г.].....	335
--	-----

Приложение 5. План-проспект книги «КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО: Утопия. Теория. Реальность. (Популярный очерк исторического места коммунистической формации)» [1985 г.].....	339
---	-----

Приложение 6. набросок оглавления книги «НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ (Очерк теории, история вопроса, полемика)»	344
---	-----

Приложение 7. План-проспект книги «ЭРА КОЛЛЕКТИВНОСТИ... (Коллективность как новый исторический тип отношений людей в обществе коммунистической формации)»	346
---	-----

Приложение 8. Структура коллективной монографии «КОЛЛЕКТИВНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ» [1987 г.]	350
--	-----

В КАЧЕСТВЕ ЭПИГРАФА¹

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!...

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

*Л.И. Пальмин
Реквием (1865 г.)*

...На каждом человеке лежит отблеск истории.
Одних он опалает жарким и грозным светом,
на других едва заметен, чуть теплится,
но он существует на всех.
История полыхает, как громадный костер,
и каждый из нас бросает в него свой хворост...
... А костер шумит, и полыхает,
и озаряет наши лица,
и будет озарять лица наших детей
и тех, кто придет вслед за ними.

*Ю.В. Трифонов
Отблеск костра*

¹ В качестве эпиграфов для всей публикации мы взяли выбранный Захаром Ильичем для его книги о культе личности эпиграф – «Реквием» Л.И. Пальмина, который был снят редакцией «Политиздата» при публикации книги, а также один из первоначальных эпиграфов для книги о коллективистском обществе, характеризующий авторов, их жизненную позицию и их отношение к излагаемой проблеме. – Издатель.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Формальная история издаваемой книги «Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность» начинается с событий 1984–1985 гг., когда, во-первых, возможная будущая книга обретает свое основное название и предмет рассмотрения – «Коллективистское общество», а, во-вторых, план-проспект книги «Коллективистское общество. Утопия. Теория. Реальность»¹ посылается в Ригу, где в издательстве «Авотс» [Вперед] предполагалось ее опубликовать, и, в-третьих, первоначальная рукопись книги была вчерне написана.

По замыслу авторов, книга должна была в конспективном стиле дать энциклопедически широкое описание социальных процессов современного общества в динамике их развития, исходя из одного объяснительного принципа, положив в основу основ развития общества – коллективность. При этом неизбежно было освещение многих дискуссионных вопросов. Изначально новаторская, книга во многом должна была быть направлена против догм официальной социальной науки того времени. Однако издательство сразу же ограничило возможный объем книги и ее направленность – она должна была быть относительно небольшой и носить почти научно-популярный характер (быть доступной для восприятия широкими кругами читателей). Авторы учли эти обязательные для издания их книги требования, но внутренняя логика изложения и логика научного поиска авторов были сохранены, и книга получилась такой, какой и должна была быть – систематическим изложением теории коллективистского общества.

В процессе основной работы над книгой в 1985–1988 гг. рукопись *многokrатно* перекраивалась и редактировалась, и сейчас

¹ См. Приложение 5 настоящего издания. – Издатель.

очень сложно, а иногда и практически невозможно понять, где развивающаяся мысль авторов предложила действительно новое, более правильное понимание и изложение ими того или иного вопроса, а где редактирование изложения в силу различного рода обстоятельств привело либо к сильно завуалированному и потому более тяжелому для восприятия изложению, либо к искажению (пусть даже нюансному) истинной мысли авторов.

Напомним читателю, что книга писалась в годы перестройки (1985–1990 гг.), когда стремительность политических перемен не только постоянно открывала новые возможности более открытого и свободного изложения своих мыслей, но и стимулировала развитие словесных формулировок этих мыслей, и, в особенности, понятийное «оттачивание» их. Все это также постоянно требовало внесения новых изменений в, казалось бы, уже готовый текст. Более того, серьезность и масштабность поставленных проблем требовали абсолютной четкости и ясности формулировок, а потому редактирование велось до «каждой буквы», до «последней запятой».

Но были еще и формальные причины «жесткого» редактирования – написанные изначально достаточно детально и подробно, доказательно и аргументированно, рукописные тексты должны были быть «втиснуты» (без потери смысла, логики и доступности восприятия) в прокрустово ложе издаваемой книги – объемом не более 10 печатных листов. Это была сложная и неоднозначно решаемая задача.

Рассматривая все многообразие рукописных и машинописных текстов, появившихся в ходе работы над книгой, можно выделить четыре их типа: а) ранние, практически черновые наброски и бегло отредактированные тексты 1983–1986 гг., в основном воплощенные в первоначальной рукописи 1985 г. для издательства «Авотс»; б) первый вариант рукописи, быстро подготовленный для издательства Саратовского госуниверситета летом 1987 г.; в) второй (и в чем-то итоговый) вариант рукописи, отредактированный авторами с учетом замечаний по первому варианту (работа над ним шла с осени 1987 г. по весну 1988 г.) и полностью готовый для работы

редакторов издательства; г) кардинальную понятийную и терминологическую правку рукописи в 1990 г., начатую, но из-за смерти Захара Ильича незаконченную, а потому затронувшую только введение и часть первой главы.

Как и всегда при работе над монографией окончательным публикуемым вариантом должен был стать третий – окончательный вариант рукописи, «вылизанный» со всех сторон с учетом всех необходимых и всех возможных замечаний на второй вариант. Однако жизнь не позволила реализовать эти планы. Второй остался «основным», наиболее подготовленным авторами к изданию вариантом изложения их актуальных и сегодня идей и мыслей¹.

Поэтому за основу настоящей «мемориальной» публикации мы взяли рукопись 1988 года, подготовленную для издательства Саратовского госуниверситета, но снабдили ее дополнительными материалами, комментариями², а в ряде случаев и иными редакциями тех или иных моментов изложения.

Как это удалось, судить читателю.

¹ Здесь особо следует отметить своеобразный подвиг Галины Петровны, сумевшей найти в себе силы разобрать все эти материалы, систематизировать их, вложить в них свои комментарии и пояснения, а самое главное – сохранить их для потомков. – Издатель.

² Сноски, сделанные нами, подписаны «Издатель». Все другие сноски принадлежат авторам – З.И. Файнбургу и Г.П. Козловой. – Издатель.

ИСТОКИ НАУЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ КНИГИ, ЕЕ АВТОРЫ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

*Всякая история имеет свою предысторию.
Человек предполагает, а обстоятельства располагают.*
Г.П. Козлова

Фактическая история создания публикуемой книги, т.е. история формирования ее научного содержания, высказанных авторами идей и положений, научного поиска их аргументации и адекватного изложения, началась значительно раньше формального начала работы над книгой, чуть ли не на полвека ранее¹.

Истоки создания книги о становлении коллективистского общества надо искать в юности ее авторов – Захара Ильича Файнбурга и его основного соавтора, соратника и жены Галины Петровны Козловой...

Захар Ильич часто говорил и даже писал², что его жизнь как ученого-обществоведа была предопределена мартовскими днями 1938 года, когда с разницей в неделю были арестованы его родители – бывший первый председатель Хабаровского краевого суда Илья Львович Файнбург и бывшая заведующая промышленно-транспортным отделом Хабаровского крайкома ВКП(б) Раиса Захаровна Альперович³. К этому времени в доме, где жила семья Захара вместе с другими руководителями Хабаровского края, почти все его взрослые обитатели были арестованы. «Почему? Почему так произошло?» – вот вопрос, который не оставлял осиротевшего в 16 лет Захара ни на минуту, ни в детском доме, ни на фронте, ни в

¹ При написании этого раздела широко использованы материалы личного архива З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой, ее публикации и воспоминания. – Издатель.

² Во введении к своей книге «Не сотвори себе кумира... Социализм и “культ личности”»: (Очерки теории) Захар Ильич писал: «Мой отец и мать, как и многие старые коммунисты, погибли в 1938 году. Это предопределило круг моих интересов в науке: всю жизнь я занимался исследованием природы социализма – определенной ступени и формы развития общества». – Издатель.

³ Официально говорилось, что они осуждены на 10 лет без права переписки. На деле это означало, что их расстреляли. Сегодня мы знаем, что И.Л. Файнбург и Р.З. Альперович были расстреляны 26 мая 1938 г. Сегодня на месте массового захоронения репрессированных в г. Хабаровске стоит мемориальный комплекс, на гранитных стелах которого выбиты их имена. – Издатель.

годы учебы и работы. На этот мучительный для него вопрос Захар Ильич искал ответ всю свою жизнь до самой смерти, и пламя костра истории опаляло его лицо.

Но для решения этого личного вопроса сначала нужно было ответить на общие для всех вопросы: ЧТО ИЗ СЕБЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ¹? ПОЧЕМУ ОНО ТАКОЕ? ЕГО РЕАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ В СССР – АБСОЛЮТНО ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ «ИРОНИИ ИСТОРИИ»? КАКИМ ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ И КАКИМ ОНО МОГЛО БЫ БЫТЬ? КУДА ОНО ИДЕТ? КУДА ВМЕСТЕ С НИМ ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ЦЕЛОМ?

Судьба Гали Козловой мало чем отличалась от судьбы «сына врагов народа, безродного космополита» Захара Файнбурга. По ее словам, первым сохранившимся в памяти воспоминанием детства стал страх – расстреляли мужа тети (старшей сестры матери Гали), а саму тетю с ребенком (двоюродной сестрой Гали) сослали (1930 г.). Второе воспоминание – 1 декабря 1934 г., висят траурные флаги, кругом горе и страх – убили Кирова. Третье воспоминание – о том, как в 1938 г. горе и страх сменились ужасом: забрали мужа другой тети, стали исчезать соседи, их дети – товарищи Гали по школе. Потом посадили отца Гали. Вскоре он умер. Когда началась война, Гале было только 14 лет, но она видела уходившее прямо на фронт «московское ополчение, совершенно не подготовленное и не вооруженное», организованную сверху массовую эвакуацию и панику 16 октября 1941 г. в Москве, не работающие зимой 1941–1942 гг. школы г. Москвы и многое, многое другое, о чем никогда не говорили «тогда» и предпочитают не говорить до сих пор.

Галя была серьезной девушкой, ее безукоризненная логика и последовательный рационализм не позволяли ей говорить или думать «ни о чем», озвучивать столь характерную для многих словесную абракадабру. Ей всегда нужно было докопаться до сути, до скрытых, зачастую, механизмов действия... А суть социальных процессов была в экономике, в экономических отношениях, порождающих все остальные социальные отношения – от культуры быта до политики государства.

¹ Вопрос сформулирован от имени Захара Ильича, жившего в советском обществе и бывшего его ровесником: Он родился 24 января 1922 г. и умер 9 сентября 1990 г. Советский Союз просуществовал с 30 декабря 1922 г. до 26 декабря 1991 г. – Издатель.

Все это – конкретные факты жизни Захара и Гали, направленность и особенности их мышления, аналогичные судьбы их друзей и знакомых и многое другое предопределило выбор ими профессии, а затем и внутреннюю потребность ПОНЯТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ «СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА»¹, определить его историческое место в процессе развития общества, его «механизмы» развития, в том числе связанные с вечным диалектическим взаимодействием (борьбой) двух противоположностей – «индивидуальности» и «коллективности».

«... Жизнь подлинного ученого не слишком богата “внешними” событиями... Вся подлинная жизнь – все, что есть в нем необыкновенного, уникального – внутри: в том, как меняется видение этого мира, как ступень за ступенью погружаешься в его смыслы, как “скручиваешь” это видение мира в стройную, последовательную, даже изящную систему строгих научных понятий и категорий...», – писал о себе Захар Ильич. Вот и мы, чтобы понять как, зачем и почему сложилась книга о становлении коллективистского общества, публикуемая спустя четверть века после ее написания, пойдем по дороге формирования идей ее авторов.

При чтении опубликованных² и неопубликованных работ Захара Ильича и Галины Петровны, их заметок для самих себя хорошо видно, что вопрос о судьбах социализма и в глобальном масштабе, и в масштабах нашей страны был главной темой их жизни и творчества. Начиная с курсовой работы 1947 г. и до последних статей 1990 г. – все было в той или иной мере подчинено Захаром Ильичем этой теме. Сложно установить точно, но где-то с середины 60-х гг. XX в. она стала называться Захаром Ильичем практически во всех случаях и текстах как «историческое место социализма»³.

¹ Введя когда-то давно этот термин при описании творчества научного тандема Файнбурга – Козловой, мы преследовали цель точного и конкретного наименования того общества, в котором они жили и которое они анализировали. – Издатель.

² См. Научный тандем: Файнбург Захар Ильич – Козлова Галина Петровна // Библиографический указатель. Пермь: ПГТУ, 2004. 88 с. – Издатель.

Заметим, что ни одной написанной Захаром Ильичем книги, если не считать тоненькую книжку о механизации труда на лесозаготовках и «Диалектическую логику политической экономии социализма», он при своей жизни опубликованной не увидел. Такова была неприязнь апологетов власти к выдающемуся ученому и мыслителю. – Издатель.

³ Обратим внимание читателя, что для самого Захара Ильича и его современников использование слова «социализм» сплошь и рядом подразумевало «коллективистское общество». Для нас эти термины во многом расходятся, и под словом «социализм» многие понимают социализм советского образца, «советский социализм». – Издатель.

Понятие это, придуманное, скорее всего, им самим, не понравилось адептам официальной науки. «Историческое место империализма» В.И. Ленина было слишком широко известно и говорило об империализме как о последней стадии капитализма, т.е. о временном характере этой формации. По аналогии в «историческом месте социализма» ассоциативно чувствовались какие-то временные ограничения, а это было огромной ересью. Даже сейчас «историческое место империализма» упоминается в десятки раз чаще практически единичного и почти случайного употребления словосочетания «историческое место социализма». Но именно это словосочетание сознательно и не случайно использовал Захар Ильич для обозначения исторического места коллективистского общества в формационном развитии общества.

Рассматривая социальные процессы в их динамике, Захар Ильич всегда искал вызывающие их объективные экономические причины, опирался в своей методологии научного исследования на объяснительную и предсказательную силу теории марксизма, отвергая все его вульгарные и идеологизированные подделки, о которых он написал даже специальный очерк¹.

Но вернемся в далекие послевоенные годы, годы студенчества Захара Ильича и Галины Петровны. В ту пору (1945–1949 гг.) он был одним из лучших студентов экономического факультета МГУ, а за любовь к общей теории и творческие способности генерировать мысли самого высокого теоретического полета получил в студенческой среде очень характерную кличку – «Карл Маркс».

Условия развития человеческого общества, анализ его современного состояния, прогнозирование будущего – вот что уже тогда волновало Захара Ильича. И характерно, что курсовая работа студента 3-го курса Захара Файнбурга, написанная в 1947 г. в семинаре доцента А.А. Пальцева² по отделению теоретической политической экономии, открывается словами: «История человеческого общества – это история активного процесса между человеком и природой, история труда. Содержанием этого процесса является разви-

¹ Очерк «Марксизм, «предмарксизм», псевдомарксизм», несмотря на огромные сложности, был вставлен с подзаголовком «Идейные и социальные предпосылки "культ личности" Захаром Ильичем в свою книгу «Не сотвори себе кумира... Социализм и "культ личности": (Очерки теории)». М.: Политиздат, 1991. – Издатель.

² А.А. Пальцеву – «дорогому Учителю» – посвятили З.И. Файнбург и Г.П. Козлова свою монографию «Диалектическая логика политической экономии социализма». – Издатель.

тие общественных производительных сил, формой – развитие производственных отношений».

Дипломная работа Захара Файнбурга, написанная в 1948–1949 учебном году, называлась «К вопросу о создании экономических основ высшей фазы коммунизма в СССР» и была посвящена экономическим основам перехода от социализма к коммунизму. Работа состояла из традиционных введения, заключения и трех глав, выделяющих основные моменты исследования: Глава I. Социализм и коммунизм; Глава II. Перерастание социалистического производства в коммунистическое; Глава III. Создание в СССР бесклассового коммунистического общества.

В этом членении на главы и в их названиях, сформулированных в терминологии того времени, зафиксирован подход Захара Ильича к исследованию природы социализма, как первой фазы развития общества коллективистского типа. **Сначала шел анализ сущности коллективистской формации, затем рассматривался основной движущий фактор развития и само развитие, завершалось это анализом результата этого развития.** По своей сути, такая логическая последовательность научного анализа, вытекающая из сущности общественного развития и марксовской методологии его исследования, сохраняется и во всех последующих работах Захара Ильича, посвященных становлению коллективистского общества. Конечно, понимание им этих проблем, понятийный и терминологический аппарат их осмысления и изложения, многие детали и конкретика анализа менялись, но центральная суть («ядро основной структуры») оставалась в чем-то неизменной.

Официозная наука того времени повторяла мысли партийных документов о полной и окончательной победе социализма (1936 г.), о разворачивании строительства коммунизма в СССР (1939 г.). Но в дипломе никаких акцентов на эти высказывания не делается. Студента Файнбурга волнует другое, и в своем дипломе он цитирует конспект В.И. Лениным работы К. Маркса «Критика Готской программы»: «... I – “долгие муки родов”; II – “первая фаза коммунистического общества”; III – “высшая фаза коммунистического общества”». И еще, ссылаясь на работу В.И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», цитирует фразу «... Максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах». (Подчеркнуто карандашом уже для себя).

По нашему мнению, Захар Ильич уже тогда (в конце 40-х годов) осознавал (или интуитивно чувствовал), что «долгие муки родов» продлятся еще более чем долго, что революция в одной стране слугит в первую очередь в чем-то лишь для побуждения революционных процессов «во всех странах». В своих лекциях 80-х годов XX в., в том числе публичных, Захар Ильич открыто говорил, что В.И. Ленин и другие теоретики социалистической революции знали о возможности лишь временных успехов социалистической революции в нашей стране. Недаром Захар Ильич искал этому доказательства и нашел их в романе видного революционера А. Богданова (А.А. Малиновского) «Красная звезда». Вот что писал Захар Ильич в письме своему другу Л.М. Адлеру¹:

«(1)...Книжка А.А. Малиновского (А. Богданова) является свидетельством того:

(а) Что неотвратимость социализма в одной стране (России!!) была выяснена уже в 1905–1907 гг.;

(б) Что неизбежность деформации социализма является фактом (речь идет не о второстепенном, а о главном; речь идет не о технике, не об экономике и политике только – речь идет о главном – в людях налицо худшее, о чем предупреждал К. Маркс: комплекс “пропущенной формации”); = однако история не дает выбора;

(в) Что “шуметь” об этом не имеет никакого смысла: историю надо пережить, ибо учебник о непрожитой истории, который бы компенсировал непрожитое, невозможно ни сочинить, ни выучить;

(г) Что попытаться смягчить неизбежное можно и нужно – но как?

Все разговоры об авантюризме в 1917 г. основаны на недостатке информации: все уже было обдуманно и обговорено еще лет за 10 до самих события. Участвовал в этом обсуждении узкий круг хорошо знавших друг друга партийных интеллигентов, не чуждых теории: В.И. Л[енин], Л.Б. Красин, А.А. Малиновский и некоторые другие (конечно, предположительно, ибо никаких публикаций по этому вопросу не было), но кто уж точно в них не участвовал – так это И.В. С[талин], Л.Д. Т[роцкий], Н.И. Б[ухарин], не говоря о более молодых, Из тех, кто потом участвовал в борьбе за власть в 20-е гг. в этих разговорах мог бы участвовать (и то весьма сомнительно) только Л.Б. Каменев.

¹ Из письма Л.М. Адлеру от 17 августа 1987 г. – Издатель.

В чем-то самом главном они знали, что нас может ожидать (хотя и в самом общем виде), однако полагали, что это и есть единственно возможный путь реальной истории – в отличие от идеальной.

Предыдущий формационный переход в 17–19 вв. был долгим, грязным и кровавым. Новый мог что-то “сбавить” в этих качествах, но не мог быть “совсем наоборот”.

(2) Есть в чем-то главном единые законы формационного развития и формационного перехода. Учебники эпохи И.В. С[талины] об этом тщательно молчат, ибо могли бы всплыть разные нехорошие слова: первоначальное накопление, бонапартизм, термидор, насилие как повивальная бабка истории и т.п.

Важно найти закономерное – за всей мозаикой групп и их борьбы, персонажей, ходов в политических шахматах, идеологических однодневок, провозглашавшихся “вечными истинами” и т.п.).

Но вернемся в 1949 г. Дипломная работа Захара Файнбурга вызвала скандал – студент фактически доказывал невозможность перехода к коммунизму при отсутствии материальных условий для этого. Ожесточение рецензента вызвало не столько то, что студент Захар Файнбург был сыном врагов народа и безродным космополитом, но то, что он затронул проблему противоречий при социализме, тогда как официальная наука считала, что противоречия могут быть лишь при капитализме. Горы книг были написаны о противоречиях капиталистического общества, но о противоречиях социалистического общества не говорили, на их исследование было наложено негласное табу – трогать эту тему было небезопасно.

Вместе с тем определить историческое место какого-либо общества и пути его развития без анализа механизмов этого развития, его противоречий невозможно, ибо «противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения»¹.

Хрущевская оттепель середины 50-х годов XX в. реабилитировала родителей Захара Ильича, прекратила чрезмерное преследование «безродных космополитов», «разморозила» творческую мысль и научную жизнь.

Захар Ильич начинает работу над кандидатской диссертацией, посвященной механизации труда, рассматривая механизацию труда как один из движущих элементов развития общества и личности

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 265. – Издатель.

работника. Один из первых вариантов¹ диссертации фактически продолжал линию дипломной работы и был достаточно сильно теоретическим. Затем под влиянием обстоятельств работа стала принимать все более конкретно экономический характер, насытилась статистическим материалом собственных исследований уровня механизации труда в лесной промышленности. Самая первая научная статья З.И. Файнбурга была опубликована в 1955 г. Она была посвящена конкретным вопросам механизации труда по тематике его кандидатской диссертации.

Но уже в 1957 г. Захар Ильич публикует свою первую теоретическую статью о противоречиях при социализме – «К вопросу о противоречиях при социализме»². Опубликованная в сборнике трудов кафедры общественных наук малоизвестного провинциального Поволжского лесотехнического института, она прошла незамеченной.

Широкое научное признание результатов многолетней работы по изучению влияния технического прогресса на характер труда пришло к З.И. Файнбургу и Г.П. Козловой в 1963 г.

Сначала на научной конференции «Закономерности строительства коммунистической экономики и их использование в народном хозяйстве СССР на современном этапе» 22–26 января 1963 г. был сделан доклад «Технический прогресс и изменения в характере труда при переходе от социализма к коммунизму», изданный затем Институтом экономики АН СССР отдельной брошюрой в 2 п.л. (но на правах рукописи).

Затем в журнале «Вопросы философии» (1963 г., № 3) увидела свет знаменитая статья «Изменение характера труда и всестороннее развитие человека», в том же году переизданная в ГДР и ПНР.

Заметим, что впервые осуществленный З.И. Файнбургом и Г.П. Козловой на эмпирическом материале «микрoанализ труда» оказался эвристически содержательным, открыв дорогу социологическим исследованиям в области образования, культуры, социального планирования и др. Неудивительно, что З.И. Файнбург был

¹ Думается, что самый ранний из сохранившихся вариантов диссертации был написан еще в 1954 г. – Издатель.

² Файнбург З.И. К вопросу о противоречиях при социализме // Сборник трудов кафедры общественных наук / Поволжск. лесотехн. ин-т. Йошкар-Ола, 1957. Вып. 1. С. 45–60. – Издатель.

одним из тех, кто в начале 60-х гг. XX в. начал возрождение социологии в СССР.

Интересной работы было очень много, научных проблем – масса, все они были актуальны, требовали решения. Казалось, времени на рассмотрение «непопулярных», если не сказать «запретных», тем вообще не было, но вопрос о движущих силах коллективистского общества не оставлял мысли Захара Ильича.

Обобщая и развивая свои идеи, он пишет вторую статью о противоречиях и посылает ее строго по адресу (ведь противоречие – одна из основных категорий диалектической философии) – в журнал «Вопросы философии». Но получив частное письмо от благожелательно относящегося к Захару Ильичу сотрудника журнала «Вопросы философии» (от 5 марта 1965 г.): «Ваша статья была нами поставлена на обсуждение, но по существу дела не обсуждалась, хотя и были высказаны возражения против основной точки зрения. ... было решено провести в журнале силами трех отделов – истмата, диамата и научного коммунизма дискуссию по проблеме противоречий, а Вашу статью пока отложить, но использовать как одну из публикаций по ходу дискуссии. Когда будет дискуссия, сказать трудно, очевидно до лета ее организовать не удастся, так как намечен уже ряд симпозиумов и обсуждений. К предполагаемой дискуссии надо готовиться всерьез ...», Захар Ильич понял, что публикация не состоится. Пришлось обращаться в другой журнал.

Наконец, в 1966 г., т.е. спустя почти десятилетие после публикации первой статьи, вторая статья Захара Ильича о противоречиях при социализме – «К вопросу об основном противоречии социализма» – была опубликована в журнале «Экономические науки»¹. Ей повезло больше — ее заметили.

А затем, только через 22 года (!) после публикации второй статьи, Захар Ильич получает возможность опубликовать свою третью статью на эту тему – «Противоречия коммунистической формации: сущность и методология исследования»².

¹ Файнбург З.И. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. 1966. № 6. С. 14–24. – Издатель.

² Файнбург З.И. Противоречия коммунистической формации: сущность и методология исследования // Противоречие как источник развития: межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Проблемный совет по материалист. диалектике. Л., 1988. С. 97–111. (Проблемы диалектики. Вып. XIII). – Издатель.

В 1966 г. З.И. Файнбург стал членом правления Советской социологической ассоциации, вошел в только что созданный Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, уже несколько лет успешно заведовал кафедрой, руководил лабораторией социологии.

В этой обстановке, учитывая перспективы защиты докторской диссертации, для которой требовалось наличие монографии, в мае 1966 г. Захар Ильич набрасывает план-проспект своей возможной книги¹. И какой! Большинство здравомыслящих людей того времени на его месте, наверное, посвятили бы ее экономическим и технико-организационным вопросам механизации труда, развитию культурно-технического уровня трудящихся, облачили бы все это в идеологически господствующие тогда одежды, «насыпали» бы в текст цитат² из различных директивных документов и речей политического руководства страной.

Однако Захар Ильич никогда не был представителем официальной науки, не был цитатчиком и популизатором³, его интересовали реальная действительность и реальные механизмы функционирования и развития общества. Как теоретик и истинный ученый, Захар Ильич писал о том, что он всесторонне исследовал, неизменно сопоставляя идеал и реальность, общие принципы с их применением, с практикой⁴.

¹ См. прил. 1. – Издатель.

² Существовал даже специальный негласный термин для описания этого процесса – «брежневизация», т.е. искусственное наполнение текста цитатами из докладов Л.И. Брежнева. – Издатель.

³ Популизаторами негласно называли лакействующих псевдоученых, занятых зачастую только примитивной популяризацией решений партии. – Издатель.

⁴ Интересно отметить, что научный поиск З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой постоянно опережал развитие официальной науки. Приведем лишь один пример. С середины 60-х годов они, кроме всего прочего, занимались исследованием таких проблем, как (1) изменение характера труда под воздействием научно-технического прогресса, (2) социальное планирование и (3) образ жизни, зачастую сталкиваясь с непониманием важности этих работ. Но, когда в 1976 г. на XXV съезде КПСС именно эти направления исследований были признаны тремя важнейшими направлениями развития общественных наук, всем сразу стало нужно ими заниматься. В это время рукопись статьи Захара Ильича и Галины Петровны «Становление нового исторического типа труда» **давно уже** находилась в редакции журнала «Экономические науки» (как будто предвосхищая события) в «подвешенном состоянии» неопределенности ее судьбы. И в мгновение ока она стала **очень** нужна и не пошла, а «полетела» в печать (Экономические науки. 1976. № 5. С. 19–30). Публикаций на эту тему практически не было, тематика статьи была до такой степени актуальной, что статью в том же 1976 г. включают в единые по всей стране списки рекомендуемой студентам литературы.

Летом 1984 г. в деревне на отдыхе в своем дневнике после вечернего разговора на крыльце с Захаром Ильичем об их вкладе в науку, Галина Петровна записала: «...В нас оказалась способность, которая свойственна истинно исследовательскому духу: идти впереди потребностей...». – Издатель.

Вопрос, который его волновал, – историческое место социализма – является кардинальным вопросом современности до сих пор!

Сохранился только один, но очень важный листок с записями «для себя» первоначального замысла будущей книги «К вопросу об историческом месте социализма (Опыт теоретической постановки проблемы)», на котором изложены: «I. Методологические аспекты проблемы: – проблема оценки исторической эпохи с позиции ЦЕЛИ и с позиции СОСТОЯНИЯ, ДВИЖЕНИЯ. Конкретные постановки: конструирование (утописты), экстраполяция (наука); – проблема качественных изменений состояния, критериев, стимулов и т.п. Проблема диалектического отрицания; – проблема имманентных противоречий как единственного источника развития. Соотношение понятий “противоречие” и “недостаток”; – проблема точки зрения при анализе. Ретроспекция, как позиция научного анализа; – проблема предвидения: будущее с точки зрения настоящего и будущее с точки зрения будущего. Социальные утопии XIX века и XX век».

Окончательный план-проспект книги, составленный Захаром Ильичом, состоял из тринадцати (!) глав-очерков под общим названием «Историческое место социализма: социально-экономические очерки». Социализм должен был рассмотрен в них как самодвижущаяся, саморазвивающаяся социальная система, в которой взаимосвязаны «внутренние механизмы» самодвижения и такой «внешний фактор», как планомерность. Отдельные очерки посвящены основному противоречию социализма, диалектическому отрицанию при переходе от капитализма к коммунизму, «разграничительным линиям» этапов развития коммунистической формации. Специально рассмотрены разделение труда и его характер, исторические формы индивидуального потребления, проблема стимулов, а также социально-классовая структура, движение от «цивилизации вещей» к «цивилизации людей», культура и идеология, формирование личности. Высшая фаза коллективистского общества – коммунизм – рассматривается последовательно и как цель, и как состояние, и как процесс.

Но книга не пошла. Абсолютно неприемлемым оказалось даже само название – оно было нетрадиционным, и в нем чувствовалась какая-то скрытая «ересь». Формально название вызывало, казалось бы, только недоумение: не оговорка ли это? Термин «историческое

место империализма» хорошо был знаком, но «историческое место социализма» – неизвестно. Но за недоумением скрывались опасения. Если это оговорка, то ее надо исправить, а если это не оговорка, то на что претендует автор? Историческое место империализма, как было известно всей официальной советской науке, на свалке истории! Это пройденный этап общества. Наш социализм – единственно верный и самый лучший путь социального развития в мире! О чем хочет сказать автор, применяя термин «историческое место социализма»? О преходящем значении социализма? Но это огромная «ересь», а место ереси и еретикам – в очистительном огне костров, сжигающих рукописи, книги и их авторов.

Не оставляя своей генеральной идеи, Захар Ильич начинает исследовать коллективистское общество как целостную систему с позиций влияния на него научно-технической революции, что позволило несколько изменить терминологию и внешнюю риторику рассуждений, но не менять направленность анализа.

В августе 1966 г. Захар Ильич пишет в издательство «Мысль» письмо с просьбой включить в план издательства на 1968 г. его книгу «Человек и машина в коммунистической формации». Начинаются переговоры и переписка. Сохранился ответ из издательства «Мысль» от 3 октября 1967 г. В нем, в частности, говорилось: «Мы обсудили в редакции новый вариант проспекта Вашей работы. Так же как и первоначальный вариант, он вызвал у наших товарищей очень много вопросов и возражений. ... Вполне возможно, что в процессе написания работы многое будет уточнено, прояснено, и наши недоуменные вопросы отпадут. Мы готовы ознакомиться с рукописью, когда она будет завершена, и после этого решить вопрос о ее издании»¹.

Видимо, сразу после этого (и для отчета о творческом отпуске) Захар Ильич составляет план работы над книгой на 1968–1970 гг. Книга должна было состоять из «Введения», 6 глав, «Заключения» и «Приложений». Была ли книга написана так, как она задумывалась, мы не знаем, но то, что книга З.И. Файнбурга под таким названием («Человек и машина в коммунистической формации») не была никогда опубликована, знаем точно.

¹ Мы приводим этот ответ, ибо он типичен для ответов Захару Ильичу из редакций центральных издательств на его предложения об издании той или иной книги. – Издатель.

Заметим, что аналогичная судьба (невозможность публикации) годом ранее постигла другую книгу Захара Ильича, в чем-то дополняющую его системное исследование влияния научно-технического прогресса на развитие социалистического общества, – книгу об утопии как средстве образного моделирования социального развития общества, и о различных моделях будущего общества¹.

В своей докторской диссертации по философии (1972 г.) «Развитие социалистического общества и научно-техническая революция»² Захар Ильич описал, каким образом изменения в технике и технологии производства изменяют трудовые функции работника (функциональное содержание труда), как это приводит к изменениям социального характера труда, его организации, как это неизбежно требует от работника иного типа образования и культуры, иного типа сознания – научного (а не религиозоподобного), как все это ведет к развитию личности, которая, в свою очередь, преобразует мир, общественное производство, общественные отношения.

Это была целостная системная концепция развития, подкрепленная прекрасным теоретическим и эмпирическим материалом.

В отзыве сектора исторического материализма Института философии АН СССР от 6 апреля 1972 г., подписанном руководителем сектора, известным ученым профессором В.Ж. Келле, говорится, что работа посвящена разработке ключевых проблем развитого социалистического общества и в целом носит творческий, исследовательский характер. При этом постановка многих новых дискуссионных проблем в работе составляет ее достоинство, поскольку вытекает из реальной практики развитого социалистического общества. Особым достоинством работы является последовательное применение принципа историзма. Центральной категорией, вокруг которой разворачивается весь анализ проблемы, является труд.

Диссертант, опираясь на ряд идей К. Маркса, сформулированных в «Экономических рукописях 1857–1859 годов», обосновывает вывод о коренном сдвиге в самой сущности общественного мате-

¹ Книга под названием «Миражи современной утопии (Утопия в облике научной фантастики)» была включена в план «Политиздата» на 1974 г. (позиция № 21. Объем 10 п.л. Тираж 50 тыс. экз.), собрала заказы, превышающие тираж, но по идеологическим причинам не была издана. Спустя много лет, в январе 2007 г. она была издана нами под ее первоначальным названием «Предвидение против пророчеств» (Пермь: ПГТУ, 2007. 280 с.). – Издатель.

² После долгих мытарств поиска места защиты диссертация была блестяще защищена в 1972 г. в Ростове-на-Дону. – Издатель.

риального производства, открывающего перспективу «подлинной истории» человечества. При этом автор дает своеобразную трактовку этих идей К. Маркса.

Автор стремился, во-первых, дать целостную, системную картину развития социалистического общества под воздействием научно-технической революции. Во-вторых, раскрыть процесс развития социалистического общества в его самодвижении. В-третьих, построить свое исследование как социально-прогностическое. В заключение автор дает обобщающую характеристику исторического места социализма, ставит проблему критериев развития коммунистического общества.

На предзащите диссертации профессор Е.Я. Режабек особо подчеркнул то, что диссертант видит социальную направленность социализма в реализации гуманизма, выступающего как сущностный критерийный признак, и целей и средств социалистического строительства.

На защите диссертации официальный оппонент профессор В.А. Ядов в своем отзыве особо отметил мощь теоретической концепции диссертанта: на представительном эмпирическом материале был показан процесс, в ходе которого следствие этого процесса – развитие личности – само в свою очередь становится причиной, импульсом развития производства и общества, образуя основной цикл самодвижения общества.

Эту блестящую и конструктивную теоретическую концепцию нужно было публиковать. И вот на материалах своей докторской диссертации Захар Ильич готовит рукопись монографии, которой заинтересовалось издательство «Мысль». Под названием «Научно-техническая революция и развитие социалистического общества» книга была включена в план (М.: Мысль, 1975. План изданий, № 57. 18 п.л. Тираж 15 тыс. экз.), но так и не была издана...

Почему? А потому, что, исходя из однотипности материально-технической базы современного капитализма, переживавшего тогда бурную научно-техническую революцию, и социализма, тогда уже переходящего к застойной стагнации, автор утверждал, что реальный социализм, опаздывая с научно-технической революцией, все сильнее отстает и в целом проигрывает экономическое соревнова-

ние двух систем, а это чревато социальными потрясениями¹. Такого вывода редакция принять не могла...²

Начиная с 1967 г. Захар Ильич тяжело болел, но никакого толкового диагноза и лечения терапевты предложить не могли, ему становилось все хуже и хуже. В конце мая 1974 г. в критическом состоянии, на грани жизни и смерти, Захар Ильич был доставлен скорой помощью к хирургам. Больной был в очень плохом состоянии и его долго (около месяца) готовили к сложной операции. Не зная исхода операции и окончательного диагноза, лежа на больничной койке, Захар Ильич почти непрерывно писал свое творческое научное завещание и записал целую общую тетрадь³. Это позволило «суммировать» мысли, и когда его успешно прооперировали, то, начиная в чем-то новую жизнь – докторская диссертация была защищена, диагноз был поставлен, операция прошла успешно, – Захар Ильич концептивно пишет своеобразный научный манифест всего того, чем занимался и чем будет заниматься дальше, манифест, кратко, но систематически излагающий его целостные научные представления о коллективистском обществе – план-проспект книги «Социализм: Краткий конспект системной трактовки явления»⁴.

Книга, называемая автором «Конспект», должна была содержать четыре крупных раздела: I. Философия. II. Политэкономика. III. Социология. IV. Сознание и социальное самосознание (раздел II и некоторые части раздела III должны были быть написаны в соавторстве с Г.П. Козловой).

Автор так характеризовал эту работу: «Работа представляет собой попытку краткой конспективной характеристики социализма как специфического исторического этапа развития общества. Основным замыслом был **системный** (целостный) анализ социализма.

¹ Захар Ильич не был предсказателем или ясновидящим, но его безукоризненный, основанный на безошибочной научной методологии марксизма анализ механизмов и тенденций социального развития всегда подводил его к правильным выводам. Уже через 15 лет советский социализм и тесно связанный с ним социалистический лагерь рухнули, проиграв соревнование двух систем, так ничего и не противопоставив стремительно развивающейся экономике постиндустриального общества. – Издатель.

² Когда спустя десять лет (!) в СССР началась перестройка, идеи Захара Ильича, ранее абсолютно неприемлемые, стали востребованными и в сжатом виде были опубликованы в работе: Научно-технический прогресс и совершенствование социалистических производственных отношений. М.: Знание, 1987. 64 с. – Издатель.

³ Эта программа до конца так и не была реализована – творческих планов и мыслей оказалось больше, чем срок, отведенный на их реализацию жизнью. – Издатель.

⁴ См. Приложение 2 к настоящему изданию. – Издатель.

На абсолютную полноту не может рассчитывать ни одна энциклопедия, а тем более, – монографическое исследование, каковым является наш конспект.

Ряд вопросов прорабатывался нами ранее в уже опубликованных работах, ряд вопросов в конспекте прорабатывается впервые. При этом разные привходящие соображения не принимались во внимание, так как конспект написан для уяснения вопроса самому себе, для систематизации своих представлений по этой проблеме. В конспекте излагается только теоретический аспект проблем, причем изложены преимущественно постулаты: аргументация в развернутом виде в тексте изложения отсутствует. Такого рода аргументация содержалась в работах, послуживших нам источниками для данного конспекта. Но и в тех случаях, когда какие-либо постулаты приводятся впервые, подробную аргументацию мы вынуждены в тексте конспекта снять из-за ограниченности его размеров, не оставляя надежды воспроизвести ее в других публикациях.

Охарактеризованное выше отношение к изложению в тексте конспекта аргументации его основных постулатов обусловило и минимальное количество ссылок на литературные источники. Конспект опирается на очень большое количество литературных источников, но воспроизвести здесь все ссылки на них практически невозможно».

О серьезности намерений Захара Ильича написать эту работу говорит и приведенный после плана «Примерный расчет объема работы» – на 10, 15, 17 п.л. Работа должна была иметь 40 параграфов (разделов) примерно по 6–10 страниц на раздел. Интересно отметить, что ни до, ни после в его рукописях мы не находим столь детального планирования будущей работы. И жаль, что она в полном объеме так и не состоялась и не была опубликована¹.

Несмотря на невозможность публикации своей уникальной концепции в полном виде, Захар Ильич продолжает работать, про-

¹ Вообще, с публикациями у Захара Ильича всегда были проблемы – он был новатором, а новаторские работы большинству редакторов не нравились, были опасны, и их отклоняли под тем или иным благовидным предлогом. Самая «эшелонированная оборона» была при публикации монографий – здесь размеренно и длительно (как правило, три года) шла работа, рецензентами четко усматривалась общая идея монографии, «карающим мечом» твердо отсекалась «ересь». Монографии Захара Ильича не «шли». Шли статьи, и то чаще всего в сборники трудов, где идеологическое давление на составителя сборника было гораздо меньшим. Практически все опубликованные статьи Захара Ильича обязаны своим выходом в свет отдельным выдающимся редакторам и их упорной борьбе с начальством за публикацию. – Издатель.

должает думать и писать. Поскольку в его докторской диссертации социализм был детально рассмотрен как целостная система с позиций научно-технической революции, то теперь Захар Ильич решил более подробно рассмотреть социализм с другой точки зрения – с точки зрения его исторического места.

В 1977 г. Захар Ильич набрасывает введение к предполагаемой книге об историческом месте социализма. Текст этого эмоционально написанного введения настолько характерен для стиля мышления Захара Ильича, что мы публикуем его полностью в виде еще одного введения к публикуемой книге под наименованием «Введение 1977 г. к возможной книге “Социализм. Краткий конспект концепции”». Но сама книга так и не состоялась...

Серьезное изучение исторического места социализма логически потребовало анализа его экономической системы, источников ее развития и самодвижения. Поэтому после защиты докторской диссертации и под влиянием Галины Петровны Захар Ильич возвращается к исследованию экономических отношений в обществе, продолжает логическую линию статей о техническом прогрессе и изменениях в характере труда, об основном противоречии социализма. Итог этой многолетней (фактически с 1958 г.) совместной работы Захара Ильича и Галины Петровны по исследованию проблем политической экономии социализма и, прежде всего, нового исторического типа труда¹ подвела изданная в 1982 г. книга «Диалектическая логика политической экономии социализма»².

В книге было рассмотрено применение принципов диалектической логики к политической экономии социализма и, исходя из них, обоснован понятийно-категориальный «каркас» политэкономии социализма как целостного, системного знания. При этом было прослежено единство и различие логики «Капитала» К. Маркса и логики политэкономии социализма.

В качестве определяющего (основного) экономического отношения социализма авторы приняли **коллективность** – если в буржуазном обществе господствующей категорией является *капитал*,

¹ Философские аспекты разрабатывались преимущественно З.И. Файнбургом, политэкономические – Г.П. Козловой. – Издатель.

² Поскольку технические вузы не имели тогда, по указанию М.А. Суслова, права печатать работы гуманитарного характера, издание было осуществлено в издательстве Саратовского университета. – Издатель.

то в обществе, отрицающем буржуазность, такой категорией является *коллективность*.

«Кстати, еще представители утопического социализма (и, в частности, Н.Г. Чернышевский) в определенном смысле отождествляли социализм и коллективность. В весьма любопытной, хотя и не марксистской книге М.И. Туган-Барановского “Социализм как положительное учение” (Петроград, 1918) одна из глав, а именно 3-я, так и называется: “Государственный социализм (коллективизм)”. В известном и многократно переиздававшемся в 20-е годы учебном пособии “Курс политической экономии” А.А. Богданова и И.И. Скворцова-Степанова раздел о социализме назван “Коллективистический строй”. Даже буржуазные ученые не сомневаются в том, что определяющая черта нашего общества – коллективность.

Коллективность давно проявилась и реализуется в практике социалистического строительства: если бы коллективность не была “разлита” во всей толще общественных отношений, социализм не был бы социализмом», – писал Захар Ильич.¹

Размышляя о коллективности, Захар Ильич и Галина Петровна использовали мысль К. Маркса о формальном и реальном подчинении труда капиталу. Их интересовал вопрос: каким образом формальная коллективность (и соответствующая ей государственная собственность) развивается, превращаясь в реальную коллективность (и соответствующую ей общественную собственность)?

Так возникла идея новой книги, развивающей и продолжающей идеи «Диалектической логики политической экономии социализма», в которой можно было бы рассмотреть социалистическое общество как целостную систему с позиции коллективности, определяя уровень «развитости социализма» уровнем развития реальной коллективности. Эта идея требовала воплощения. И оно не заставило себя ждать.

Весной 1982 г., находясь в Институте повышения квалификации в Москве, Захар Ильич познакомился с интересным и умным человеком – Микелисом Георгиевичем Ашманисом, заведующим кафедрой научного коммунизма Латвийского государственного

¹ Файнбург З.И. Теория социализма и вопросы практической направленности проекта новой Программы КПСС: замечания и предложения. 20 с. Были отосланы бандеролью 15.12.1985 г. М.С. Горбачеву как Председателю комиссии по подготовке новой редакции Программы КПСС. Судьба этих замечаний и предложений неизвестна. – Издатель.

университета. Они подружились, ибо у них было много общего. Как-то (но много позже) М.Г. Ашманис писал Захару Ильичу¹: «...Думая о путях разрешения задач повышения эффективности преподавания нашей науки, а, говоря языком человеческим, просто добываясь нормально-логического, а не апологетического изложения, мне кажется, что весь курс, каждую тему и вопрос темы надо было бы строить на анализе противоречий...». Но именно это мог сделать Захар Ильич. Родилась идея о том, что Захар Ильич приедет в Ригу и прочитает там специальный курс лекций, излагаемый именно нормально-логически и системно с позиций анализа противоречий по всем вопросам теории социализма.

Однако быстро это осуществить не удалось. Только в декабре 1982 г. дело сдвинулось с мертвой точки, ибо: «... Наш университет поставлен на режим жесткой экономии средств, и, несмотря на мои усилия, приглашение, незапланированное своевременно, осуществить не удалось. На следующий год я записал приглашение Вас в план. Очень хочется надеяться, что Вы сможете найти возможность для поездки в Ригу».²

И вот, уже в январе 1983 г., ректор Пермского политехнического института получает письмо от ректора Латвийского государственного университета с просьбой командировать в октябрь-ноябре данного года З.И. Файнбурга на 10 дней в Ригу для прочтения лекций на тему «Историческое место социализма, этапы его развития» в объеме 20 часов для студентов и преподавателей.

В ответ ректора Пермского политехнического института о принятии приглашения прочитать спецкурс «Историческое место социализма» Захар Ильич включает просьбу рассмотреть вопрос об издательстве через Латвийский государственный университет³ спекта этого спецкурса.

Но именно это оказалось делом совсем не простым: «...В письме Вашего института кроме сообщения о согласии на Ваш приезд высказано предложение издать у нас спецкурс Ваших лекций. Мы были бы счастливы это сделать, но как и остальные

¹ Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 11 июля 1986 г. – Издатель.

² Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 21 декабря 1982 г. – Издатель.

³ В это время технические вузы не имели права издавать научную литературу по общественным наукам, только университеты, и то не все! Издание книги через Латвийский госуниверситет было бы неплохим выходом из этой ситуации. – Издатель.

провинциальные вузы, с некоторых пор лишены права издавать учебную литературу по общественным наукам, дабы, вероятно, провинциальная пыль не затмила сияния блистательных изданий столицы... Если в этом отношении что-нибудь полегчает, или мы придумаем, как запрет обойти, а об этом мы думаем очень старательно, то мы, конечно, с радостью издадим Ваш спецкурс. Может быть, Вы напишете, каков он по объему или, если у Вас есть его проспект, пришлете один экземпляр, чтобы было что-то определенное, по поводу чего вести разговоры»¹.

Летом 1983 г., находясь на отдыхе в Кужах², Захар Ильич стал готовиться к циклу этих лекций, набрасывать их конспект.

Папка, сохраняющая и сейчас бумаги того времени, называется «Историческое место социализма» и надписана внизу «Пермь–Кужа – 1983». В ней первые наброски плана рукописи книги Захара Ильича и Галины Петровны «Историческое место социализма (методологический аспект проблемы)»³. У рукописи есть подзаголовок «*Монографическое изложение содержания специального курса лекций*». При этом прилагательное «монографическое» заменило первоначально написанное прилагательное «конспективное».

О серьезности намерений авторов говорят и набросанные карандашом рукой Захара Ильича на обороте титульного листа два варианта эпитафии будущей книги:

<p><i>Памяти поколения Основателей и Учителей – трагически ушедшего в расцвете творческих сил накануне великого испытания, к которому они готовились и к которому они были готовы...</i></p>	<p><i>Памяти поколения Основателей и Учителей – почти целиком трагически ушедше- го в расцвете творческих сил в то время, когда их дело востор- жествовало... и когда оно оказалось на пороге великого испытания, к которому оно готовилось и к кото- рому оно было готово...</i></p>
--	---

В содержании этих эпитафий хорошо видны «постоянные» мысли Захара Ильича, во-первых, о трагически погибших в сталин-

¹ Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 26 марта 1983 г. – Издатель.

² Кужа – краткое наименование маленького поселка Кужинский в Марийской республике, где летом жили, отдыхали и работали над рукописями Захар Ильич и Галина Петровна. – Издатель.

³ См. Приложение 4 к настоящему изданию. – Издатель.

ских застенках революционерах, среди которых были и его родители, и, во-вторых, о трагическом начале войны, в котором он участвовал сам, как красноармеец, и которого не было бы, если бы эти революционеры были живы. Фактически он постоянно думал о причинах и того, и другого – искал понимание именно такого, далеко не лучшего, хода нашей истории.

Подготовленный спецкурс лекций «Историческое место социализма» Захар Ильич прочитал в Риге с 15 по 25 ноября 1983 г. Его слушали помимо преподавателей Латвийского государственного университета преподаватели из других вузов республики и сотрудники Академии наук Латвийской ССР.

В благодарственном письме на имя ректора Пермского политехнического института от 12 марта 1984 г. отмечалось, что проф. З.И. Файнбург оказал своим содержательным спецкурсом, который блестяще читал, своими выступлениями¹ и консультациями на кафедрах научного коммунизма, политической экономии и философии большую научно-теоретическую и методическую помощь. Кроме того, Захар Ильич выступил на республиканской конференции «Проблемы исследования и пропаганды социалистического образа жизни».

Спецкурс вызвал большой интерес, и в конце 1984 г. рижское издательство «Авотс» («Вперед») по рекомендации М.Г. Ашманиса приняло предложение опубликовать содержание этого спецкурса в книге «Коллективистское общество. Утопия. Теория. Реальность» (Популярный очерк исторического места коммунистической формации)². Однако авторам было предложено учесть, что издательство «Авотс» является издательством массово-политической книги, рассчитанной на широкий круг читателей, а потому объем книги не должен превышать 10 п.л.

В письме от 15 апреля 1985 г. пробывающий публикацию М.Г. Ашманис писал Захару Ильичу: «...Очень был рад получить Ваше письмо с сообщением, что Вы вернулись в строй и, как Вы пишете, не только читаете лекции, но и “портите бумагу”. Это у Вас очень здорово получается. С интересом жду результатов. В Ваших работах кроме всего, а, может, прежде всего, интересно

¹ Лекции читались утром с 8–30 до 10–00, поскольку днем с 15–00 до 17–00 Захар Ильич выступал на кафедрах. – Издатель.

² См. Приложение 5 к настоящему изданию. – Издатель.

то, что когда берешься за чтение, никогда нельзя предвидеть, куда повернет автор – Вы постоянно находите оригинальные, свои видения вещей и, соответственно подходам, выводы, хотя все в поле известного и в лучших традициях марксистской классики. Вас читать не только полезно, но и очень занятно. Поэтому хочется пожелать, чтобы Вы побольше “испортили” бумаги».

Летом 1985 г. рукопись книги была подготовлена для «Авотс» и получила более точное название «Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность». Профессор М.Г. Ашманис согласился быть ее научным редактором: «...Ваш язык настолько литературен, что даже, если какой-то читатель и натывается на недостаточно понятную ему мысль, то уяснить он ее всегда может, всего лишь повнимательнее и вдумчивее перечитав то же место. Я завидую удивительной ясности, строгой последовательности Ваших текстов: без жаргона узкого профессионала, без пропусков существенных звеньев доказательств. Вам ничуть не требуется сюсюкать, чтобы быть понятыми даже и неподготовленным специально читателем, а книжку Вашу возьмет в руки читатель, который имеет к теме интерес, т.е. он уже неизбежно и газетной, и журнальной тягомотины начитался, но, тем не менее, не отвернулся от темы. После этого, я полагаю, ему Ваш текст покажется кристаллом – пусть твердым, но ясным»¹.

Публикацию ждали: «Должен сказать, что Ваш приезд в Ригу оставил значительный след в здешней обществоведческой мысли. Сказанное Вами обдумывалось, обговаривалось, истолковывалось и растолковывалось, пока не стали заметными определенные сдвиги в самом подходе к вещам»². «... С Вашим утверждением, что время требует [от пишущих] более четких, жестких форм выражения аналитической мысли – не намеков уже, а последовательного разреза по оси “древа противоречий”, нельзя не согласиться. Но оно вряд ли может быть отнесено к делаемой Вами книге – ведь в том, что Вы мне в Москве показывали, все говорило о том, что Ваша книга отнюдь не однодневка, а именно диалектический анализ. С большим нетерпением ожидаем Вашу работу. О том, что попутно и в результате рождаются новые идеи и планы, сомневаться не приходится. Ведь продуктивные

¹ Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 1 сентября 1985 г. – Издатель.

² Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 30 марта 1986 г. – Издатель.

идеи потому и продуктивны, что продуцируют с неизбежностью новые. Только пустоцвет кончается самим собой. ...»¹.

Но дело с публикацией книги не двигалось.

Делу должна была помочь планировавшаяся на октябрь 1986 г. очередная поездка Захара Ильича в Ригу для чтения 12-часового цикла лекций «Коммунистическая общественно-экономическая формация – законы функционирования». Но поездка не состоялась из-за серьезной болезни Захара Ильича.

Ранней весной 1987 г. Захар Ильич был вновь приглашен в Ригу на две недели для чтения четырнадцатичасового спецкурса «Социализм как система противоречий»². И опять его лекции слушали не только преподаватели и научные сотрудники из Латвийского государственного университета, но и еще из 7 вузов республики и 3 институтов Академии наук Латвийской ССР. Лекции Захара Ильича и Галины Петровны, их дополнительные выступления и консультации были восприняты с большой признательностью.

Прочитанные лекции помогали уточнить авторам содержание рукописи, она постепенно улучшалась. Работал над ней и научный редактор – М.Г. Ашманис: «... С сожалением отправляю Вам Вашу рукопись – читал ее медленно.... Читалось, в общем-то, легко, поскольку основное, самое заковыристое и сложное, неожиданное и важное, Вы уже мне растолковали в лекциях. Но текст требует вдумчивого отношения. Читая «по диагонали», читатель его не воспримет. Есть много приятных философско-лирических отступлений. Это я к тому, что, хотя по содержанию работа является прекрасным учебником социализма, но по форме она не учебник. Она и не очень популярна в стиле изложения. Кормленный популярными книжками читатель может и поперхнуться. Главное, чтобы не отложил. Мне кажется, что эта книжка есть то, что сейчас надо было бы прочитать каждому человеку... Но вот прочтет ли, даже, если возьмет в руки? Уж очень мало любомудрия осталось. ... Скажу честно, не все абсолютно я готов принять без возражений. Вот некоторые замечания³ ...».

¹ Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 11 июля 1986 г. – Издатель.

² Аналогичный курс был затем прочитан Захаром Ильичем для преподавателей общественных наук г. Перми в 1988 г. – Издатель.

³ И дальше идут несколько страниц конкретных замечаний. Из письма М.Г. Ашманиса З.И. Файнбургу от 26 апреля 1987 г. – Издатель.

Между тем выяснилось, что издательство «Авотс» намерено публиковать книгу о коллективности только на латышском языке. Подобное издание такой книги было бессмысленно, и от услуг этого издательства авторам пришлось отказаться.

Захар Ильич стал искать иные пути издания книги и, в том числе, обратился в «Политиздат». К сожалению, никакой переписки в архиве не сохранилось. Возможно, ее и не было, а Захар Ильич просто зашел в редакцию и показал проспект. Насколько помнила Галина Петровна, проспект понравился, так как попросили прислать рукопись книги. Однако произошло событие, кардинально изменившее планы авторов.

Состоялось решение Минвуза РСФСР (приказ № 250 от 08.04.1987 г.) о закреплении за уставным издательством Саратовского государственного университета целевой комплексной программы «Коллективность как определяющее отношение социализма» (научный руководитель – профессор З.И. Файнбург) с целью публикации научных трудов, подготовленных по результатам исследований, в объеме 10 п.л. ежегодно с 1988 по 1992 г. Появилась возможность опубликовать книгу о коллективистском обществе в этом издательстве.

Галина Петровна вспоминала: «Почему же авторы отказались от публикации в «Политиздате», а предпочли Саратов. Тогда Саратовское издательство казалось синицей в руках, а «Политиздат» лишь журавлем в небе. Ведь Политиздат так и не опубликовал книгу Захара Ильича “Миражи современной утопии (Утопия в облике научной фантастики)”. Отправить рукопись книги “Коллективистское общество” в Саратов, в издательство, закрепленное для публикации работ по коллективности, казалось абсолютно верным, наиболее правильным решением».

Планы издательства были сверстаны на всю пятилетку, до 1990 г., но уже знакомым авторам¹ было обещано «воткнуть» рукопись в план, если она будет представлена не позднее лета 1987 г. (редподготовка – 1988 г., издание – начало 1989 г.). Нужно было торопиться. Авторы быстро и формально «причесали» рукопись, написанную еще в 1985 г. для «Авотс», собрали все необходимые

¹ Именно в этом издательстве в 1982 г. была опубликована книга З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой «Диалектическая логика политической экономики социализма». – Издатель.

для издательства документы: сопроводительное письмо; просьбу принять к изданию; гарантийное письмо по оплате; выписку из протокола заседания кафедры, на котором обсуждалась рукопись книги; рецензии на рукопись доктора экономических наук, проф. Б.В. Ракитского (зав. лабораторией политэкономических проблем функционирования социалистической экономики ЦЭМИ АН СССР) и доктора философских наук, проф. В.А. Кайдалова (зав. кафедрой философии Пермского политехнического института); ответы авторов рецензентам; отзыв-согласие научного редактора, доктора философских наук, проф. М.Г. Ашманиса; и, разумеется, два экземпляра рукописи.

Все это, составившее две увесистые бандероли, было отослано в июле 1987 г. в издательство. Известно, что 4 августа 1987 г. издательство Саратовского государственного университета получило эти бандероли, где они, быть может, и находятся до сего времени.

В письме одному из рецензентов Галина Петровна писала: «Как только мы получим подтверждение, что попали в план, начнем серьезную работу над рукописью – ведь она написана летом 1985 г. Как нам кажется, она сейчас актуальнее, чем два года назад... текст придется просеивать через редкое сито – и многое вывалится. Но это все потом... Второй вариант мы вышлем Вам, видимо в декабре-январе...»¹.

Естественно, что, готовя рукопись в издательство, авторы представили будущую книгу на суд своих коллег. Состоялось обсуждение, утверждение рецензентов и научного редактора.

Характеризуя рукопись, авторы подчеркнули, что книга представляет собой трехзвенное – желаемый идеал, научная теория, воплощенная реальность – целостное описание коллективистского общества, зафиксированное в названии книги: «Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность». Захар Ильич акцентировал внимание на методологии рассмотрения коллективистского общества: сначала идет выявление «определяющего отношения», а затем на его основе дается (сравнительно популярно) системная характеристика. Что вопросы, которые авторы ставят перед читателями и на которые в меру своих сил пытаются ответить, – это вопросы, которые в то или иное время жизнь и наука ставили перед автора-

¹ Из письма от 06.07.1987 г. Б.В. Ракитскому. – Издатель.

ми – авторам приходилось искать и находить ответы... Галина Петровна обратила внимание на логику самого научного поиска: сначала была построена целостная социальная система социализма с позиции НТР (1972 г.); затем был дан анализ базисных политэкономических отношений (1982 г.), а сейчас произошел «возврат» к социальной системе, но через такую социально-экономическую категорию, как коллективность¹.

Участвующие в обсуждении высказали положительные впечатления от прочтения книги (не надо забывать, что все это было в 1987 г., и ее новаторское содержание было достаточно необычным) – «прочел залпом, написано ясно, образно, доходчиво, жестко, логически выдержано», «читается быстро и легко, язык коренным образом отличается от языка прежних работ авторов, сам материал захватывает и ведет за собой, тем паче, что логика изложения совпадает с логикой проблемы», «особенно хорошо четкое выведение реального социализма из теории “слабого звена”» и т.п.

Было высказано единодушное мнение, что нужно оговорить время, когда эта книга была написана, что книгу надо издавать, не актуализируя ее современными данными, что, более того, нужно убрать все приметы времени – даты, съезды, постановления... Также нужно убрать личные воспоминания, исторические аллюзии, увести стиль книги от чрезмерно живого языка лекций к более сдержанной письменной речи. Было высказано и много других частных и конкретных, и большей частью справедливых, замечаний – рукопись, безусловно, (и авторы это понимали) нуждалась во втором, отредактированном варианте.

Тем временем научная и общественная жизнь З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой «била ключом». Перестройка и сопровождавший ее рост свободы слова вызвали жгучий интерес людей к социальным наукам, к истории страны, к перспективам развития советского общества, открыли новые возможности для творческой мысли З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой. Подтачиваемый неизлечимой болезнью, Захар Ильич торопится писать, выступать, стремится успеть передать свои мысли другим.

¹ Делая записи обсуждения, в ряду дат публикаций: 1972, 1982, Галина Петровна написала для себя реальные сроки увидеть книгу изданной – 1989–1990 гг. и сбоку от них приписала: «(доживем ли?)». Ее опасения оказались верны. Дожить до выхода этой книги в свет не довелось ни Захару Ильичу, ни Галине Петровне. – Издатель.

В апреле и мае 1987 г. по просьбе студентов (в связи с выходом на экраны фильма Т. Абуладзе «Покаяние») Захар Ильич прочитал (с перерывами в неделю) три открытые (публичные) лекции о культе личности. Сохранилась магнитофонная запись этих лекций и ответов лектора на вопросы слушателей продолжительностью около восьми часов. Фактически в стране впервые публично и на основе фактов развенчивался культ личности.

Лекции вызвали невероятный интерес, стали событием общественной жизни миллионного города, стали известны в других городах, откуда Захару Ильичу постоянно звонили, чтобы узнать, какие новые мысли родила его голова по этому поводу. Партком института был завален просьбами организаций прислать к ним данного лектора для повторения этого цикла лекций.

Из письма Г.П. Козловой – М.Г. Ашманису (05.06.1987 г.): «Захар Ильич теперь как кинозвезда нарасхват – всем нужно знать про культ. Ректор на совете института привел З.И. в пример: вот как нужно лекции читать, чтоб со всего города сбегались! В записках были предложения совершить еще один гражданский подвиг – прочитать цикл лекций о социализме, его противоречиях. В некоторых записках было так: З.И., почитайте нам еще чего-нибудь. Вчера в парткоме З.И. предложили записать эти лекции на видеомэгнитофон, чтобы показывать постепенно всем сотрудникам и всем студентам! Ну и ну! Это называется «дорого яичко к христову дню». Слышала, что работает бизнес – переписывают пленки и продают, вполне возможно. Во всяком случае, в городе кассет не достать. Авторитет общественной науки возрос необычайно, многие технократы были просто поражены, что в развитии общества есть своя логика. Думаю, что лекцию уже прослушали тысячи людей, а главное, говорили, обсуждали, задумались...».

Стало ясно, что содержание лекций должно стать достоянием многих людей – это означало, что лекции нужно опубликовать. Развивая эту мысль, партком Пермского политехнического института обратился с письмом в «Политиздат» с предложением издать лекции Захара Ильича. «Политиздат» согласился. Так внезапно и незапланированно началась огромная работа Захара Ильича и Галины Петровны (одновременно с необходимым редактированием рукописи о коллективистском обществе) над книгой о культе личности, ныне известной как «Не сотвори себе кумира...».

Напомним читателю, что лекции были прочитаны почти за год ДО известного идеологического поворота 1988 г., когда были сняты все ограничения, и о культуре личности стали говорить всю правду. В этих, еще очень и очень «суровых» условиях ограниченности исторического, официально опубликованного в открытой печати материала Захару Ильичу приходилось «выбирать» каждое слово, детально аргументировать каждую свою мысль. Лекции были не столько историографическим описанием фактов, сколько размышлениями о тех или иных исторических событиях, об объективных механизмах развития советского общества. История и суть «культы личности» излагались Захаром Ильичем как результат специфической системы социальных отношений, возникающей на раннем этапе социализма.

Первый вариант рукописи о культуре личности был написан во второй половине 1987 г. и в апреле 1988 г. отправлен в редакцию «Политиздата», где, благодаря перестройке, постоянной смене редакторов и прочей столичной суете, застрял без ответа надолго.

Летом 1988 г. Захар Ильич и Галина Петровна вновь занялись рукописью книги «Коллективистское общество», в нее были внесены существенные исправления и дополнения в соответствии с замечаниями рецензентов, научного редактора, коллег.

В конце 1988 г. с готовой рукописью¹ следовало ехать в Саратов, работать с литературным и особенно с техническим редактором. «Коллективистское общество» предполагалось издать в единстве серии с «Диалектической логикой», того же формата, оформления, изменив только цвет обложки. Основанием для этого было то, что идеи «Диалектической логики» являются экономическим основанием «Коллективистского общества». Но... в начале 1989 г. Г.П. Козлова оказывается в больнице, и поездка в Саратов отодвинулась на неопределенный срок.

В конце апреля 1989 г. М.Г. Ашманис, ознакомившись с подготовленным для издания (вторым) вариантом рукописи (1988 г.), написал как научный редактор книги большое (на 23 страницах) письмо со своими новыми замечаниями. Он писал: «Дорогие Галина Петровна и Захар Ильич! Прежде всего, хочу вас поздравить с

¹ Именно ее мы выбрали в качестве базисной для мемориального издания книги. – Издатель.

замечательной книгой, которую вы написали. Те мудрые мысли, которыми вы делились тогда с нами¹, приобрели прекрасную логическую и литературную форму. Книга эта крайне нужна всему нашему сообществу, а не только нашей стране. Она нужна и нашим товарищам и не только им и в капиталистических странах. Поэтому издевательски выглядит упоминание на титуле издателя², осмелившегося ее издать. «Политиздат» с «Мыслью» должны были бы драться за право опубликовать вашу книгу. Но пусть выйдет сперва хоть в Саратове. Шило в мешке не утаить, а такие мысли не могут не пробить себе дорогу. Хотя и помочь им это сделать поскорее было бы актом любви к обществу. ... О политических событиях писать не хочется... В общем гадостей очень много и не хочется об этом дальше распространяться. Самым приятным, действительно большим праздником для меня было чтение вашей книги. Свои соображения по страницам и абзацам (стр./абз.), считая за абзац и единственную верхнюю на листе строчку, я прилагаю. Но это мои сугубо субъективные мнения, отнюдь не категоричные, хотя и прямо без обиняков выраженные. Спасибо вам за эту книгу, всего доброго – и не обижайтесь за прямоту – я придирался, как мог, и исходил из своего понимания. А, вообще, прочесть вашу книгу – это все равно, что еще один университет кончить – по богатству и пронизательности. Поздравляю вас и еще больше поздравляю ваших будущих читателей с такой удачей. Успехов вам, здоровья и радостей. Ваш Микелис».

Судя по тому, как бережно было сохранено это письмо, авторы собирались (или начали) работать над дружественными критическими замечаниями М.Г. Ашманиса. Но эта работа была отодвинута другой еще более срочной и важной работой – нужно было доработать текст рукописи «Не сотвори себе кумира...», она вернулась авторам в июне 1989 г. из редакции «Политиздата» с просьбой срочно учесть замечания и еще раз отредактировать текст, так как книга включена в план редакционной подготовки 1990 г.

Однако к тому времени дорабатывать текст книги о культе личности чисто стилистически и редакционно стало нецелесооб-

¹ В 1987 г. Галина Петровна сопровождала Захара Ильича в поездке в Ригу и прочитала там курс лекций о методологии и методике преподавания политической экономии. – Издатель.

² Имеется в виду издательство Саратовского государственного университета. – Издатель.

разно. Так случилось, что за два года, прошедшие после чтения лекций о культе личности в мае 1987 г., в центральных издательствах был опубликован ряд объемных статей и книг по истории культа личности, многие идеи которых опирались на впервые высказанные Захаром Ильичем мысли¹. В оборот было вовлечено множество воспоминаний, документов, фактов. При этом обилие материала теоретический уровень рассмотрения проблемы был очень далек от желаемого. Преобладала фактография и историография. Отдельные факты и индивидуальные судьбы людей заслоняли общую социальную картину произошедшего.

Захар Ильич решает сократить исторический материал, усилив социологический и философский аспекты, акцентировать внимание на теоретическом рассмотрении исторического места социализма. Именно для этого был написан специальный очерк об идейных и социальных предпосылках культа личности (марксизм, предмарксизм, псевдомарксизм), во многом основанный на текстах рукописей книги о коллективистском обществе.

Заметим, что многие важнейшие идеи книги «Коллективистское общество» также органично вошли в текст книги о культе личности «Не сотвори себе кумира...», где Захар Ильич хотел в доступной широкому читателю форме целостно изложить свои научные идеи об историческом месте социализма в развитии человеческого общества.

Основные источники информации находились под рукой, в домашней библиотеке: стенограммы партийных съездов и конференций, ВКП(б) в резолюциях и решениях, другая литература, а также досье проблемы «культ личности», копившееся десятилетиями в папках с названием «КЛ». Тем самым облегчалось уточнение сотен фамилий, имен, дат, названий и т.п.

В декабре 1989 г. исправленная рукопись книги о культе личности и исторических судьбах социализма в СССР была отослана в

¹ Автор этих строчек сам неоднократно присутствовал при телефонных разговорах Захара Ильича с различными учеными Москвы, которые его буквально «рвали на части», пытаясь те или иные свежие мысли, например, о том, что реальный переворот был совершен И.В. Сталиным не в 1937 г. (как об этом тогда все думали), а в год великого перелома – 1929 г. Теперь это расхожая истина, но впервые о ней публично сказал Захар Ильич. И что же – уже через месяц после его лекции эти мысли были опубликованы под другими фамилиями в центральных журналах. – Издатель.

«Политиздат», но самые последние редакционные правки были отосланы только в мае 1990 г.

В целом в книге о культе личности был подведен своеобразный итог всей научной деятельности Захара Ильича, сумевшего в краткой и доступной для широкого читателя форме оставить нам в каком-то смысле энциклопедию по теории социализма¹.

Летом 1990 г. Захар Ильич вернулся к рукописи «Коллективистское общество», чтобы переписать ее в новом понятийном и терминологическом аппарате, прямо изложив многие ранее изложенные завуалированно мысли, но сил уже не было ни у него, ни у его соавтора Галины Петровны. Работа осталась незавершенной...²

А затем распался Советский Союз, рухнула социалистическая система, научный редактор книги, профессор М.Г. Ашманис оказался в другой стране... На фоне коллективного безумия погони за «золотым тельцом», стремления российского государства стать «ночным сторожем» стало казаться, что коллективность (как проблема) стала неактуальной. Рукопись книги была отложена, как говорится, «в долгий ящик» и «до лучших времен».

Прошло два десятилетия, и постепенно вновь стала осознаваться необходимость государственного регулирования, планомерности, ответственности государства перед обществом, которое оно представляет³. Начавшийся в 2008 г. системный кризис мировой экономики привлек внимание к вопросам развития человеческого общества. Не за горами и массовое осознание значения коллективности в процессе общественного развития.

Идеи этой работы, пусть даже высказанные в оболочке тогдашней фразеологии и понятийного аппарата, понятны, глубоки, оригинальны и актуальны поныне...

¹ Однако автор так и не увидел своей книги – книга З.И. Файнбурга «Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности»: очерки теории (М.: Политиздат, 1991. 17,5 п.л. Тираж 50 тыс. экз.) вышла уже после его смерти, наступившей ранним утром 10 сентября 1990 г. – Издатель.

² Захар Ильич успел заново переписать только «Введение» и часть главы 1. Их мы публикуем перед текстом основной рукописи (1988 г.). – Издатель.

³ Характерно, что выборы Президента США 6 ноября 2012 г. впервые в истории страны прошли фактически как выборы степени государственного регулирования, государственной ответственности, уровня социальной защиты. И вот в оплоте крайнего индивидуализма и современного империализма победило несвойственное этой стране ранее предпочтение более «коллективистских» по своей сути действий. Некоторые эксперты, подчеркивая нетипичную для США поляризацию избирателей по принципу «бедные – богатые», охарактеризовали итоги этих выборов даже как возможное начало движения США в направлении социализма. – Издатель.

ВВЕДЕНИЕ 1977 ГОДА К ВОЗМОЖНОЙ КНИГЕ «СОЦИАЛИЗМ. КРАТКИЙ КОНСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ»

Памяти поколения учителей

Каждой науке свойственны свои специфические проблемы в зависимости от исторических условий, в которых она развивается. Марксистское социальное знание не составляет здесь исключения.

Для XIX в., когда ведущая роль в развитии диалектико-материалистического подхода к социальному развитию принадлежала самим основоположникам этого направления – К. Марксу и Ф. Энгельсу, центральной проблемой социальной теории (и, соответственно, практики) было исследование **предпосылок социализма**.

Для начала XX в., когда ведущая роль в материалистическом осмыслении истории перешла к В.И. Ленину, в центр проблематики научного направления стала **теория социалистической революции**.

Для последней трети XX в., когда марксистское социальное знание развивается преимущественно коллективными усилиями, главной стала проблема **сущности и исторического места социализма**.

Если пользоваться терминологией Т. Куна, речь должна идти о последовательной смене **парадигм** диалектико-материалистического социального знания, в основе которой лежит закономерный ход истории. В 1848 г. лишь призрак коммунизма витал над Европой. В 1917–1920 гг. было уже не до призраков: волна пролетарских революций прокатилась по Европе, социалистическая революция победила в России. В 1977 г., когда я пишу эти строки, успехи (или неудачи) социалистического развития в целой системе стран являются решающими для всего хода мировой истории. От этих успехов или неудач, ошибок, зависят общие исторические сроки, зависит «цена» полной и окончательной победы нового – победы социализма – на всей планете Земля. Шаги истории – ступени парадигмы.

Моей задачей в предполагаемой работе является краткое, концептивное изложение «парадигмы 70-х гг.» – современной интерпретации сущности и исторического места социализма. Наверное,

тема заслуживает многотомного исследования, однако такое исследование одному кому-то не под силу, а коллективные труды чаще всего, увы, страдают эклектизмом. Без столкновения мнений нет настоящей науки, а лично я не тяготею к теологии. Этим и предопределена форма работы: краткое, конспективное, но системное изложение проблемы в целом.

Рамки конспекта не позволяют мне сколько-нибудь полно оперировать ссылками на классическую и современную литературу. Конечно, эта литература (если не вся – таковое сейчас уже невозможно, – то вся основная) мною проработана. Что-то прочитано и перечитано самым внимательным образом, что-то прочитано довольно бегло, что-то просмотрено, – но из основных, фундаментальных (не по объему, а по постановке вопроса) работ я старался почти ничего не пропускать. Авторам всех прочитанных мною работ я приношу самую глубокую благодарность и свои извинения в том, что рамки работы не позволяют мне привести их имена и названия их работ. Кстати сказать, сам профиль **конспекта** означает не столько авторство в содержании излагаемых идей, сколько авторскую **интерпретацию** как своих идей, так и идей, принадлежащих другим.

В конспекте рассмотрены философские, политэкономические, социологические аспекты проблемы определения сущности и исторического места социализма. Объединяет все эти аспекты подход с позиций теории научного коммунизма: социальная практика (т.е. политический аспект научного общественнознания) является критерием истинности излагаемого.

За последние годы вокруг понимания того, что есть социализм, происходит напряженная, иногда явная, иногда скрытая борьба мнений. Дело не только в том, что различные интерпретации социализма используются различными силами в борьбе мировоззрений. Дело еще и в том, что каждая из этих позиций усваивается теми или иными людьми в их жизни. В соответствии со своим пониманием этого кардинального (фактически центрального) вопроса эпохи они строят свою деятельность, считают себя счастливыми или несчастными. В понимание существа социализма и его исторического места упираются сейчас извечные проблемы свободы личности, гуманизма, творческой инициативы людей. Вот почему книга эта остро полемична.

Я считал бы свою задачу выполненной, если бы моя книга помогла читателю преодолеть **идеализированное**, восходящее в ко-

нечном счете к утопическому отождествлению идеала и реальности, представление о социализме. На противопоставлении идеала и реальности, на попытках разрывать их диалектическую взаимосвязь построены сейчас многие политические спекуляции врагов социализма, это противопоставление тревожит сейчас многие молодые (а порой и немолодые) души искателей правды, справедливости, чистоты.

Я считал бы свою задачу выполненной, если бы моя книга смогла преодолеть **скептицизм повседневности**: неумение за текущей обыденностью, за повседневными частностями, за личными удачами и неудачами увидеть историческую перспективу социализма как исторической эпохи, как ступени социального прогресса.

Я считал бы свою задачу выполненной, если бы моя книга помогла разоблачению мелкого эгоистического **делячества** в отношении определенной категории людей к социализму. Им, в конце концов, безразлично, какой «изм» на свете: при любом «изме» они заняты устройством своих личных делишек. Их позиция – это не просто индивидуализм в поведении, но индивидуализм как осознанное и последовательно реализуемое мировоззрение.

Книга эта родилась не на пустом месте: по существу во всех своих работах я решал какие-то части, стороны проблемы в целом. У всех этих публикаций, докладов, выступлений, в конце концов, была одна цель: шаг за шагом подготовить полное, целостное, системное освещение вопроса об историческом месте социализма.

Я сказал этой книгой то, что **хотел** сказать!

Очень многие в личном общении помогли мне найти идеи, положенные в основу данной книги. Иногда это были мои единомышленники, иногда – оппоненты, иногда – враги. Я благодарен им всем: путь к истине не всегда прям, а смертные зачастую не ведают, что творят...

Некоторые идеи (они оговорены в тексте) найдены нами совместно с Г.П. Козловой.

Пермь, 1977 г.¹

З.И. Файнбург

¹ Это введение к предполагаемой книге было написано однажды утром «на одном дыхании» для систематизации своих мыслей. Содержание и стиль этого принципиально важного для автора и читателей введения к планируемой будущей книге настолько характерно для мышления Захара Ильича, что мы посчитали нужным привести его полностью как еще одно введение к настоящей публикации. – Издатель.

ПОСЛЕДНЯЯ АВТОРСКАЯ РЕДАКЦИЯ КНИГИ 1990 ГОДА¹

ВВЕДЕНИЕ

У этой книги оказалась непростая судьба.

Она была задумана как сочинение, направленное против официозной социальной науки СССР, против «предмарксизма»², «псевдомарксизма»³ или «вульгарного марксизма»⁴. Но времена меняются. Сегодня⁵ для нас, авторов, эта книга должна будет прежде всего защищать научное наследие К. Маркса. Защищать от чрепачур ретивых его «знатоков», сменивших апологетический запал на разносные «разоблачения». Научное наследие К. Маркса заслуживает намного лучшей участи, чем равно: приторная патока апологетики или прокисшие помои «разоблачителей».

Вместе с тем мы должны и хотим показать, почему научное наследие К. Маркса, являющееся исторически закономерно сложившимся элементом становления общества нового типа, оказалось в целом прежде всего непонятым (причем в особенности

¹ Напомним, что в конце лета 1990 г., когда книга «Не сотвори себе кумира...» была уже в работе в редакции, Захар Ильич вернулся к книге о коллективистском обществе, которая была написана в середине 80-х годов (последняя редакция – 1988 г.), намереваясь ее «осовременить» и все же издать. Он вынул из рукописи «Введение» и главу I «Генезис идеи коллективности: развитие социальной практики, отраженное в идее» и начал работать. – Издатель.

² Мы называем «предмарксизмом» такой уровень освоения теоретического наследия К. Маркса, когда общее согласие с его установками (особенно идеологическое) не подкреплено действительным и органическим усвоением главного в этом наследии – **научной методологии социального познания**, позволяющей применять метод К. Маркса в качестве метатеории к его собственным конкретным концепциям. Естественно, что при этом отличительной особенностью «предмарксизма» является стремление к философской эклектике, механистическая трактовка диалектики, некритическое восприятие ряда утопических трактовок социализма. – ЗИФ [Захар Ильич Файнбург].

³ Понятие «псевдомарксизм» мы, в известной мере, отождествляем с понятием «сталинизм». – ЗИФ

⁴ Этот термин предпочитал использовать Дьердь Лукач. О том, какой смысл вкладывал Д. Лукач в понятие «вульгарный марксизм», смотри его книгу: Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Межд.отнош., 1990. – ЗИФ.

⁵ Строки написаны в конце августа – начале сентября 1990 г. – Издатель.

большинством тех, кто объявляет себя – искренне или из элементарного карьеризма и приспособленчества – правочерными марксистами), а затем и перевернутым. В этой перелицовке марксизма, его подгонке под собственные идеологические установки были причудливо перемешаны как неведение дилетантов и недоучек, так и злоумышление стяжателей власти.

Вместе с тем мы должны попытаться по отношению к научному наследию К. Маркса выполнить, коль уж взялись за его защиту, функцию хоть какого-то объяснения того, в чем состояло и может состоять истинное развитие этого наследия, обязательно содержащее в себе какие-то основы научной критики наследия К. Маркса (в особенности той его части, которая прямо или косвенно рассматривает проблемы становления общества коллективистского типа). Ибо научная критика есть необходимый и обязательный путь развития любого научного наследия. И наследие К. Маркса не может и не должно здесь представлять (и не представляет) собой исключение. Этот принцип отношения к научному наследию К. Маркса в свое время достаточно обоснованно был развит Д. Лукачем, однако те, кто считал себя ортодоксальными марксистами, не понимая К. Маркса и В.И. Ленина, не поняли, естественно, и Д. Лукача, обвинив его в «ревизионизме».

В жизни современного общества после задачи самосохранения нет более жгучей и более дискуссионной проблемы, чем коллективистская альтернатива. К социализму, как к первой ступени коллективистского общества, можно относиться по-разному, но игнорировать его существование сегодня уже невозможно. Если ограничиться только самим термином «социализм» (не вдаваясь пока в весьма различное конкретное содержание, которое вкладывают те или иные политические течения в это понятие), то уже более половины населения земного шара живет сегодня в обществах, в той или иной мере осознанно и явно реализующих конечные цели коллективизма. И как бы ни были на сегодняшний день остры разногласия в понимании природы, конкретных свойств коллективизма, как бы грозно не звучали обвинения в «неистинности» коллективи-

стского принципа, объективно он во все большей степени противостоит индивидуалистическому принципу организации общества¹.

Надо четко различать объективную тенденцию к становлению общества коллективистского типа и развитие самой по себе идеи коллективности. При всей органической связи объективного процесса и субъективного его восприятия, речь не может идти о тождестве. Развитие мысли основывается на социальной практике, но это противоположные стороны единого процесса развития (то есть стороны противоречия). Причем формационный переход от обществ индивидуалистического типа к обществу коллективистского типа связан еще и со сменой доминирующей противоположности в этом противоречии.

«Культ личности», через который в той или иной его форме прошли на сегодняшний день все ориентирующиеся на «социализм» страны, посеял во многих умах серьезные сомнения в истинности, правомерности, необходимости коллективистского общества. Более того, «культ личности» оставил реальному социализму тяжелое наследие, далеко не изжитое и до сих пор. Однако «культ личности» не может быть трактован как форма коллективизма. Наоборот, это индивидуалистическое по своей сути отношение, лишь прикрывшееся коллективистской оболочкой, имитирующее развитие коллективистских принципов, выдающее себя за коллективизм, но таковым не являющееся ни по своему генезису, ни по своему характеру, ни по своей исторической роли².

Переход к обществу коллективистского типа почти неизбежно сопровождается иллюзорным представлением об этом обществе (в том числе и о социализме) как обществе всеобщего благоденствия, как некоей абсолютной по степени совершенства ступени общест-

¹ Как это ни парадоксально, но даже наблюдаемый ныне новый расцвет религиозности связан, в первую очередь, с категорическим отрицанием индивидуалистичности общества «золотого тельца», а во вторую, – с тем, что организация религиозной жизни носит коллективистский характер и защищает индивида от давления «открытого» информационного общества, насильственно вторгающегося в его личную жизнь. – Издатель.

² Наша интерпретация «культа личности» изложена в ряде публикаций, из которых мы сами выделили бы книгу одного из соавторов: Файнбург З.И. Культ личности: закономерное и случайное (Книга принята к изданию «Политиздатом») – ЗИФ. [Книга вышла в свет уже после смерти автора под названием: Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). М.: Политиздат, 1991. – Издатель].

венного развития. Но это – не более чем утопическое, финалистское представление о социальном развитии.

Надо специально отметить и подчеркнуть, что той или иной формы полуутопических представлений о социализме не сумела избежать ни одна политическая партия, реально поставившая переход к коллективистскому обществу во главе угла своих программных требований.

Фактически же коллективистское общество – отнюдь не царство всеобщей благодати, а реальное общество, но более прогрессивное, с точки зрения истории, чем основанный на индивидуализме капитализм. Коллективистскому обществу свойственны свои противоречия, свои сложности, свои конфликты. Ни его возникновение, ни его развитие, тем более на первой фазе – фазе социализма – не могло быть гладким и беспроблемным.

Перед современником вполне резонно возникают вопросы: где истина? что закономерно, а что случайно в истории вообще, а в истории социализма в особенности? можно ли избежать повторения ошибок и неудач? какова связь неизбежных просчетов и неудач с самым существом коллективистского общества?

В любом случае найти ответы на эти вопросы было бы для науки не легко и не просто. Тем более, что современная ситуация поиска этих ответов осложнена еще и длительным засилием вульгарной методологии и апологетики в официозном марксистском обществоведении и в СССР, и в других странах.

В этой ситуации и предлагаем мы читателю наш очерк **исторического места коллективистского общества**.

В этом очерке мы, опираясь на достигнутое в социальном знании, попытались найти более или менее убедительную интерпретацию тех проблем, по которым есть теоретические наработки, равно получившие и не получившие еще полного признания. Ибо писать научную книгу об исторической перспективе, об историческом месте коллективизма, по нашему мнению, можно, только опираясь на самое новое, самое передовое, достигнутое наукой.

За последние десятилетия наука об обществе далеко продвинулась вперед. Однако это продвижение в определенной мере осталось скрытым для массового читателя: оно сосредоточено преимущественно в известной узкому кругу специалистов литературе. Образовался весьма внушительный разрыв между действительным научным наследием К. Маркса и В.И. Ленина – научным марксизмом и «марксизмом учебников»¹. В нашей книге мы стремились обобщить, довести до читателя некоторые основные достижения, основные новации современного общественного знания.

Нельзя не отметить в связи с этим исключительную сложность «проверки на истинность» (верификации) социального знания.

Истина и заблуждение в социальной теории, охватывающей не отдельные элементы общественных отношений, а общественные процессы в целом, имеют тождественную внешнюю форму выражения: они равно облекаются в слова, образующие то или иное умозаключение. Такого рода умозаключение в принципе не может быть выражено языком математики, ибо только отдельные частные стороны всеобщих законов социального развития характеризуются прямым переходом количества в качество. Возможности экспериментирования в общественных науках также крайне ограничены, ибо любой эксперимент здесь имеет необратимый характер: он бесповоротно меняет судьбы людей, свойства их личности, характер их связи с обществом. Проверка теории практикой поэтому неизбежно превращается в значительной мере в проверку *post factum*, т.е. остается в пределах метода проб и ошибок, также чреватом (особенно в наше время) необратимыми последствиями.

Такой подход неизбежно обуславливает известную полемичность в общей направленности нашей книги. В качестве же формы полемики авторы руководствовались примером «Капитала» К. Маркса (напомним, что «Капитал» имеет подзаголовок – «Критика политической экономии»): лучшей формой полемики, полагал

¹ Термин был предложен Р.И. Косолаповым. См.: Косолапов Р.И. Силой разума и чувства... // Литературная газета. 1984. 1 февр. № 5 (4967). С. 2. – ЗИФ.

его автор, является последовательное, логичное и аргументированное изложение своей позитивной концепции.

Предвосхищая содержание книги, отметим, что формационная характеристика коллективистского общества оказалась в нашей работе вынужденно схематичной. Надлежало бы дать более целостную характеристику возникающих отношений коллективистского общества, показать как целое формационный переход, существенные противоречия нового коллективистского общества как системе, как целостность и т.п. Однако общий объем материала оказался при этом настолько велик, что мы были вынуждены ограничиться лишь беглым, достаточно емким, но схематичным очерком проблем общества нового коллективистского типа.

Авторы выражают глубокую признательность всем тем, кто так или иначе помогал им в работе над книгой: коллективу кафедры теории современного социализма и социологии¹, а также лаборатории социологии Пермского политехнического института, коллективу Латвийского государственного университета, где один из авторов – З.И. Файнбург – в 1985 и в 1987 г. прочитал спецкурсы об историческом месте социализма и о социализме как системе противоречий, научному редактору книги М.Г. Ашманису, ряду коллег, прочитавших рукопись целиком или частями и высказавших нам много ценных замечаний: Л.М. Адлеру, В.А. Кайдалову, А.С. Ципко, А.П. Козлову, Б.В. Ракитскому, Ю.А. Бжиянскому и др. Наша особая благодарность жителям поселка Кужинский (Медведевского леспромкомбината) Марийской АССР, где мы смогли переложить на бумагу свои идеи. Мы благодарны всем тем, кто помогал нам в техническом оформлении многократно перерабатывавшейся и перекраивавшейся рукописи книги, а в особенности – В.П. Субботиной.

¹ Ныне кафедра социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета – Издатель.

ГЛАВА I.

ГЕНЕЗИС ИДЕИ КОЛЛЕКТИВНОСТИ: РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ОТРАЖЕННОЕ В ИДЕЕ

Общество изначально представляет собой противостояние (противоречие) общности (социальности) и обособленности (индивидуальности). Поскольку под коллективностью подразумевается определенная степень (или определенная форма) общности, идея эта не могла быть «изобретена» или открыта: она органична для общественного самосознания, хотя формам ее свойственно историческое развитие, отражающее развитие реальных и гипотетически возможных форм общности. История взаимодействия форм общности и идеи коллективности нуждается в самостоятельном фундаментальном исследовании: такое исследование сегодня отвечало бы высшему и завершающему любое умозаключение критерию научности – практичности. Мы же здесь ограничимся лишь чрезвычайно важным для нашего последующего анализа выводом: в обществе никогда не существовало ни тотальной коллективности (общности), ни тотальной индивидуализации (обособленности). Они попросту невозможны. Поэтому они будут заведомо ошибочны в любой теории.

Исследование коллективности – это анализ условий и факторов, при которых в противоречии коллективности и индивидуальности та или другая противоположность противоречия становится доминирующей. Противоречие это неуничтожимо (пока вообще существует общественная жизнь людей) и в силу асимметричности любого конкретного противоречия добросовестному исследователю следует выяснить лишь эволюцию в ходе истории фактора доминирования одной из противоположностей. Идея коллективистского общества, как отсюда следует, – это идея не абсолютизированной коллективности, а доминирующей (в качестве принципа функционирования общественного организма).

В истории человека его становление было возможно только в условиях трансформации природной (стадной) общности в социальную. Заметим, что социальная общность отличается от природ-

ной, в том числе и тем, что она обязательно должна быть осознана, «продублирована» сознанием в прямой и превращенной формах. Вполне естественно, что долгие века именно превращенные формы преобладали: они складываются «сами собой», стихийно, не являясь плодом научного рассуждения.

Одной из первых и главных форм осознания необходимости той или иной степени и формы общности существования были нравственные кодексы – своды правил и принципов общежития. Это – безусловно – превращенная форма констатации необходимости и правомерности коллективности, поскольку в этих кодексах, как правило, простая совместность еще не отдифференцирована от коллективности (что соответствует условиям общежития в то время, когда эти кодексы складывались). Подобного рода нравственные кодексы свойственны любой религии, в том числе, конечно, любой из современных мировых религий. Это очень важно, ибо идея очевидной приоритетности коллективистских отношений родилась заново, возродилась на уровне уже не общины, а современных в принципе по своим масштабам и организации общественных организмов (если быть точным, то на ступени формационного перехода от феодальных отношений к капиталистическим) как требование (или, точнее, предложение) более точного, более строгого и последовательного соблюдения нравственного кодекса христианства.

И возникновение, и пересмотры нравственных кодексов в эпохи формационных переходов отнюдь не случайны. Именно в условиях формационных переходов опосредуются проблемы форм человеческого общежития, происходит если не смена, то, во всяком случае, корректировка этих форм.

Поскольку капитализм означает становление предельного доминирования принципа индивидуализма, как оппозиция этому предельному индивидуализму на исторически качественно более высокой основе и возрождается идея коллективности как более справедливого, более нравственного обустройства общества.

1.1. Реальность фантазий или проблема эвристического потенциала утопий

Понятия справедливости, равенства, свободы слишком абстрактны, чтобы им можно было придавать практический смысл вне конкретного исторического времени, вне конкретного социального класса, провозгласившего эти понятия своими политическими целями. Они соединились с понятием коллективности, когда объектом критики стали предельно индивидуалистические капиталистические отношения. Некоторые черты коллективистских отношений были заимствованы их провозвестниками из прошлого, многие – логически выведены из отрицания свойств эксплуататорского индивидуалистического общества. Характерно, что в основе уже самых первых представлений о коллективистском обществе лежала идея полярной его противоположности обществу индивидуалистическому.

Стоило бы отметить, что Томас Мор, автор книги «Утопия» (1516), и Томазо Кампанелла, автор книги «Город солнца» (1602), весьма бы удивились, если бы их назвали «коллективистами», «социалистами». Сами они считали себя последовательными сторонниками строгого соблюдения принципов христианской морали¹. Христианство когда-то восприняло при своем возникновении определенные ценности общинных отношений (то есть отношений первичного, первобытного коллективизма), оно выработало их не без учета представления о самых общих условиях человеческого взаимодействия и сосуществования. Эти идеи и были положены в основу социальных проектов Т. Мора и Т. Кампанеллы.

Этические послышки (отправление от «должного») позволили первым утопистам верно определить ряд существенных черт нового общества. Но эти же послышки обуславливали слабость их концепций, поскольку произвольно «отсекался» исторический подход. Невольно «мостиком» между существующим и новым оказывалось лишь человеческое сознание, лишь мир идей, круг нравственных принципов.

¹ См. об этом отличную статью: Баткин Л.М. Парадокс Кампанеллы // Вопросы философии. 1971. № 2. – ЗИФ.

Долгое время (да во многом и сейчас) к такой специфической форме осознания социального мира, как утопия, отношение было весьма скептическим. «Утопическое» отождествлялось с «фантастическим», «невозможным», «наивным» и т.п. Мы полагаем, что это неверно. Мы полагаем, что К. Маннгейм в своем классическом исследовании «Утопия и идеология» был значительно ближе к истине, полагая, что утопическое сознание – это превращенная форма осознания необходимости перемен в общественной жизни, опирающаяся, однако, на недостаток достоверной информации о возможности и характере таких перемен. Утопическое сознание по природе своей неизбежно гипотетично, причем основания его гипотез весьма слабые.

Эвристический потенциал утопий весьма высок: это доказывает не только знакомство с творчеством Т. Мора или Ш. Фурье, но и проникновение в истинное содержание (зачастую для непрофессионала совершенно заслоняемое сюжетом) современных так называемых социально-утопических романов И.А. Ефремова, Дж. Оруэлла, С. Лема, К. Саймака, А.Н. и Б.Н. Стругацких, Р. Бредбери, У. Ле Гуин и др. Опираясь на интуицию (у современного писателя неизбежно опирающуюся, в том числе, и на собственно научную информацию) и ценностное сознание, утопия нащупывает тенденции в социальном процессе, которые иными формами общественного сознания не фиксируются. Причем сам автор порой не осознает или не вполне осознает, что именно «просвечивает» через его намерения и представления, через его сюжеты. А потому с тем же успехом можно говорить о «парадоксе Оруэлла», как и о «парадоксе Кампанеллы». (Мы ниже вернемся к этой проблеме).

Мы полагаем, что социальная философия, как и любая из обобщающих обществоведческих наук (типа политической экономии, социологии, политологии и т.п.) **обязательно** и **неотвратимо** содержит в себе элементы (проявления) утопического сознания, когда она сталкивается с необходимостью прогнозирования каких-либо предполагаемых, но на практике еще не реализованных событий, с необходимостью гипотетических предположений, ориентированных на будущее. Здесь, наверное, стоило бы «вывернуть наизнанку»

формулу о соотношении гипотезы и утопии, приведенную нами выше: любая социальная гипотеза (о предполагаемом, о возможном и т.п.) атрибутивно содержит в себе те или иные элементы утопии. Социальное знание всегда и неотвратно содержит в своих гипотезах утопический элемент: умозаключения, построенные на слабых основаниях и ориентированные ценностным в сознании (т.е. идеологическим фактором). Этих элементов утопического не могли избежать как К. Маркс и В.И. Ленин, так и самые рьяные их критики и обличители. Проблема утопического в социальном знании (и тут мы согласны с К. Маннгеймом) – это не столько проблема автора, его личности (хотя и они здесь существенны), сколько проблема самой природы социального знания, социальной науки.

Является ли это наличие элементов утопического серьезной угрозой социальному знанию как науке – как инструменту практики, как способу осмысления и программирования практики? И «да», и «нет».

«Да», если наличием утопического пренебрегают, считают, что это может быть свойственно кому-то «со стороны», но не самому данному автору, научному учреждению, политической партии.

«Нет», если есть ясное представление, что только проверка практикой делает научное предположение теорией, что гипотезы в какой-то своей части обязательно должны оказаться неполными и неверными, должны последовательно критиковаться и частично отбрасываться, что критика гипотез и их «просеивание» через верификацию (с неизбежным отбрасыванием каких-то из них) – это и есть развитие данной научной концепции, ее реализация. Относительно наследия К. Маркса эти методологические подходы впервые были обоснованы В.И. Лениным, развиты А. Грамши, Д. Лукачем и др.

Утопия не может быть эффективно внедрена, т.е. реализована на практике. Практика всегда системна и целостна, а в утопии обязательно перемежаются верно найденные элементы реальных тенденций социального развития и те, которые практика неминуемо отбросит, как не подтвердившиеся предположения, гипотезы. Утопическая концепция общества как целого поэтому оказывается неизбежно (именно в своей целостности) ошибочной. Утопия может

быть реализована только в такой форме, которой в истории идей присвоено имя «антиутопии». Опыт реализации утопических представлений о социализме в СССР (1925–1985 гг.) доказывает это весьма убедительно.

Найденный (именно найденный, подсказанный ходом истории, а не случайно угаданный) объяснительный принцип коллективистского общества позволил авторам даже самых первых утопических концепций дать во многом верную картину коллективистских отношений. Все, что шло в описании коллективистского общества от объяснительного принципа, представляло собой реализацию методологического принципа, по существу своему научного. Именно эта логика сообщала картине «справедливого мира» системные свойства, определенную целостность. Фантазия же, воспроизводя в превращенной форме ограниченный опыт прошлого, увлекала на путь иллюзий о возможных путях, ведущих к обществу справедливости и равенства, акцентировала внимание на частностях, деталях гипотетического общественного устройства. В утопических построениях отсутствует какой-то внутренний для них критерий, который позволил бы отделить найденную реалистическую (становящуюся реальной) тенденцию развития от сфантазированной, нереалистичной. Таким окончательным критерием может быть только практика. Но это делает неизбежным метод проб и ошибок. И чем масштабнее и длительнее проба, тем более сокрушительной может быть ошибка.

Соответственно, без преодоления ограниченности утопизма, без изменения последовательно научной методологии социального знания (во много раз более строгого ее применения, чем в естественных науках) невозможно свести к предельному минимуму пробы и ошибки в социальном развитии. Напомним, что выше мы уже попытались показать, что в силу определенного наложения друг на друга свойств субъекта и объекта в социальном процессе метод проб и ошибок из социального развития в какой-то мере неустрашим. Задача социальной науки состоит лишь в том, чтобы свести его роль к действительному минимуму.

Освоение идеи коллективистского общества на основе утопического подхода имело место и в XVIII в. (преимущественно социальные «технологии» перехода к коллективистским отношениям и организации их функционирования), и в XIX в. (идея неотвратимости перехода к коллективистским отношениям, хотя научное понимание этой неотвратимости еще отсутствует).

Именно на границе XVIII и XIX в. появляется модель якобы коллективистских отношений, отправляющаяся от неразвитых отношений непосредственного предшественника коллективистского общества – капитализма, неразвитости отношений частной собственности как его экономической основы. Эта модель («казарменного коммунизма») впоследствии получила широкое распространение. Она, как проклятие истории, «висела» над попытками строительства социализма в СССР и других странах. Причиной этого было то исторически закономерное явление, что политические антикапиталистические революции оказались успешными как раз в тех странах, где капитализм был средне или слабо развит.

Рожденная в этих условиях модель нового общества была очевидно несовершенной: в ней были воплощены грубая уравнительность, авторитаризм, приоритет насилия перед демократией, жесткая иерархичность, материальные заботы как начало и конец реализации отношений коллективности. Но эта модель была естественна: она отражала социальную политику своего времени – противостояние бедных и богатых, неразвитость объективных предпосылок нового общества, политическую культуру раннекапиталистических обществ. Грубая уравнительность, зависть как превращенная форма частной собственности, господство принуждения в политической организации не случайно характеризуют, по К. Марксу, «казарменный коммунизм». Однако сами авторы этой концепции и их отнюдь немалочисленные последователи полагали, что и в этом виде предлагаемая ими модель нового общества, безусловно, более справедлива, чем современный им капитализм времен мануфактуры и только еще развертывавшегося промышленного производства.

Возможно, что они были правы. Однако уже и в то время для научной теории общественного развития оказались видимыми все

основные слабые стороны этого «казарменного коммунизма». Реализация же этой модели была осуществлена более чем через 100 лет после своего появления. Тем более очевидной теперь кажется нам ее принципиальная непригодность. Однако теоретическая критика не смогла предотвратить попытки практической реализации модели «казарменного коммунизма»: чтобы убедиться в ее несостоятельности понадобились крупномасштабные пробы и ошибки, стоившие жизни десяткам миллионов людей.

Историю утопического социализма, таким образом, никак нельзя было считать закончившейся в XIX в. (как считает официальное обществоведение). Элементы утопизма имели и до сих пор имеют значительное распространение в виде полуутопических иллюзий масс и их вождей. Социальная практика предопределяет программные устремления партий, осуществляющих социальные революции и реализующих переход к социализму. Поэтому в каждой стране и особенно в странах, находящихся на ранних этапах развития капитализма, движение к коллективизму опирается в том числе на тот или иной вариант утопического социализма. Даже приняв умом концепции научного социализма, искренне желая реализовать именно его принципы, прогрессивные политические партии неизбежно в чем-то сбиваются на утопические по своему смыслу конкретные действия. В каждой стране в какой-то форме существует и противостоит научному подходу к проблемам коллективности, социализму теоретическое и политическое наследие утопизма.

Можно (и, безусловно, нужно) заняться специальным исследованием научных текстов на предмет выявления того, какие элементы утопических идей скрыты в снятом виде в той или иной концепции. По логике общественного знания таковые обязательно должны обнаружиться. Но особенно нас интересует здесь иное: какие именно элементы утопических представлений оказалось возможным как-то совместить с неутопическими, и почему они оказались плохо различимыми в научной в целом теории?

Мы полагаем, что причины этого скрыты в той маргинальной форме культуры, которая характерна для современной эпохи, кото-

рая является органическим звеном формационного перехода от общества индивидуалистического к обществу коллективистскому.

Для индивидуалистического, стихийно развивающегося общества характерна религиозоподобная культура. Стихийность предполагает невозможность науки как инструмента, как теории регулирования социального процесса. Социальная философия здесь может быть только созерцательна. В этой системе культуры философию воспринимают как религию (А. Грамши)¹.

Но религиозоподобное сознание имеет свою систему освоения мира. Оно основано на вере (т.е. не нуждается в верификации как обязательной процедуре), на авторитете (т.е. на догме, на принципиальном отсутствии критического подхода к идеям и т.п.), на принципиальном отказе от историзма. Утопии не случайно в своем генезисе восходят к религии: у них единая методология познания мира и проектирования его изменений. Фактически изменение мира трактуется как его возвращение к некоему изначально заданному формулой веры идеалу. Утопия конкретизирует этот идеал, опускает его до практической реализации, но в ней органически отсутствует идея того, что процесс изменения мира объективен по своим причинам, что новое – это не состояние, а процесс порождения новыми условиями нового качества и т.п.

Процесс смены религиозоподобной культуры культурой, основывающейся на научном видении мира, только идет. Научное представление о мире решительно доминирует в техносфере, но ему еще далеко до столь безусловного доминирования в сфере общественной жизни, в сфере знания об обществе. И именно логика религиозоподобного сознания абсолютизирует представления о коллективности как идее (не замечая, что на самом деле налицо объективный материальный процесс его становления), мешает в полной мере применить эвристический арсенал науки (необходимо предполагающий научную критику) для выделения, выявления в гипотетических обществоведческих построениях утопического. Религиозоподобное восприятие социального мира и социальных идей делает

¹ «... Массы, как таковые, не могут усваивать философию иначе, как веру...». Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения. – М.: Иностранная литература, 1959. Т. III. С. 29. – ЗИФ.

утопическое неразличимым с собственно научным, стирает, затушевывает их принципиальные различия, выпячивая, а то и абсолютизируя их сходство, определенную степень их единства.

Элементы утопизма в понимании социализма распределены крайне неравномерно и в современном обществе. Различные группы в политической партии, различные классы и слои заметно отличаются друг от друга по характеру сохраняемых утопических представлений. Если у теоретиков элементы утопизма находятся в самых разных сочетаниях с собственно научными представлениями, то у масс – элементы утопизма до сих пор и чаще всего – основа их представлений о социализме.

Самая живучая форма утопизма – это явная или неявная трактовка коллективистского общества как некоего финала истории, общества достигнутого благоденствия и незамутненной справедливости, общества, где уже окончательно решены все мыслимые и немыслимые проблемы. Распространенность этой формы утопизма чрезвычайно велика. Этот взгляд на коллективистские отношения, на социализм весьма устойчив в самых широких кругах общества до сего времени.

Утопическое представление о социализме как некоем обществе абсолютного благоденствия ведет к весьма парадоксальным следствиям. Осознание невозможности достичь такого состояния ведет к разочарованию в социализме вообще, к отрицанию его потенциальной эффективности. При этом одни сосредотачиваются на индивидуальных эгоистических целях, другие пытаются в той или иной форме возродить буржуазные отношения и ценности, кажущиеся единственно эффективными.

Критика культа И.В. Сталина и культа личности вообще, пересмотр принципов экономического регулирования, реформа политической системы в 1987–1990 гг., как это ни парадоксально, вызвали своего рода обновление и усиление этого варианта современного утопизма. Обсуждая перспективы реализации в ходе перестройки принципов социализма (коллективистских отношений), перспективы обновления устройства общества на социалистических началах, зачастую вновь и вновь исходят из ограниченного понимания со-

циализма как некоего идеализированного «общества благоденствия, равенства, справедливости»¹.

Поскольку реализация такой идеализированной формы общества вполне обоснованно кажется сомнительной, родилась еще одна превращенная форма этой же утопической трактовки коллективистских отношений, социализма только как идеи, а не материального закономерного результата истории. Эта позиция возвращает нас, увы, в XVIII в. – к утопизму «чистому», последовательному, по своей методологии начисто лишенному еще историзма в понимании общественного процесса (заметим, что уже у А. Сен-Симона, Р. Оуэна и особенно у Ш. Фурье, у социалистов-рикардианцев и др. начальные формы историзма уже были ясно видны).

Одной из характернейших форм утопизма являлось и является иллюзорное представление о коллективистском обществе, о социализме как об обществе, преодолевшем все социальные противоречия. Вообще, снятие всех социальных противоречий в этом варианте современной утопии рассматривается как решающий критерий вступления в полосу социализма.

Отсутствие, якобы, при социализме сущностных для него противоречий (или, во всяком случае, их второстепенное значение) достаточно долго (до второй половины 50-х гг. XX в.) оставалось официальной версией, соответствующей идеологии культа личности. Затем эта точка зрения была подвергнута критике в научной литературе. Только на XXVII съезде КПСС наличие сущностных противоречий при социализме, наконец, было узаконено в официальном документе. Однако и до сих пор в официозном общественном мнении нет ни одного учебника и учебного пособия (по состоянию на конец 1990 г.), в котором теория социализма последовательно основывалась бы на анализе его основного противоречия. Таков был уровень официозного «марксизма» в СССР.

¹ Весьма отчетливо проявилось именно такое понимание социализма в дискуссии между Ю.Н. Афанасьевым и редакцией газеты «Правда» о судьбах социализма. См.: Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // Лит. Россия. 1988. 17 июня. № 24. С. 2–3; Кузнецов П. Вопросы историзму // Правда. 1988. 25 июня. № 177; Афанасьев Ю. Ответы историка // Правда. 1988. 26 июля. № 206; здесь же: От редакции; Дедков И., Лацис О. Путь выbran // Правда. 1988. 31 июля. № 213. – Авторы.

Утопические представления связаны также с определением исторических сроков проведения крупных социально-экономических преобразований. Возможность осуществить формационный переход за пять–десять–пятнадцать лет была всеобщей иллюзией в 20–30-е годы XX века. Тот факт, что формационный переход от феодализма к капитализму занял около 400 лет, предупреждение А.А. Богданова (1908 г.) о том, что формационный переход от капитализма к социализму, по его оценке, потребует где-то не менее 200–300 лет, прошли мимо внимания и политиков, и ученых.

Увы, но иллюзия обыденного сознания упорно подменяет закономерные, свойственные самой истории интервалы исторического времени длительностью индивидуальной человеческой жизни.

«Историческое нетерпение», порождаемое этими утопическими представлениями о социализме, способствовало неправомерной оценке конкретных действий, которые, по идее их авторов, должны были обеспечить продвижение к социализму. Так возникла в свое время иллюзия, что кооперирование может быть заменено основанной на принуждении коллективизацией, что вполне оправдана установка на «замораживание» потребления масс ради ускорения темпов экстенсивного развития экономики, что обоснованы попытки одной лишь директивой перевести народнохозяйственные связи непосредственно на продуктообмен, игнорируя товарно-денежные отношения (а теперь – перевести экономику в кратчайшие сроки на отношения регулируемого рынка).

Научная (в строгом смысле этого слова) эпоха в истории идеи коллективистского общества начинается с работ К. Маркса (и Ф. Энгельса).¹

¹ На этом рукопись заново переписываемой Захаром Ильичем главы обрывается. Стр. 24 так и осталась лежать недописанной на его рабочем столе. Именно на ней и написан последний абзац о начале научной эпохи в истории идеи коллективистского общества. Скорее всего, эти последние фразы были написаны утром 6 сентября 1990 г. Днем Захара Ильича в тяжелом состоянии увезли в больницу, где 10 сентября он скончался. – Издатель.

**МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
РУКОПИСИ 1988 ГОДА:
КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ИДЕАЛ. ТЕОРИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ**

З.И. Файнбург, Г.П. Козлова

**КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИДЕАЛ. ТЕОРИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ.**

Пермь 1988

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность.

В книге преподавателей Пермского политехнического института – профессора З.И. Файнбурга и доцента Г.П. Козловой – рассматривается целостная концепция коллективистского общества. Отправной идеей работы является трактовка коллективности в качестве определяющего (основного) отношения социализма. Исследование выполнено на стыке философии, политической экономии и научной теории коммунизма. Работа имеет преимущественно методологический, теоретический характер, однако выводы из нее актуальны для современной общественной практики.

Авторы стремятся к оптимальному сочетанию научности и популярности, доступности изложения.

Для научных работников, преподавателей, пропагандистов, аспирантов, студентов, интересующихся проблемами современной теории социализма.

Рецензенты:

доктор экономических наук, проф. Б.В. Ракитский;
доктор философских наук, проф. В.А. Кайдалов

Под редакцией доктора философских наук,
профессора М.Г. АШМАНИСА

История так же, как познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества: совершенное общество, совершенное «государство». Это – вещи, которые могут существовать только в фантазии.

*Ф. Энгельс
Людвиг Фейербах и конец немецкой
классической философии*

...Мы не физики, мы историки. У нас единица времени не секунда, а век, и дела наши – это даже не посев, мы только готовим почву для посева.

*А.Н. и Б.Н. Стругацкие
Трудно быть богом*

ВВЕДЕНИЕ

В жизни современного общества после задачи самосохранения нет более жгучей и более дискуссионной проблемы, чем коллективистская альтернатива. К социализму, как первой ступени коллективизма, можно относиться по-разному, но игнорировать его существование сегодня невозможно. Если ограничиться только самим термином «социализм» (не вдаваясь пока в весьма различное конкретное содержание, которое вкладывают те или иные политические течения в это понятие), то уже более половины населения земного шара живет сегодня в условиях обществ, в тенденции или прямо реализующих цели коллективизма. И как бы ни были на сегодняшний день остры разногласия в понимании природы, конкретных свойств коллективизма, как бы грозно не звучали самые разные взаимные обвинения в «неистинности» того или иного варианта социализма, фактически индивидуалистическому принципу организации общества противопоставляется, в конечном счете, коллективистский, как необходимое основание и перспектива развития.

Становление коллективистского общества шло нелегко: на фоне выдающихся исторических достижений и побед в его истории были и остаются серьезные трудности, еще более тягостные ошибки, весьма болезненные неудачи.

Культ личности, через который в той или иной его форме прошли на сегодняшний день все ориентирующиеся на социализм страны, посеял во многих умах серьезные сомнения в истинности, правомерности, необходимости социализма. Тем более, что культ личности оставил сегодняшнему социализму тяжелое наследие, далеко не изжитое и до сих пор. Однако культ личности не может быть трактован как форма коллективизма. Наоборот, это индивидуалистическое по своей сути отношение, прикрывшееся коллективистской оболочкой, выдающее себя за коллективизм, но таковым не являющееся ни по своему генезису, ни по своему характеру.

Переход к обществу коллективистского типа почти неизбежно сопровождается иллюзорным представлением о социализме как обществе всеобщего благоденствия, как некоей абсолютной по степени совершенства ступени общественного развития. Но это – не

более чем утопическое, финалистское представление о социальном развитии.

Надо специально отметить и подчеркнуть, что такого рода полу-утопических представлений о социализме не сумела избежать ни одна политическая партия, реально поставившая переход к коллективистскому обществу во главе угла своих программных требований.

Фактически же социализм – не царство всеобщей благодати, а реальное общество, причем более прогрессивное, чем капитализм, с точки зрения истории. Ему свойственны свои противоречия, свои сложности, свои конфликты. Ни возникновение, ни развитие социализма не могло быть поэтому гладким и беспроблемным.

Перед современником вполне резонно возникают вопросы: где истина? что закономерно, а что случайно в истории вообще, а в истории социализма в особенности? можно ли избежать повторения ошибок и неудач? какова связь неизбежных просчетов и неудач с самым существом коллективистского общества?

В любом случае найти ответы на эти вопросы не легко и не просто. А современная ситуация их поиска еще и осложнена длительным засилием вульгарной методологии и апологетики в официальном марксистском обществоведении и в СССР, и в других странах социалистического мира.

В этой ситуации и в это очень не простое для социализма время и предлагаем мы читателю наш очерк исторического места коллективистского общества. Мы попытались в нем, опираясь на достигнутое в социальном знании, найти более или менее убедительную интерпретацию тех проблем, где есть теоретические наработки, пусть даже не получившие еще полного и окончательного признания. Писать книгу об исторической перспективе, об историческом месте коллективизма, по нашему мнению, целесообразно, только пытаясь опираться на самое новое, самое передовое, достигнутое наукой.

За последние 30 лет марксистская наука об обществе далеко продвинулась вперед. Однако это продвижение в определенной мере осталось скрытым для массового читателя: оно сосредоточено преимущественно в известной очень узкому кругу специалистов литературе. Образовался достаточно ощутимый разрыв между мар-

ксизмом как наукой и «марксизмом учебников»¹. В нашей книге мы стремились обобщить, довести до читателя некоторые основные достижения, основные новации современного марксизма.

Нельзя не отметить в связи с этим вообще исключительную сложность «проверки на истинность» (верификации) социального знания.

Истина и заблуждение в социальной теории, охватывающей не отдельные элементы общественных отношений, а общественные процессы в целом, имеют тождественную внешнюю форму выражения: они равно облекаются в слова, образующие то или иное умозаключение. Такого рода умозаключение в принципе не может быть выражено языком математики, ибо только отдельные частные стороны всеобщих законов характеризуются прямым переходом количества в качество. Возможности экспериментирования в общественных науках тоже крайне ограничены, ибо любой эксперимент здесь имеет необратимый характер: он бесповоротно меняет судьбы людей, свойства их личности, характер их связи с обществом. Проверка же практикой неизбежно превращается в значительной мере в проверку *post factum*, т.е. в значительной мере остается в пределах метода проб и ошибок, также чреватом (особенно в наш век) необратимыми последствиями.

Такой подход неизбежно обуславливает известную полемичность в общей направленности книги. В качестве же формы полемики авторы руководствовались примером «Капитала» К. Маркса (напомним, что подзаголовок «Капитала» – «Критика политической экономии»): лучшей формой полемики, полагал ее автор, является последовательное, логичное и аргументированное изложение своей позитивной концепции.

Формационная характеристика коллективистского общества оказалась в нашей работе вынужденно неполной: надлежало бы дать развернутую характеристику политической организации коллективистского общества, показать природу культуры, порожденной коллективистским строем общественной жизни, выделить свойства и глубокую противоречивость личности в системе коллек-

¹ См.: Косолапов Р.И. Силой разума и чувства... // Литературная газета. 1984. 1 февр. № 5 (4967). С. 2. – Авторы.

тивистских отношений, охарактеризовать специфические черты и природу диалектического взаимодействия индивидуального и общественного сознания в новой исторической формации. Какие-то моменты этих сторон коллективистского общества получили свое отражение в предложенных вниманию читателя главах, однако мы понимаем, что речь идет о проблемах, требующих самостоятельного, достаточно объемного рассмотрения.

Определенные наработки у авторов по этим проблемам есть (они частично получили отражение в наших прежних публикациях). Однако общий объем материала оказался при этом настолько велик, что мы вынуждены были ограничиться теми главами, без которых читатель не смог бы вообще составить представление о наших взглядах на современную теорию коллективистского общества.

Авторы выражают глубокую признательность всем тем, кто так или иначе помогал им в работе над книгой: коллективу кафедры научного коммунизма и лаборатории социологии Пермского политехнического института, коллективу кафедры научного коммунизма Латвийского государственного университета, где один из авторов – З.И. Файнбург – в 1985 г. и в 1987 г. прочитал спецкурсы об историческом месте социализма и о социализме как системе противоречий, научному редактору книги М.Г. Ашманису, ряду коллег, прочитавших рукопись целиком или частями и высказавших нам много ценных замечаний: Л.М. Адлеру, В.А. Кайдалову, А.С. Ципко, А.П. Козлову, Б.В. Ракитскому, Ю.А. Бжиянскому и др. Наша особая благодарность жителям поселка Кужинский Килемарского р-на Марийской АССР, где мы смогли переложить на бумагу свои идеи. Мы благодарны всем тем, кто помогал нам в техническом оформлении многократно переделывавшейся и перекраивавшейся рукописи книги, а в особенности – В.П. Субботиной.

Глава I. СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПОИСКИ ИСТИНЫ

Многовековая социальная практика сопровождалась поиском путей, ведущих к обществу справедливости и благоденствия. Пришло время – и логикой истории эти поиски стали связываться с альтернативой: коллективизм или индивидуализм, социализм или капитализм являются будущим человечества? какой общественный строй более прогрессивен, более справедлив, более человечен?...

Впервые в истории эту альтернативу общественного устройства понял и выразил утопический социализм.

Реальность фантазии, или насколько неутопичны утопии

Понятия справедливости, равенства, свободы слишком абстрактны, чтобы им можно было придать практический смысл вне конкретного исторического времени, вне конкретного социального класса, провозгласившего эти понятия своими политическими целями. Они соединились с понятиями социализма и коммунизма, когда объектом критики стали капиталистические отношения. Индивидуалистическому обществу, как обществу несправедливому, несправедливому, утопический социализм противопоставил в своих суждениях общество в основе своей коллективистское. Некоторые черты коллективистского общества были заимствованы его провозвестниками из прошлого, многие – логически выведены из отрицания свойств эксплуататорского индивидуалистического общества. Характерно, что в основе уже самых первых представлений о коллективистском обществе лежала идея полной, полярной его противоположности обществу индивидуалистическому, частнособственническому (конкретно – в его позднефеодальном и раннебуржуазном вариантах).

Так была открыта одна из сторон (исходная сторона) наиболее общего, наиболее абстрактного принципа объяснения¹ будущего коллективистского общества – его полярная противоположность частнособственническому индивидуалистскому обществу. Была найдена общая формула отрицания старого новым.

Стоит отметить, что Томас Мор, автор книги «Утопия» (1516), и Томазо Кампанелла, автор книги «Город солнца» (1602), весьма удивились бы, если бы их назвали «социалистами». Сами они считали себя последовательными сторонниками строгого соблюдения принципов христианской морали². Христианство когда-то восприняло при своем возникновении некоторые ценности общинных отношений (то есть отношений первичного, первобытного коллективизма), оно выработало представления о самых общих условиях человеческого взаимодействия и сосуществования. Эти идеи и были положены в основу социальных проектов Т. Мора и Т. Кампанеллы.

Этические послышки (отправление от «должного») позволили первым утопистам верно определить ряд существенных черт нового общества. Но эти же послышки обуславливали слабость таких концепций, поскольку «отсекался» исторический подход, не осознавалось значение материальных основ развития общества. Невольно «мостиком» между существующим и новым оказывалось лишь человеческое сознание, лишь мир идей, круг нравственных принципов.

Найденный (именно найденный, подсказанный ходом истории, а не случайно угаданный) объяснительный принцип коллективистского общества позволил авторам даже самых первых утопических

¹ Весьма полную и глубокую характеристику понятия «объяснительный принцип» и роли объяснительного принципа в познании дает Э.Г. Юдин (см. его статью: Деятельность как объяснительный принцип и предмет исследования // Вопросы философии. 1976. № 5. С. 62–78). Смысл объяснительного принципа состоит в том, чтобы «...задать некую предельную ситуацию – предельно мыслимую и тем самым исчерпывающую» (с.67). В объяснительном принципе «...мысль... достигает предела в своем движении по объекту» (там же). Объяснительный принцип вмещает в себя все содержательные характеристики своего объекта, все аспекты его теоретического научного объяснения. Об этом его свойстве выразительно писал В.А. Лекторский. (Вопросы философии. 1985. № 2. С. 30): «...Принцип может претендовать на объяснительную роль лишь в том случае, если на его основе удастся построить определенную теорию или же ряд теорий, способных к развертыванию, к объяснению достаточно большого количества фактов, которые казались до этого никак не связанными». – Авторы.

² См. об этом отличную статью: Баткин Л.М. Парадокс Кампанеллы // Вопросы философии. 1971. № 2. – Авторы.

концепций дать целостную и во многом верную картину социализма. Все, что шло в описании коллективистского общества от объяснительного принципа, представляло собой реализацию логики идеи, по существу своему научной. Именно эта логика сообщала картине «справедливого мира» системные свойства, целостность. Фантазия же, воспроизводя в превращенной форме ограниченный опыт реальной истории, увлекала на путь иллюзий о возможных путях, ведущих к обществу справедливости и равенства, акцентировала внимание на частностях, деталях гипотетического общественного устройства.

Следующий шаг вперед был сделан утопическим социализмом XVIII в.: с общих описаний справедливого общества (собственно «утопий») акцент смещается на «технологии». Вместо мечтаний об «обществе благоденствия» на первый план выходят рекомендации, когда и как устанавливать справедливые отношения, как организовать, как воплотить справедливость в правовые нормы и т.п. Не ясно, кто и почему будет создавать новые миры, да и сама модель нового еще очень несовершенна: в ней воплощены грубая уравнительность, авторитаризм, жесткая иерархичность, материальные заботы как начало и конец коллективности. Но эта модель была естественна: она отражала социальную практику своего времени – противостояние бедных и богатых, политическую культуру раннекапиталистических обществ. Грубая уравнительность и господство принуждения в политической организации не случайно характеризуют по К. Марксу «казарменный коммунизм»¹.

Наконец, наиболее развитая концепция утопического социализма (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн) исходит из того, что история закономерно должна привести к социализму. Не ясен еще был сам характер закономерности, но тенденция движения – к коллективизму – была определена верно.

История утопического социализма на этом, однако, не кончается. Элементы утопизма до сих пор имеют значительное распространение в виде полуутопических иллюзий масс и их вождей. Социальная практика предопределяет программные устремления пар-

¹ См. Маркс К. Экономические-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 114–117. – Авторы.

тий, осуществляющих социальные революции и реализующих переход к социализму. Поэтому в каждой стране, и особенно в странах, находящихся на ранних этапах развития капитализма, движение к коллективизму опирается, в том числе, на тот или иной вариант утопического социализма. Даже приняв умом концепции научного социализма, искренне желая реализовать именно его принципы, прогрессивные политические партии неизбежно в чем-то сбиваются на утопические по своему смыслу конкретные действия. В каждой стране в какой-то форме живет и противостоит научному социализму теоретическое и политическое наследие утопизма¹.

До тех пор, пока утопизм остается на уровне только умозрительном, пока это – лишь абстрактная мечта о светлом будущем, он, в конечном счете, исторически прогрессивен. Но как только утопизм в ходе развертывающейся революции проникает в поры практических программ, он становится причиной тягчайших ошибок, колоссальных человеческих и материальных жертв.

**Решающий шаг:
от предпочитаемого
к закономерному**

Развитие идеи социализма в границах одной лишь первой черты его объяснительного принципа оставляло без ответа по существу главный для истории вопрос: как соотносятся реальная история и возможности реализации коллективистских отношений, что и кто в состоянии повернуть историю в желательном направлении?

Для того чтобы более или менее полно ответить на эти вопросы, идея преобразования общества должна была приобрести последовательно научные материалистические основания.

Материалистическое понимание позволило существенно сменить акценты в самом понимании социализма. Стало ясно, что заранее изобретать и совершенствовать детали будущего справедливого общества бессмысленно, коль социализм выступает реализа-

¹ «...Революциям обычно свойственны периоды утопии, когда их участники, посвятившие свою жизнь благородной задаче... полагают, что исторические цели находятся гораздо ближе и, что воля, желание и намерения людей всеильны и стоят превыше требований объективной действительности». I съезд Коммунистической партии Кубы. Доклад товарища Фиделя Кастро Рус. М., 1976. С.105. – Авторы.

цией объективных материальных предпосылок, формирующихся в недрах капитализма. Необходимо, прежде всего, исследовать характер капитализма, законы и тенденции его развития, чтобы могли быть выявлены объективные предпосылки социализма. Этот подход и позволил в процессе социалистической критики капитализма дать научное определение главных черт коллективистского общества. Этот же подход позволил четко, научно обоснованно определить, какой социальный класс призван играть ведущую роль в реализации социалистической тенденции истории. Задача научного исследования объективной необходимости коллективистского общества в основных чертах и была реализована К. Марксом и Ф. Энгельсом. Границы осуществленного ими исследования были заданы современной им исторической обстановкой, исторической практикой их эпохи – эпохи революционной борьбы рабочего класса за подготовку социалистической революции.

Развитие общественных наук точно в такой же мере предопределено практикой, как и развитие естественных и технических. Только конкретное содержание практики здесь иное. Практика обуславливает возникновение новых идей, практика обеспечивает их проверку делом, но практика ставит и определенные подвижные границы научному познанию. Уходит вперед практика, соответственно, движутся, расширяются границы познания. Практика и познание строго взаимосвязаны: научное познание опережает практику только на ту дистанцию, для реализации которой в данной конкретной практике сложились реальные предпосылки. Гениальность ученого-первооткрывателя состоит не в иллюзорной его независимости от исторической практики, а в его способности наиболее полно и последовательно выявить главные тенденции развития, основания которых скрыты в практике его времени.

В формационной теории развития общества, созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом, социализм выступает как закономерный продукт истории, а капитализм есть та закономерная ступень общественного развития, на которой складываются прямые, непосредственные предпосылки коллективистского общества.

Место представлений о социализме в общих границах предмета социального знания у К. Маркса и Ф. Энгельса (и в немалой час-

ти – и у В.И. Ленина) можно схематически изобразить следующим образом:

Критика докапиталистических исторических форм и доказательство необходимости, прогрессивности их замены капитализмом. ⇒	Анализ сущности капиталистического общества, основанный на исследовании его противоречий. Анализ исторической прогрессивности капитализма и его исторической ограниченности. ⇒	Социалистическая критика всей предшествующей истории и капитализма в особенности.
---	--	---

Переход от капитализма к социализму есть одновременно и коренной перелом в истории, и реализация ее непрерывности. Все основные свойства коллективистского общества непосредственно возникают только из тех предпосылок, которые формирует капитализм. Каждое основное, существенное свойство капитализма есть вместе с тем и предпосылка социализма. Любое докапиталистическое отношение в той или иной форме должно пройти, пережить, претерпеть буржуазную стадию в ходе своей внутренней истории (до революции или после нее), чтобы оно могло выступить в качестве непосредственной предпосылки социалистического отношения. Обойти буржуазность (в прямой ли, в превращенной ли форме) на пути к социализму невозможно. Как нельзя после младенчества сразу стать взрослым, минуя подростковый возраст.

Современные представления о коллективистском обществе неизбежно должны были уйти далеко вперед и от представлений классиков марксизма-ленинизма. Это движение вперед не отбрасывает классическое наследие, а основывается на нем. И прежде чем анализировать современную ситуацию социализма, его соревнования с капитализмом и т.п. надо четко определить современное отношение к классическому наследию.

Современное прочтение классики: концепция или цитата?

Научное и религиозоподобное сознание диаметрально противоположным образом трактуют классические тексты общественнознания. Научный подход предполагает обязательное единство опоры на классику и ее развития с исторических позиций. Религиозоподобный подход предполагает отношение к классике как к вневременному изложению абсолютных истин, которые лучше всего только цитировать, поскольку их в принципе неправомерно ни критиковать, ни дополнять.

С точки зрения религиозоподобного сознания формирование классической (исходной) концепции сугубо субъективно: на первый план выдвигаются личностные качества классика-основоположника и игнорируются конкретные исторические условия его деятельности. Поэтому, по мнению сторонников религиозоподобного подхода к науке, и развивать концепцию может только лицо, по степени своей значимости, по набору исключительных свойств не уступающее классику-основоположнику. Поскольку никаких объективных (собственно личностных) признаков исключительной значимости дел и слов того или иного действующего в обществе персонажа установить невозможно, религиозоподобная (в политическом сознании – «вождистская») традиция выдвигает на эту роль (приписывает, если сказать точнее, эту роль) политическому лидеру: главе партии, главе государства и т.п. Каждый «генеральный», «первый», «главный» оказывается главным, первым и непререкаемым авторитетом *в теории* – после трех канонизированных бесспорных классиков марксизма-ленинизма. Отсюда – дополнение после XVII съезда ВКП(б) классического ряда: Маркс – Энгельс – Ленин еще и именем И.В. Сталина, а потом натужные попытки «встроить» в этот же ряд, хотя бы и на несколько более скромное место Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.Б. Андропова, К.У. Черненко и т.д. Марксизм при этом предстает перед нами фактически как неорелигия, светская форма государственной религии, но не как собственно живая, развивающаяся наука.

С точки зрения религиозоподобного сознания какая-либо критика – это огульное и полное отрицание критикуемого. С научной

критикой такое ее понимание, однако, не имеет ничего общего. Ибо научная критика обязательно включает в себя: (а) выяснение неизбежной для науки исторической ограниченности того или иного положения; (б) выяснение обусловленности условиями практики (то есть, тем самым, и ограничения) той или иной концепции; (в) необходимость дополнения или развития в соответствии с новой исторической практикой той или иной концепции отражением нового в практике в концептуальном содержании науки.

Для философии диалектического материализма свойственно, в том числе, и понимание диалектической непрерывности самого процесса познания. Двигается вперед история, меняется историческая практика, меняется объект познания. *Развивающийся объект может быть познан только развивающимся же познанием.* Эта позиция необходимо приводит к постоянно воспроизводящей себя самокритике научного знания. В каждой научной концепции есть элемент абсолютной истины, но она как целое всегда конкретно-исторична, всегда относительна.

Концепция К. Маркса и Ф. Энгельса отражает тот уровень познания социализма, который вытекал из существа их эпохи. Изолированная же цитата из их работ, взятая сама по себе, невольно выступает как истина внеисторическая, как знание только абсолютное, лишенное конкретного исторического подтекста, лишенное своей относительности. С помощью такого цитирования можно доказывать все, что угодно. Такой подход к научному творчеству классиков и выражает самую суть догматизма: научный текст возводится в ранг неподвижной, вневременной, безотносительной истины. Догматизм поэтому неизбежно приводит к нарастающему отрыву теории от жизни, неизбежно лишает теорию самой возможности предвидения тенденций развития, возможности управления этим развитием.

Социалистическая критика капитализма – таково основное содержание того, что К. Маркс и Ф. Энгельс написали о социализме.¹

¹ «...Она начинается с критики пережитков феодальных форм производства и обмена, доказывает необходимость их замены капиталистическими формами, развивает затем законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т.е. поскольку они идут на пользу общим целям общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С.154. – Авторы.

Дать развернутую характеристику социализма «изнутри», раскрыть свойственные ему противоречия, решить внутренние проблемы развития социализма на его собственной основе они не могли. Достаточно ясно они это сознавали сами, а потому и не пытались это делать. Не в силу недостатка гениальности или ущербности методологии, а потому, что историческая практика еще не поставила эти проблемы в повестку дня.

Вполне естественно поэтому, что К. Маркс и Ф. Энгельс очень скупно высказывались в печати о тех или иных внутренних свойствах социализма и предупреждали своих современников и единомышленников о ненужности и бесплодности такого рода высказываний.

Весьма показательно, что при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса было опубликовано (т.е. ими самими) очень и очень немного из всего того, что было написано ими о социализме и коммунизме. Мы не всегда сегодня ясно понимаем и оцениваем это, забыв, что наиболее обстоятельные экскурсы в теорию социализма были сделаны К. Марксом в работах, предназначенных изначально только «для уяснения вопроса самому себе»: в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.». Не была опубликована при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса и 1-я глава «Немецкой идеологии». Только после смерти К. Маркса была опубликована Ф. Энгельсом (в 1891 г.) «Критика Готской программы», написанная К. Марксом в 1875 г.

Лишь две работы, опубликованные при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса, в той или иной мере содержат в себе прямой анализ социализма как такового: «Манифест Коммунистической партии» (1848) и «Анти-Дюринг» (1878). Работа же Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (которую сам К. Маркс в предисловии к первому изданию 1880 г. назвал «...введением в научный социализм»)¹ представляет собой извлечение из книги «Анти-Дюринг», три главы которой были соединены вместе и дополнены. В остальных работах (включая и «Капитал») характеристики социализма даются спорадически и, как правило, лишь в виде проти-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 245. – Авторы.

вопоставления его гипотетических свойств определенным свойствам капитализма.

Вот почему К. Маркс не без раздражения написал на полях учебника политической экономии Адольфа Вагнера, который несколько напыщенно назвал К. Маркса творцом «социалистической системы»: «...Я никогда не возводил “социалистической системы”»¹.

Искать в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, а во многом – и в работах В.И. Ленина прямые ответы на те или иные вопросы, выдвигаемые современной практикой – практикой конца XX в., – подбирая «соответствующую» цитату, значит не только проявлять неуважение к ним как к теоретикам, но и не понимать суть выработанного ими принципа историзма.

Ответить на наши с вами вопросы – вопросы конца XX в. – задача нашего поколения, имеющего дело с той новой практикой, которая эти вопросы выдвинула.

Новая практика жизни – новая парадигма науки

Концепция возможности победы социализма в одной стране, со всеми вытекающими из нее выводами и следствиями, была новым принципиальным шагом в общей теории социализма, новой парадигмой этой теории. Революционная практика России конца XIX – начала XX в., революционная практика мира в целом создали предпосылки качественного сдвига в научной теории социализма, каковым явилось возникновение и развитие ленинизма.

Прямая постановка вопроса о социалистической революции в одной стране дана В.И. Лениным в публикации 1915 г.². Однако некоторые косвенные источники позволяют предположить, что уже в период революции 1905–1907 гг. в относительно узком кругу теоретиков-большевиков обсуждался в той или иной форме вопрос о возможности победы социалистической революции в одной стране, о характере социалистического развития в новых исторических ус-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 372. – Авторы.

² См. статью: Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы. - Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 351–355. – Авторы.

ловиях, о не предполагавшихся ранее трудностях и сложностях на пути к социализму в этом случае¹.

Мы полагаем, что уже тогда, хотя и в самом общем виде, стало ясно, с какими огромными издержками будет осуществляться социалистическое строительство, поскольку, скорее всего, революция может победить в одной стране, являющейся притом «слабым звеном» в цепи империализма, то есть страной далеко не самой развитой. Социалистическая революция может первоначально победить в не самой развитой стране потому, что только в ней крестьянские и мелкобуржуазные массы, вовлеченные в антиколониальную и антифеодальную революции, могут в той или иной мере поддержать эти революции и развившиеся как их прямое продолжение социалистические преобразования. Только в стране такого типа буржуазия еще не в достаточной степени политически консолидировалась, чтобы в состоянии безусловно претендовать на свою гегемонию в антифеодальной революции, претендовать на власть.

Если бы такой страной оказалась не Россия, все равно, это могла бы быть только страна такого типа, такого уровня развития капитализма, такого средоточия всех главных социальных противоречий современности, как тогдашняя Россия.

¹ В 1907 г. был написан А.А. Малиновским (А. Богдановым) социально-утопический роман «Красная Звезда» (современное издание: Вечное солнце: сборник. М.: Молодая Гвардия, 1979. С. 248–379). На стр. 349–350 мы находим весьма развернутое предположение не только о наиболее вероятной победе (на Земле) социалистической революции первоначально в одной стране, но и о возможных особенностях в реализации социализма в этом случае: «...Отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира... Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с необходимым последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм».

А.А. Богданов не ограничивается одним этим предположением (оно высказано в романе устами его персонажа, а не прямо самим автором). Устами другого персонажа, который в гораздо большей степени близок автору, была высказана уверенность, что такой характер социалистической революции на Земле очень серьезно осложнит и удлинит путь к истинному социализму, но не должен увести историю в какой-то тупик.

В.И. Ленин, который был одним из первых читателей этого романа, оценил его положительно. Его замечания касались лишь некоторых философских постулатов романа, где проявились махистские заблуждения А.А. Богданова, но не его политического прогноза.

Мы полагаем, что суждения о характере и судьбах революции, в художественной форме обрисованные А.А. Богдановым, как раз и являются отзвуком дискуссий, которые не могли не вестись в кругу русских социал-демократов-теоретиков (прежде всего большевиков) во время революции 1905–1907 гг. – Авторы.

В развитии В.И. Лениным теории социализма переломным моментом явилась Октябрьская социалистическая революция. Работы В.И. Ленина «Государство и революция» (август-сентябрь 1917 г.), «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917 г.) написаны с позиций партии, готовящейся к революции, готовящейся к тому, чтобы взять власть, но еще не стоящей у власти. Работы «Как организовать соревнование» (конец 1917 г. – начало 1918 г.) и «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) написаны уже с позиции партии, взявшей на себя всю ответственность за первую в истории попытку построить коллективистское общество, управлять процессом этого строительства.

Для В.И. Ленина было ясно, что решать практическую задачу строительства социализма на уровне одних только общих идей (уровень, на котором велась подготовка к революции) невозможно. Центром теоретической работы теперь должны стать технологии практики и организация практики.

В целом ряде работ 1918–1923 гг. В.И. Ленин, критически рассматривая вопросы социалистического строительства в России, намечает, вместе с тем, и подходы к общей теории реального социализма. Именно подходы, ибо для того, чтобы развить эту теорию в достаточно полном объеме, с проработкой основных проблем социализма, развивающегося на своей собственной основе, нужен был более полный, более богатый опыт, нужна была конкретная практика развития социализма как такового.

Очень важно отметить тот факт, что В.И. Ленин в высокой степени владел тем обязательным качеством исследователя, которое мы бы назвали способностью к теоретической самокритике (эту способность В.И. Ленина первыми в современной литературе отметили и подчеркнули Е.А. Амбарцумов и А.С. Ципко). В.И. Ленин умел отказываться от своих собственных прежних взглядов, если эти взгляды не выдерживали проверки практикой, умел находить такую практическую позицию, которая позволяла не просто отбросить заблуждение, но на этой основе найти верное решение. Свои заблуждения В.И. Ленин умел найти первым, и всегда сам их открыто признавал.

Очень важно иметь в виду, что научно-практическое творчество В.И. Ленина не обособлено от развития всей науки, не может быть противопоставлено широкому фронту исследований 20-х гг. XX в. Оно должно быть представлено как своего рода вершина марксистской интерпретации социальной науки и практики своего времени.

Оглядываясь назад, мы можем заметить даже и то обстоятельство, что ряд старых специалистов, отнюдь не настаивавших на своих симпатиях к марксизму, оценивая экономическую (да и не только экономическую) ситуацию в стране, ее проблемы, оказались более правы, чем заслуженные и правоверные марксисты. Например, Н.Д. Кондратьев, настаивая на том, что в планировании акцент на предвидение и обоснование доминирует над директивностью, оказался более прав, чем С.Г. Струмилин, а Л.Н. Юровский, настаивая на важнейшей роли товарных отношений и рынка при социализме, оказался более прав, чем А. Леонтьев¹. Значительная часть старых специалистов потом – в 1930–1931 гг. – была репрессирована и погибла в 1937–1939 гг., тогда как их оппоненты, причислявшие себя к марксизму, оказались в ряду теоретиков, обосновывавших и оправдывавших экономическую политику И.В. Сталина с его волюнтаризмом и пренебрежением объективными законами.

Целый ряд положений науки 20-х гг. XX в. звучит сегодня чрезвычайно актуально. Многие идеи В.И. Ленина только сейчас находят свое последовательное воплощение в практике. Однако в целом концепция социализма 20-х гг. уже не может быть прямо механически перенесена в наше время. Жизнь ушла вперед и хотя ряд основополагающих положений науки 20-х гг. сохраняет свое значение и сейчас, поскольку характеризует в целом социализм как формационную фазу, никакие извлечения из В.И. Ленина и других авторов того времени не могут снять задач и создания развернутой и конкретной теории социализма конца XX века. Мы должны сде-

¹ См.: Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27–1930/31 гг. // Плановое х-во. 1927. № 3; Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // План. х-во. 1927. № 4; Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12; Леонтьев А. К вопросу о природе хозяйства СССР // План. х-во. 1927. № 4. Публикации, на которые мы ссылаемся – всего лишь маленькая часть обширных дискуссий того времени. Однако они весьма типичны, чем и был обусловлен наш выбор. В целом же дискуссии 20-х гг. нуждаются сейчас в новом изучении. – Авторы.

лать это своими силами, опираясь на методологию классиков, на все найденное общественными науками, и никто за нас, за наше поколение это не сделает, никакие цитаты нас не спасут.

И начинать, и кончать надо в теоретическом осмыслении современности – опять же по примеру классиков – с теоретической самокритики. Восстановление способности к ней – один из элементов преодоления наследия долгой эпохи господства догматизма.

Наука и утопия: отрицание и преемственность

В любой науке проблема предшествующих взглядов не сводится к полному их отрицанию: наука основывается на концепции диалектического отрицания, полагающего, что в каждом отрицании, как его необходимая внутренняя сторона, обязательно присутствует и преемственность.

Для публикаций, характеризующих марксизм, броские заголовки типа «Ни грана утопии!» выдают желаемое за действительное. Действительность сложнее.

Можно (и, безусловно, нужно) заняться специальным исследованием текстов классиков на предмет выявления того, какие элементы утопических идей скрыты в снятом виде в той или иной их концепции. По закону развития сознания, развития науки таковые должны обязательно обнаружиться. Но нас здесь интересует иное: какие элементы утопических представлений оказалось возможно как-то совместить с неутопическими, ввести их в поры научной в целом теории? Ведь многие элементы утопии надолго задержались в программах политических партий, в основе своей принявших концепцию научного социализма, в их идеологических формулах, в сознании идущих за ними масс.

Элементы утопизма в понимании социализма распределены крайне неравномерно в современном обществе. Различные группы в партии, различные классы и слои заметно отличаются друг от друга по характеру сохраняемых утопических представлений. Если у теоретиков – это остаточные представления (хотя они сыграли и продолжают играть существенную негативную роль), то у масс –

это зачастую основа их представлений о социализме. Элементы утопизма при этом сочетаются с остаточными элементами религиозоподобного сознания (смена религиозоподобного сознания научным совершается по тем же законам диалектического отрицания). Именно на основе остаточных элементов утопического сознания, взаимодействующего с такими же остаточными элементами религиозоподобного сознания, возникают наиболее стойкие иллюзии неразвитого социалистического сознания. Нет большего заблуждения, чем считать сознание вождей, партий и масс после революции сразу, целиком последовательно научным.

Самая живучая форма утопизма – это явная или неявная трактовка коллективистского общества как некоего финала истории, общества достигнутого благоденствия и незамутненной справедливости, общества, где уже окончательно решены все мыслимые и немыслимые проблемы. Распространенность этой формы утопизма чрезвычайно велика.

Этот взгляд на социализм весьма устойчив в самых широких кругах общества до сего времени. По своему генезису такое понимание социализма восходит еще к религиозным, весьма живучим и в светской форме, идеям вечного блаженства в потустороннем мире, страдания в настоящем ради будущей счастливой, беззаботной жизни.

Именно к этому пониманию социализма восходит и представление о том, что социализм (а уж коммунизм как высшая фаза формации – безусловно) – это общество, преодолевшее наконец все противоречия. Религиозоподобная метафизика здесь легко переходит в метафизику мировоззренческую, концептуальную.

Критика культа И.В. Сталина и культа личности вообще, пересмотр принципов экономического регулирования, реформа политической системы в 1987–1988 гг., как это ни парадоксально, вызвали своего рода обновление и усиление этого варианта остаточного утопизма. Обсуждая перспективы реализации в ходе перестройки принципов социализма (коллективистских отношений), перспективы обновления устройства общества на социалистических началах, зачастую вновь исходят из понимания социализма как некоего

идеализированного «общества благоденствия, равенства, справедливости»¹.

Утопическое представление о социализме как о некоем обществе абсолютного благоденствия весьма опасно в политическом отношении. Осознание невозможности достичь такого состояния ведет к разочарованию в социализме вообще, к отрицанию его потенциальной эффективности. При этом одни сосредотачиваются на индивидуальных эгоистических целях, другие – пытаются в той или иной форме возродить буржуазные отношения и ценности, кающиеся единственно эффективными.

Элементы подобного утопизма выражаются, в частности, в непонимании природы и роли противоречий при социализме.

Отсутствие, якобы, при социализме противоречий (или, во всяком случае, их второстепенное значение) достаточно долго (до второй половины 50-х гг. XX в.) оставалось официальной версией, соответствующей идеологии культа личности. Даже опубликование (в 1929 г.) прямого высказывания В.И. Ленина о наличии при социализме неантагонистических противоречий² (не говоря уж о методологии классиков в целом) не могло поколебать устойчивого и живучего утопического представления, отвечающего в целом типу культуры и сознания масс.

И до сих пор в официозном обществоведении нет ни одного учебника и учебного пособия (по состоянию на начало 1989 г.), в котором теория социализма последовательно основывалась бы на анализе его основного противоречия³.

Утопические представления связаны также с определением исторических сроков проведения крупных социально-экономических преобразований: индустриализации, массового кооперирования, вступления в полосу первой фазы коллективистского общества и т.п.

¹ Весьма отчетливо проявилось именно такое понимание социализма в дискуссии между Ю.Н. Афанасьевым и редакцией газ. «Правда» о судьбах социализма. См.: Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // Лит. Россия. 1988. 17 июня. № 24. С. 2–3; Кузнецов П. Вопросы историку // Правда. 1988. 25 июня. № 177; Афанасьев Ю. Ответы историка // Правда. 1988. 26 июля. № 206; здесь же: От редакции; Дедков И., Лацис О. Путь выбора // Правда. 1988. 31 июля. № 213. – Авторы.

² Впервые опубликовано в 1929 г. В последние годы переиздано с уточнением текста. См.: Ленинский сборник. М.: Политиздат, 1985. Т. XL. С. 391. – Авторы.

³ А Захар Ильич писал об этом с середины 50-х гг., но публиковать его практически никто не хотел. – Издатель.

Здесь действует иллюзия обыденного сознания, подменяющая закономерные, свойственные самой истории, интервалы исторического времени длительностью индивидуальной человеческой жизни.

«Историческое нетерпение», порожаемое этими утопическими представлениями о социализме, способствует неправомерной оценке и самих методов продвижения к социализму. Так возникло отождествление кооперирования с коллективизацией, идея обязательности взимания «дани» с крестьянства как условия ускорения темпов индустриализации, установка на «замораживание» потребления масс ради ускорения темпов экстенсивного развития экономики, попытки одной лишь директивой перевести народнохозяйственные связи непосредственно на продуктообмен, игнорируя товарно-денежные отношения и т.п.

К утопическим представлениям о характере исторических изменений относится и недооценка сложности, трудности, относительной длительности изменения культуры и сознания масс в процессе перехода к социализму. Желаемое здесь выдается за достигнутое, и создается иллюзия продвижения там, где фактически этого продвижения нет или почти нет.

Здесь названы только некоторые утопические иллюзии, на которых основывались особенно тяжелые негативные явления в процессе строительства социализма. Эти утопические иллюзии долго сохраняли свою силу и в сознании масс, и в представлениях многих политических руководителей.

Во всяком случае, задача последовательного и настойчивого выявления элементов утопических представлений в мировоззрении масс, строящих социализм, в научном обосновании этого строительства остается для общественнознания одной из важнейших как в самом развитии теории, так и в управляющем ее воздействии на практику реального коллективистского общества.

Только в одном отношении утопическое сознание оказывается плодотворным для социальной практики: как метод построения образных моделей возможных вариантов социального развития, как метод мыслительного социального эксперимента.

Утопическое сознание фактически есть органический элемент восприятия социального мира. Это утопическое сознание – погра-

ничная сфера гипотетических социальных прогнозов, вариантов, предположений. Наука в этой сфере не может уже быть сколько-нибудь категоричной, однако она еще в состоянии как-то дисциплинировать творческое воображение. Тем самым утопическое сознание, опираясь на организованную наукой интуицию, строит альтернативы как реальной социальной практике, так и научным прогнозам.

Исследователей истории общественности порой смущает образная форма осмысления социальных процессов, свойственная социальной утопии. Действительно, социальная утопия является пограничной формой сознания между рационально-логическим и образным осмыслением мира. Однако образная форма здесь детерминирована: неполнота информации компенсируется повышенной функцией воображения (фантазии), а она, в свою очередь, рождает тяготение к обобщенно-целостному восприятию отображаемых объектов (то есть к образному их отображению).

Практическое значение утопической формы сознания для осмысления направленности истории (и в том числе необходимости и закономерности коллективистского общества) трудно переоценить.

Любые социальные эксперименты весьма ограничены, поскольку последствия этих экспериментов, если они носят хоть сколько-нибудь существенный характер, необратимы. По этой причине глобальные эксперименты и вовсе невозможны. Утопическая же интуиция, отталкивающаяся от научной трактовки общества, позволяет осуществить мысленные эксперименты там, где реальные эксперименты невозможны.

Средства воздействия на социальные процессы и на самого человека – будь то технические, социальные или психотропные средства – столь радикальны сейчас по своим потенциальным результатам, что любая, даже, казалось бы, малая по смыслу и масштабу новация, любой эксперимент может иметь фатальные последствия. Применение методов образного моделирования альтернативных форм социального бытия, свойственных утопическому сознанию, может сыграть очень большую роль в обеспечении самосохранения человечества.

Современное состояние научной теории коллективистского общества

В 30–40-е гг. XX в. – научная теория коллективистского общества – в ее «видимой» части (то есть в публикациях) – обогатилась мало.

В работах И.В. Сталина практически нет самостоятельных идей, которые могли бы действительно пополнить фундаментальные представления о социализме, а вся другая литература того времени могла только следовать «гениальным указаниям» вождя.

Однако наука не могла быть полностью заглушена. Еще в самом начале 40-х гг. был опубликован ряд интересных разработок по автоматизации производства (ее социально-экономическим аспектам), по хозяйственному расчету и т.п. Даже в собственно теоретических аспектах исследования проблем коллективистского общества изредка появлялись весьма интересные, новаторские работы. В качестве примера можно назвать статью Н. Власова «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества»¹. Конечно, немалая часть работ осталась в столах исследователей. Из этой части научного наследия пока опубликовано чрезвычайно мало.

Культ личности во всех его вариантах был неизбежно связан с догматизацией социального знания, с абсолютизацией роли возвеличиваемой личности в развитии теории, с игнорированием коллективного научного творчества. С культом неизбежно была связана доминирующая роль пропаганды по отношению к науке. На первый план вместо творческого развития теории вышли распространение, популяризация и прославление всех высказываний возвеличиваемой личности. Вершиной пирамиды научной теоретической деятельности оказалось создание популярных, рассчитанных на очень широкий круг читателей учебников. Учебник становится средоточием нормативного знания: не наука предопределяла содержание учебников, а учебники диктовали науке нормативную, официозную интерпретацию тех или иных основных идей и фактов.

¹ Опубликована в журнале «Под знаменем марксизма». 1940. № 3–4. – Авторы.

В период после 1956 г. (после XX съезда КПСС) научная теория социализма продвинулась вперед. Этому способствовало прежде всего и главным образом развитие философии (опять-таки преимущественно не в трудах официозных лиц и институтов). Однако степень теоретического осмысления конкретных социальных проблем и теории социализма заметно отставали от продвижения вперед общей методологической основы социального знания. Качественного сдвига в научной теории социализма не произошло, хотя ряд важных идей были высказаны и утвердились в науке.

Уже в 60-е, но в особенности в 70-е и начале 80-х гг. XX в. в обществоведческих науках устанавливается весьма своеобразное положение. На уровне официозной науки (центральные издательства, главные академические гонорарные журналы, учебная литература и т.п.) наука, если и двигалась, то черепашьими шагами. Засилье утопических идей, вульгарно-апологетической методологии в основном и главном сохранилось. А подлинные новации в науке о социализме мелькают, время от времени, преимущественно в периферийных (особенно вузовских) изданиях, безгонорарных журналах, тезисах научных конференций и симпозиумов и т.п., то есть там, где заслон подлинному научному творчеству был ощути-мо слабее.

Если судить по подлинному творчеству, по подлинным приоритетам (а их до сих пор в обществоведческих науках еще всерьез не пытаются выявлять), то все, что проводится сейчас в жизнь по программам перестройки, все позитивное в решениях XXVII съезда КПСС, XIX партконференции было «наработано» советской наукой в 60–80-е гг. (а порой и значительно раньше). Науке можно было мешать, но остановить ее не могли даже трудные условия периода культа личности, периода застоя.

Условия развития научной теории социализма в принципе не просты и не однозначны. Культ личности усугубил все негативное итак в остро противоречивом процессе этого развития. А сегодня еще слишком мало сделано для подлинно научной критики культа личности. Это тормозит и исследование подлинной истории советского обществоведения. Не изжитые до сих пор авторитаризм в науке, разрыв между официозной наукой и всем научным сообще-

ством («вся наука») мешает созданию действительно оптимальных условий для развития подлинно научного представления о коллективистском обществе.

Всякая, даже самая революционная философия имеет свою консервативную сторону, писал Ф. Энгельс: «...Каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий...»¹. Ф. Энгельс отмечает при этом: «Консерватизм этого способа понимания относительно, его революционный характер абсолютен²...». Однако, когда эта консервативная сторона становится одним из атрибутов государственной политики, она неизбежно усиливается, воплощается в определенные социальные институты, находит свою опору в общественных группах. Каждое данное состояние социалистического общества, с одной стороны, необходимо нуждается в обосновании, оправдании, защите, а с другой стороны, в научной критике, без которой невозможно его поступательное развитие.

В социалистическом обществе (особенно в период его становления) научная теория общества раздирается острейшим противоречием. С одной стороны, диалектическое понимание общества не допускает никаких уступок апологии социализма: апологетический подход лишает теорию ее возможностей активного воздействия на социальную практику. С другой стороны, марксизм-ленинизм приобретает статус официальной государственной философии, что создает благоприятные условия для апологетики³.

Статус официальной, нормативной программной социальной концепции неизбежно стимулирует консервативную сторону зна-

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 275–276. – Авторы.

² Там же. С. 276. – Авторы.

³ Вот что писал, например, Р.И. Косолапов: «...Недооценка марксизма в качестве руководства к действию или же превращение его исключительно в объект ритуального словословия становились причинами серьезных политических просчетов... Такие же результаты порой давали попытки довольствоваться марксизмом, изложенным в популярных учебниках...». (Литературная газета. 1984. № 5 (4967). С. 2). Это было сказано в свое время не столько по нашему непосредственному поводу, однако сейчас в изрядной степени должно быть самокритично отнесено и к нам самим. Состояние общественознания с тех пор неоднократно подвергалось суровой критике, в том числе на XXVII съезде КПСС и XIX партконференции, однако сдвиги пока не слишком велики. Даже Программа КПСС продолжает изобиловать серьезными недостатками с точки зрения современной теории марксизма. Положение в общественных науках требует радикальных мер по его исправлению. Появилась и большая литература об этом. – Авторы.

ния. За альтернативными точками зрения стоят интересы тех или иных группировок, борющихся за влияние, за политическое доминирование в партии и обществе, и это произвольно создает стимулы к догматизации какой-то из альтернативных точек зрения. Поэтому отнюдь не случайно в системе отношений культа личности была органически заложена тенденция превращения государственной философии в государственную религию (идея эта была высказана в свое время Ю.А. Левадой).

Марксизм как наука об обществе (т.е. такое знание, которое невозможно проигнорировать, поскольку люди живут только в обществе) нуждается во всеобщем распространении. Социальная активность, нормативная для коллективистских отношений, создает ситуацию объективного пробуждения интереса к социальной теории марксизма, хотя этот интерес может быть либо принимающим марксизм, либо отвергающим его. Как «философия практики» (так А. Грамши называет марксизм в своих «Тюремных тетрадах»¹), марксизм, если так можно выразиться, должен «сам себя распространять», поскольку должен давать системное, последовательное и целостное обоснование всех основных аспектов социальной практики.

Огосударствление марксизма как официального мировоззрения сыграло злую шутку с официозной наукой. Ей может быть и в самом деле казалось, что она наследует К. Марксу. Однако налицо фактически была лишь иллюзия.

По оси физического времени официозная наука в СССР, считающая себя «марксизмом», развивалась спустя 40–50 лет после смерти К. Маркса. Но реальное историческое время определяется отнюдь не только ходом времени физического. Степень развитости социальных отношений и, соответственно, социального знания – вот ключ к подлинно историческому времени в содержании научных постулатов.

¹ Это название марксизма прямо исходит из идей, развитых К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе», где одним из главных пунктов является идея о непосредственно практической функции новой философии. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 264–266.

Работа А. Грамши «Тюремные тетради», где название марксизма «философия практики» проходит через весь текст, издана на русском языке в томе III его «Избранных произведений». М.: Политиздат, 1959. – Авторы.

По характеру социальных отношений в предреволюционной России и в первый послереволюционный период (как минимум, до конца 30-х гг.) социальное знание даже по объективным обстоятельствам могло тяготеть не столько к К. Марксу, сколько к общественной мысли неразвитого капитализма: к А. Смит и Д. Рикардо, к А. Сен-Симону и Ш. Фурье, к Г. Бабефу и О. Бланки... Только усилиями субъективного фактора – самого научного сообщества – социальное знание, преодолевая сопротивление среды и исторического времени, поднималось к марксизму.

Пока тонус и направленность субъективного фактора определялись, прежде всего, усилиями В.И. Ленина, субъективный фактор с этой трудной и сложной задачей в основном справлялся. Но по мере того, как росло влияние на развитие социального знания И.В. Сталина, его окружения, тех персонажей в науке, которые представляли новые официозные тенденции (С.Г. Струмилин, Н.А. Вознесенский, Л.А. Леонтьев, В.П. Милюгин, Л.М. Гатовский и др.), осуществлялись уступка за уступкой вульгарной методологии. А с середины 30-х гг. XX в. она уже господствовала безраздельно. За подлинный марксизм теперь были выданы вульгарная методология, сходная с методологией Джеймса Милля, и «казарменный социализм» Г. Бабефа.

Во времена Ф. Энгельса философские концепции «...давали закваску... популярной литературе и ежедневной печати, из которых среднее “образованное сознание” черпает свой запас идей»¹. Но для социализма этот запас популярных философских идей имеет особое значение: в условиях коллективистских отношений он должен обеспечивать практическое участие каждого в управлении.

При распространении вульгарно-апологетической интерпретации марксизма его практическая направленность повисает в воздухе, ибо может представлять собой лишь эклектическую смесь из обрывков вульгаризированной теории, здравого смысла, накопленного опыта. Идеология как бы «выносится за скобки» реальной практики. Этому соответствует и свой критерий усвоения такого вульгаризированного марксизма: знания оцениваются не по их

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 279. – Авторы.

практическому, прикладному потенциалу, а по успешности усвоения для разного рода экзаменов.

Неудовлетворенность таким вульгарно-апологетическим содержанием «марксизма учебников», постепенно ставшим очевидным, породила в нашем обществе ряд негативных явлений в системе мировоззрения, социального самосознания. Какая-то часть людей (преимущественно интеллигентных) преисполнилась скептицизма по отношению к самой научности марксизма. Она склоняется к тому, чтобы отождествить «марксизм учебников» с марксизмом как наукой. Именно эта категория лиц тяготеет к тому, чтобы искать для себя мировоззренческие основы в каких-либо вариантах немарксистского объяснения социального мира.

Известная же часть общества отказывается от какой-либо философии вообще, сделав содержанием своей жизни потребительство: либо в прямом варианте вульгарного накопительства и «вещизма», либо в варианте безудержного и беспринципного карьеризма, либо в таких формах ухода от социальной жизни, как алкоголизм, наркомания и т.п.

Негативные явления в развитии мировоззрения неизбежно порождают и ряд негативных социально-экономических явлений. В немалой степени ими объясняется снижение уровня творческой направленности в труде, рвачество, безразличие к ходу общественных дел, безответственность, равнодушие и т.п. Всякая деформация осознанного и взвешенного отождествления главных интересов индивида и общества – принятия целей и ценностей коллектива (на всех уровнях коллективности) в качестве своих личных целей – ведет к снижению, а то и к потере общественной активности личной деятельности.

Необходимость новой парадигмы марксистского социального знания

После завершения в основном «подтягивания предпосылок» социализма коллективистское общество вступает в тот период своего развития, которое можно условно назвать развитием на своей собственной основе. И сразу обозначилась критическая ситуация: научное обеспечение социально-экономического развития на том

уровне, на котором оно существовало в закончившийся период, теперь стало совершенно недостаточным, негодным. Потребовалось качественное продвижение вперед в теории: стала необходимой новая парадигма¹ марксистского социального знания. Однако процесс ее рождения сильно затянулся.

Фактически уже реформы 1953–1964 гг. (реформы Н.С. Хрущева) потребовали принципиально нового научного обоснования. Однако инерция субъективистского осуществления социально-экономической политики, восходящая к практике культа личности, оказалась непреодолимой на столь малой исторической дистанции.

Консервативный переворот 14 октября 1964 г. на долгие годы задержал процесс коренной реорганизации социализма и развития его научной теории. Налицо была попытка законсервировать преобладание экстенсивных форм развития, попытка законсервировать социально-политические отношения режима культа личности и, соответственно, его научно-теоретическое обеспечение. Официозная наука осталась в кругу старых догм, теперь уже абсолютно лишенных какого-либо прикладного содержания. Развитие науки не остановилось совсем, но было оттеснено на ее периферию.

Своевременный перевод социалистического общества на новые (интенсивные) методы развития, преобразование его экономических, политических, идеологических отношений оказались сорванными. Обозначилось резкое отставание от капитализма уже не только в экономическом развитии, но и в ряде аспектов социальных отношений, одной из причин которого было отсутствие необходимого научного обеспечения социально-экономического развития и субъективизм в социально-экономической политике.

Своего рода итоговая оценка теоретического наследия прошлых лет в общественных науках отражена в речи Ю.В. Андропова на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС: «...Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудим-

¹ «...Понятие "парадигма" определяют по-разному, но смысл его таков: теоретическая концепция, господствующая среди представителей данной области науки» (См. Яхиел Нико. Социология науки: пер. с болг. М.: Прогресс, 1977. С.189. Несколькими строками выше Н. Яхиел также определяет парадигму науки как «дисциплинарную матрицу»). Трактовка развития науки через качественные изменения ее парадигм (в противовес кумулятивному развитию) была предложена в 1962 г. специалистом в области науковедения Томасом Куном (см.: Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975). – Авторы.

ся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»¹. Мысль эта теперь неоднократно повторена и развита в официальных решениях КПСС, в выступлениях руководящих деятелей партии и государства, в работах специалистов, в публицистических статьях. Однако серьезное и углубленное исследование состояния и развития теории социализма еще впереди.

Классическое наследие марксизма-ленинизма может явиться лишь предпосылкой и основанием для современной парадигмы научной теории социализма. Сегодня слова о необходимости творческого отношения к классическому наследию перестали быть пустой идеологической декларацией. Эта необходимость проявила себя как одно из главных условий выживания социализма. Вместе с тем эта идея и сегодня встречает сопротивление со стороны всех тех, кто построил свое личное благополучие в науке и обществе на рецидивных формах культа личности, на вульгаризации марксизма, на подмене науки апологетикой.

Схематически обозначить сущность новой парадигмы марксистского социального знания можно примерно следующим образом:

Критика всех досоциалистических общественных форм (и особенно капитализма). Доказательство необходимости, прогрессивности их замены коллективистским обществом. ⇒	Анализ сущности коллективистского общества, основанный на исследовании свойственных ему неантагонистических противоречий. Анализ исторической прогрессивности социализма, критериев его состояния и развития, его исторической ограниченности. ⇒	Критика социализма с позиций высших форм коллективистского общества (высшей фазы коммунизма).
---	--	---

Более или менее становится понятным и то, что задача создания новой парадигмы марксистского социального знания вряд ли может уже в принципе быть решена сегодня кем-либо единолично: слишком сложна, масштабна и разнопланова практика, которую необходимо обобщить, слишком сложна и многопланова са-

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 14–15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983. С. 19. – Авторы.

ма теория, которая должна быть доведена до достаточно конкретного уровня, ибо развитие теории для того и требуется, чтобы обеспечить новые потребности практики. Реализация этой задачи требует коллективного разума, коллективных усилий ученых-марксистов, опирающихся на весь совокупный опыт социалистического строительства,

В этом отношении быть может последним серьезным рецидивом догматического отношения к классике является представление о том, что марксизм как науку развивает не столько само научное сообщество, сколько политические институты: съезды и конференции правящей партии, пленумы ЦК этой партии, постановления и т.п. Эти представления – не более, чем иллюзия.

Развитие науки – задача самого научного сообщества. Политическим же институтам свойственна функция выбирать для реализации из предложенных наукой альтернатив те или иные, оптимальные в данных конкретных социально-экономических, социально-политических условиях. Если же развитие науки приписывается политическим институтам, то с науки снимается ответственность за ее собственное содержание и одновременно она лишается важнейшего стимула творческого развития. Пока, однако, в положении и роли науки в обществе качественных изменений не произошло.

Одной из наиболее трудных для современного обществознания новаций является требование марксистского (т.е. научного, теоретического) плюрализма.

С одной стороны, это требование предполагает альтернативность выводов и рекомендаций в рамках общей марксистской направленности социального знания. В той мере, в какой альтернативны те или иные социальные управленческие решения, альтернативно (в пределах принципиальной определенной направленности истории) реальное развитие общества, альтернативны и постулаты научной теории. Более того, вариативность теоретических выкладок должна в принципе быть «с запасом», т.е. быть по своему диапазону шире, чем реальные возможности развития.

С другой стороны, это требование предполагает широкое использование тех или иных конкретных оценок и решений, предлагаемых немарксистской научной мыслью. Напомним, что извест-

ный исследователь развития науки Т. Кун специально предупреждал, что тенденция считать ушедшие в прошлое постулаты, сделанные в ключе господствовавших прежде парадигм, ненаучными, является заблуждением. Эти постулаты сохраняли свою истинность в том диапазоне, в котором они верно отражали реальную практику. Фактически этот подход должен распространяться и на немарксистскую науку: в ее выводах много практически ценного и верного, что и должно быть органически усвоено творческим современным марксизмом.

Для современного обществознания чрезвычайно важно и осознание известной неопределенности (то есть перманентной относительности) социального знания. Элемент неопознанности, неопределенности в объяснении социального мира и, соответственно, элемент риска в управленческих решениях неизбежны в обществознании, как и в каждой другой науке. Развитие общества ведет к потенциальному нарастанию этого риска, а потому возможность обоснованного выбора оптимальных вариантов управленческих решений имеет принципиально важное значение для современного марксистского обществознания.

Все это вместе взятое и должно получить свое отражение в новой парадигме марксистского обществознания как «философии практики».

Сегодня возвращение марксизму его подлинно творческого духа только начинается. Официозный марксизм, сосредоточенный в учебниках, все еще служит образцом непонимания диалектики, образцом превращения науки в «государственную религию». Фактически мы находимся еще в самом начале коренного переворота в марксизме. Либо этот революционный переворот позволит марксизму вновь вернуть себе статус и роль «философии практики», либо, если этот процесс будет почему-либо прерван, делу реализации принципов коллективистского общества будет угрожать серьезнейшая опасность.

Глава II.

НЕОБРАТИМОСТЬ ИСТОРИИ И ЗАКОНОМЕРНЫЙ ХАРАКТЕР ПЕРЕХОДА К КОЛЛЕКТИВИСТСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

История есть способ бытия общества. Именно историей следует, прежде всего, выверить возможность и необходимость новой прогрессивной ступени развития общества – коллективности.

Марксизм считает коллективность закономерной формой общественных отношений. Однако закономерность не означает, что коллективность может утвердиться «автоматически»: «...люди сами делают свою историю...»¹, подчиняясь определенным образом проявляющейся необходимости.

Материалистическое понимание истории

Общество вышло из природы и существует в природной среде. Воздействие общества на природу с целью удовлетворения общественных (человеческих) потребностей осуществляется с помощью производительных сил.

Производительные силы – это не нечто застывшее, неизменное. Производительные силы – это процесс. По своей структуре они триедины: в них входит техника, сам труд как деятельность, человек как субъект труда, как работник. Их воздействие на общий ход истории проявляется в каждом из трех описанных ниже аспектов²:

– изменение техники производства, технологии по свойственным им законам обуславливает объективный ход истории, определяет историю как естественноисторический процесс;

– развитие труда как деятельности означает детерминацию хода истории характером живого труда, предстающего перед нами в конкретной исторической форме, в конкретной его разнообразии, во всей сложности отношений между участниками общественного труда;

¹ Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу. 25 янв. 1864 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175. – Авторы.

² Подход этот предложен в книге: Келле В.Ж. и Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. – Авторы.

– развитие человека как субъекта труда проявляется в изменении и совершенствовании его квалификации, усложнении его функций. В свою очередь это, в конечном счете, является основанием для его развития как личности, для качественного изменения его роли и места в системе социально-экономических отношений.

Динамическое взаимодействие этих трех аспектов в единстве и образует живую историю производительных сил. В этой истории производительные силы не только растут количественно (по своей собственной массе и мощности, а также по своему прямому производственному результату), но и меняются качественно.

В условиях современности характеристики наиболее развитых производительных сил тяготеют уже не столько к возможностям обеспечения с их помощью экстенсивного роста продукции (роста объемов, количества продукции), сколько к самым разнообразным критериям качественного их совершенствования: способности к автономному (без вмешательства живого труда) функционированию, оптимальности по экологическим критериям, способности к переналадке в широком диапазоне ассортимента продукции, способности к выпуску продукции с вариативными свойствами и повышающимся качеством и т.п. В ряде отраслей сегодня с помощью действующих производительных сил на их современном уровне возможно полное насыщение потребностей общества по их объемным критериям (производственное изобилие). Экономической задачей производства в этом случае становится как оптимизация самих потребностей, так и продукции, их удовлетворяющей.

Возможность производственного изобилия выводит на первый план в общественном развитии уже не экстенсивные характеристики производства и даже не качество самих производительных сил, а характер использования этих производительных сил для нужд человека, для обеспечения каждому индивиду экономических условий его свободного функционирования и развития в обществе. Характер отношений в производстве: эффективность общественной организации труда и производства, распределение и использование материального богатства общества, характер взаимодействия экономического потенциала и условий развития человека в обществе и

т.п. – вот сегодня критерии прогрессивности исторического типа общественных отношений.

Именно здесь сегодня заложено размежевание индивидуалистически и коллективистически построенных общественных отношений. В конечном счете, это – проблема типа и смены общественно-экономической формации.

Общая концепция формационного развития общества была заложена К. Марксом и Ф. Энгельсом. Сегодня ряд аспектов этой концепции уже достаточно далеко ушли вперед и вглубь от классической ее основы. Однако новые данные исторической науки не колеблют концепцию последовательной и закономерной смены формаций, хотя одновременно и показывают, что в этой концепции значительно больше сложностей, больше разнообразия форм, чем казалось веком раньше.

Смена формаций – в основе своей закономерный процесс. Вариативность его для каждой страны не может снять одно из основополагающих положений: «лишних» формаций в истории не было и быть не могло. Каждая предшествующая формация в общем ходе истории порождает последующую, создает для нее предпосылки. Отклонения от этого принципа в истории той или иной страны могут быть вызваны лишь взаимодействием соседствующих стран с разным уровнем формационного развития. Капитализм же является в общеисторическом процессе той формацией, которая предшествует коллективистским отношениям и непосредственно формирует их предпосылки.

Оценка прогрессивности новой формации (для нас в данном случае – формации коллективистской, коммунистической, ее первой фазы – социализма) требует всесторонней характеристики основных ее сторон, развернутого сопоставительного анализа с формацией предыдущей – с формацией индивидуалистской, эксплуататорской – с капитализмом, соревнование с которым является существеннейшей чертой современной эпохи.

Направленность истории и проблема прогресса

Проблема соотношения понятий, описывающих характер истории: «движение – развитие – прогресс», вызывала и вызывает ожесточенные дискуссии. Столь сложный философский вопрос имеет и остро политический аспект. Достаточно признать правомерность понятия «прогресс», как мы неизбежно должны будем ответить на вопрос и об общей направленности истории, о характере прогресса человеческого общества, о критериях прогрессивности общественного развития.

Современный человек даже на уровне обыденного сознания отчетливо понимает идею развития общества: за время жизни одного поколения в мире происходят столь значительные и столь радикальные изменения, что простое отрицание развития общества, простое отрицание исторического движения рушится на глазах людей и без специальных научных изысканий. Защита привилегий того или иного класса, слоя всегда принимает форму апологии реально существующих социальных систем. Отсюда – широкий набор толкований движения общества, сводящихся, явно или неявно, к отрицанию его качественного совершенствования, его прогресса. Грешит этим, прежде всего, современное буржуазное понимание истории. Но находится в конфронтации с идеей прогресса и вульгарно-апологетическая трактовка социализма.

Историю порой предлагают понимать как совершенствование некоего изначально заданного естественного состояния общества.

Если естественным объявляется общество индивидуалистическое в своей основе, то с этой точки зрения общество коллективистское выглядит боковой тупиковой ветвью истории, само возникновение которой связано то ли с экономической слабостью, заставившей использовать коллективизм как форму, позволявшую на какое-то время максимально форсировать экономическое развитие, то ли с культурной традицией этнического характера (например, с этнической традицией русского народа, якобы исконно жаждавшего общинности в условиях сильной централизованной власти).

Если же естественным состоянием предлагается считать общество коллективистское, то высшая фаза коммунизма (и коммуни-

стическое общество в целом, в принципе) трактуется как финал истории, ее полное и окончательное завершение. Такой подход столь же метафизичен, как и противоположное понимание естественного в социальном процессе.

Материалистическая концепция истории в принципе отрицает само понятие «естественного» состояния общества, а потому – и наличие какого-либо финала истории. Коллективистское общество – это не завершение истории, а лишь закономерно обусловленная ступень его исторического развития. Финалистская же иллюзия в понимании исторического процесса рождается в связи с закономерным относительным ограничением поля видения науки.

В истории общества, как и во всяких других отраслях знания, конкретное поле видения науки не беспредельно в каждый данный момент. Оно прежде всего определяется человеческой практикой (частично оно зависит от степени продвижения вперед и смежных наук). В принципе, в потенции познание беспредельно, однако его границы в каждый данный конкретный момент достаточно строго определены, они движутся постоянно, но в каждый данный момент находятся на определенном рубеже. Это в полной мере относится и к нашим представлениям о направленности истории, о будущем человеческого общества,

Наиболее общим (и тем самым наиболее абстрактным) критерием прогрессивности той или иной формации является развитие производительных сил. Однако такая формула слишком абстрактна для повседневной социальной практики. Попытки ее прямолинейного использования руководством страны (в условиях догматического понимания марксизма) привели в нашей стране к абсолютизации лишь одного критерия характеристики производительных сил – объемных показателей. Как следствие – СССР опережает США по выплавке стали, добыче нефти, количеству производимых тракторов, количеству производимых пар обуви и т.п., но, безусловно, отстает в целом по комплексной характеристике степени развития тех же производительных сил и уровню жизни.

Социальная практика подвела нас к отказу от иллюзорного, полуутопического представления о том, что чисто количественный рост производительных сил современного типа может обеспечить

быстрый переход на высшую фазу коммунизма, что вся проблема такого перехода сводится к созданию производственного изобилия основных потребительских благ. Однако эти иллюзорные представления дважды входили в официальные программные документы ВКП(б)-КПСС: на XVIII съезде в 1939 г. и на XXII съезде в 1962 г. Не избежала этого ошибочного понимания и редакция Программы КПСС, принятая XXVII съездом (1987 г.). В сфере политики, в сфере обыденного сознания эти иллюзорные представления до сих пор весьма популярны.

Для нашего времени (и современной науки об обществе) характерна тенденция к принципиальному расширению критериев прогрессивности того или иного общественного устройства. Критерии прогрессивности социального строя сегодня предстают перед нами как сложная и многосторонняя система характеристики состояния общества. Ниже мы более конкретно рассмотрим некоторые из критериев прогрессивности, принятых в качестве безусловного значимых для современного социального процесса.

Характеристика степени прогрессивности коллективистских отношений (причем надо помнить, что и понятие прогрессивности в полной мере самопротиворечиво) может быть уяснена поэтому только на основе всестороннего анализа и теоретического обобщения реальной социальной практики.

**Методология формационного
анализа социализма:
общие принципы
научного подхода к явлению**

Методологические позиции в анализе социальных отношений имеют решающее значение для обеспечения научного подхода исследования и для логического построения изложения.

Пока данные (рассматриваемые) социальные отношения расположены для исследователя на оси исторического времени где-то в более или менее отдаленном будущем, пока нет исторической практики, относящейся непосредственно к данным отношениям, представления об этих отношениях даже при их полной научности носят в известном смысле идеализированный характер. Идеализа-

ция здесь – следствие вынужденного (поскольку объекта еще нет в реальности) надпрактичного абстрагирования. Критерием такого уровня абстрагирования при анализе общественных отношений является тот факт, что определяющее, сущностное противоречие данных отношений пока выделить невозможно.

Именно такими были (и только такими могли быть) представления К. Маркса и Ф. Энгельса о социализме и коммунизме.

После революции, по мере того как социалистическая тенденция истории становится реальностью, идеализированные представления о социализме логикой истории неизбежно превращаются в безусловно односторонние, неполные, недостаточные. Теперь на первый план выступает уже другое представление о социализме: различие теоретического представления о социализме и практики социализма реально существующего.

Теоретическое представление о социализме – это его характеристика в чистом виде и в развитом виде, т.е. представление о социализме именно в том методологическом ключе, в каком К. Маркс в свое время характеризовал капитализм в «Капитале». Анализ этот должен быть лишен и тени идеализации. В центре строго научного теоретического исследования необходимо должен лежать анализ внутрисущих социализму противоречий.

Только противоречие данного явления, данного отношения может дать наиболее глубокое и целостное представление о его сущности. Дальнейшее движение анализа вглубь явления было бы уже сопряжено с разрушением целостности, поскольку стороны противоречия (т.е. образующие его противоположности) выступили бы в качестве самостоятельных, относительно обособленных явлений социального процесса. Гегель справедливо полагал, что противоречие есть возвышение разума над ограниченностью рас­судка и ее устранение¹.

Реальное же представление о социализме (равно как и о капитализме) – это представление о нем с учетом всего исторически особенного и единичного, с учетом и случайностей, то есть всех особенностей индивидуального развития. Здесь должно быть учте-

¹ Гегель Г.Ф.В. Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т. I. С. 99. – Авторы.

но и конкретное представление о стране, о реальном историческом времени для данной страны, о специфических особенностях (вариантах) данного конкретного исторического процесса движения общественных отношений. В полной мере здесь должно быть учтено влияние субъективного фактора, причем опять-таки не в обобщенной (абстрактной) форме, а в совершенно конкретной форме, когда учитывается все, включая и индивидуальные личностные качества персонажей, влиявших на ход истории.

В ходе и исследования, и изложения необходимо разграничить всегда точно и конкретно, в каком ключе анализа рассматриваются социальные отношения: идеала, теории, реалии. Обязательные переходы с одного уровня анализа на другой должны быть четко обозначены. Именно единство всех трех уровней анализа общественных отношений способно в конечном итоге привести нас к объективной истине.

Абстрактная теоретическая модель социализма позволяет связать конкретную историю социализма в данной стране с общим формационным процессом. Бессмысленно абсолютизировать как один лишь абстрактный подход, так и один лишь конкретный. Научная истина всегда требует их единства. Соответственно, только в своем единстве эти характеристики социализма могут служить основой для практики.

В истории социалистического строительства в СССР гипертрофия абстрактного подхода получила четкое выражение в попытках игнорировать все негативное (по философской классификации – преимущественно особенное и единичное), что было в этой истории: все ошибки, неудачи, искажения первых лет социалистического строительства, культ личности И.В. Сталина с его волюнтаризмом, дилетантизмом в политике и массовыми репрессиями, культовые методы преодоления сталинского наследия Н.С. Хрущевым, попытки консервации методов управления и культовой политической организации Л.И. Брежневым и М.А. Сусловым...

С другой стороны, гипертрофия конкретного подхода не позволяет выявить и научно оценить природу этого негативного, ставит под сомнение само наличие всеобщего – социализма как формационного состояния общества – и в тенденции, и в реальном бытии.

Наиболее общая (и вместе с тем неизбежно абстрактная) характеристика социализма дана в формуле его объяснительного принципа.

Объяснительный принцип коллективистского общества (социализма) представляет собой отражение в теории диалектического характера перехода от капитализма к социализму. Его две стороны – это две противоположности, существующие только в единстве и взаимопроникновении. Тем самым объяснительный принцип принимает форму диалектического противоречия.

Доминантной стороной объяснительного принципа как отражения противоречия является историческое отрицание: коллективистское общество (социализм), как более прогрессивное, то есть более человеческое, более справедливое и т.п., сменяет индивидуалистическое (капитализм). В характеристике коллективистского общества как отрицания капитализма на первое место выдвигается полярная противоположность коллективизма индивидуализму, образуя внутреннюю сущность капитализма.

Даже ранний, неразвитый капитализм уже образует достаточную совокупность объективных исторических условий, чтобы идея сравнительной исторической прогрессивности коллективизма могла сформироваться, получить концептуальное выражение. В этом – историческая закономерность самого появления утопического социализма, обусловленность его содержания, равно как его достижений, так и его ограниченности.

Другой стороной объяснительного принципа как отраженного противоречия является характеристика исторической преемственности (непрерывности истории) при переходе от индивидуалистического общества (капитализма) к коллективистскому (социализму).

Характеристика исторической преемственности заключается прежде всего в той закономерности, что все без исключения коллективистские отношения формируются на основе объективных предпосылок, сложившихся исторически в наиболее развитых отношениях индивидуалистического типа, то есть отношениях капитализма. Каждое конкретное отношение социализма возникает из предпосылок, сложившихся в том или ином конкретном отношении капитализма. Наиболее глубокой характеристикой отношения ка-

питалистического типа, его самым важным сущностным свойством является способность выступать предпосылкой социализма. Это свойство характеризует данное капиталистическое отношение исторически, то есть как самое развитое его состояние.

Логическим следствием этой стороны объяснительного принципа социализма является выяснение, какой именно социальный класс выступает носителем социалистической тенденции истории, в борьбе и взаимодействии каких классов реализуется историческая потребность в коллективистских отношениях.

В этой стороне объяснительного принципа потребность в коллективистских отношениях, лишь умозрительно вначале постигнутая социалистами-утопистами, выступает перед нами уже в новом качестве: как закономерность истории, как объективная историческая обусловленность социалистической революции.

Для того чтобы эта сторона объяснительного принципа могла быть понята и обоснована в теории, нужна иная, исторически более развитая теоретическая основа, чем для утопического социализма. Необходимо, чтобы капиталистические отношения сложились и в достаточной степени созрели, чтобы именно эти отношения стали господствующими в обществе. Эта сторона объяснительного принципа социализма в его исходной форме и была обоснована К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Но в единстве своих двух сторон объяснительный принцип социализма приобретает новое качество: он теперь в принципе освобождается от утопизма и становится научным отражением объективной закономерности истории. Утопическое видение коллективистского общества перерастает в научное знание.

Полярная противоположность формационных свойств капитализма и социализма выступает в качестве первой, названной нами выше составной части объяснительного принципа, т.е. в роли конкретного методологического правила (приема) для всякого обществоведческого анализа коллективистского общества и социализма в частности.

Современная международная ситуация – необходимость длительного и обязательно мирного сосуществования с капитализмом, очень высокая (значительно выше, чем это казалось раньше) спо-

способность капитализма приспосабливаться к изменившимся условиям сосуществования – не может при всем том снять принципиальной полярной противоположности свойств капитализма и социализма. И в новых условиях эта противоположность – атрибутивное свойство сосуществования двух систем – старой и новой. Мирная трансформация капиталистического индивидуалистического общества в коллективистское (более высокого качества, чем нынешний социализм) не означала бы снятие противоположного характера их свойств, ибо все равно был бы налицо революционный переход от старого качества – индивидуалистического общества – к новому – к обществу коллективистскому.

Любое социально-экономическое отношение коллективистского общества в каких-то главных своих свойствах полярно противоположно аналогичному свойству капиталистического общества. Генетическая связь этих явлений (например, товарных отношений при капитализме и при социализме) является не отрицанием, а, наоборот, основанием и предпосылкой полярной противоположности их глубокой сущности. Надо лишь найти диалектический подход к этой сущности.

Другой составной частью объяснительного принципа является генетическая характеристика социализма как первой фазы, первой ступени коллективистского общества: социализм (как новое) может возникнуть только на основе предпосылок, сложившихся «внутри», в самом существе отношений капитализма (старого), а потому социализм характеризуется не только отрицанием по отношению к капитализму, но и преемственностью.

Очень важно, с этой точки зрения, избежать иллюзий, что те стороны социально-экономических отношений, которые наследуются от капитализма, переходят в социализм «как они есть». Не может быть превращена непосредственно в свою противоположность лишь предметно-вещная среда. Социально-экономические же отношения, хозяйственный и социальный механизм не только несут на себе следы своего происхождения, но одновременно противоположны своим предпосылкам по своему новому содержанию.

И как раз именно диалектику этого перехода особенно необходимо и особенно трудно показать.

Полярная противоположность свойств капитализма и коммунизма (социализма) – это не раз и навсегда застывшее, а развивающееся отношение. Противоположность свойств присутствует от самого зарождения того или иного отношения социализма. Это отношение противоположности свойств развивается, противоположность нарастает, углубляется, что и обеспечивает развитие, поступательное движение того отношения социализма, которое эта противоположность характеризует.

Противоположность свойств капитализма и социализма нельзя рассматривать обособленно для каждого отдельного элемента социально-экономических отношений. Необходимо, чтобы вся совокупность отдельных противоположных свойств могла быть увязана между собой в целостную, интегрированную систему. Если не определено, не найдено, в чем противоположны одна система другой как целое, неизбежно будет отсутствовать основание для оценки какого-то частного явления или отношения, понимания процесса развития новой категории из старой, явившейся предпосылкой новой.

Анализ объяснительного принципа в теории социализма позволяет обосновать важнейшее звено методологии – характер «генетического вектора» социализма.

«Генетический вектор» показывает, как, каким образом формируется экономическая и социальная системы как целое, как соотносятся экономический и общесоциальный уровни в возникновении и функционировании данного общественного строя.

Процесс формирования общественных отношений капитализма начинается от простейшего товарного отношения – его «экономического атома». Формирование же социально-экономической системы социализма начинается и идет как движение от системного свойства целостности путем развертывания отношения коллективности «вглубь»: от общесоциальной коллективности (в виде политической общности – диктатуры рабочего класса) – к коллективности экономической в виде непосредственного обобществления, а от непосредственного обобществления как целого – к конкретным его формам на каждом предприятии. От исходной, а потому и неразвитой формы общесоциальной коллективности социа-

лизм движется к всё более конкретным, все более полным и развитым формам этой коллективности.

Только определив отмеченные выше общие методологические посылки исследования, можно логически обоснованно проанализировать категориальную систему социалистических отношений.

Категориальная система, характеризующая коллективистское общество, строится в соответствии с общими принципами формирования марксистского научно-социального знания:

- как восхождение от абстрактного к конкретному;
- как движение познания от живого созерцания к сущности (наиболее обобщенный и, следовательно, абстрактный уровень), от сущности к явлению, от явления к действительности, как единству сущности и явления;
- как движение от всеобщего к особенному и единичному;
- как движение от объективного в экономическом процессе (т.е. материального, обуславливающего) к субъективному, как способу реализации объективного (творческому, активному, планирующему и управлявшему началу);
- как движение: (1) от настоящего к прошлому, дающее возможность анализа предпосылок существующего; (2) от прошлого к настоящему, позволяющее дать анализ развития, анализ совершенствования отношений; (3) от прошлого и настоящего к будущему, позволяющее осуществить анализ тенденций развития; (4) от будущего к настоящему, позволяющее осуществить ретроспективную критику настоящего с позиции будущего, а также разграничение прогрессирующего и отмирающего в настоящем.

Не лишним будет еще раз напомнить, что исследование социально-экономических отношений социализма может быть последовательно научным только тогда, когда логическим стержнем категориальной системы будет *определяющее (основное) отношение социализма и внутрисущее ему основное противоречие социализма.*

Формационное исследование социализма как позитивный анализ его свойств уже одним фактом своего существования представляет собой критику немарксистских концепций социализма.

Прежде чем говорить о критике тех или иных полагаемых нами неистинными представлений о социализме, напомним, что понятие «истины» имеет для социального знания свои особенности.

Социальная практика имеет достаточно определенную направленность, но одновременно она многовариантна и в реализации конечной тенденции, и в каждом конкретном решении. История есть переплетение объективного и субъективного, и в каждой конкретной исторической ситуации есть возможность выбора в определенном диапазоне. Ни о какой слепой фатальности для каждой конкретной исторической ситуации не может быть и речи.

Поэтому истина в социальном знании одна только в том смысле, в каком она отражает общую направленность истории. Эта же истина, безусловно, альтернативна, многовариантна в той своей части, в какой она есть результат конкретного исторического выбора. Именно эту диалектическую природу социальной истины, ее противоречивое многообразие невозможно освоить с позиций религиозоподобного подхода, с позиций догматизма как методологии.

Это очень важно помнить и учитывать, когда возникает проблема анализа истинности той или иной точки зрения, проблема критики выявленной анализом неистинности какой-то точки зрения.

Коснемся теперь двух методологических постулатов, о которых забывают в специальной литературе, посвященной критике буржуазных представлений о социализме.

Первый из них у всех на глазах, но далеко не все обращают на него внимание: у «Капитала» К. Маркса есть подзаголовок «Критика политической экономии». Тем самым фактически утверждается важнейший принцип методологии марксистской критики любых отклонений от истины: основной формой критики является позитивная концепция. Целая, последовательная, логически выверенная в каждом «узелке», каждом смысловом переходе, концепция является не только лучшей формой критики, но и обязательной, необходимой ее формой.

Второй методологический постулат не менее известен, но тоже не всегда используется: любое отклонение от истины, любое заблуждение в общественном знании имеет свои корни в социальной (социально-классовой) структуре общества. За заблуждением все-

гда стоит тот или иной социальный интерес. Если в анализе вскрыта сущность этого интереса, то становится понятным заблуждение: и его содержание, и его обусловленность.

Соблюдение этих двух методологических принципов позволяет в равной мере вести обоснованно и критику прямого отрицания коллективистских отношений, критику немарксистских концепций социализма, но также и критику псевдомарксистских, вульгарно-апологетических теорий коллективистского общества.

В ключе этого методологического подхода мы считаем необходимым дать и объяснение хотя бы некоторых основных иллюзий и вульгарных представлений, которые не только свойственны обыденному сознанию, но которыми грешат и многие «научные» работы, претендующие на интерпретацию научной теории социализма.

Обыденное сознание в силу своей природы скользит лишь по поверхности явлений. Принимая видимость за сущность, оно тем самым уходит в сторону от научной истины. Вульгарное познание, родственное по своему генезису представлениям обыденного уровня, уходит в сторону от истины, либо ограничиваясь в познании уровнями явления и действительного и забывая, что отправным уровнем собственно научного познания является уровень сущности, либо отделяя признание существования противоречий от конкретного анализа социально-экономических отношений. Противоречия оказываются сами по себе, отношения – сами по себе.

Но дело даже не в самой по себе возможности вульгарных представлений о коллективистском обществе. Раз существует обыденное сознание, всегда есть среда, где зарождаются иллюзорные вульгарные представления об обществе. Дело в том, что эти вульгарные представления отвечают социально-политическим интересам правящей бюрократии, а потому ею подхватываются, тиражируются, внедряются в массовое сознание.

Бюрократическое администрирование нуждается в вульгарных иллюзиях у масс для оправдания и прикрытия своекорыстного волюнтаризма в управлении, для апологетического флера, набрасываемого на действительность, для маскировки просчетов бюрократии, защиты ею своих привилегий, оправдания своего деформирующего влияния на коллективистские отношения.

Главная детерминанта необходимости коллективистского общества

Проблема необходимости и прогрессивности коллективистского общества – главная арена теоретических и идеологических сражений современности.

Анализ тенденций развития производительных сил и обобществления производства, данный К. Марксом в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в., был весьма прозорливым. Однако невозможно сегодня ограничиваться только тем наследием, которое получено от К. Маркса и Ф. Энгельса.

Обоснование перехода от капитализма к социализму развитием производительных сил столь же исторично, как и другие закономерности развития общества. В этом обосновании какие-то наиболее общие моменты можно назвать остающимися, сквозными, но целый ряд существенных сторон неизбежно меняется, ибо разница в качестве производительных сил середины XIX в. и конца XX в. чрезвычайно велика.

Но начать надо все же с исходного: с классических теоретических выкладок К. Маркса и Ф. Энгельса.

Развитие производительных сил обуславливает все более отчетливое выражение их общественной природы – развитие обобществления производства. Нарастает противоречие между общественной природой производства и частным присвоением, частным интересом как главным критерием эффективности общественного производства. Это противоречие проявляет себя в положении и взаимодействии прежде всего двух главных классов капиталистического общества – рабочего класса и буржуазии: между ними существует и поддерживается классовый антагонизм, классовая борьба. В классовую борьбу втягиваются все классы и слои общества. Так, развитие производительных сил через развитие производственных отношений «приводит в действие» классовую борьбу – основной мотор политической жизни буржуазного общества. Нарастающее обострение классовой борьбы ведет, в конце концов,

к созданию условий для социалистического переустройства общества. «Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта¹, идеальное отражение его в головах, прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, – рабочего класса»².

Таково в самом кратком и самом общем виде обоснование закономерности и неизбежности социалистической революции, данное К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В своей общей, самой абстрактной форме, когда объектом анализа является обобщенная формационная характеристика, а не конкретная ситуация конкретных десятилетий, предвидение К. Маркса и Ф. Энгельса и в условиях современности сохраняет свою силу.

Однако именно марксизм как методология требует конкретно-конкретного рассмотрения тенденций социального развития для конкретных обстоятельств и конкретного исторического времени.

Со времен К. Маркса и Ф. Энгельса коренным образом изменились: (а) качество производительных сил и их влияние на социальное развитие; (б) само понятие и структура рабочего класса, социальная структура буржуазного общества в целом; (в) формы, характер и условия противостояния рабочего класса, трудящихся слоев общества и капитала; (г) возможности, формы и характер революционного преобразования общества на началах коллективизма.

Техника производства в условиях современного капитализма резко ушла вперед. Стали складываться технические решения в производстве, по своим потенциям, безусловно, выходящие за пределы капиталистических отношений. Напомним, что универсальный критерий эффективности собственно капиталистического производства – прибыль – представляет собой выражение в стоимости живого труда. Как бы ни была велика роль труда овеществленного (техники) в производстве, но без эксплуатации живого труда, создающего прибавочную стоимость, капиталистические отношения теряют свое историческое качество.

¹ Между производительными силами и буржуазной (частноиндивидуалистической) формой их использования – Авторы.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 211. – Авторы.

Говоря о достижениях автоматической техники в условиях современного капитализма, не всегда учитывают, что на противоположном полюсе общественного производства капиталистические отношения предполагают обязательную и неуклонную эксплуатацию живого труда. Применение живого труда в масштабах общественного производства в целом практически сравнительно мало изменилось, включая сюда сохранение сравнительно больших массивов ручного и полуручного труда не только в сфере производства в узком смысле этого термина, но и в сфере оказания услуг, в сфере коммуникаций и т.п.

При этом надо учитывать и то, что самая неквалифицированная или неприятная, самая опасная или тяжелая часть ручного труда возлагается в США на афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки и т.п., в ФРГ, Франции, Англии – на иностранных рабочих и т.д.. Однако в общем балансе труда, если его рассматривать с политэкономической точки зрения, важны не эти конкретные частности, а лишь деление на труд живой и труд овеществленный.

Противостояние квалифицированного, связанного с новой техникой труда и труда ручного, неквалифицированного или малоквалифицированного, развилось до такой степени, что стало существенным фактором социальных отношений. Первый обуславливает для рабочих принадлежность по своему статусу в социальной структуре скорее к так называемым «средним слоям», второй – к люмпенизированному, полупролетарскому слою. При этом общая принадлежность обеих вышеназванных социальных групп к рабочему классу (к работникам наемного труда) отступает на второй план перед существенными различиями между ними в социальном статусе, образе жизни и в социальных интересах.

Автоматизация в условиях капитализма увеличивает и резервную армию труда – безработных, причем разница в жизнеобеспечении и качестве жизни работающих и безработных заметно растет, что обуславливает возможность для капитала, опираясь на угрозу безработицы, наращивать интенсивность труда, вести наступление

на жизненные права рабочего класса, оказывать на него прямое экономическое, политическое и идеологическое давление¹.

На этом фоне в самом по себе техническом прогрессе пропустили три определяющие его новые стороны, которые только ещё лишь намечались как еле различимые тенденции в середине XIX в., но стали определяющими в конце XX в.

Техника общественного производства, образующая «вторую», или искусственную природу, занимала до нашего времени подчиненное положение в диалектической «паре»: природа как таковая (естественная) – природа «искусственная» (или материальное общественное производство). Научно-техническая революция XX в. обусловила в этом отношении коренное изменение: сменилась доминирующая сторона. Доминирующая роль во взаимодействии собственно природы и производительных сил общества перешла сейчас к природе «искусственной». Раньше развитие материального производства практически не ограничивалось состоянием естественной природы: по отношению к материальному производству природа была практически бесконечной. Теперь бесконечной становится возможность наращивания со временем параметров «искусственной природы» – материального производства – по отношению к природе естественной. Природа как таковая – природа естественная – остается общей основой для существования человека, человеческого общества и его материального производства, однако активная роль производительных сил становится решающей уже не только для самого общества, но и для выживания, самого существования «естественной» природы.

Свойства производительных сил общества теперь должны быть строго рассчитаны на всю возможную перспективу в направлении обеспечения оптимального подвижного равновесия с естественной природой. Требование это постепенно становится всё более настоя-

¹ Об армии безработных еще в свое время Ф. Энгельс писал: «... Эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 218). Безработица является одним из главных рычагов повышения интенсивности труда: «...Чрезмерный труд одной части рабочего класса обуславливает полную безработицу другой его части...». (Там же, с.218). Эти положения Ф. Энгельса в принципе могут быть отнесены и к современной массовой безработице в странах капитала. – Авторы.

тельным, ибо представляет собой единственное условие сохранения естественной природы как основы существования общества и человека при развивающемся (а не остановившемся) материальном производстве. Речь идет об условиях самосохранения общества, но не в «законсервированном виде», а в условиях его развития и совершенствования. Такая форма разрешения противоречия производства и природы стихийно, «сама собой» не может сложиться. Она необходимо и безоговорочно требует последовательной планомерности, прямой общности интересов на уровне общественного процесса в целом. При этом условия разрешения проблемы явно несовместимы (в принципе и в конечном счете) с частнособственническими отношениями. Новый характер функционирования и развития производительных сил общества в их единстве с природой может эффективно формироваться и развиваться только на основе коллективистских отношений в обществе.

То, что в СССР в последние два десятилетия сложилась плохая экологическая ситуация или никак не лучше, чем в других развитых странах (и капиталистических, и социалистических), свидетельствует лишь о неудовлетворительном уровне руководства народным хозяйством, о пренебрежении институтов управления и бюрократии и к требованиям науки, и к жизненным интересам трудящихся. Фактически налицо рецидив «старого» в еще и неразвитом «новом», а не свидетельство неудовлетворительной сущности «нового».

Развитие производительных сил общества представляет собой, с точки зрения их внутренних структурных свойств, взаимодействие орудий труда и работника как субъекта труда. В истории этого взаимодействия прослеживаются две не просто различные, но и противоположные по своим свойствам эпохи.

В первую эпоху каждое из орудий труда применяется относительно обособленно. Жесткой, собственно технической и технологической связи между применением даже смежных в производственном процессе орудий труда нет. Их связывают между собой только согласованные действия людей, а системность производства задается, прежде всего, кооперацией и разделением живого труда.

Вначале это простая кооперация труда, затем мануфактурное разделение труда¹.

Машинное производство в корне меняет ситуацию, ибо ему свойственны автоматизм, непрерывность, быстрота действия и совмещение операций, являющиеся свойствами самой техники². Теперь системность производственного процесса задается уже комбинацией машин-орудий, к которой относительно пассивно приспособляется совокупность рабочих³. Системообразующий характер технической стороны производства (а не личностный) выступает в машинной технике все более последовательно и очевидно. В автоматической системе орудий труда это новое свойство производительных сил достигает своего апогея: вклинивание живого труда в технологический процесс начинает играть роль прямого нарушения системности техники, становится не просто мешающим фактором, но источником несовершенства и повышенной опасности новой техники.

Современная развитая техника характеризуется все более высокими параметрами действия. Параметры эти все дальше уходят от тех, которые доступны живому человеческому организму: уровню его восприятия, возможностям его контроля, скорости его реагирования и т.п. Критическим рубежом развития техники становится выход на такой уровень, когда каждый отдельный индивидуальный параметр действия техники приобретает ключевое значение: без него техническая система в целом непроизводительна, неэффективна (а то и просто невозможна), а вместе с тем его наличие таит в себе по своим потенциальным масштабам недопустимые в принципе негативные следствия. Разрешение этого противоречия возможно только на пути обеспечения практически абсолютной надежности самих технических систем, чтобы исключить возможность неуправляемых сбоев и аварий. Пока же в современных такого рода технических системах наиболее слабым звеном, надеж-

¹ Напомним, что К. Маркс писал о мануфактуре (мануфактурном разделении труда): «...Совокупный механизм, образуемый из самих людей». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 509). – Авторы.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 432. – Авторы.

³ «...Орудие, которое прежде являлось самостоятельным, теперь действует лишь как составная часть комплекса подобных...». Там же. С. 407. – Авторы.

ность которого практически не может быть существенно повышена, остается как раз встроенный в них в качестве физического компонента технологии живой человек. «Вытеснение» живого труда из современных высокопроизводительных технических систем, перемещение живого труда на позицию «рядом» (по термину, предложенному К. Марксом) с автоматически и автономно идущим технологическим процессом становится объективно заданной, безальтернативной формой развития самой техники и технологии, развития производительных сил.

Эта тенденция развития производительных сил может быть последовательно, то есть в масштабах всего общественного производства, реализована, в конечном счете, только в условиях коллективистского планомерно контролируемого производства. Для этого типа производства нет никаких внутренних социальных или экономических ограничений по устранению живого труда из технологического процесса материального производства.

Однако как раз здесь мы сталкиваемся не с простым вытеснением живого труда (он может и должен быть вытеснен лишь из самого собственно технологического процесса), а одновременно с качественным изменением характера участия, изменением роли того живого труда, который остается «рядом» с основным производственным процессом.

В формирующихся в ходе научно-технического прогресса новых производительных силах общества функцией живого труда во все возрастающей степени становится научно-инженерная подготовка производства, научно-инженерная отработка и наладка нового оборудования и новых технологий, определение целевых установок и основных рабочих параметров автономно-автоматически действующих технических систем, общий контроль за действием этих технических систем. Фактически роль живого труда в этом новом его качестве для определения результативности производства становится решающей.

Но результативность живого труда этого рода уже не определяется, прежде всего, лишь его продолжительностью: решающим оказывается качество труда, прямо сопряженное с личностными характеристиками работника. В том числе и квалификация работника ска-

зывается на квалификации труда как процесса не «автоматически» (как это имело место в системе репродуктивного труда), а лишь в преломлении через собственно личностные качества работника, через его индивидуальные субъективные свойства. Отношение работника к своему труду приобретает решающее значение, ибо функциональное содержание труда не может быть отделено от суммарных жизненных проявлений личности работника, его индивидуальных особенностей в процессе труда. Труд каждого отдельного индивида оказывается непосредственно общественной деятельностью, то есть оказывается органической частью общественного процесса как коллективного бытия. Соответственно, кооперация труда меняется коренным образом: она становится взаимодействием личностей в процессе их взаимосвязи коллективистского типа.

Напомним, что в предшествующей – фабричной, как ее называл К. Маркс, – форме кооперации труда налицо был совместный труд (совместный, а не коллективный) работников, связанных друг с другом прежде всего и главным образом функциональной связью.

Труд в производстве становится последовательно творческим (сохраняющиеся в нем репродуктивные элементы не более чем второстепенны) и коллективным в своем исходном пункте – непосредственно на рабочем месте. Индивидуальное усилие как фактор результативности общественного производства оказывается теперь подчиненным коллективным усилиям и коллективной результативности. Поскольку истинное творчество вообще не может быть жестко локализовано (в пространстве и во времени), в итоге становится все менее обоснованной (даже при высокой степени условности) пропорция: «индивидуальный трудовой вклад в общественное производство – индивидуальная доля в общественном потреблении». Оптимизация труда такого типа в общественных целях требует во все возрастающей степени предварительной (фактически предварявшей собственно труд в рабочее время) гарантии не ограничиваемого «извне» (работодателем, кто бы ни выступал в этом качестве) участия в потреблении. Тип труда сам «втаскивает» общественное производство в объективно необходимое для его эффективности «распределение по потребностям».

Эксплуатация живого труда нового типа в форме присвоения прибавочной стоимости поэтому становится, в конечном счете, невозможной не только социально-экономически, но и технологически. Новый тип труда может быть последовательно эффективным для общества и одновременно целесообразным для индивида лишь в условиях коллективистских отношений.

Таковы в совокупности главные предпосылки перехода к коллективистским отношениям, заложенные в современных производительных силах. На первом плане здесь уже почти целиком стоят качественные характеристики новых производительных сил, а не их абсолютная мощь, не экстенсивные показатели их функционирования. Одной коллизии «бедные–богатые», во многом сопряженной лишь с экстенсивным наращиванием производительных сил, уже недостаточно, чтобы обусловить переход к социализму. Современная научно-техническая революция влечет за собой гораздо более сложные и многообразные социально-экономические следствия. Соответственно, много сложнее становятся в современном обществе факторы, обуславливающие возникновение общественных отношений, основанных на коллективистских началах.

На основе нового качества производительных сил в условиях современного капитализма по новому идет и процесс обобществления, объективно означающий формирование такого рода производственных отношений, которые во многом уже содержат в себе отрицание индивидуалистического, частнособственнического, эксплуататорского характера общества.

Крупная современная машинная индустрия, созданная капитализмом, представляет собой дальнейший огромный шаг в стихийном обобществлении производства. Процесс обобществления идет на всех основных уровнях экономических отношений.

Обобществление производства объективно (и в этом смысле – необходимо) выводит капитализм на уровне межнациональных корпораций далеко за рамки свободной конкуренции, за рамки индивидуального распоряжения собственностью и индивидуального командования организацией производства. Крупнейшие монополии (транснациональные корпорации в первую очередь) в достаточно жесткой мере осуществляют планомерное регулирование своего хозяйства, а так

как это хозяйство охватывает порой множество предприятий, часть из которых разбросана по всему свету, то сама плановость здесь далеко выходит за пределы традиционной «внутризаводской» организации производства. Закономерной тенденцией этого антагонистического по своей сути процесса обобществления является формирование государственно-монополистического капитализма.

Государственно-монополистический капитализм первоначально проявил себя преимущественно в том, что отдельные отрасли либо некоторые крупнейшие предприятия переходили в прямую собственность государства. При этом государственный сектор в капиталистическом государстве, в конечном счете, функционировал в интересах монополистического капитала. Это сращивание монополий (и в первую очередь транснациональных корпораций) с государством, серьезно усиливающее их экономическое могущество, толкает капитализм к совершенствованию методов конкуренции, к своего рода обобществлению потребления через различного рода объединения потребителей, к преимущественно кооперативным формам обобществления производства и сбыта у мелких и средних производителей, у фермеров и т.п.

В современных условиях некоторые из этих процессов обретают новые черты. Например, избыточное огосударствление ряда отраслей и предприятий вызвало бюрократизацию управления ими и соответствующее снижение гибкости в реагировании на меняющуюся конъюнктуру, снижение способности к техническому обновлению, общее снижение эффективности. Возникла очевидная тенденция к денационализации, к существенному изменению форм экономического взаимодействия национальных и транснациональных корпораций и государства. Однако от этого степень их взаимозависимости (и, соответственно, уровень обобществления в антагонистической форме) не снижается, а растет.

В результате всех этих процессов капитализм находит все новые и новые формы саморегулирования, обеспечения своего существования и развития. Однако своего рода «ценой» этого саморазвития является *растущее обобществление*, вплотную подводящее его к рубежу, отделяющему общество индивидуалистического типа от общества коллективистского типа.

В любом варианте государственно-монополистический капитализм повышает степень обобществления производства, вплотную подводит к реализации возможности экономического контроля общества за конечными целями производства и распределением материальных благ. Создается принципиальная материальная основа для возможности (не реализующейся, конечно, автоматически, само собой, но назревающей в ходе развития противоречий капиталистических отношений) перехода от государственного капитализма к государственному социализму, к каким-либо иным формам качественного сдвига в общественных отношениях в сторону установления в конечном счете доминирования коллективистских принципов в экономике и в социальных отношениях¹.

Речь идет не об «автоматическом крахе капитализма» – еще в 20-е годы XX в. была доказана методологическая несостоятельность этого механического, вульгарного понимания формационного процесса.

Речь идет о сложном, противоречивом процессе приспособления капитализма к объективным изменениям его собственной материально-технической базы, к условиям сосуществования с группой стран, непосредственно реализующих в своем развитии социалистическую тенденцию, к новым условиям эффективного функционирования. Это приспособление и ведет капитализм по пути все возрастающей (тоже лишь в конечной тенденции) степени обобществления производства, то есть по пути создания предпосылок и каких-то частных конкретных форм доминирования коллективистского принципа в системе общественных отношений. Именно в этом – и только в этом – мы видим то, что в свое время В.И. Ленин обозначил как «загнивание» и «умирание капитализма». Мы полагаем, что эти понятия имеют только формационный контекст. Сводить их к каким-то част-

¹ Весьма любопытно, что об этом писал в 1880 г. (когда тенденция к переходу предприятий и отраслей в ведение государства была еще в самой начальной фазе) Ф. Энгельс: «...Лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда – даже если его совершит современное государство – оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 221, 222. Слова эти прямо перекликаются с анализом характера и сути государственно-монополистического капитализма, данным В.И. Лениным в его работах по теории империализма. – Авторы.

ным конкретным формам, буквальному (житейскому) «загниванию», «умиранию» и т.п. неправомерно¹ с точки зрения фундаментальной теории, фундаментального подхода.

В условиях современного капитализма важнейшими предпосылками перехода к обществу преимущественно коллективистского типа являются: (а) нарастающее отчуждение трудящихся от распоряжения современными средствами производства; (б) резкая и нарастающая неравномерность и неправомерность распределения жизненных благ; (в) отсутствие достаточных гарантий социального положения, социального благополучия индивида. Эти предпосылки особенно становятся заметными на фоне растущего обобществления экономики и достигнутого потенциального производственного изобилия потребительских благ².

¹ В последнее время появился ряд публикаций, где фактически вновь – после 20-х гг. – подвергнута критике теория «автоматического краха» капитализма. Однако авторы не отделяют эту теорию, в какой-то мере сохраненную «марксизмом учебников», от собственно научного понимания современного капитализма.

Сошлемся, в частности, на статью В. Медведева «Великий Октябрь и современный мир» (Коммунист. 1988. № 2), где современный капитализм трактуется не как третья его фаза – фаза умирающего капитализма, а как «...адекватная форма капиталистического производства» (стр. 6). Аргументация в пользу такого взгляда почти вековым сроком существования этой фазы мало о чем говорит: в свое время и фаза умирающего феодализма по своей длительности отнюдь не уступала фазе зрелого, развитого феодализма.

Наиболее последовательно отрицает саму возможность предствления о современном капитализме как о «умирающем» В. Шейнис (см. его статью: Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства // Мировая экономика и международные отношения (МЭИМО). 1988. № 9. С. 6 и др.). Этим же взглядом придерживается и Ю. Борко (см. его статью: О механизмах саморазвития современного капитализма // Коммунист. 1989. № 15). Он пишет: «...Фактически возможности развития капиталистической формации с течением времени не сужались, а расширялись» (Там же. С. 106).

По вопросу о характере современного капитализма может быть стоило бы напомнить достаточно ясную и, на наш взгляд, резонную постановку вопроса Н.А. Симонией: «...Период зарождения и начального этапа развития социальной революции всегда составляет особый период, главным содержанием которого является умирание старой формации и появление элементов нового уклада, который, однако, все еще существует (вместе с соответствующими элементами новой надстройки) в оболочке старых отношений собственности. Для буржуазной социальной революции таким периодом является абсолютизм, для социалистической – империализм». (Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975. С. 22). Напомним, что Н.А. Симония различает социальную революцию, как «...эпоху общественного переворота» (Там же. С. 16) и политическую революцию, которую он трактует как «...частный момент этого общественного переворота (политический акт ниспровержения старой власти...». (Там же. С. 16). – Авторы.

² Эти процессы на конкретном материале анализа современного капитализма раскрыты, например, в публикациях Ю. Васильчука: «Формирование конкурентного механизма развития научно-технической революции при капитализме» (Рабочий класс и современный мир (РКИСМ). 1987. № 5. С. 26–39) и «Переход ко второму этапу научно-технической революции (новый механизм торможения и новая расстановка классовых сил)» (РКИСМ. 1988. № 3. С. 62–77). – Авторы.

В условиях современного капитализма производительные силы позволили достичь уровня, который в расчетах можно принять за исходный уровень материального изобилия, то есть когда производство на душу населения осуществляется в размере среднестатистических медицински обоснованных норм потребления. Однако при этом неправомерность распределения материальных благ и тесно связанная с нею неравномерность социальных возможностей людей в странах развитого капитализма не сократилась, а скорее возросла.

В свое время К. Маркс создал теорию формального и реального подчинения труда капиталу¹. Развитие капитализма от одной фазы к другой согласно этой теории выражено экономически сначала в переходе от формирования абсолютной прибавочной стоимости к доминированию относительной прибавочной стоимости, а затем в совершенствовании самих методов получения относительной прибавочной стоимости. Теория эта имеет не только большое методологическое значение для формационного анализа в целом и, в том числе, для анализа характера развития и предпосылок социализма и его самого как первой фазы новой формации. Теория эта в ее современном применении и интерпретации позволяет многое понять в положении трудящихся в развитых странах капитализма, в характере современной формы противоречия между буржуазией и трудящимися классами общества.

Согласно теории формального и реального подчинения труда капиталу относительная прибавочная стоимость позволяет капиталу увеличивать степень эксплуатации (норму прибавочной стоимости) при (а) сокращающемся рабочем дне и при (б) растущей стоимости рабочей силы.

Во времена К. Маркса остаточным экономическим отношением, унаследованным капитализмом от феодализма (по закону исторической преемственности), было прямое и грубое давление капитала на жизненное положение трудящихся, на продолжительность их рабочего дня. С тех пор многое изменилось. Классовая борьба

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 319–320, 333–347, 516–527, 635–636, 747–748 и др.; Т. 48. С. 3–33; Т. 49. С. 31–136. – Авторы.

трудящихся в самых разных ее формах, политическая конфронтация со странами, где победила социалистическая революция, заставили пойти на сокращение продолжительности рабочего дня и на увеличение стоимости рабочей силы при возросшей интенсивности труда. К этому добавилось и давление возрастающих потенций производительных сил: с одной стороны, росли квалификационные требования к основной массе рабочей силы, с другой – развитие массового производства требовало наращивания емкости рынка, связанной с уровнем доходов населения. Так, повышение роли и увеличение масштабов относительной прибавочной стоимости создало возможность соответствующих социальных преобразований: сокращение рабочего дня и известный рост индивидуального потребления трудящихся, не уменьшая прибыли капитала.

С ростом образования, культуры, степени открытости и доступности социальной информации все более ясно осознается в современном буржуазном мире возможность относительного выравнивания степени материальной обеспеченности всех слоев и групп населения развитых стран. Причем не на уровне всеобщей бедности и принудительной уравнительности потребления, а на уровне всеобщего благосостояния, а также дифференцирования потребления преимущественно в зависимости от индивидуальных предпочтений. Идет процесс формирования осознания необходимости социальных гарантий для всего населения, необходимости выравнивания социальных возможностей для всех. Все в большей степени растет сознание, что и социальные гарантии, и возможности социального продвижения при нынешнем уровне развития материального производства в современном мире уже могут и должны быть независимыми от имущественного статуса личности, от малоуправляемой стихии определения занятости, от колебаний экономической конъюнктуры и т.п., то есть от всего того, что специфично именно для капиталистических экономических отношений.

В совокупности все изложенные выше факторы сегодня выступают как материальные предпосылки перехода к коллективист-

скому обществу, поскольку лишь общество этого типа в состоянии разрешить (а в какой-то части и снять) указанные противоречия.

Капитализм, оставаясь самим собой, по своей сути не может уничтожить эксплуатацию живого труда, не может устранить антагонистическую дифференциацию распределения, не может ввести и реализовать в полном объеме социальные гарантии. И хотя приспособление капитализма к изменившимся условиям смягчает остроту его противоречий, но снять их окончательно он не сможет. Вместе с тем капитализм, как это в общем виде и предвидел К. Маркс, оказался способен к весьма эффективному приспособлению к меняющимся условиям.

Однако, мы полагаем, что относительное экономическое благополучие современного капитализма по сравнению с современным социализмом в очень большой степени (если не в решающей) связано еще с коренными, принципиальными (формационного характера) просчетами в развитии социализма. Ряд грубейших отклонений от принципов социализма имел место еще в самом начале – в так называемый переходный период, то есть в ходе создания предпосылок развития по собственно социалистическому пути. Научное обеспечение развития уже тогда (в связи с культом личности) было подменено дилетантским произволом, субъективизмом. С тех пор общество социалистической тенденции мало продвинулось вперед по формационным критериям. Экстенсивное наращивание ряда показателей не давало должных сдвигов в собственно формационных качествах. Социалистическая тенденция не реализовывалась: налицо было топтание на месте.

В связи с этим преимущества коллективистских общественных отношений не были использованы, и социализм не смог на данном отрезке истории достаточно эффективно соревноваться с капитализмом, не смог выступить в качестве наглядного примера эффективности коллективистских отношений и, тем самым, реально продемонстрировать практически более перспективную тенденцию для процессов обновления, идущих в капиталистическом обществе.

Современный капитализм сумел повысить эффективность своей экономики за счет и научно-технической революции, и повышения степени обобществления. Однако социальные проблемы остались неразрешенными и, скорее всего, они для капитализма просто не разрешаемы.

Современный же социализм не решал задачи коренного изменения принципов функционирования экономики в соответствии с новыми условиями ее эффективного развития на своей собственной основе. Именно это «топтание на месте» отбросило реальный социализм назад в формационном соревновании двух систем. Теперь для достижения социализмом современного уровня экономического развития снова нужно будет создавать предпосылки, но уже другого типа, соответствующие современной научно-технической революции. Это возвращает социализм в его соревновании с капитализмом назад, к исходным (в формационном отношении) позициям, к 20-м гг. XX в., хотя и на более высоком уровне количественных масштабов производства. А отставание в экономическом развитии, в свою очередь, отбрасывает социализм назад и по степени разрешения социальных проблем (в общем соотношении качества жизни – и ведет к ситуации, напоминающей 20-е гг. XX в.). В итоге, по уровню и степени осуществления социальных гарантий современный социализм резко отстает от формационных требований, соответствующих потенциальным возможностям социалистического производства.

В заключение целесообразно напомнить, что в одной только Европе переход от феодализма к капитализму занял примерно три, а то и четыре века. Есть ли сейчас основания для исторического пессимизма по отношению к коллективистскому типу общества, если первая социалистическая революция произошла всего лишь около 70 лет назад?...

От абстрактной закономерности к конкретной революции

Социалистическая революция непосредственно не может быть вызвана одним лишь развитием производительных сил и обобще-

ствлением производства. Развитию этих предпосылок, в конечном счете, принадлежит решающая роль, но сам процесс перехода от экономических предпосылок к радикальному политическому преобразованию, каковым является революция, гораздо сложнее, чем это могло бы показаться поверхностному взгляду.

Прямолинейный детерминизм¹ не раз ставил его сторонников в тупик при столкновении с действительной историей. Налицо было не только очевидное расхождение, но и противоречие между производственными, экономическими и социальными предпосылками социализма, создающими общую историческую тенденцию движения к коллективистскому обществу, и непосредственно революцией как коренным преобразованием политической организации общества, обусловленным соответствующим развитием самих политических отношений.

Еще у К. Маркса и Ф. Энгельса мы находим анализ этого противоречивого взаимодействия (применительно к условиям их времени): Парижская коммуна была прямым следствием революционной ситуации, созданной поражением в войне с Пруссией, но в самой Франции не было еще достаточной степени зрелости экономических предпосылок социализма.

Условия формирования революционной ситуации применительно к капитализму начала XX в. были исследованы В.И. Лениным. Им была создана концепция «слабого звена»², показывающая конкретные пути развития революционной ситуации в условиях империализма того времени.

Одной из предпосылок возникновения революционной ситуации является «низы не хотят». Однако теоретическое осознание необходимости перехода к коллективистскому обществу осваивается в первую очередь теми, чья профессиональная деятельность развертывается на уровне теоретического сознания. А широкие массы осмысли-

¹ «...Экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью». Ф. Энгельс. Письмо К. Шмидту. 27 окт. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 417. – Авторы.

² Развернутая характеристика современной постановки теории «слабого звена» дана в упомянутой выше книге: Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975. – Авторы.

вают условия своей повседневной жизнедеятельности и необходимости перемен преимущественно на уровне сознания обыденного. Вот почему для создания и развития революционной ситуации нужно, чтобы идея коллективистского общества, идея социализма органически переплелась с повседневными житейскими интересами широкой массы людей, стала в той или иной форме для них стержнем их помыслов, практическим ответом на основные насущные запросы жизни. Причем надо учесть, что идея социализма распространяется отнюдь не в вакууме – ей активно противостоит основательно разработанная, хорошо обеспеченная материальными средствами система пропаганды буржуазной идеологии.

Не сама по себе социалистическая пропаганда (хотя ее наличие совершенно необходимо), а только реальное изменение жизненных условий в сочетании с длительным воспитанием активным политическим действием в состоянии привести массу к решительному политическому шагу – отказу от буржуазной экономической и политической системы и осуществлению – при ведущей роли рабочего класса – социалистического переустройства общества.

Только абстракции чистого разума могут ограничиться идеей прямой и непосредственной связи зрелости экономических предпосылок нового строя и реального перехода к этому строю. Конкретикой жизни, в отличие от такой абстракции, является очень сложное опосредование коренных экономических изменений новыми социально-классовыми интересами и новой политической ситуацией, возникающими не без участия экономических отношений (или прямо на их основе), но достаточно самостоятельных в своем развитии.

Вот почему вопрос об *общественно-исторической возможности* социалистической революции – это вопрос преимущественно социально-экономический, это вопрос о ее объективных и субъективных предпосылках. Но вопрос о *непосредственной необходимости* революции – это вопрос исключительно политический, это вопрос о революционной ситуации, это вопрос о возникновении в данной конкретной стране и в данный конкретный момент практических предпосылок преобразования общественного строя. И, наконец,

это – вопрос о месте данной страны в глобальной системе взаимосвязи стран. В условиях обязательного сохранения мира (невозможности глобальной войны) сама возможность смены общественного строя, характер, форма этой смены вполне закономерно будут существенно меняться в зависимости не только от внутренних для данной страны, но и внешних обстоятельств. А потому неизбежно растет разнообразие возможных форм смены общественных отношений, причем сдвиг явно происходит в сторону так называемых ненасильственных, мирных форм, опирающихся во многом (если не в главном) на реформы.

При всем том освоение идеи коллективистского общества на уровне обыденного сознания в силу самой специфики этого сознания не может не содержать в себе каких-то элементов утопизма: ожидания быстрого и простого наступления «эры всеобщего благоденствия». Реалии, увы, в принципе, много сложнее, труднее, противоречивее, а достижение желанных результатов требует несравнимо большего времени, чем первоначально казалось. Поэтому опыт реального строительства социализма, даже если бы он осуществлялся без таких тяжких осложнений, как культ личности и т.п., способствовал бы не только пропаганде идеи социализма, но и некоторому разочарованию в ней: достаточно быстро стало бы очевидным, что строить социалистические отношения не просто, не быстро и не легко. Поэтому процесс радикальных социально-экономических преобразований даже при самых благоприятных условиях не может быть столь простым и прямолинейным, каким он видится в утопических иллюзиях.

Заряд революционной настроенности масс должен быть достаточно велик, чтобы массы были готовы к неожиданным для них трудностям, готовы преодолевать их и способны были преодолеть их в течение не столь уж малого отрезка времени.

Необходимо, чтобы сложилась такая политическая ситуация, когда все основные трудящиеся классы общества, его решительное большинство, при существенных различиях и в своем положении в обществе, и в своих политических навыках, своей идеологии, обрели безусловный общий интерес в том, чтобы сменить существую-

щий общественный порядок, существующий строй. Это и означало бы, что трудящееся большинство уже не в состоянии терпеть существующие порядки, а правящие группы не в состоянии удерживать свое господство прежними методами, то есть сложилась революционная ситуация.

Теория «слабого звена» достаточно ясно показывает, что в начале XX в. наиболее типичным является образование этого «слабого звена» в тех странах, где капитализм еще не достиг высших форм своего развития, где сочетаются современные формы капитализма и элементы докапиталистических отношений, где имеются конфликты, тяготеющие к колониальным формам эксплуатации и т.п. Вполне естественно поэтому, что именно Россия оказалась в свое время, в 1917 г., таким «слабым эвеном». Это – не парадокс истории и не случайный факт, а закономерное явление.

Возникновение революционной ситуации – явление не частое, а для той или иной страны – явление в известном смысле уникальное и, кроме того, недолговечное, преходящее. Революция либо была возможна при возникновении революционной ситуации в какой-то момент ее развития, либо этот момент был упущен, и революция откладывалась надолго, на время, которое нельзя вообще сколько-нибудь точно предсказать. В лучшем случае можно было ожидать, что пройдут десятилетия, пока революционная ситуация не возникнет вновь. При этом альтернативой полной и последовательной реализации революционной ситуации является только наступление периода длительной и тяжелой политической реакции.

Вот почему в начале и даже в середине XX в. рассуждения о незрелости экономических предпосылок революции в той или иной конкретной стране, о необходимости вначале развить, выправить, подтянуть еще какие-то стороны общественных отношений, а уж потом решаться на революцию, практически были равносильны отказу от использования революционной ситуации, т.е. равносильны отказу от революции вообще.

Конечно, революция в России в 1917 г. в силу того или иного стечения обстоятельств могла (рассуждая абстрактно, и не без определенного резона) не состояться, не победить... Это, конечно, изме-

нило бы конкретный ход истории, но не могло бы изменить общую направленность истории.

Мы полагаем, что многие негативные явления, связанные с революцией в «слабом звене» и со строительством социализма первоначально в одной или в небольшой группе стран, в той или иной форме закономерно имели бы место. Они имели бы место и в случае революции в тот исторический период в другой стране, а не в России. И это (хотя и в очень общей форме) предвидели люди, готовившие революцию в России в октябре 1917 г. Другое дело, что закономерный характер негативных последствий революции в одной, не самой развитой стране не означает неизбежности их реализации в столь тяжелых формах, как это имело место в СССР. Возможность минимизации этих последствий всегда была налицо, однако в СССР эта возможность не была использована по причинам, которые, как мы полагаем, в преобладающей части должны быть отнесены к историческим случайностям¹.

Нет места фатализму в понимании истории, но нет и места представлению об истории как одному лишь набору случайностей.

Ни о каком «автоматизме» перехода к новому общественному строю не приходится говорить. Революционная ситуация складывается под воздействием целого ряда факторов, о которых речь шла выше. Кроме того, чаще всего необходимо еще и какое-то существенное политическое потрясение, чтобы эти факторы пришли, так сказать, в активное взаимодействие. В прошлом такие потрясения не раз вызывались войнами, мировыми и локальными, причем национальный кризис возникал чаще в тех странах, которые в этих войнах терпели поражение. В нескольких случаях революционная ситуация возникала в связи с установлением, а затем крахом фашистской диктатуры, заведшей страну в экономический и политический тупик. Революционная ситуация возникла в некоторых странах и на основе последовательно развивавшихся национально-освободительных движений...

¹ По этой проблеме наша позиция изложена в рукописи книги: Файнбург З.И. Социализм и культ личности: закономерное и случайное. Рукопись подготавливается к изданию. – Авторы. [Эта рукопись вышла в свет под названием: Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). М.: Политиздат, 1991. – Издатель.]

В современных условиях возможности революционной смены общественного строя резко изменились: иной мир, иные условия этой смены, иные формы революций – но социальные революции, как бы не менялись их формы, были и остаются законом истории.

Если в одних странах значение прямого революционного насилия и сейчас остается существенным (хотя тоже в измененных конкретных формах), то в других – более типичным становится сочетание революционного насилия (противостоящего насилию контрреволюции) и демократических форм социального преобразования.

В странах же развитого капитализма, как нам кажется, будущее преимущественно (а может быть и исключительно) за демократическими методами ненасильственного преобразования общественных отношений, причем коллективистские альтернативы будут со временем становиться все более убедительными и предпочтительными по сравнению с альтернативами простого приспособления к новым условиям. Да и сам процесс такого приспособления в конкретных аспектах общественных отношений все чаще будет вынужденно приобретать новое, коллективистское качество¹. Новое будет проявлять себя медленно, но, как нам представляется, более фундаментально, убедительно. Причем опыт истории и новые условия развития позволяют в основе своей снять все те издержки продвижения к обществу коллективистского типа, которые в прошлом серьезно помешали социализму достаточно полно утвердить себя в качестве прогрессивного общественного строя.

¹ Идея «организованного капитализма», то есть повышения экономической эффективности за счет использования буржуазным государством элементов непосредственного обобществления, давно освоена буржуазной наукой и практикой. В последние годы немарксистская наука начала развивать идею и общесоциальной эффективности коллективистских отношений. Свидетельством тому может служить, например, недавно вышедшая в США книга «Идеология и конкурентоспособность наций: анализ девяти стран», подготовленная международным коллективом авторов в рамках Гарвардской школы бизнеса (см. рецензию на нее: Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1988. № 11. С. 26–29). Авторы в свете дуализма «индивидуализм – коммунитаризм» рассмотрели современную деловую активность и обнаружили, что фирмы тех стран, в экономике которых широко применяются принципы «коммунитаризма», добиваются больших успехов в реализации своих коммерческих планов и экономических программ. При этом авторы рассматривают социализм как одну из разновидностей коммунитарной идеологии. – Авторы.

Глава III.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КАК РЕШЕНИЕ И КАК ПРОБЛЕМА

О социалистической революции имеется воистину необъятная литература. Много о ней сказано и написано. Повторять ставшее общеизвестным было бы излишним. Однако в проблеме социалистической революции есть и много такого, что до сих пор остается спорным. В основном на этих вопросах теории и практики революции мы и хотим остановить внимание читателя.

Революции вчера и революции сегодня...

Революция, даже очень мирная, не может быть идиллией. Во всяком случае опыт всех состоявшихся на сегодня революций доказывает это непреложно. Революции каждый раз сопровождались человеческими жертвами (а если были сопряжены с гражданской войной, то – жертвами большими), а также значительным расстройством хозяйственной жизни. Причины этого кроются в прямом ожесточенном столкновении классов, а также в том, что в революциях в прежние годы неизбежно доминировали методы прямого насилия.

Революция меняет строй жизни круто и с точки зрения процесса истории всегда чрезвычайно быстро. Коренная ломка установившихся порядков неизбежно приходит в противоречие не только с интересами господствовавших ранее классов и социальных слоев, но и с исторической инерцией культуры (в особенности политической), с инерцией индивидуального (а следовательно, и общественного) сознания, с традициями, навыками, установившимися ценностями. Сознание, в котором многие аспекты жизнепонимания неизбежно остаются старыми (особенно это относилось к навыкам общепития, критериям качества жизни, этическим нормам и т.п.), программирует поведение индивида и в новых, резко изменившихся социальных условиях. Налицо оказывается явное противоречие между условиями жизни и сознанием, между различными сторона-

ми самого сознания. Это противоречие не может не реализовываться в острых социальных коллизиях.

Вопрос о том, можно ли обойтись без острых форм политической борьбы, без насилия в революции, неоднократно возникал в прошлом. Может ли реформа как тип политики целиком подменить революцию? Не является ли отказ от элементов насилия в революции знаком нового времени? Не является ли современный мир такой социальной средой, где мирный путь будет доминировать над насилием, неукоснительно господствовавшим раньше в социальных революциях?

Ответы на все эти вопросы требуют анализа содержания того, что на деле в конкретное историческое время представляет собой конкретная революция.

Характеризуя возможные сегодня формы социальной революции, нельзя забывать о глубоких (не сократившихся, а углубившихся) социально-формационных различиях в мире.

В странах одного типа – развитого капитализма – революционный переход от общества одного типа к обществу другого – коллективистского – типа, скорее всего, будет растянут во времени и осуществлен с предельным использованием всех форм буржуазной демократии. Все преобразования (в том числе и качественные, а следовательно, революционные) будут осуществляться в основном мирно, через глубокие структурные реформы, используя имеющиеся институты традиционной буржуазной демократии.

Трудно ожидать, чтобы в странах этого типа революционная ситуация была бы вызвана какими-то резкими, грубыми нарушениями повседневного хода экономической жизни. Скорее всего, изначальная социальная конфликтность будет все более обнажаться, становиться все более очевидной, а социалистические страны, преодолев «культовое» наследие, смогут в качестве альтернативы этим социальным конфликтам продемонстрировать формационные преимущества коллективистских социальных отношений.

Если предположить, что в настоящее время в какой-либо из стран развитого капитализма к власти смогли бы прийти политические силы, принявшие научно-социалистическую программу, то изменение характера формационного развития могло бы быть осу-

ществлено без коренной ломки хозяйственного механизма и только с очень осторожными и постепенными (и опять-таки без сколько-нибудь серьезных сбоев хозяйственного механизма) вторжениями в отношения собственности.

Современный хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма, конечно, не тождественен тому хозяйственному механизму, который соответствует условиям современного социализма (вернее, который сейчас создается в СССР и ряде других стран социализма), однако во многом с ним сходен. Степень обобществления в условиях современного государственно-монополистического капитализма настолько высока (при общей высокой эффективности производства и его относительной сбалансированности), что необходимости в коренной ломке хозяйственного механизма не было бы и в случае смены формационной ориентированности экономики.

Эта смена потребовала бы, скажем, (а) обязательного изменения конечных целевых функций и производства, и социальной системы в целом, (б) качественного расширения социальных программ в сторону последовательного и системного осуществления принципа социальных гарантий, (в) реализации нового коллективистского понимания принципов социальной справедливости и равенства.

Притом все эти социальные преобразования естественно было бы осуществлять на фоне сохранения сравнительно высокого жизненного уровня основной массы трудящихся – квалифицированных рабочих, инженерно-технического и научного персонала, служащих разного ранга и т.п. Именно эти социальные группы будут определять характер политических решений в любой экономически развитой стране, и принимаемые радикальные политические решения в своей основе должны отвечать их интересам.

Все это в совокупности коренным образом меняет характер возможных в перспективе¹ радикальных, революционных преобразований общественного строя: перехода от индивидуалистической ориентации общества к коллективистской. Такого рода революци-

¹ В настоящее время – еще не близкой, ибо преимущества коллективизма должны не только созреть «внутри» этих стран, но и быть подтверждены информацией «извне» – из стран, провозгласивших социализм непосредственной целью своего развития. – Авторы.

онное преобразование общества имело бы очень мало сходных внешних черт с революцией 1917 г. в России.

Сегодня в развитых странах в соответствии с изменениями в современном уровне техники и технологии существенно изменился состав рабочего класса, его структура. И нельзя полагать все определяющие качества рабочего класса неизменными. Напомним, что К. Маркс, определяя суть рабочего класса, акцентировал внимание прежде всего на главном его признаке – *на наемном труде*, как социально-экономической исторической форме его участия в общественном производстве.

Мы полагаем, что современный рабочий класс развитых стран должен определяться расширительно по сравнению с теми его определениями, которые были свойственны «доэнтэровскому» рабочему классу. Соответственно эпицентр революционной социальной активности неизбежно должен сместиться «вверх» рабочего класса. (Напомним, что группа рабочих выше среднего уровня развития всегда была опорой революционного движения, ядром рабочей прослойки в коммунистических партиях и т.п.)¹.

Для нового, доминирующего сейчас в революционном движении слоя трудящихся понятия «революция» и «восстание» отнюдь не синонимы (как это в какой-то мере могло быть еще в XIX – начале XX в.). Возрастающая интеллектуальная сила наиболее революционной части рабочего класса позволяет ему последовательно, сознательно и гибко применять разнообразные подходы к революционному преобразованию общества, все методы этого преобразования.

С другой стороны, этот слой трудящихся нуждается в весьма веских реальных аргументах в пользу социализма в сопоставлении с капитализмом. Утопический портрет социализма, способствовавший формированию революционной настроенности масс в XIX – начале XX в., для современного трудящегося выглядит уже

¹ Мы исходим из ряда публикаций в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1987–1988 гг. В каком-то смысле обобщенное изложение проблемы мы находим в тезисах кафедры мировой политики и международной деятельности КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС: «Социальный прогресс в современном мире» (Коммунист. 1988. № 7. С. 79–90). В этих тезисах есть ряд спорных моментов, но общая постановка проблемы кажется нам убедительной. – Авторы.

неубедительно. А современный реальный социализм из-за долгих лет крайне низкого уровня руководства его развитием пока далеко не во всем и далеко не всегда в состоянии «предъявить» аргументы в свою пользу. Это позволяет монополистической буржуазии весьма активно, решительно и пока сравнительно успешно проводить политику приспособления к новым социальным требованиям рабочего класса, всех трудящихся.

Надо иметь в виду, что формационное соревнование социализма с капитализмом длительный процесс. В этом соревновании социализм может отстать от капитализма на какое-то время по уровню решения тех или иных социально-экономических проблем. Однако историческое (формационное) качество их решения даже в этих условиях остается в каких-то фундаментальных свойствах все же более высоким. В самой природе социализма нет коренных, связанных с сущностными особенностями самого социалистического строя препятствий, мешающих тому, чтобы эти новые исторические формационные качества были в своем конкретном «повседневном» обличий выведены на уровень конкретных прогрессивных современных требований.

В странах среднеразвитых и особенно относительно слаборазвитых характер революции неизбежно отличен по своим особенностям от характера революции в развитых странах. Элементы прямого насилия здесь и сейчас занимают и долго еще будут занимать заметное (а иногда и преобладающее) место в революционном процессе. Однако и здесь постепенно повышается значение демократических институтов, значение ненасильственных форм политического развития.

При всем том нельзя забывать, что самое демократическое решение политического вопроса, осуществленное волей большинства с помощью выборов, референдумов и т.п. все равно содержит в себе элементы принуждения (то есть насилия) по отношению к меньшинству. Это – иная форма насилия, но оно, в конечном счете, остается насилием. Тем более, что итоговая цель революционных преобразований не может не вызывать сопротивления монополистической буржуазии.

Опыт последних лет показывает, что буржуазия США, Англии, Франции, других развитых капиталистических стран готова в критический момент всеми средствами (и насилем не в последнюю очередь) оказать самое активное противодействие революционному движению в любой стране земного шара. Общий политический интерес класса в этом вопросе и сегодня перевешивает все экономические, политические и этические соображения, все внутриклассовые, межнациональные разногласия и различия.

Вот почему революция и сегодня не может быть идиллией. Революционное насилие отступает сегодня на второй план, но насилие никогда не сможет совершенно исчезнуть из арсенала средств революционного преобразования общества.

«Слабое звено» и будущее возводимого социализма...

В соответствии с теорией «слабого звена» социальные революции начинаются первоначально именно в тех странах, где предпосылки нового общества развиты слабее, где отсталость исторического развития накопила массу нерешенных социальных и экономических проблем, способствующих возникновению революционной ситуации¹. Именно так это было когда-то для революции буржуазной, а затем, в начале XX в. – и для революции социалистической.

Если попытаться как-то систематизировать, изложить в определенном порядке признаки «слабого звена» (под углом зрения степени развитости предпосылок социализма), каким это «слабое звено» характеризовалось в начале XX в., то получится изрядный перечень.

Во-первых, для такого «слабого звена» типична была неполная зрелость материально-технической базы капитализма. Машинное производство, как правило, охватывало здесь не всю основную промышленность, а в сельском хозяйстве и вовсе машинная техника и соответствующие технологии не были развиты. Фактически,

¹ «...Отсталая страна может легко начать, потому что гнил ее противник, потому что неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности, выдержки». Ленин В.И. Заседание ВЦИК // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 259. – Авторы.

крупное машинное производство как прямая предпосылка социализма существовало еще в недостаточно системном и недостаточно развитом виде. Историческая миссия капитализма в этой части формирования предпосылок социализма еще далеко не была исчерпана.

Во-вторых, неполная развитость капитализма проявлялась в крайне неравномерном и в целом недостаточном развитии уровня обобществления. В ряде отраслей еще преобладало мелкое производство, для которого реальностью могло быть только опосредствованное обобществление (то есть обобществление через товарные отношения, через рынок). Частично же и вовсе налицо было натуральное, замкнутое на себя (патриархальное) хозяйство. Слабо был развит государственный капитализм.

В-третьих, далеко недостаточно был развит рабочий класс. Рабочий класс по своему удельному весу в населении не составлял даже относительного большинства населения. Непролетарские трудовые классы и слои (особенно крестьянство) составляли явное и безусловное большинство населения. Часть рабочего класса еще не разорвала связей с землей, не перестала в какой-то степени быть крестьянами (в России, например, это было характерно даже для части рабочих Петербурга и Москвы).

Рабочий класс не был еще в достаточной степени образован (в России среди рабочих был еще сравнительно высок удельный вес вообще неграмотных). В культуре рабочего класса значительное место занимали элементы добуржуазного содержания: отсутствовали основные навыки обращения с техникой, недостаточно было развито буржуазное по типу трудолюбие (трудолюбие – как производное от корысти), система ценностей носила явные следы мелкобуржуазности, не сложились в должной мере навыки политической культуры, распространены были пьянство, лень и т.п.

В этих условиях задачу осуществления социалистической революции, а затем строительство социализма приходилось во многом решать руками массы трудящихся, весьма далеких от целей, идеи и ценностей коллективизма.

В-четвертых, общий уровень социального сознания и самосознания был еще достаточно далек от того, чтобы по своему содер-

жанию его можно было рассматривать в качестве непосредственной предпосылки социалистического сознания. Ядро будущего социалистического самосознания в какой-то форме уже существовало: без этого невозможна была бы революция. Однако именно ядро, но не более того. В сознании и культуре еще очень много добуржуазного или мелкобуржуазного, сильны элементы религиозоподобного сознания, сильны элементы утопизма, не сформировалась потребность активного участия в социальных процессах, не успели сложиться навыки демократии и т.п.

Вся эта совокупность недостаточного развития предпосылок социализма не могла не наложить своего отпечатка на первые формы коллективистского общества, пришедшего на смену капитализму.

Строительство социализма в этих случаях требует проведения целой системы мер по «подтягиванию» оставшихся не полностью развитыми предпосылок социализма. В.И. Ленин в полемике с Н.Н. Сухановым специально отметил, что коли революционная ситуация обусловила в России социалистическую революцию, то существует и необходимость, и потенциальная возможность «подтянуть» ранее не сложившиеся предпосылки социализма, хотя осуществить это можно будет только ценой больших усилий, больших трудностей.¹

Формационное содержание этого периода составляет не непосредственный переход от капитализма и социализму, а «доделывание» того, что не успел «доделать» капитализм, образуя своего рода переходный период к собственно переходному периоду от капитализма к социализму. Эту идею и высказал К.А. Симония в упомянутой выше книге: «...России предстояло в течение особого переходного периода создать экономический базис, сущность которого была бы тождественна позитивному содержанию госкапитализма в империалистических странах, т.е. обобществлению производства... Пролетарской власти в России предстояло “доделать” за капитализм грандиознейшую задачу по экономическому обобществлению производства».²

Содержанием этого (фактически «предпереходного») периода являлось развитие промышленности на широкой хозрасчетно-

¹ Ленин В.И. О нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 437–438. – Авторы.

² Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975. С. 66. – Авторы.

рыночной основе (но при наличии централизованного планирования), развитие сельского хозяйства на основе стимулирования рыночных отношений (только втянув прежде преимущественно натуральное патриархальное крестьянское хозяйство в рыночные отношения, и, тем самым, подняв его на более высокий уровень обобществления, осуществить потом на этой основе его кооперирование, и, в итоге, преобразовать буржуазную форму обобществления в социалистическую), осуществление на этой экономической основе широкой индустриализации всего процесса производства. Эти экономические тенденции и нашли свое выражение в так называемой «новой экономической политике» (нэп), обоснованной и внедренной В.И. Лениным. При этом пришлось преодолевать сильное (хотя во многом скрытое, не явное) сопротивление мелкобуржуазных элементов в партии, тяготевших к методам прямого политического давления на экономические процессы, методам административно-командной экономической политики.

Как показала последующая история строительства социализма в России, безусловное большинство в партии в то время фактически тяготело (в глубине своей политической души) именно к командным формам экономической политики, представлявшим собой попытку игнорировать (с самыми, конечно, благими намерениями) экономические законы. Стенограммы съездов партии и другие материалы того времени непреложно об этом свидетельствуют.

Строительство социализма на недостаточно сложившихся предпосылках страдает не столько от буржуазного наследия, которое закономерно наследует, сколько от наследия докапиталистических отношений, особенно феодализма. Это феодальное наследие весьма осязаемо прежде всего в экономической сфере: налицо феодальное и раннебуржуазное сельское хозяйство, причем безусловно преобладающее и по своему удельному весу в валовом национальном продукте, и по удельному весу занятого в нем населения. Россия в своем политическом развитии опередила Европу и США, но в своем экономическом развитии осталась «...позади самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по

степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма».¹

Особенно сильно мешало строительству социализма политическое наследие феодализма, проявившееся и во взаимоотношениях партии с массами, и в характере политической культуры самих масс, и в известных качествах внутрипартийной жизни. Налицо было почти полное отсутствие демократической традиции и в стране в целом, и в партии, тяготение всей системы управления к методам прямого грубого нажима, к доведенному до предела (и абсурда) централизму, к бюрократизму. В системе управления сама функция управления «естественно» воспринималась как право на обязательные и осязаемые привилегии. В стране господствовало крестьянское восприятие политики, соответственное поведение в сфере политики, религиозоподобное отношение к руководителям как «великим вождям».² В целом преобладало утопическое восприятие самой идеи социализма, причем сама правящая партия была в немалой степени в плену утопических иллюзий. Исторически сложившаяся однопартийность была воспринята значительной (и определяющей) частью партии как мандат на абсолютную истину.

Просуществовав ко времени революции около 20 лет (считая от I съезда в 1898 г.) РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) почти не имела опыта нормального политического функционирования в легальных условиях. В подполье она, вполне естественно, была весьма немногочисленна. Став правящей в территориально огромной, многомиллионной стране, она должна была в очень короткие сроки резко увеличить свою численность в качестве обязательного условия выполнения своих руководящих функций. Но политически воспитать

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 306. – Авторы.

² К. Маркс пишет, что хотя по своему объективному экономическому положению крестьяне образуют класс, между ними «...существует местная связь, ...тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, – они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 208). Эти свойства крестьянства Франции середины XIX в. нельзя без серьезных оговорок, без учета исторического времени и национальных различий переносить в условия России начала XX в. Но значение этого определения политического поведения крестьянства не сводится только к характеристике самого крестьянства. Фактически здесь дана характеристика политических свойств любого воплощения мелкобуржуазности, какой бы конкретно класс или социальный слой не был носителем этой мелкобуржуазности. – Авторы.

нахлынувшую в партию довольно-таки разнородную массу за такой короткий срок было крайне трудно.¹

При этом и сама «старая гвардия» партии была неоднородной по своим устремлениям. Героизм одних тесно соседствовал с карьеризмом других, преданность делу революции далеко не всегда подкреплялась последовательной марксистской научностью мировоззрения. Многие представители этой среды, искренне считавшие себя преданными марксизму, на самом деле отдавали значительную дань эклектике, вульгарной методологии, утопическим представлениям, «революционному нетерпению».

Такое состояние и такая эволюция руководящей политической силы, каковой была правящая партия, не были уникальным свойством РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б). Это состояние и эти процессы в партии типичны для любой страны «слабого звена» начала XX в.

Основной политической проблемой в условиях «предпереходного» периода была необходимость сочетать диктатуру рабочего класса с широкой демократией (в том числе с демократией и внутри партии). Нельзя сказать, чтобы это хорошо удавалось даже тогда, когда политическое руководство страной и партией осуществлялось под непосредственным влиянием и при прямом личном участии В.И. Ленина. Но, по крайней мере, он сравнительно скоро понял необходимость этого, а, поняв, настойчиво стремился к этому.

После же смерти В.И. Ленина диалектический подход к политической организации – противоречивое соединение диктатуры и демократии – сравнительно быстро был подменен метафизикой и догматизмом односторонней диктатуры. Откровенное понимание диктатуры лишь как диктаторства, стремление сменить ушедшего В.И. Ленина не коллективным руководством, а в какой-то мере искусственно «слепленным» «великим вождем» привели к быстрому оформлению – организационному и политическому – «культы личности» (персонифицировано – культура И.В. Сталина), как последовательно мелкобуржуазной политической тенденции. Отныне политический фактор становится источником прямой деформации

¹ О резком ухудшении качественного состава партии в связи с необходимостью ее быстрого увеличения сказано ясно и точно в письмах В.И. Ленина секретарю ЦК В.М. Молотову об условиях приема новых членов в партию. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 17–21. – Авторы.

оптимального пути создания предпосылок для последующего перехода к социализму.

Нельзя считать, что мелкобуржуазность – это только элементарная осознанная «злокозненность». Еще в середине XIX в. К. Маркс писал о мелкой буржуазии: «...Она верит... что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество...»¹. Линия поведения, продиктованная мелкобуржуазностью, обусловлена ее объективными классовыми свойствами, получившими значительное распространение за пределами породившего их социального слоя. Причем влияние мелкобуржуазности на политическое поведение неоднозначно, в высокой степени противоречиво.

Именно в этой среде были весьма устойчивы утопические представления о социализме, обуславливавшие и героизм – вплоть до самопожертвования, и отрешенность от личного материального интереса, и прямолинейную беспощадность к врагам революции (равно к действительным, потенциальным, мнимым), сочетавшуюся и с беспощадностью к себе. Но эта же среда во множестве порождала властолюбцев, карьеристов, стяжателей, бюрократов, беспринципных пустословов.

В конечном счете, как раз мелкобуржуазность была тем главным фактором в мировоззрении, который вел к нараставшему отклонению от оптимального пути создания предпосылок – социализма.

Мелкобуржуазность не может снять конечные исторические цели революции, но может исказить их. А прежде всего она интерпретирует по-своему средства достижения целей революции. Она, безусловно, может – в лице своих представителей в партии, в государственном аппарате, в массах, действуя под руководством зараженных мелкобуржуазностью «вождей», – не только проводить политику «исторического нетерпения», но и пытаться подменить в какой-то мере социалистические цели интересами бюрократии, интересами укрепления отношений культа личности. Отсюда – мобилизация ею своих специфических средств в осуществлении социального процесса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 180. – Авторы.

Эти средства:

- насилие во всех сферах социальной жизни;
- попытки «перепрыгнуть» через длительное, систематическое, повседневное строительство нового, применяя тактику «забегания вперед», «больших скачков» и т.п.;

- стремление решать те или иные крупномасштабные задачи, пренебрегая материальным уровнем жизни, традициями, а порой и самой физической жизнью широких масс;

- стремление так решать проблемы развития общества в целом, даже исторические проблемы, чтобы при этом не только не пострадало, но обязательно выросло личное благополучие управленческой бюрократии;

- стремление в своих корыстных целях подменить собственно научную теорию общественного развития и основанную на ней идеологию поверхностной, апологетической, вульгарной по своим методологическим основам пропагандой, подменить подлинный, критический и творческий марксизм эклектическим и вульгарным «марксизмом популярных учебников», подменить трудный поиск истины примитивным прагматизмом.

Именно эта мелкобуржуазная политическая тенденция привела к принципиальным ошибкам в оценке реального процесса развития общества на пути к социализму.

Переходность, первоначально представлявшая собой создание только еще предпосылок для последующего перехода к социализму, была обозначена в идеологической концепции времен «культы личности» как переход сразу к социализму, без упоминания о каком-либо «подтягивании» его предпосылок.

Реализация хозяйственной монополии государственной собственности (придатком к которой фактически являлась собственность кооперативная) была названа установлением безраздельного господства общественной (общенародной) собственности. Юридический критерий установления господства государственной собственности был назван «вступлением в социализм». Формационный критерий определения социализма по его реальному соотношению с капитализмом: по уровню техники, уровню и качеству жизни, производительности (в широком смысле: как интегральной эффек-

тивности) общественного труда, типу культуры и т.п. – был фактически проигнорирован. Построенным (а затем и развитым) социализмом было названо общество, реально находившееся на рубеже перехода от воспроизведения предпосылок строительства социализма к непосредственному совершенствованию исходной формы социализма.

Соответственно вульгарно-утопическому, апологетическому подходу государственный сектор экономики, в котором элементы и формы его непосредственного предшественника – государственно-капитализма – были весьма осязаемыми, предложено было считать последовательно социалистическим. Государственная собственность без каких-либо оговорок была объявлена общенародной. Состояние, требовавшее еще долгого развития, объявили полностью реализованным.

Государственный социализм, пока еще серьезно уступавший государственно-монополистическому капитализму по набору основных критериев экономического (а в чем-то – и социального) развития, виделся как общество развитого, зрелого социализма, хотя фактически ему до такого рода состояния еще надо было пройти длительный путь совершенствования и коренной реконструкции.

Таким образом, в относительно слаборазвитых странах – классическом «слабом звене» империализма начала XX в. – были налицо серьезные объективные предпосылки для самых серьезных отклонений от оптимального пути к социализму. Десятки миллионов человеческих жизней, огромные материальные ресурсы, в значительной мере растраченные впустую, – вот только малая часть цены этих отклонений.

При всем том неправомерно было бы не видеть массового героизма трудящихся, стремившихся возвести «здание светлого будущего», каким им виделся социализм. Противоречивость этой эпохи была в том, что широкие массы трудящихся действовали соответственно своим убеждениям, но сами эти убеждения были недостаточно последовательны, во многом утопичны, позволяли бюрократии эксплуатировать трудящиеся массы.

Мы полагаем, однако, что общая социалистическая тенденция истории, в конечном счете, все же сохранялась и в условиях культа

личности. Дело не в личных заслугах того или иного персонажа, воплощавшего в себе «культовое» начало. Дело в том, что любой из такого рода персонажей мог реализовать свои эгоистические личные цели, только «эксплуатируя» ту или иную социальную систему, социальную тенденцию.

Эта тенденция реализовывалась в наихудшем из всех возможных вариантов, но вспять история не шла. «Культовый» персонаж мог лишь сколько-то «довернуть» эксплуатируемую им тенденцию истории в сторону своих личных интересов. Повернуть историю вспять не дано было даже ему. При всех потерях, просчетах, слабостях, недостатках, при всем тяжелом наследии «культа» современная Россия несопоставима по своему формационному качеству с дореволюционным состоянием.

Первоначально в одной стране...

Победа революции первоначально в одной стране – в «слабом звене» – не может не отразиться на характере коллективистских отношений, свойственных начальному этапу движения общества к господству новой формы социальности – коллективности.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса возможность в будущем каких-то вариантов формационного сосуществования государств с капиталистическим и коллективистским (социалистическим) строем была, как мы полагаем, самоочевидной. Об этом непреложно говорят исследованные ими законы формационного развития. Можно по-разному оценивать возможности социалистической революции в Европе в XIX в., но во всех случаях речь могла идти о революции в ограниченной части стран Земли – о революции в Европе, прежде всего. Поэтому фактически предполагалась неизбежность формационного сосуществования капитализма и социализма. Такое сосуществование в XIX в. имело бы свои особенности, но без такого рода сосуществования старой и новой формаций вообще невозможен был бы ни один формационный переход.

Вполне естественно, что К. Маркс и Ф. Энгельс не могли сколько-нибудь развернуто исследовать проблему сосуществования капитализма и будущего социализма, ибо не было еще никако-

го опыта реального их сосуществования в социальной практике XIX в.

Вместе с тем методологический аспект проблемы сосуществования разных формаций в какой-то мере ими был исследован на материалах сосуществования и взаимодействия феодализма и капитализма.

В условиях империализма характер сосуществования стран с разным общественным строем серьезно меняется. Учет этих изменений получил отражение в теории возможности реализации социалистической тенденции развития общества в границах одной страны. Последующая практика истории в основном подтвердила правомерность этой теории.

В конечном счете, можно говорить о наличии в теоретическом арсенале марксизма определенной методологии исследования мирового хозяйства и мировой политической системы в условиях сосуществования капитализма и социализма.

Мировая экономическая (и соответственно политическая) система закономерно складывается еще при капитализме¹. В этой системе сосуществуют и взаимодействуют страны с разным общественным строем. Однако капитализм по самой сути своей создает антагонистическую форму мировой экономики. И вывоз товаров в XIX в. и, особенно, вывоз капитала в XX в. представляют собой неизбежно, кроме всего прочего, еще и систему эксплуатации. Экономика менее развитых стран становится для более развитых стран дополнительным (и весьма важным) источником прибыли.

Теоретическая модель коллективистского общества (в чистом и развитом виде) свидетельствует о том, что оно с точки зрения его экономической структуры, характера политических и вообще социальных отношений должно быть более однородно, чем его прямой предшественник. Если «внутри» капиталистической системы на всем протяжении ее существования, то есть и на самых высоких ступенях ее развития, могут существовать и успешно функционировать какие-то докапиталистические формы экономических отношений, то в зрелом, развитом коллективистском обществе прямые

¹ К. Маркс считал образование мировой системы хозяйства одной из главных исторических функций капитализма. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 292.

«вкрапления» отношений предшествующих формаций, как мы полагаем, вряд ли возможны. Именно это качество позволит сделать экономический строй «внутри» стран социалистической ориентации настолько формационно однородным, что станет возможным и эффективным неантагонистическое мировое хозяйство, построенное в основном на началах коллективизма и соревновательности.

Это отнюдь не снимает целесообразности государственной самостоятельности входящих в мировую систему стран. Эта самостоятельность может и должна (во всяком случае, на видимую перспективу) сохраняться. Формационная однородность стран социалистической ориентации не снимает индивидуальных различий между этими странами по всем сторонам организации и функционирования коллективистских отношений. Сегодня о возможном облике такой мировой коллективистской системы в определенных отношениях можно судить по опыту деятельности европейских стран «Общего рынка», «Совета экономической взаимопомощи» и других межгосударственных объединений.

Переход к коллективистскому обществу видится в этих условиях как длительная эпоха взаимодействия и противостояния социализма и капитализма, их сосуществования, заключающего в себе и борьбу, и содружество, эпоху не только стихийного развития обобществления, но и постепенного распространения реальной убежденности в исторической прогрессивности принципов коллективистской организации общества, доказавшей на практике свои преимущества.

Самопротиворечивость победы социалистической революции в одной стране очевидна. Не случайно эту ситуацию В.И. Ленин называл «межеумочной». По поводу и внешних отношений и внутренних дел он полагал, что «...пока мы в таком межеумочном положении, мы вынуждены искать чрезвычайно сложных форм взаимоотношений»¹. Противоречия сосуществования капитализма и социализма создают объективные предпосылки увеличения опасности деформаций социалистической тенденции обществен-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 29. – Авторы.

ного развития и делают такого рода деформации застойными, длительными¹.

Реализация социалистической тенденции развития в условиях победы революции в одной стране обуславливает ряд негативных обстоятельств, существенно влияющих на характер общественных преобразований.

Происходит существенное смещение акцентов в самом содержании развития: соревнование с капитализмом становится не только внешним фактором существования, но и вынужденной самоцелью. Вся программа строительства нового общества неизбежно при этом преломляется через обязательное условие – противостояние капитализму, прямое соревнование с капитализмом.

Конфронтация с капитализмом обуславливает также необходимость развития столь обременительного для экономики строительства нового общества производства, как оборонная промышленность и обслуживавшая ее наука. Они буквально высасывают соки из общества, требуя огромных затрат, сосредоточения лучших умов и лучших рабочих рук. Дух армейских порядков, культ армии неизбежно витают над умами в стране, в одиночку решающей проблему движения к социализму. Деформации развития подвергается и экономика, и политическая жизнь, и идеология страны, движущейся к социализму в условиях капиталистического окружения.

Сосуществование с капитализмом в какой-то мере неизбежно сопряжено с известной зависимостью от капиталистической экономики. Необходим вывоз своих продуктов, необходима закупка товаров за рубежом. Наряду с положительной стороной этих отношений, мировой капиталистический рынок оказывает и давление на экономику внутреннего развития. Особенно на начальных этапах движения к социализму в «слабом звене» эта зависимость весьма обременительна.

Необходимость противостояния капитализму заставляет не только содержать большую армию, но и вести в значительных

¹ В.И. Ленин подчеркивал, что внутренняя обстановка в России такова, что в высшей мере желателен «...более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму» (Полн. собр. соч. Т. 43. С. 199). Однако капиталистическое окружение, создавшее самим фактом своего существования постоянную угрозу войны и интервенции, прямо подталкивало к выбору максимальных темпов развития производства. – Авторы.

масштабах разведку и контрразведку. Это не только отвлекает значительные средства, большие массы людей, но и обуславливает гипертрофию роли как органов безопасности, так и армии во внутренней политической жизни общества, развивающего коллективистские отношения. В свое время это позволило И.В. Сталину полной мерой использовать органы безопасности в борьбе за единоличную власть. Органы безопасности и армия использовались во внутриполитической борьбе и после И.В. Сталина. Сам факт существования двух столь могущественных средоточий силы автоматически придает им политический вес во внутреннем развитии общественных отношений.

Сосуществование с капитализмом далеко неоднозначно сказывается на общественном и индивидуальном сознании, на развитии культуры. Неизбежным становится идеологическое давление со стороны капитализма на сознание и культуру населения страны, идущей к социализму. Не только прогрессивное, но и наихудшее в нормах и образцах буржуазной культуры и идеологии усваивается населением страны с социалистической ориентацией. Осуществляется постоянное и всестороннее идеологическое давление на самую идею коллективистских отношений. Это поддерживает живучесть негативных качеств буржуазной и добуржуазной культуры.

Своего рода следствием прямой идеологической конфронтации с капитализмом является тенденция к гипертрофии пропаганды внутри социалистического общества, к деформации ее содержания. Невольно проявляет себя тенденция к апологии социализма, к развитию вульгарного идеологизма в общественном сознании, ведущая к ослаблению критического потенциала наук об обществе, к ослаблению самокритики. Это создает весьма серьезные помехи развитию социализма.

Закономерные трудности и сложности строительства социализма в «слабом звене», где предпосылки социализма и без того далеко не полностью были в наличии, умножились таким образом еще и тем негативным влиянием, которое обусловлено было существованием капиталистического окружения. Именно так выглядит реальная история строительства социализма в СССР.

Строительство социализма в условиях «слабого звена», да еще и в условиях капиталистического окружения, неизбежно, таким образом, было связано с рядом факторов, негативно влиявших на процесс формирования новых общественных отношений. Предупреждение А.А. Богданова о неизбежности в такого рода условиях серьезных отклонений от оптимального пути к социализму, сделанное еще в 1907 г., оказалось обоснованным. И вместе с тем тенденция мирового развития к общественным отношениям коллективистского типа оказалась неодолимой. Ни внутренние, ни внешние помехи не смогли остановить реализацию этой тенденции.

Перспективы коллективистской революции на пороге новой исторической эпохи

Осмысление новой исторической ситуации, сложившейся сейчас для перспектив коллективистской революции, весьма важно и актуально. Эти перспективы – предмет обсуждений и дискуссий, ведущихся очень широким фронтом. Кратко обозначим наше понимание этой проблемы.

Мы полагаем, что в условиях современности ключевое значение для мирового революционного процесса имеет создание предпосылок и перспективы для становления в конечном счете коллективистских отношений в странах развитого капитализма. На новом витке истории сложилась ситуация, когда коллективистские тенденции развития, как нам кажется, могут одержать верх только во всех развитых странах более или менее одновременно.

В этой группе стран, как мы уже отметили выше, нет оснований говорить о революциях в прежних традиционных формах, опирающихся на прямое вооруженное действие. Скорее всего, такие революции здесь невозможны уже в принципе, каковы бы ни были факторы, подготовившие в этих странах революционную ситуацию. Для этих стран пока просматривается лишь тот вариант, когда последовательная цепь проводимых демократическим путем реформ привела бы к качественному изменению общественного строя.

Для этой группы стран решающим аргументом в пользу утверждения в них преобладания коллективистских отношений мо-

жет явиться только достижение в перспективе социалистическим миром (группой наиболее развитых социалистических стран, во всяком случае) ощутимого превосходства в социально-экономическом развитии. Коллективистская организация общественной жизни должна будет доказать свои преимущества не в каких-то частных и отдельных (хотя бы и очень важных) сторонах экономического развития и социальной жизни, а в своем общем историческом формационном качестве. Экономическая, политическая, духовная сфера общества, уровень и тип культуры должны выступить при этом в некотором интегрированном виде, то есть как некоторые итоговые характеристики:

- нового, более высокого качества жизни (как единства уровня и образа жизни);

- социальных гарантий со стороны общества в представлении полных, всесторонних и равных возможностей развития и самореализации личности в обществе;

- более высокого типа культуры, духовной жизни, духовного облика индивида.

Социалистический мир в настоящее время пока не готов к тому, чтобы предъявить группе развитых стран решающие аргументы в пользу коллективистских общественных отношений.

Сначала культ личности И.В. Сталина, затем волюнтаристские ошибки Н.С. Хрущева, затем – после консервативного переворота 14 октября 1964 г. – субъективизм и волюнтаризм застойного, консервативного толка Л.И. Брежнева – М.А. Суслова заметно ограничили потенциальные возможности социалистического мира к быстрому, опережающему капитализм, продвижению вперед. Социализм в формационном развитии топтался на месте, тогда как современный капитализм, развивший в себе способность эффективного приспособления к менявшимся условиям, продвигался вперед.

Особенно плохо то, что социалистический мир сегодня, прежде всего в сфере экономики, отстает в формационном соревновании. Экономический застой обусловил и снижение объективных возможностей практической реализации социальных гарантий, составляющих одно из главных преимуществ коллективистских отношений. Деформация коллективистских отношений и засилье

вульгарной методологии, засилье апологетики в науке не дали возможности своевременно выработать методы эффективного функционирования государственной собственности. Экономическая основа социализма не может в настоящее время сколько-нибудь полно реализовать свои потенциальные формационные преимущества.

Очевидное отставание социализма в формационном соревновании создало, в свою очередь, благоприятные условия для формационного давления капитализма на социализм. Мы имеем в виду не столько прямое экономическое и политическое давление, хотя и оно имеет место. Речь идет о «предлагаемых» социализму методах хозяйствования, организации потребления, организации политической и духовной жизни и т.п.

В ходе оживленной дискуссии в СССР и других странах о путях перестройки, о необходимых мерах по устранению отставания в той или иной сфере, среди предложений о том, что могло бы обеспечить успех, весьма часто сейчас мелькают предложения не только о прямых заимствованиях конкретных методов хозяйствования у современного капитализма, что в принципе может быть разумным, но и предложения просто «вернуться назад» в формационном контексте.

К таким предложениям можно было бы, по нашему мнению, отнести: предложения вовсе отказаться от централизованного управления экономическими процессами, научно-техническим прогрессом, рынком и т.д.; предложения вообще отказаться от каких-либо элементов непосредственного обобществления, общественной собственности, государственной собственности и т.п.; призывы к полному и неограниченному господству критерия прибыли, к восстановлению в своих правах свободной конкуренции, к введению неконтролируемого и нерегулируемого рынка, который только один стал бы выступать в роли «автоматического» регулятора экономики; призывы к введению полной платности всех социальных благ и услуг, наряду со снятием каких-либо ограничений с материальной дифференциации; попытки искусственно насадить безработицу и т.п.¹

¹ Все это было успешно реализовано «реформаторами». Результаты видны всем. – Издатель.

Фактически через эти предложения проецируется идея возврата к классическому капитализму XIX в., тогда как современный капитализм уже достаточно давно осуществляет (конечно, в своих формационных целях) и плановый контроль за экономическим процессом, и централизованное управление, и стимулирование научно-техническим прогресса, и контроль за рынком и ценами. Капиталистические цели и интересы в экономике по-прежнему преобладают (в современном, монополистическом варианте), но конкретный хозяйственный механизм давно уже претерпел существенные изменения.

Мы полагаем, что для судеб современного социализма это стихийное формационное давление капитализма много опаснее прямой военной угрозы¹. Все ценное у современного (именно современного, а не безвозвратно ушедшего с исторической арены) капитализма условно должно найти применение в хозяйственном механизме социализма. Но тешить себя неокapиталистической утопией теоретически попросту наивно.

Для успешного продвижения в перспективе коллективистской социальной революции социалистический мир должен решить проблему более эффективного развития, чем мир капиталистический. Только это сейчас может обеспечить конечный (и притом мирный, безусловно, добровольный, демократический) формационный переход к обществу коллективистского типа.

Повторим еще раз в заключение, что мы попытались дать лишь постановку вопроса, нуждающегося в дальнейшем конкретном и глубоком исследовании.

**Диалектическое
формационное отрицание:
старое в облики нового**

Диалектическое отрицание, осуществляемое социальной революцией как процессом формационного перехода, представляет собой единство собственно отрицания и неизбежной преемственности. Од-

¹ Этот прогноз Захара Ильича, как всегда, был точен. А написано все это в 1987 г., когда возможный крах социалистической системы практически никем не воспринимался. – Издатель.

ним из аспектов утопической эйфории и практиков, и теоретиков в процессе политической революции является недооценка этой преемственности. Пафос отрицания кружит головы в моменты революционных переломов истории. Однако недооценка закономерной преемственности, естественная в условиях доминирования революционного отрицания, может привести к весьма серьезным просчетам в прогнозировании общественных отношений нового типа.

Единство преемственности и отрицания (непрерывности и прерывности) истории означает, что каждая новая формация не может появиться из недр предыдущей в полностью зрелом, развитом, совершенном виде – как появилась из пены морской сразу во всем своем блеске и совершенстве богиня Афродита...

Материально-техническая база развитого (зрелого) предшествующего способа производства позволяет не только функционировать старым общественным отношениям, но и установить на этой же производственной основе новые, более прогрессивные общественные отношения. Развитая, зрелая форма материально-технической базы старого способа производства потенциально может и должна стать материально-технической базой начальной фазы нового способа производства.

Никакой, самый зрелый капитализм в границах своего формационного развития не может, однако, создать материально-техническую базу высшей ступени коллективистского общества. Дело не в количестве тех или иных характеристик производительных сил, не в масштабах техники, возможных объемах производства и т.п., а в их социально-историческом качестве. Высшая фаза коллективистского общества отличается от капитализма не самими по себе масштабами производства (хотя они тоже важны), а прежде всего общим формационным качеством, в котором производительные силы – лишь основание.

Капиталистическая формация, с точки зрения развития ее производительных сил, ее материально-технической базы, по ходу истории прошла (до сих пор, во всяком случае) три фазы:

– первую, когда ее материально-техническая база по собственным техническим характеристикам была однотипна с материально-технической базой предшествующего (породившего) ее способа производства;

– вторую, когда она, осуществив в XVIII–XIX вв. промышленную революцию, создала в процессе своего развития и на своей собственной основе новую, только ей присущую материально-техническую базу;

– третью, современную, когда на основе развития ее собственной материально-технической базы начали создаваться отрицающие ее формационные свойства новой ступени общественных отношений, элементы производственных отношений новой формации. Типичный пример этого мы наблюдаем в случае, когда в условиях современного капитализма обобществление производства выходит за пределы классического для капитализма опосредствованного обобществления.

Эта последовательность фаз в развитии главной детерминанты истории – производительных сил – обуславливает неизбежное генетическое влияние прежнего способа производства, прежней формации в производственных и других отношениях первой фазы нового общества. Новое еще «изнутри» наполнено старым, старое еще живо, хотя и в облики нового.

Проблема преемственности и отрицания имеет не только абстрактный, но конкретный и практический характер. У каждого основного отношения коллективистского общества есть предшествующее ему, являющееся его генетической предпосылкой, отношение индивидуалистического (буржуазного, капиталистического) общества. Исторически более развитое, более зрелое, более высокое отношение содержит в себе, как это принято называть в философии, в снятом виде отношение, являющееся его предпосылкой. Так называемые «отпечатки старого общества»¹ проявляют себя в том, что при определенных условиях снятое «обнажается», просту-

¹ Слова К. Маркса в «Критике Готской программы» об «отпечатках старого общества» долгое время переводились как «родимые пятна» капитализма при социализме. С точки зрения апологетических тенденций в пропаганде они относились лишь к «пережиткам капитализма» в сознании людей. Интерпретацию эту сегодня уже можно было бы назвать наивной, если бы она не возводилась долгие годы в ранг нормативной формулы, если бы за ней не скрывался немалый вред, причиненный этой формулой научному (сиречь, практическому) пониманию социализма. В действительности же К. Маркс писал о социализме, что это такое коммунистическое общество, «...которое только что выходит... из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18. Подчеркнуто нами – З.Ф., Г.К.). Речь идет о следах происхождения, а не «темных пятнах на светлом фоне». В последнем издании работы В.И. Ленина «Государство и революция» дан именно второй перевод, как более точный (М.: Политиздат, 1984. С. 93). – Авторы.

пает через черты нового. «Старое» выступает при этом в специфической для новых условий форме (в превращенной форме), но от этого не перестает по своей сути быть «старым».

Мы полагаем, что социалистическая революция отнюдь не бесповоротно в каждом из конкретных социально-экономических отношений устраняет возможность возврата к прежнему отношению. Под оболочкой новой формы может фактически возродиться в превращенном, рецидивном виде старое содержание.

В каждом новом социально-экономическом отношении живет в скрытом (смятом) виде его историческое прошлое. Если условия реализации этого отношения тяготеют к прошлому, то и сущность отношения будет тяготеть и прошлому. Для первой ступени коллективистского общества, когда генетическое прошлое снято непосредственно (то есть не пройдены еще исторические ступени качественного развития нового, опосредствующие снятие старого), это возвращение к старому в рецидивной, превращенной форме происходит прямо и особенно грубо.

Приведем пример, характеризующий некоторые главные отношения в экономической (базисной) сфере.

Всегда ли собственность, формально характеризуемая как «общественная», является и в действительности реализует только и исключительно отношение коллективности? Мы полагаем, что не всегда. В определенных условиях она становится формой, за которой скрывается ее противоположность – реализация в рецидивной, превращенной форме отношения капитала.

Дело, как мы полагаем, не в самой по себе государственной форме общественной собственности. Какой-то социальный институт все равно должен выступать в качестве персонификации общества как коллектива. Вполне естественно, что при социализме, когда политическая организация общества закономерно носит форму государства, таким институтом (субъектом отношения собственности) выступает государство.

Реальное содержание отношения «общественная собственность» зависит при этом от характера политических отношений, от

того, как государственная собственность практически реализуется в процессе общественного труда¹.

Есть ряд конкретных условий, в совокупности обеспечивающих реализацию государственной формы общественной собственности как исторической формы коллективистских экономических отношений. Назовем их кратко (нам к этому вопросу еще придется вернуться ниже):

– полноценное и всестороннее участие всех трудящихся в реальном, собственно экономическом управлении государственной собственностью;

– обеспечение каждому работнику оптимальных (по реальным техническим возможностям) условий труда, условий сбережения его сил и здоровья;

– соревновательное, инициативное, заинтересованное отношение самих трудящихся к своему труду – вообще и на своем конкретном рабочем месте (для такого отношения должны быть созданы условия, но и сами трудящиеся должны выработать в себе такое отношение);

– строгое соблюдение принципа соответствия индивидуально-трудового вклада и индивидуального потребления (их соответствие всегда несколько условно, ибо абсолютной объективной эквивалентности попросту невозможно достичь, но эти проблемы эквивалентирования должны и могут быть перекрыты широкой гласностью в данном щепетильном вопросе, а также общим участием трудящихся в выработке реального конкретного соотношения меры труда и меры потребления);

– постепенное, спланированное и регулируемое повышение уровня и качества удовлетворения жизненных потребностей трудящихся за счет более эффективного функционирования обобществленного производства.

При соблюдении хотя бы этого минимума условий только и может выстроиться последовательность реализации коллективистского характера обобществления: государственная – обществен-

¹ О соотношении понятий «собственность» и «труд» мы писали в одной из более ранних публикаций: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономики социализма. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. С. 19–20. – Авторы.

ная – коллективная собственность. Нарушение этой сложной совокупности условий ведет к тому, что работник в реальном отношении выступает не как суверенная личность, совладелец коллективной собственности в ее государственной форме, а только как рабочая сила. Но если свойство выступать полноценной личностью в системе производства является отличительной чертой отношений коллективности, то приоритет свойства быть рабочей силой восходит к генетическому предшественнику коллективности – капиталу как общественному отношению.

В той мере, в какой работника рассматривают и, соответственно, используют в производстве, прежде всего и главным образом как рабочую силу, государственная собственность выступает фактически не как коллективная, а как государственно-капиталистическая (хотя и формально в превращенной форме). При этом работник фактически отчуждается от государства как субъекта собственности и поэтому в процессе труда в какой-то мере появляются элементы эксплуатации. В качестве субъекта такого рода эксплуатации может выступать и государство в целом как институт, но могут при определенных условиях выступить и те, кто непосредственно персонифицирует государство и использует его возможности в своих эгоистических интересах, то есть представители управленческой бюрократии.

На ранних этапах развития коллективистских отношений в силу закономерного характера исторической преемственности даже в оптимальных условиях неизбежны какие-то элементы отношения к работнику как к рабочей силе. Соответственно, государственная собственность в социалистическом обществе то реализуется своей новой, коллективистской стороной, то выступает своей старой, капиталистической стороной¹.

В реальной истории социалистического строительства в СССР условия функционирования государственной собственности не были

¹ Предпосылки всего этого диалектического характера отрицания старого, как мы считаем, весьма четко сформулировал В.И. Ленин в «Государстве и революции» (развивая идеи К. Маркса в «Критике Готской программы»): «...Он [речь идет о социализме – З.Ф., Г.К.] *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 85. – Авторы.

оптимальными для того, чтобы именно и только коллективистские ее потенции выступили на первый план. Низведение работника (в системе отношений культа личности) до роли «винтика» обуславливало тяготение государственной собственности к ее государственно-капиталистическому прошлому. Государственная собственность лишь частично реализовывалась в качестве общенародной, в какой-то мере выступая одновременно ещё и в качестве экономической базы для самообеспечения и воспроизводства бюрократии. Потенциальная эффективность государственной собственности из-за этого резко снижалась. Государственный социализм в условиях культа личности оказывался во власти тенденции частичного возврата к своему исходному пункту – государственному капитализму.

Это нельзя назвать Реставрацией, но фактически это был подлинный Термидор (трактуя этот термин расширительно): самый консервативный – из всех возможных – вариант реализации нового в историческом процессе, максимум старого в нарождавшемся новом.

Вместе с тем политическая революция 1917 г. означала, как мы полагаем, что состояние общества изменилось уже таким образом, что само по себе внутреннее развитие к сколько-нибудь полной реставрации старого уже не могло привести. Какова бы ни была степень деформации сложившегося варианта государственного социализма, он «сам собой» трансформироваться целиком в государственный капитализм уже не мог: революция осуществила в системе общественных отношений необратимые сдвиги.

Преемственность, заложенная в отрицании, доминирование отрицания, но в единстве с преемственностью, – таков с точки зрения диалектико-материалистического понимания истории закон перехода от формации к формации, закон революции.

Глава IV. ГЛАВНОЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ, ОСНОВНОЕ...

Формационные переходы, как мы уже писали, представляют собой диалектическое отрицание: единство отрицания и преемственности по отношению к предшествующей формации, по отношению ко всей предшествующей истории в целом.

На сегодняшний день в истории произошли два больших формационных перехода, обладавших особенными свойствами диалектического отрицания: от первобытно-общинного строя (во многом коллективистского) – к обществу индивидуалистического эксплуататорского типа (капитализму) и от капитализма как последней индивидуалистической формации – к социализму как первой ступени коллективистской эпохи истории¹.

В процессе диалектического исторического отрицания при формационном переходе этого типа вся совокупность основных общественных отношений в ходе исторического развития превращается в свою полярную противоположность на основе постепенного развития полярного отрицания предшествующих общественных отношений.

Однако такого рода полярная противоположность не может развиваться мгновенно в сам по себе момент смены власти, то есть в момент политической революции. Формационный опыт перехода от феодализма к капитализму показал, что для того, чтобы такая полярная противоположность развилась, нужна целая историческая эпоха. Переходные отношения от старой формации к новой, вся первая фаза новой формации такой полной полярности отношений дать еще не могут. Концепция соотношения формального и реального подчинения труда капиталу очерчивает общеисторические формационные закономерности становления развитой противоположности новой формации своей предшественнице.

¹ Идея особого характера этих формационных переходов была намечена Ф. Энгельсом в IX главе его работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 156–168). В литературе последних лет этот подход был наиболее четко выражен в книге: Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974. – Авторы.

Социализм и капитализм разделяет качественно более глубокая противоположность, чем капитализм и феодализм, однако общий закон формационного перехода – необходимость в длительном периоде становления нового формационного качества – равно относится к одному и другому переходу, хотя конкретные формы реализации этого закона заметно различаются.

Социализм как развитая и целостная социальная система спонтанно не может сложиться «внутри» капитализма. Характер формационного перехода, в процессе которого старые свойства должны не просто измениться, а превратиться в свою противоположность, препятствует полному вызреванию свойств социализма в границах буржуазных отношений. Поэтому коллективистское общество возникает сначала в своей относительно неразвитой форме, даже если бы оно возникало в стране самого зрелого и развитого капитализма. Это и обуславливает особенности формирования коллективности как определяющего (основного) отношения нового общественного строя. Даже в самых благоприятных условиях развитого капитализма политическую революцию отделяет от социализма – сложившейся, системной коллективности – и формирует длительный исторический период переходных отношений.

Две серьезные иллюзии, как мы уже отметили выше, типичны для осознания этого процесса. Они порождают, соответственно, столь же серьезные ошибки в практике строительства социализма.

Одна из иллюзий – преимущественно метафизического характера: недооценивается преемственность. Недооценивается не только генетическое влияние старого на новое (о чем шла речь выше), но и необходимость сохранения в снятом виде всего позитивного (не существующего, однако, без своего антипода – негативного), накопленного в прошлом историей. Старое не может быть просто отброшено: оно сохраняется в снятом виде, как бы к нему не относились субъективно те институты и персонажи, которые управляют социальным процессом в переходный период. Может меняться лишь форма сохранения этого старого.

Другая иллюзия – преимущественно утопического характера: недооцененными оказываются длительность и сложность переходного процесса, необходимость многократного опосредствования

движения к новому. Сложное новое нельзя создать сразу после революции, нельзя создать быстро, без многократного опосредствования. Утопическое же представление о новом, о будущем состоянии общества фактически без каких-либо оснований упрощает характер становления новых общественных отношений, искусственно «сжимает» сроки их становления. Марксистская концепция строительства социализма здесь испытывает сильнейшее давление со стороны утопических идей самого разного происхождения, но более всего – Г. Бабефа и О. Бланки¹.

Марксизм как научную методологию и теорию невозможно элементарно выучить по каноническим текстам. Для его усвоения обязательно нужна определенная культурная основа, сформированная не только образованностью, но и историческим опытом, и в какой-то мере сопоставимая с той, на которой сам марксизм сформировался. Нужны определенный практический опыт и умение соотнести теорию и практику. Нужно соответствующее «давление» практики на сознание, способствующее усвоению того или иного положения не просто в качестве абстрактной истины, но и в качестве руководства к действию. Наличие всех этих компонентов творческого и глубокого усвоения марксизма у всего круга лиц, причислявших себя в российском революционном движении начала XX в. к сторонникам марксизма, более чем сомнительно. Скорее, речь должна идти об относительной редкости тех, кому подлинный марксизм был внутренне доступен.

Неразвитость капитализма в России, обстановка глубокой разрухи в стране (посеянная еще войной 1914–1918 гг. и усугубленная войной гражданской), относительно малый политический опыт партии (к моменту революции она существовала лишь около 20 лет, причем почти все время в подполье), низкая гуманитарная культура и грамотность многих ее кадров и т.д. и т.п. стихийно и объективно «подталкивали» руководителей РСДРП(б) – РКП(б) к метафизическому пониманию перехода к социализму, к утопическому упрощению сложного пути к коллективистскому обществу.

¹ См., в частности: Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов XIX века. М., 1976. – Авторы.

Для того, чтобы субъективный фактор (а коммунистическая партия его представляла и его персонифицировала) мог сдерживать стихийный напор одностороннего метафизического понимания направленности социального процесса, утопизма в оценке имевшихся отношений и перспектив их развития, религиозоподобного отношения к руководителям как к харизматическим «великим вождям», надо было суметь в теории подняться над уровнем действительного, суметь последовательно теоретически осмыслить и самокритично оценить реальную практику. Ведь управлять историческим процессом можно только сознательно, планомерно, целенаправленно, руководствуясь последовательно научной теорией, постоянно критикуя собственные представления в теории и собственную практику.

Пока В.И. Ленин был жив, пока был у дел, эта линия, хоть и не без труда, не без срывов, выдерживалась. После его смерти руководство коммунистической партии России в большинстве своем отступило от этой линии, изменило ей. Оказался фактически снятым научно-теоретико-политический заслон от стихийно захлестывавших руководящие политические институты метафизики и утопизма.

Тем самым оказался смещенным, деформированным теоретический взгляд на объективный процесс реализации социалистической тенденции в России после Октябрьской революции.

Этим небольшим вступлением мы посчитали необходимым предварить наш анализ коллективности как определяющего отношения социализма. Без четкого разграничения марксизма и псевдомарксизма, как мы понимаем их противостояние, не всегда понятен был бы изложенный ниже анализ теории социализма, характеристика коллективистского общества в чистом и развитом виде (реализуемая нами по аналогии с тем, как К. Маркс строит теоретический формационный анализ капитализма) в соотношении с реальной практикой строительства социализма в СССР.

Начало начал...

Вопрос о том, с чего начинается после революции непосредственное движение общества к социализму, должен быть, как мы полагаем, увязан с общеметодологическим принципом прямой связи *исходного* отношения формации с ее *основным* отношением.

Действительно, с чего «начинается» капитализм? С превращения денег в капитал, с превращения рабочей силы в товар. Естественно предположить, что и социализм должен начинаться с исходных форм своего основного отношения – коллективности.

«Генетический вектор» капитализма – интеграция «атомов» в общество. Из товарных «атомов» формируется товарное производство, из специфических «атомов» товарности, когда товаром становится рабочая сила – капиталистическое товарное производство. Капитализм как общество в целом начинает формироваться из своей «экономической клеточки» – товара. Соответствующая этому экономическому базису политическая организация буржуазной демократии завершает формирование капитализма как формации.

Социализм формируется прямо противоположным образом: он «начинается» объединением всех трудящихся в «ассоциацию», в коллектив, охватывающий общество как целое. «Генетический вектор» формирования социалистических отношений противоположно направлен «генетическому вектору» капитализма. Диктатура рабочего класса в союзе с крестьянством, руководящая роль рабочего класса в союзе всех трудящихся, принявших коллективистскую перспективу ориентации социального процесса как основу своей социально-экономической политики, – все это обозначения политической коллективности или социальной организации (в форме государственной власти) нового типа¹.

Власть трудящихся во главе с рабочим классом – это исходная форма коллективности, это коллективность в системе политических отношений – единственно возможная ее форма как прямой результат политической революции. Все остальные элементы кол-

¹ В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» В.И. Ленин писал о государстве диктатуры пролетариата: «...Эти задачи могут быть разрешены какой угодно коллективностью или каким угодно государством, переходящим к социализму». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С.130. [Подчеркнуто нами]. – Авторы.

лективности в обществе еще необходимо либо создать заново (если их не успел создать недостаточно развитый капитализм), либо существенно преобразовать (если развитый капитализм создал эти элементы, но в свойственной ему антагонистичной форме).

Первичная политическая форма коллективности является исходной формой коллективности вообще, только если она реализуется как диалектическое единство диктатуры и самой широкой демократии. Любая односторонность здесь оказывается, в конечном счете, дисфункциональной: абсолютизация диктатуры ведет к ее вырождению в диктаторство, в культ личности, к потере (полной или частичной) ее коллективистской природы; абсолютизация демократии ведет к потере ведущей роли субъектного фактора в социально-историческом процессе, т.е. опять-таки к потере коллективистской ориентации направленности исторического процесса. *Развитый коллективизм может быть создан только на основе управляемого исторического процесса, но при реализации этого управления по принципам самой широкой демократии для трудящихся.* При этом коллективистское качество политической организации общества не должно быть потеряно в ходе исторических преобразований.

На все время переходных отношений противоречие между индивидуалистической (буржуазной) тенденцией общественного развития и коллективистской (социалистической) тенденцией остается основным для общества, движущегося к социализму. Собственное основное противоречие коллективистских отношений – противоречие «внутри» коллективности, противоречие общественного и индивидуального, противоречие коллектива (в том числе общества) как целого и его элементов – существует изначально, но выступает на первый план, становится реально определяющим и для практики, и для теории, только после того как во внутреннем развитии преодолено противоречие переходных отношений.

Следует, наверное, специально отметить, что все и всяческие попытки объявить, что реализация социалистической тенденции развития ведет к прямому обострению классовых противоречий, являются отражением стремления ограничить развитие политической демократии как формы коллективности. Фактически это озна-

чает стремление «культы личности» и порожденной им бюрократии в каком-то варианте абсолютизировать в своих корыстных целях свойственную переходным отношениям необходимость диктатуры, отсекая от неё демократию.

Подтягивание предпосылок будущего строительства социализма (а именно такой характер по идее В.И. Ленина должен был носить нэп) не есть еще непосредственное развитие собственно социалистических форм. Во многом на госкапиталистических началах развивалась промышленность (если рассматривать ее развитие как чисто экономический процесс). Становлением рынка и расширением товарности (при осуществлении общего планового контроля государства) характеризовалось развитие сельского хозяйства. Экономическое развитие в перспективе должно было привести к реализации социалистических целей, но по своей собственной природе на стадии нэпа экономические отношения в большинстве своем еще не были социалистическими (коллективистскими).

Сохранение собственно социалистического начала в этом процессе развития страны и должна была обеспечивать коллективистская природа политической организации общества. Поэтому эта организация и должна была носить характер ранее невиданного в истории «гибрида» диктатуры с демократией. И чем определеннее обозначились в свое время границы нэпа как процесса экономического, тем больше заботился В.И. Ленин о совершенствовании этой политической «диктатуры-демократии». Зная умонастроения в партии, характер ее лидеров, он беспокоился не столько о диктатуре, как свойстве политической организации, сколько о демократии. Об этом ясно говорят все его последние работы (конца 1922 – начала 1923 гг.).

«Диктатура-демократия» должна была обеспечить высокую степень добровольности следования экономики и общества в целом по пути социалистической ориентации развития. Через проведение социальной политики социалистического толка, через стимулирование активности она должна была вовлекать массы в реализацию конечных социалистических целей развития общества. И одновременно именно «диктатура-демократия» должна была выполнить роль управлявшего социальным развитием субъективного фактора,

не просто стимулирующего активность социальных институтов и людей с ними связанных, а на научной основе придававшего этой активности совершенно определенную социалистическую направленность.

Фактически же после смерти В.И. Ленина элементы демократии не получили дальнейшего развития, демократические институты (типа рабоче-крестьянской инспекции) постепенно были преобразованы в бюрократические учреждения, диктатура класса трансформировалась в единоличную диктатуру с весьма формальным учетом интересов этого класса.

Сущность социализма казалась довольно простой и очевидной накануне социалистической революции. Так было в 1917 г. в России. Однако это было типичной утопической иллюзией. Как и следовало ожидать, реалии оказались во много раз сложнее и богаче абстрактной теоретической схемы. Теория оказалась, конечно, в основе своей верной, но степень ее конкретизации была недостаточной для всего того многообразия и своеобразия, которое проявилось в практике. Теория не выдержала огромного давления на нее стихийного утопизма и религиозоподобного восприятия социальных процессов. Марксизм оказался «дополнен» утопическими и апологетическими представлениями до такой степени, что в какой-то мере превратился в псевдомарксизм.

Концепция перехода к социализму в каждом конкретном случае формируется в известном смысле по методу ретроспекции: теория умозрительно моделирует результат, а от него в сторону, обратную ходу истории, расставляются критерии смены фаз и этапов.

Прикладную концепцию социализма приходится строить на основе абстрактного теоретического знания о нем, на основе тех или иных (в какой-то части обязательно субъективных) представлений о социализме как «должном» в условиях своей страны, на основе политических устремлений классов и социальных слоев, совершивших революцию, на основе опыта других стран. Не удивительно, что концепция движения к социализму в начале этого процесса в России получилась не слишком научной и строгой. Неизбежен был в какой-то части пресловутый метод «проб и ошибок». Это создало почву не только для реальных, носивших науч-

ный характер, дискуссий о методах строительства социализма, но и для политических спекуляций, использованных в целях борьбы за личную власть. Истинная наука при этом, вполне естественно, резко ограничивалась. А диктаторством, нажимом, упором на обязательное единомыслие пытались фактически хоть в какой-то степени компенсировать неполноту научности в обосновании социально-экономической политики¹.

В реальной истории движения к социализму, начатого Октябрьской революцией в России, наиболее сложным оказалось сохранение и упрочение подлинно коллективистской основы строительства социализма. В полной мере это не удалось не только России, но и другим странам, начавшим свой путь к социализму. Искажение коллективистских начал, подмена их таким видом псевдоколлективности, который получил название «культы личности», – вот наиболее частые формы, в которых проявилось генетическое давление старого на еще слабое, еще не вполне нашедшее себя новое...

Всеобщая история и историзм основного отношения социализма

Основное отношение социализма является продуктом истории, имеющим непосредственные предпосылки в социальных отношениях капитализма и более глубокие (опосредованные) – во всей их истории. Методология марксизма требует, чтобы каждая существенная черта нового общественного строя была рассмотрена в зеркале его истории, и в нем были бы выявлены и критически оценены и отдаленные, в этом смысле – опосредствованные, предпосылки нового общественного строя, и ближайшие, прямые, непосредственные предпосылки, по которым прослеживается преемственность, связывающая старую и новую формацию.

Зачастую сопоставительный анализ капитализма и социализма завершают выводом о противоположности их формационных

¹ Сложность и противоречивость политической ситуации в коммунистической партии Советской России в органическом единстве этой политической ситуации с идейно-теоретическими представлениями партии хорошо показывает в своей статье: Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2. – Авторы.

свойств. Это – распространенная методологическая ошибка. На самом деле все должно быть наоборот: установление полярной противоположности свойств капитализма и социализма и принципиальной преемственности в их содержании должно служить только лишь началом подлинного сопоставительного анализа и исследования сущности социализма.

Понятие основного отношения достаточно определенно обозначено К. Марксом, хотя он им и не злоупотреблял, ибо ему вообще не был свойственен акцент на определения: он стремился показать реальное место и функцию любого, в том числе основного отношения, а не обозначить лишь его место в иерархии определений. К. Маркс называл капитал «господствующей категорией», «определяющим производственным отношением» для капитализма¹. В нашей литературе понятие основного отношения утвердилось после «Экономических проблем социализма в СССР» И.В. Сталина², где оно было предложено в качестве обязательной фундаментальной категории для характеристики любого способа производства. С тех пор не утихают дискуссии о том, что такое основное отношение социализма, что такое его основной закон, как они связаны друг с другом.

Традиционное понимание основного экономического закона было изложено в 1954 г. в учебнике политической экономии, причем в формулировке, предложенной И.В. Сталиным: «...Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества...»³. Это определение и до сих пор с добавлениями и вариациями повторяется множеством авторов. Эта же формулировка основного закона вошла в Программу КПСС. Ее используют и в научной, и в нормативно-политической литературе для обозначения главного критерия развития и формационного членения социализма. С помощью традиционной формулировки основного закона соотношение производства и потребления пытаются в официальной науке предста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 394. – Авторы.

² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 93 с. – Авторы.

³ Политическая экономия: учебник. М.: Госполитиздат, 1954. С. 405. – Авторы.

вить в качестве главного критерия формационного развития коллективистского общества. Сначала потребление трактовали очень узко, теперь его трактуют очень широко, включая сюда и духовное потребление, однако и расширительный подход к потреблению не может снять методологическую слабость такой трактовки существа социализма. Мы полагаем, что такая постановка проблемы основного отношения несостоятельна¹.

С точки зрения историзма основное отношение социализма должно иметь непосредственную генетическую связь с основным отношением капитализма².

Что же может явиться непосредственным генетическим предшественником определяющего (основного) отношения социализма? По логике историзма, логике единства диалектического отрицания и преемственности, – только определяющее (основное) отношение капитализма, т.е. капитал. И действительно, капитал – впервые в истории – создает всеобщую связь людей в производстве, связь работников не как личностей (как личности они конкурируют), а как функциональных звеньев производственного процесса. Это – уровень так называемой *совместности людей в общественном производстве*.

Но совместность – это еще не коллективность. Совместность – не иллюзия, но она пока еще не коллективность, точнее говоря, это – еще иллюзорная коллективность. Объединение людей в общество на основе всеобщего разделения труда – высший возможный здесь (т.е. всеобщественный) уровень совместности³. К. Маркс прямо пишет о порождении неразрывной, закономерной (т.е. вынужденной), объективной совместности людей в развитом (машинном) капиталистическом производстве: «...Капитал выступает не только как коллективная рабочая сила рабочих, их общественная сила, но и как связующее их и поэтому создающее эту силу единст-

¹ См.: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1982. Файнбург З., Козлова Г. Становление новой парадигмы политической экономии социализма // Экономические науки. 1987. № 3. – Авторы.

² Мы рассматривали ранее эту проблему в статье: Файнбург З., Козлова Г. К вопросу о политической экономии в широком смысле слова // Экономические науки. 1985. № 8. – Авторы.

³ «...взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов образует их общественную связь». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 99. – Авторы.

во... капитал осуществляет с рабочим обмен как общественное начало, а они с ним как индивиды»¹. Несколько ниже он продолжает: капитал «...с самого начала выступает как коллективная сила... и как устранение разъединенности: сначала – разъединенности обмена с рабочими, а затем – разъединенности самих рабочих»².

Социалистическая революция «не изобретает» соединенности людей в обществе и на производстве. Она лишь совлекает с уже существующей общности людей антагонистическую форму, которую придавал этой общности капитализм. На смену доминированию опосредованной связи приходит доминирование непосредственной связи; на смену связи преимущественно вынужденной приходит связь в тенденции сознательная, намеренная, свободно выбранная; на смену доминирования функциональной связи непосредственно в производстве приходит связь прежде всего личностная (то есть такая, которая и преобразует совместность в коллективность), при этом функциональный аспект связи не уничтожается, а занимает теперь в диалектической паре «функциональная связь – личностная связь» подчиненное положение взамен прежнего доминирования.

Тем самым капитал как определявшее (основное) отношение капиталистической формации путем качественного, то есть революционного, преобразования превращается в свою полярную противоположность – коллективность как определявшее (основное) отношение уже новой, коммунистической формации.

В условиях капитализма на стадии империализма, то есть капитализма «умирающего» (капитализма, вступившего, по определению Н.А. Симонии, в состояние социальной революции) новые формы социальных отношений начинают складываться «внутри» капитализма. В соотношении диалектической пары – опосредствованного и непосредственного обобществления – элементы последнего становятся все более существенными, весомыми, значащими. Конечное доминирование опосредствованной формы обобществления не может «само собой», автоматически превратиться в свою противоположность – прямое доминирование непосредственного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч. 2. С. 83. – Авторы.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч. 2. С. 85. – Авторы.

обобществления. Толчок такой перемене соотношения этих единых противоположностей может дать только «внешний» для экономики фактор – политическая организация. Но современный капитализм потому и является «умирающим» (как его в свое время вполне обоснованно определил В.И. Ленин), что в его естественном развитии уже закономерно идет нарастание элементов и форм непосредственной общности.

К такого рода элементам и формам можно отнести и сам факт образования монополистических объединений (особенно транснациональных корпораций, в которых уровень обобществления в принципе поднят над уровнем «атомарной» структуры капитализма; маркетинг как форма планомерного регулирования сбыта; все формы вынужденного вмешательства государства в экономику; союзы (общества) потребителей, где отношение непосредственной общности проникает на такой уровень, как переход продажи товаров в непосредственное потребление и т.п.).

Смена характера власти, то есть политическая революция – лишь критическая точка такого перехода: «перегиб», «надлом» прежней исторической линии (или нити) развития. Фактически же переход от прежнего формационного качества к новому – становление полярной противоположности старому – занимает целую историческую эпоху. Было бы абсолютно неправомерно трактовать эту эпоху как плавное, спокойное нарастание нового формационного качества и отступление старого. Это – эпоха жестких и бурных социальных коллизий, эпоха в полном смысле слова трагическая. Острая борьба старого с новым закономерна для этой эпохи, хотя, конечно, столь мрачный и кровавый вариант наступления старого на новое, каким была сталинщина в СССР, является бедой именно нашей отечественной истории, а не общей закономерностью¹.

¹ В последние годы вышло много книг и статей, исследующих культ личности в целом и особенно в его сталинском варианте. Мы считаем узловым пунктом всей этой проблемы исследование того, в какой связи находится переход к социализму как формационный процесс и культ личности как специфическая форма паразитирования старого на становлении нового, то есть процесс конкретно-исторический, а не формационный по своей природе. См. книгу одного из авторов данной монографии: Файнбург З.И. Социализм и культ личности: закономерное и случайное. (Рукопись готовится к печати). – Авторы [Она вышла в свет под названием: Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М.: Политиздат, 1991. – Издатель].

Определяющее (основное) отношение формации не может быть частным для социальной системы, т.е. относиться лишь к одной какой-либо сфере, – оно является всеобщим для всей социальной системы. Поэтому для общества его определяющей связью выступает всеобщее в характере отношений людей в обществе между собой. Для социализма таким отношением (его доминантной стороной, если быть более точным) и выступает коллективность.

В исходном пункте становления формации ее определяющее отношение не может существовать в развитом виде. Оно сначала существует в зачаточном виде. При этом необходимо, чтобы эта зачаточная форма была жизнеспособна, была способна к саморазвитию из зародыша в зрелое состояние, была достаточно устойчива против неблагоприятных влияний и т.п. Отсюда – необходимость становления определяющего отношения в его исходной форме, прежде всего в наиболее мобильной, относительно «простой» и обладающей свойством «скреплять» и «толкать в нужную сторону» развитие социального организма, сфере общественного организма – в социальной организации¹.

Определяющее (основное) отношение – это такое отношение, без которого ни на одно мгновение нельзя представить себе существующим данный общественный строй. Можно ли умозрительно, с помощью любой степени абстракции представить себе капитализм без капитала? Таковое невозможно. Можно ли представить себе социализм, ограничивающий до крайнего минимума потребление трудящихся? Можно, хотя такое допустимо и может быть принято обществом как коллективом только в чрезвычайных, исключительных обстоятельствах. Так было, например, в годы Отечественной войны... Но социализм никогда, ни при каких исключительных обстоятельствах не может окончательно перестать быть коллективностью. Ее можно деформировать, извратить, свести к крайнему минимуму и т.п., но невозможно снять без потери формационного качества. Никакой Великий Диктатор или «великий

¹ В свое время нами была предложена следующая схематическая характеристика структуры социальной деятельности: предметная сторона деятельности, культура как «технология» деятельности, организационный аспект как характеристика связей в процессе деятельности. – Авторы.

вождь всех времен и народов» не может окончательно истребить коллективность, поскольку его власть вынужденно основана на эксплуатации именно этой исторической формы социальности.

Коллективистское отношение в условиях культа личности (равно как в его сталинском и в его рецидивном брежневском варианте) до предела, до риска полной потери нового формационного содержания наполняется «изнутри» индивидуалистическим содержанием, новое становится тоненькой оболочкой, «внутри» которой гниет и косит людей старое, однако полного возвращения старого, как его реставрация на уровне общего исторического формационного качества, не происходит. Культ личности поэтому вполне может и должен быть сопоставлен с Термидором ¹, но не может быть отождествлен с Реставрацией.

До сих пор распространена иллюзия, что перейти к социализму можно от любой формации, и может быть лучше всего – от первобытной общины, с которой у социализма много сходных черт, хотя в общине черты эти примитивны, неразвиты, незрелы, неосознанны.

Предпосылки коллективности: (а) всеобщей по охвату и по масштабу, равному обществу в целом; (б) осознанной, сознательно создаваемой и планомерно управляемой; (в) соединенной органически с всесторонним развитием личности как свободной индивидуальности; (г) предполагающей внутри себя не примитивное уравнивание «всех по всему», а глубокую неантагонистическую дифференцированность, структурность, создающую самую способность современной коллективности к самодвижению, саморазвитию; (д) глубоко демократичной по свойственной ей форме политической организации общества, – могут быть созданы в общеис-

¹ А.С. Ципко в упомянутой выше статье «Истоки сталинизма» (Наука и жизнь. 1988. № 11, 12) утверждает, что понятие Термидора не может быть применено к деятельности И.В. Сталина, поскольку эта деятельность основывалась на господствующей, принятой подавляющим большинством партии интерпретации марксизма. Однако мы не разделяем этой точки зрения. Теоретико-идеологической основой социально-экономической политики РКП(б) – ВКП(б) после смерти В.И. Ленина стала преимущественно метафизическая, вульгарно-утопическая интерпретация марксизма – псевдомарксизм, как мы его склонны называть. С этой точки зрения сталинщина – это именно Термидор: возврат (откат) революции к мелкобуржуазности в основе социальной структуры и основе социальных отношений в стране. Это именно Термидор, а не Реставрация, и уж, во всяком случае, никак не реализация программы создания коллективистского общества по К. Марксу и В.И. Ленину. Кстати сказать, у К. Маркса такой программы в конкретном варианте (то есть на уровне социальных технологий) и быть еще не могло, а у В.И. Ленина она только-только начала складываться. – Авторы.

торическом контексте, только и исключительно отправляясь от капитализма¹. Развитое коллективистское общество может быть только «отрицанием отрицания» первобытной (равно как и патриархальной) общины, что не исключает использования каких-то частных элементов такой общины в процессе формирования развитой коллективности, коль уж такие элементы сохранены историей.

«Лишних» формаций в истории не было. При всей сложности исторического развития, альтернативности конкретных путей истории общий ее ход закономерен.

Совместность и коллективность:

генетическая связь

и взаимодействие при социализме

Основные формы социальной общности детерминированы, причем эта детерминация непосредственно проявляется в конкретно-исторических формах разделения и кооперации труда. Механизм детерминации обуславливает весьма многоступенчатое и сложное опосредование определяющего влияния кооперации труда на весь тип отношений между людьми в обществе. Если бы на этом уровне не нашлось бы предпосылок, оснований и форм коллективности, то утверждение о том, что коллективность – определяющее (основное) отношение формации, повисло бы в воздухе.

Кооперация труда имеет две стороны. Одна – непосредственно технологически детерминирована, обуславливая саму возможность продуктивно (эффективно) работать с применением данных орудий труда. Её можно назвать организационно-технической или, может быть точнее, производственно-технической (ибо кооперация – это форма организации) стороной кооперации труда. Другая сторона кооперации труда отражает и воплощает социальный характер спо-

¹ Существует еще и самостоятельная большая проблема возможности перехода к социализму, минуя капитализм. Однако эта проблема становится реальной (для бывших колоний и полуколоний в основном) только при существовании общества социалистического типа в одной или нескольких более развитых странах. Сама проблема могла возникнуть лишь тогда, когда в общеисторическом развитии уже состоялось «порождение» капитализмом стран социалистической ориентации. Однако и при этом условии трудно говорить о какой-либо возможности прямого перехода к социализму. Социалистическая ориентация может быть реализована только как длительный, сложный, многоплановый процесс, в ходе которого минуть госкапитализм попросту невозможно. В целом же эта проблема имеет много своих сложностей, рассмотрение которых в нашу задачу специально не входит. – Авторы.

соба соединения работника производства со средствами труда, т.е. характер производственных отношений. Её можно назвать социально-экономической стороной кооперации труда¹.

Производственно-техническая сторона кооперации труда в развитом капиталистическом производстве определяется машинной техникой. Живой труд работника подчинен здесь логике технологического процесса и выступает его обезличенной трудовой функцией. Можно составить полный перечень этих трудовых функций, обеспечивавших производство в границах предприятия, отнюдь не обращаясь к каким-то конкретным работникам как личностям. В современном машинном производстве, где работник в значительной мере включен в технологический процесс как его «физическая» составная часть, где он сам непосредственно выполняет (оживляет) те или иные функциональные элементы технологического процесса, функциональная связь работников между собой доминирует над их собственно личностной связью.

Социально-экономическая сторона кооперации труда в развитом капиталистическом производстве определена отношениями наемного труда, т.е. в конечном счете совокупностью того производственного отношения, которому дано обобщающее название «капитал». Капитал в принципе безразличен к работнику как к личности: приобретается, прежде всего, способность работника к выполнению необходимой трудовой функции, его рабочая сила, а не работник как личность. Личностные стороны жизнедеятельности рабочего могут интересовать капитал только в той мере, в какой они влияют на его свойства как рабочей силы, а также в том случае, если от личностных качеств данного конкретного работника (да и совокупного работника в целом) исходит противодействие капиталистической эксплуатации.

Социалистическая революция неизбежно и необходимо наследует от капитализма «...наличный процесс труда...»². В результате «...процесс труда, рассматриваемый технологически, совершается

¹ Это членение для условий советской экономики было предложено Л.И. Абалкиным. Оно восходит к соответствующему членению кооперации труда для капиталистического производства, рассматриваемому весьма обстоятельно К. Марксом. – Авторы.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 76. – Авторы.

точно так же, как и раньше...»¹. Налицо подчинение социалистическому производству, коллективистскому отношению «... способа труда, развившегося еще до появления этого отношения...»². Поэтому с производственно-технической стороны в кооперации труда на протяжении всего периода становления коллективистских отношений, на первой фазе этих отношений – при социализме – технологически обусловленным является доминирование функциональных связей. Работники связаны здесь между собой прежде всего как функции. В этом (в одном из исходных пунктов системы отношений общества) проявляется генетическое влияние капитализма.

Социально-экономическая сторона кооперации труда, наоборот, претерпевает в процессе перехода к социализму коренные изменения, превращаясь постепенно в полярную противоположность её свойствам при капитализме. На основе коллективного владения средствами производства устраняется детерминированность эксплуатации труда, устраняются предпосылки приоритета функционального подхода к работнику. Эта сторона кооперации труда приобретает в ходе развития новое качество: постепенно формируется преобладание личностной стороны работника над функциональной. В деятельности коллектива (трудовой и нетрудовой), в самом составе коллектива, в управлении коллективом и т.п. работник участвует (должен, во всяком случае, в соответствии с природой социализма участвовать) уже как личность прежде всего, а не только и не столько как носитель функциональной роли.

Всему периоду становления коллективистских отношений и их первой фазе – социализму – свойственно принципиальное противоречие между производственно-технической стороной кооперации труда, где сохраняется прежняя функциональная совместность, и социально-экономической стороной кооперации труда, где происходит становление коллективности – общности людей как личностей. Мы называем это состояние, длящееся на протяжении вполне конкретного исторического периода, *формальным подчинением*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 81. – Авторы.

² Там же. С. 76. – Авторы.

*труда коллективности*¹ (по аналогии с капитализмом, где К. Маркс различал формальное и реальное подчинение труда капиталу). Термин «формальное» обозначает здесь лишь то обстоятельство, что новая социально-экономическая сторона кооперации труда не имеет еще соответствующей ей технологической основы (производственно-технической базы).

Две стороны кооперации труда, противоречащие по своему характеру друг другу и вместе с тем единые, оказывают друг на друга соответствующее влияние: противоположности взаимодействуют вплоть до конфликта между ними, оптимального относительного равновесия, перехода одной в другую.

Работники непосредственно трудятся не коллективно, а совместно, т.е. взаимодействуя как функции: токарь, слесарь, фрезеровщик, электрик, механик, технолог, конструктор и т.п. Труд каждого относительно обособлен: у него свои собственные формы простого процесса труда, своя специальность, своя квалификация, своя тяжесть и заданная техникой интенсивность труда, свое отношение к труду, и потому – своя индивидуальная производительность, свое индивидуальное качество работ и продукции. Налицо индивидуальная выделенность заданного совместного группового и общественного труда, заданной связи трудовых функций при относительном безразличии продуктивности этого труда к личности работника. В таком труде объективно задано преобладание репродуктивных, повторяющихся, стереотипных элементов. Творческие (а следовательно, обязательно личностные) элементы лишь спорадически включены в содержание труда (простой процесс труда, как его обозначал К. Маркс), а для личностной самореализации в труде «отвечено» преимущественно творческое отношение к труду, которое фактически уже принадлежит социально-экономической стороне кооперации труда, социальному самосознанию работника.

Сохранение совместности (совместно-индивидуального участия в труде) в производственно-технической стороне кооперации труда оказывает на ее социально-экономическую сторону серьезное и глубокое влияние. Это влияние исходит от основной детерминан-

¹ См.: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономики социализма. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962. С. 77–91. – Авторы.

ты общественных отношений – от производительных сил, а потому проявляется не только в конкретных формах тех или иных общественных связей, но и в формационной характеристике социализма.

На характер общественных отношений на первых ступенях коллективности оказывает влияние сохраняющееся глубокое разделение трудовых функций как технологическая основа разделения труда в обществе. Коллективность как отношение требует гарантирования каждому возможности выбора работы и профессии. Однако сами работы (рабочие позиции) качественно неоднородны и по способу реализации трудовой функции, и по квалификации, и по нормативному образованию, и, в конечном счете, по общему положению работника в обществе. Потенциальное равенство в возможности трудиться и выбирать место своего труда реализуется как существенное фактическое неравенство в самом процессе труда¹.

Сохранение элементов старого разделения труда и совместности в труде накладывает непосредственный отпечаток на экономические (базисные) отношения: на характер собственности, на степень реальной причастности каждого отдельного коллектива и работника к общественной собственности, на распределительные отношения, а через них – на социальную структуру, на надстройку, на сознание.

Процесс становления коллективности как развитого социального отношения, определяющего в целом характер социальности, как мы отметили выше, есть длительный исторический процесс взаимодействия совместности и коллективности.

В условиях первой ступени коллективистского общества – социализма – совместность еще очень и очень весома (возможно, что правильнее даже сказать, что она еще преобладает). Образуется определенная цепь связей, зависимостей: материально-техническая база в принципе однотипна с капитализмом – сохранение старого разделения труда в производственно-технической стороне кооперации и его влияние на социально-экономическую ее сторону – существенные элементы совместности «внутри» коллективности (старое

¹ В советской социологической литературе это принципиальное несовпадение жизненных ожиданий в сфере труда и фактического распределения позиций, ролей в труде было весьма убедительно показано В.Н. Шубкиным в 60-е гг. XX в. – Авторы.

«внутри» нового, в формах нового и т.п.) – объективные основания для возможного отношения к работнику преимущественно как к рабочей силе – объективные основания для проявления в ряде случаев рецидивных, превращенных форм капитала в общей, противоположной ему структуре социалистических производственных отношений. Генетические корни коллективности – происхождение его современной, развитой формы, восходящей к отношению капитала как прямой предпосылке, – в обществе социалистического типа при определенных условиях могут напомнить о себе: для этого налицо закономерные объективные основания.

Преимственность, как она охарактеризована выше, прежде всего проявляет себя в том, как реализуется коллективный характер собственности в условиях начальной фазы формации – социализма.

Коллективное в собственности реализуется по широкой гамме конкретных форм противостояния в ней двух противоположных начал: коллективного и индивидуального. Общественная собственность, государственная собственность, хозрасчетная экономическая самостоятельность предприятий и объединений, собственность общественных организаций и фондов, собственность кооператоров, отношение групповой собственности, реализуемое через подряд и аренду, индивидуальная производительная собственность, индивидуальная собственность на предметы потребления – такова в общих чертах гамма последовательного движения отношения собственности от одного полюса (коллективного присвоения) до другого полюса (индивидуального присвоения)¹.

Противостояние (в границах единства) коллективного и индивидуального проявляет себя последовательно на всех ступенях экономического бытия, на всех фазах движения экономических отношений: в производстве, обмене, распределении, потреблении.

¹ В одной из наших работ эта внутренняя противоречивость отношения общественной собственности была показана и исследована еще в 1966 г. См.: Файнбург З. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. 1966. № 6. Одновременно аналогичные подходы к проблеме были в какой-то мере развиты еще в некоторых работах других авторов. К сожалению, в советском обществоведении не принято обращать внимание на приоритеты и обязательно делать ссылки на публикации предшественников. Поэтому внутреннюю дискретность общественной собственности вот уже более 20 лет (и особенно интенсивно в последние годы, начиная примерно с 1986 г.) переоткрывают все вновь и вновь... – Авторы.

Тем существеннее роль субъективного фактора, институционально реализующегося в научном планомерном управлении. От него прямо зависит, в какой мере фактические условия труда будут способствовать либо реализации и наращиванию коллективности, либо возврату к рецидивным формам ее генетического предшественника.

Коллективность как отношение: признаки, свойства, структура

Проблема сравнительно полного, развернутого исследования коллективности как определяющего (основного) отношения социализма еще далеко не решена. Прежде всего, наверное, потому, что традиционное (после И.В. Сталина) понимание основного экономического закона вообще мешает правильной оценке места и роли отношения коллективности. В литературе явно недостает систематизированных, развернутых определений коллективности. Каждый раз коллективность связывают то с одной, то с другой её чертой, часто понятие философии и социологии – «коллективность» – подменяют понятием психологии – «коллективизмом». Ни в специальной литературе, ни в философских энциклопедиях и словарях понятие «коллективность» достаточно строго пока не определено. Мы попытались дать хотя бы самое общее определение коллективности и ниже в изложении опираемся на результаты этих попыток¹.

Коллективность как тип социальной связи есть непосредственная общность индивидов как образующих общество (социальную совокупность, группу) личностей. Социальные связи в своем развитии пересекают здесь своеобразный критический рубеж: в стихийном характере их становления и функционирования есть нечто природное, но переход стадности в природную, первобытную коллективность есть уже становление социальности, при которой формирование условий социальной жизни в таком полуприродном

¹ Существует значительная литературная традиция трактовки основного отношения социализма как коллективности, восходящая еще к XIX в. Литература эта настолько обширна и многопланова, что мы лишены возможности указать здесь сколько-нибудь полный ее перечень. В советской литературе эта традиция поддержана была еще А.А. Богдановым и И.И. Скворцовым-Стелановым (начало 20-х гг.) и продолжена вплоть до современности. Наши разработки проблемы коллективности велись в границах кафедры научного коммунизма и лаборатории социологии Пермского политехнического института, для которых эта проблематика уже около 10 лет входит в состав основной, обозначенной в официальных планах исследований. – Авторы.

«коллективе» является первой формой исторического процесса. Коллективность есть уже возникшая социальность, сама собственно социальная жизнь как таковая, ибо социальная жизнь теперь поставлена самими людьми под их коллективный контроль, а потому в какой-то мере обязательно осознана¹. Переход же к развитой коллективности К. Маркс не без оснований называл завершением предыстории общества и началом собственно истории².

Первобытная коллективность, приходящая непосредственно на смену природной стадности, есть первая форма социальной общности. Она неразвита, отражает слабость человека в борьбе с природой, относительную неразвитость социальных отношений и институтов. Недооценивать ее значение было бы, конечно, неправомерно, но и переоценивать ее возможности (например, как потенциально возможной непосредственной предпосылки современной развитой коллективности) было бы непростительным непониманием диалектики истории.

Только отрицание отрицания в историческом процессе связывает первобытную коллективность и развитую. Логика исторической смены типов социальности (на видимую перспективу) такова:

Первобытная (природная) коллективность ⇒	Индивидуалистическое общество: становление личности ⇒	Развитая историческая социальность как коллективность
--	---	---

Развитая коллективность обладает рядом свойств, раскрывающих ее сущность. Попытаемся перечислить их, не давая каждой из них развернутой характеристики.

1. Коллективность как исторически обусловленная форма социальности основана на преобладании общности основных интересов над их же расхождением (неизбежным в обществе, состоящем из индивидов, социальных совокупностей, образующих структуру общества и т.п.), на расхождении преимущественно каких-то более частных интересов. Повторим еще раз, что эта конечная общность

¹ «...Индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 105. – Авторы.

² «...Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6. – Авторы.

основных интересов безальтернативна, ибо она начинается с главного и решающего интереса – заинтересованности общества и образующих его людей в самосохранении.

Принципиальная общность главных интересов не исключает, а, наоборот, предполагает их внутреннюю неантагонистическую противоречивость, сложность и многообразие их структуры в коллективистском обществе.

2. Коллективность как социальность, основанная на общности основных интересов, тем самым предполагает личностную связь образующих общество индивидов. Общность интересов предполагает восприятие одним индивидом всех других не только как совокупности носителей необходимых функций, но как равноценных, равновеликих ему свободных индивидуальностей (К. Маркс). Развитие материального производства подводит под это отношение в условиях развитой коллективности и соответствующую материальную базу в виде новой формы кооперации труда.

Вместе с тем развитая коллективность реализуется как личностная связь сложным и внутренне противоречивым образом – с помощью отношения причастности. Только малые первичные группы в современном обществе (в отличие от первобытно-общинного) обладают коллективностью на основе прямых межличностных контактов. Переход же к более высоким уровням общности людей неизбежно «натывает» на противоречие между личностным характером связи людей и вынужденной анонимностью в общении, физической невозможностью прямых контактов. Причастность и есть форма разрешения этого противоречия (см. выше о том, как именно причастность каждого к государственной собственности делает ее формой коллективной собственности).

3. Коллективность, как всякая другая форма социальности, не может быть бесструктурной. Считать, что возможна структурность без каких-то элементов иерархии, – либо неведение, либо утопизм. Поэтому надо говорить о структурности новой исторической формы социальности как об определенной исторической форме дифференцирования в обществе. Это дифференцирование – в условиях общности интересов и положения индивида в обществе в качестве свободной индивидуальности – должно быть: (а) не антагонистич-

но; (б) вариативно, т.е. не узко, не однозначно, по широкому спектру социальных критериев; (в) обязательно в решающем пункте осуществляется по собственно личностным критериям; (г) не наследуемо и т.п. Известный критерий «по способностям» выступает здесь одним из главных интегральных факторов такого рода дифференцирования, а его градации соответствуют структуре той сферы социальной организации, к которой относится данный конкретный вариант дифференцирования. Идиллий искать здесь нет оснований, но и антагонистичность снята, сняты внеличностные факторы распределения людей по ступеням и градациям дифференцирования, в чем выражен несомненный прогресс истории.

4. Каждому обществу свойственны какие-то свои стимулы, побудительные мотивы социальной активности. Деятельность невозможна без этих факторов, стимулов, мотивов, ибо она всегда – активность субъекта. Коллективности свойственна своя специфическая форма побуждения к активности, к движению: таким побудительным мотивом оказывается соревнование. Соревнование столь же всеобщее для коллективности, как конкуренция – для индивидуалистического типа социальности. Вот почему дифференциация, без которой соревновательность была бы невозможна, – не порок, не недостаток, а атрибутивное свойство коллективности. Вместе с тем для коллективности характерно и равенство, находящееся к дифференцированию в неантагонистической оппозиции.

5. Коллективность есть форма социальности, которая стихийно, спонтанно, «сама собой» не может ни возникнуть, ни функционировать, ни развиваться. Общество в качестве субъекта истории может стать непосредственной общностью, коллективом только исходя из познания объективных законов собственного развития и сознательного, целенаправленного их использования. Короче говоря, для коллективности в качестве формы ее движения характерна, как мы уже отмечали выше, планомерность.

6. Коллективность переносит центр тяжести управления обществом на самоуправление. Первая его форма, соответствующая фазе социализма, – всеобщее участие в управлении, тогда как институты управления остаются сходными с прошлым. Коллективность, поскольку она основана на принципиальной, осознанной общности

интересов, в тенденции тяготеет к спонтанной активности, к самоконтролю и самоуправлению. Эти качества развиваются и приобретают все большее значение на всем протяжении существования коллективистского общества. Им соответствуют приоритет реального, личностного авторитета над формальным, зависящим лишь от официального статуса в иерархии организации управления, широкая демократия, полная гласность.

Общество, построенное на началах коллективности, чрезвычайно сложно, многоуровнево, многопланово. Каждый конкретный социальный институт, каждый уровень социальной организации представляет собой особое во всех отношениях воплощение коллективности, существенно отличающееся от всех других. Сложность и трудность понимания этой стороны проблемы прежде всего в том, что на каждом уровне, в каждом социальном институте должны быть найдены и планомерно реализованы оптимальные конкретные формы взаимодействия противоположных начал коллективистского общества: непосредственной общности (собственно коллективности) и свободной индивидуальности.

Коллективность как определяющее отношение есть, прежде всего, общесоциальное явление. А её проявления в экономических отношениях есть развитие и конкретизация ее общесоциального содержания. Коллективность начинается на общесоциальном уровне, но именно экономические базисные отношения, в конечном счете, предопределяют ее свойства, ее характер. Эта диалектика общесоциального и экономического обязательно должна учитываться при исследовании коллективности как определяющего отношения.

Коллективистское общество в сколько-нибудь развитом виде возможно только на уровне гарантированного благосостояния. Если общество не обеспечивает этого уровня (хотя бы и при высоких показателях экстенсивного развития производства), то оно находится по тем или иным причинам в состоянии социального кризиса. Относительно общества в СССР это и было признано как факт на XIX конференции КПСС. Соответственно этому и должна быть осуществлена система мер выхода из нынешнего кризисного состояния.

Коллективистскому обществу атрибутивно свойственно благосостояние, однако исторически это общество характеризуется не только самим по себе благосостоянием (его на среднестатистическом уровне позволяет достичь и материально-техническая база современного капитализма), а, прежде всего – системой социальных гарантий свободного и полного развития личности в обществе. Мера развитости этих гарантий и есть, в конечном счете, мера степени зрелости коллективистского общества.

В соответствии с этой общей характеристикой исторической специфичности коллективистского общества мы считаем, что традиционная формулировка основного закона социализма в своей основе неправомерна. Может быть ее правомерность еще и можно оценивать как относительно приемлемую (и то не в качестве основной цели общества) для определенного периода становления социализма. Однако претензии на всеобщность для всей истории коллективистского общества, претензии быть основным законом формации у такого понимания цели общества безосновательны. Даже если элементы именно такого понимания цели еще и сегодня на какое-то время актуальны, поскольку субъективизм и дилетантизм в управлении загнали СССР в состояние экономического и социального кризиса, с формационной точки зрения речь должна идти о более широких целях в качестве основных.

В работах К. Маркса есть определение цели производства в общине: «...Сохранение, т.е. воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т.е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»¹. Фактически К. Маркс считает целью производства в общине воспроизводство той формы, того типа связи людей, отношения между людьми, того типа обобществления, которые делают общину общиной. Мы полагаем, что с позиции методологии формационного анализа именно этот подход (с учетом закона отрицания отрицания) должен был применен и к определе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 483. – Авторы.

нию, как экономической, так и общесоциальной цели коллективистского общества.

Основной общесоциальной целью коллективистского общества с этой точки зрения надо, наверное, считать расширенное воспроизводство самого отношения коллективности, поскольку оно обеспечивает гарантированное самосохранение и совершенствование (развитие) общества в качестве функционирования и развития личности как всесторонне развитой свободной индивидуальности. Соответственно в сфере экономических отношений эта цель (основная цель общественного производства) выступает в виде расширенного воспроизводства отношений непосредственного обобществления как объективного способа существования индивидов в определенных – коллективистских – отношениях, а потому образует коллективистскую форму соединения людей в общество, коллективистский тип социальности.

Конечно, мы даем эти определения лишь в самом первом приближении. Они нуждаются в уточнении, в дальнейшем критическом обсуждении.

Социальные гарантии как выражение исторических преимуществ коллективности

Каждая историческая форма общества характеризуется тем или иным, специфическим именно для нее отношением, выражающим и его относительную прогрессивность, и его историческую ограниченность, самопротиворечивость. Для капитализма – это прибавочная стоимость (прибыль) как цель и движущий мотив производства, а в конечном счете – социальной деятельности в целом. Для коллективистского общества выражением его наиболее глубокой сущности и его исторической специфичности, выражением его прогрессивности и ограниченности одновременно, по нашему мнению, являются *социальные гарантии*.

Социальные гарантии в специальной литературе чаще всего интерпретируются в правовом ключе: «...Конституция такого-то социалистического государства обеспечивает всем гражданам право на...». Мы полагаем, что при столь узком подходе теряется со-

циальная всеобщность и историческая специфичность социальных гарантий, их значение как формационного по своему характеру способа обеспечения качества жизни, их органическая связь именно с отношением коллективности. Соответственно, мы полагаем, что место социальных гарантий в определении качества и степени развитости коллективистского общества недооценивается, а потому и недостаточно основательно исследуется.

Под термином «социальные гарантии» фактически скрыта направленность социального процесса на обеспечение (гарантирование) оптимального образа жизни каждому индивиду. Выражением именно коллективности является то, что в круг социального гарантирования попадают все образующие общество индивиды без каких-либо предварительных условий. Этот принцип снимает саму возможность каких-либо всеобщих, глубоких, базовых антагонизмов в общественных отношениях. Выражением противоречия между коллективной и индивидуальной сторонами коллективистского общества является тот факт, что степень и качество реализации гарантий варьируются, дифференцируются во многом в зависимости от личностных качеств индивида.

Созданное в результате социалистической революции общество (государственный социализм) всегда располагает определенными объективными возможностями обеспечения социальных гарантий. Однако в реальной истории не только эти потенциальные объективные возможности обуславливают степень и качество реализации социальных гарантий, но и характер проводимой в обществе социальной политики. Реальная степень обеспечения социальных гарантий и, соответственно, коллективистских отношений в обществе зависит, таким образом, от взаимоотношения объективного и субъективного: либо коллективное может быть реализовано в соответствии с объективными основаниями во всем возможном объеме, либо те, кто персонифицируют субъективный фактор общественного развития, отнимают у общества как коллектива часть его возможностей.

Не прекращающиеся сейчас дискуссии о том, какова природа созданного в нашей стране общества, в значительной мере связаны с различием позиций в оценке соотношения объективных воз-

возможностей и субъективного фактора реализации социальных гарантий. Именно это соотношение, в конечном счете, позволяет оценить степень зрелости коллективистских отношений. Если исходить только из объективных возможностей общества, то можно предположить, что наше общество приобрело социалистический характер уже с конца 30-х гг. XX в. Если, однако, выдвигать на первый план конкретный уровень обеспечения социальных гарантий, учитывая в полной мере характер социальной политики, учитывая действия и намерения субъективного фактора, управлявшего общественными процессами, то мы приходим к выводу, что реально имевшие место отношения только в весьма малой степени могут быть названы коллективистскими. Налицо была социалистическая тенденция, но сколько-нибудь полная реализация этой тенденции возможна только в будущем, – и то, если осуществляемая сейчас реорганизация отношений в нашем обществе будет последовательной и неуклонной.

Мы считаем, что в этом вопросе крайние определения надо применять очень осторожно. Нельзя грешить ни «розовым», ни «черным». Степень реализации социальных гарантий в реальном обществе СССР, безусловно, была минимальной, эти гарантии грубо деформировались в условиях культа личности субъективным фактором, но на определенном уровне и в определенной степени они все же были налицо уже в самом конце 30-х гг. Иначе оказалось бы необъяснимым поведение народов СССР в 1941–1945 гг. А это был в конечном итоге подвиг народа, который в войну, увы, не только заслуживал, но в какой-то форме и требовал лучших руководителей. Войну выиграл советский народ, то есть общность людей не столько на национальной, сколько на социально-экономической основе. (Даже такой факт, как национальный состав Героев Советского Союза, получивших это звание в 1941–1945 гг., доказывает приоритет социально-экономического фактора перед национально-этническим). Не случайно именно явный кризис культа личности, то есть осознание народом необходимости реализации коллективистской тенденции в обществе на качественно более высоком уровне, был одним из главных итогов войны.

Проблема обозначения в теории ступеней развития отношений коллективности в истории нашего общества сложна и нуждается в серьезном исследовании. На уровне публицистической полемики ее не решить: у современной публицистики слишком много запальчивости и явный дефицит фундаментальности. Проблема же эта, в конечном счете, как мы полагаем, упирается, прежде всего, в степень развитости фундаментального знания.

Мы не ставили здесь своей задачей перечислить и описать все те социальные гарантии, которые в той или иной мере декларированы и в какой-то мере реализованы социалистическим обществом. (Отметим лишь тот факт, что правовые документы фиксируют их только на языке и в понятиях права, а потому не могут раскрыть в полной мере их социальный смысл. Исследование же их природы как социальных явлений пока недостаточно. Мы полагаем, что анализ социальных гарантий должен идти, по нашему мнению, от образа и качества жизни, не минуя при этом правовых норм, но и не начиная с них). Наша задача – кратко показать формационное содержание социальных гарантий, их роль и место в социальном процессе, не вдаваясь в обсуждение их фиксации в нормах права.

При этом надо обязательно иметь в виду, что формационный подход требует анализа социальных гарантий не «россыпью», не по одиночке, а в виде целостной системы. В условиях современного капитализма трудящиеся могут добиться (и в ряде стран реально добились) тех или иных отдельных социальных гарантий. Это лишний раз подтверждает ленинскую оценку государственно-монополистического капитализма как непосредственного предшественника социализма. Однако государственно-монополистический капитализм остается «не-социализмом», обществом по преимуществу индивидуалистическим, а не коллективистским, в том числе и потому, что социальные гарантии здесь фрагментарны, не имеют должной устойчивости, не охватывают всех ключевых позиций образа жизни.

Какова бы ни была степень практической реализации социальных гарантий, характер и уровень этой реализации, они охватывают ключевые элементы образа жизни в обществе коллективистской ориентации, коллективистской тенденции. Возможность участия в

труде и обеспечение оптимальных условий труда, участие в управлении, единый принцип распределения материальных благ и гарантии участия в потреблении, возможность для каждого получения образования и выбора социальной карьеры, возможность оплаченного отдыха, сбережения и восстановления здоровья независимо от уровня доходов, обеспечение духовных свобод, обеспечение национальной самобытности и т.д. и т.п. – все эти социальные гарантии образуют систему, предопределяющую особое качество жизни в условиях коллективистских отношений: «социальную защищенность» (Дж.К. Гэлбрейт). (Ниже мы еще раз отдельно вернемся к вопросу о степени и характере реализации этих гарантий на различных этапах развития общества коллективистских отношений). В совокупности все они и обуславливают гарантированное обеспечение возможности развития личности как всесторонней свободной индивидуальности в обществе коллективистской социальности.

Социальные гарантии, как и все виды социальных отношений в коллективистском обществе, не реализуются «сами собой»: они обязательно требуют приоритетной социальной активности, приоритета субъективного фактора (лишь ограничиваемого объективными возможностями). Эту сторону проблемы мы отметили уже раньше. Но есть и другой, именно объективный аспект ограниченности характера реализации социальных гарантий. Вопрос этот весьма спорен, ибо требует соотнесения идеализированных представлений о коллективистском обществе (и о социализме конкретно в данном случае) с теорией этого общества и с его реальным состоянием. Мы попытаемся дать лишь постановку этой проблемы, но не готовые ответы на любые вопросы.

Мы уже писали выше о различии формального и реального подчинения труда коллективности. Есть основания полагать, что это различие отражает общий формационный закон движения от первой фазы формации (ее начального этапа) ко второй фазе – формации в зрелом и развитом виде.

С этой точки зрения для социализма должно быть характерно еще так называемое формальное обеспечение социальных гарантий, то есть либо их реализация в превращенных формах (в которых «просвечивают» генетические корни этих гарантий в социаль-

ной системе капитализма), либо их реализация в ограниченном (в известном смысле минимально допустимом, но никак не в оптимальном) виде. В столь обобщенном виде эта постановка вопроса может показаться абстрактной, неясной. Мы приведем примеры, конкретизирующие эту общую формулу.

Мы уже писали выше о том, что социальная гарантия участия в труде реализуется в условиях сохраняющегося старого разделения труда как выбор одновременно и социально-классовой принадлежности, как выбор материальной обеспеченности, заработка, а порой и местожительства и т.п. Равные возможности, заложенные в гарантировании труда, реализуются как фактическое неравенство.

За этим неравенством выстраивается целая линия социальных конфликтов, проявлявшихся в высокой неравномерности притока рабочей силы на рабочие места разного качества, в высокой спонтанной текучести и, одновременно, в явных и особенно скрытых тенденциях какими-либо средствами добиться того, чтобы работник всю свою трудовую жизнь работал на одном рабочем месте, в противоречивой тенденции необходимости дифференцировать заработную плату и полной невозможности осуществить неограниченно широкое дифференцирование и т.п.

Более того, удовлетворение потребности в труде выступает в условиях социализма в превращенной форме удовлетворения потребности в зарплате. Поскольку сама потребность реализуется в превращенной форме, то соответственно гарантия ее удовлетворения также выступает в превращенной форме.

Нужно отметить, что, скажем, гарантия предоставления жилища пока, как правило, выступает не в своей оптимальной форме (соответствующей жизненному циклу индивида), а в вульгарной форме предоставления «крыши над головой». И здесь сейчас ощущается острейшее противоречие между нормативным образом жизни, ценностями культуры, духовными гарантиями и формой реализации гарантии права на жилище.

В целом характер реализации социальных гарантий при социализме таков, что внутренние противоречия этих гарантий выступают в грубой и резкой форме. Особенно, может быть, остро выступает противоречие между стремлением каждого индивида к опти-

мальной для него форме труда и объективно заданным ограниченным набором качественно различных рабочих мест в распоряжении общества. Трудно было бы сейчас произвести сколько-нибудь полную инвентаризацию такого рода конфликтных ситуаций, поскольку потребовалось бы разграничить неполноту возможностей коллективистского общества, обусловленных тем, что оно проходит лишь первую фазу своего развития, и те упущения в руководстве народным хозяйством, которые сейчас усугубляют формационную неразвитость социализма.

Мы полагаем, что для развитого коллективистского общества должно быть характерно *реальное обеспечение* свойственных ему *социальных гарантий* – качественно более высокий уровень их осуществления. Критерием этого уровня может быть научно обоснованное представление о некотором оптимуме социальных качеств индивида, об оптимально высоком качестве жизни и т.п. Речь идет не о застывшем, а о подвижном и развивающемся состоянии качества жизни и качеств индивида. Во всяком случае, это в тенденции должен быть не только принципиально более высокий уровень реализации социальных гарантий, но во многом и иное их качество, чем в условиях социализма – первой фазы коллективистского общества.

Мы полагаем, что представление о высшей ступени коллективистского общества (о высшей фазе коммунизма), развиваемое в нашей официозной литературе (включая и программные документы) в принципе неправомерно. Это представление восходит к известной цитате из «Критики Готской программы» К. Маркса: «... Вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком»..., а на этой основе станет возможным ввести распределение по потребностям¹. Эта формулировка К. Маркса трактуется следующим образом: достигнутое в перспективе изобилие материальных благ, в конце концов позволит отказаться от сопоставления меры труда и меры потребления и ввести (именно ввести, декретировать) распределение по потребностям.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 20. – Авторы.

Никто при этом – за долгие годы – не придавал почему-то значения тому, что такое прочтение этого высказывания К. Маркса абсолютно и безусловно противоречит его же формационной концепции, изложенной с наибольшей полнотой и обстоятельностью в «Капитале» и в других экономических работах.

Согласно этой концепции наличие в развитии каждой формации основных фаз (К. Маркс в соответствии с социальной практикой XIX в. мог конкретно вести речь о первых двух фазах: первой, начальной, и второй, развитого капитализма) является общим законом формационного развития. Следовательно, неточно и представление, что наличие двух фаз у коммунистической формации было впервые открыто К. Марксом в «Критике Готской программы». Оно впервые здесь прямо названо применительно к новой формации, а открыто много раньше. Вряд ли нужно здесь пояснять разницу между «открыто» и «названо».

Переход способа производства и формации в целом с первой фазы на вторую обусловлен прежде всего революционным преобразованием материально-технической базы производства (для капитализма это был переход к машинному производству на основе промышленной революции середины XVIII – нач. XIX в.) и соответственным преобразованием характера труда (для капитализма – переход от формального подчинения труда капиталу к реальному).

Есть ли хоть какие-то основания считать коммунистическую формацию исключением из общего закона формационного развития? Никаких нет, как мы полагаем.

Ключевым условием перехода от социализма к коммунизму с этой точки зрения является новая промышленная революция, обуславливающая формирование качественно новой материально-технической базы производства – автономно-автоматической системы орудий, распространяющейся на все общественное производство. Следствием этого явится коренное преобразование содержания и характера труда – полное вытеснение живого труда из непосредственного процесса фабрикации продукта (вытеснение живого труда в положение «рядом» с технологическим процессом, как писал К. Маркс). На этой новой производственно-технической основе

будет формироваться новое историческое качество труда: разовьется реальное подчинение труда отношению коллективности.

Творческие стороны труда станут преобладающими и определяющими. Это качественно повысит степени свободы в функциональной организации труда. Приоритет личностной стороны труда будет свойственен не только социально-экономической стороне кооперации труда, но становится сущностным свойством и производственно-технической стороны кооперации труда. Кооперация труда в целом приобретает последовательно коллективистский характер¹.

Устранение предпосылок экономического выражения обособленности индивидуальной меры труда и необходимости ее сопоставления с мерой потребления сделает распределение по потребностям простым следствием нового качества кооперации труда, его социально-экономического характера. Иная форма распределительных отношений становится одновременно и невозможной, и неэффективной. Производственное изобилие при этом должно рассматриваться просто как одно из необходимых следствий нового характера труда.

Реальный ход экономического развития в наше время подтверждает высказываемое выше теоретическое допущение, ибо само по себе производственное изобилие материальных благ, как показывают факты, возможно уже сейчас и уже фактически существует, являясь результатом функционирования вполне современных (а не будущих) производительных сил. Для его осуществления новая промышленная революция в будущем не нужна. Достаточно относительно полного и эффективного использования действующих, современных производительных сил. Такое производственное изобилие (среднедушевое производство на уровне и выше расчет-

¹ Проблемы изменения содержания и характера труда под воздействием автоматизации начали исследоваться еще в 30-е гг. (Мы бы особенно выделили работы Я.Б. Кваши и Е.Л. Грановского). В начале 60-х гг. они велись широким фронтом. В частности, авторы опубликовали в 60–70-е гг. целый ряд работ по этой проблематике. См., в частности: Козлова Г.П. Процесс изменения содержания труда в связи с техническим прогрессом (в коллективной монографии: Социальные проблемы труда и производства: Советско-польское сравнительное исследование. Москва-Варшава, 1969); Файнбург З., Козлова Г. Становление нового исторического типа труда // Экономические науки. 1976. № 5; Файнбург З., Козлова Г. Научно-технический прогресс и совершенствование социалистических производственных отношений. М.: Знание, 1987. – Авторы.

ных норм потребления) достигнуто по основному кругу предметов потребления в ряде развитых капиталистических стран, в некоторых социалистических странах, более того, и в нескольких регионах СССР (по сельскохозяйственным продуктам).

Фактически производственное изобилие потребительских благ уже сегодня является как раз тем уровнем экономического развития, на основе которого только и может в современных условиях реально идти соревнование социализма и капитализма как старой и новой формаций. Соревнование это прошло все промежуточные стадии опосредствованного сопоставления экономических потенциалов и теперь прямо вышло на итоговый интегральный формационный социально-экономический критерий сопоставления: качество жизни. Мы пока довольно ощутимо и по многим решающим параметрам все еще проигрываем в этом соревновании. Причиной теперь является только одно: серьезные отступления в прошлом от формационных законов развития социализма.

Качественное повышение уровня реализации социальных гарантий и есть тот путь, двигаясь по которому коллективистское общество в состоянии окончательно выиграть формационное соревнование с капитализмом. Одновременно именно этот путь позволяет самому коллективистскому обществу менять свои качественные формационные характеристики.

Социальные гарантии – выражение исторического прогресса общества. Однако это никак не может снять их неантагонистической самопротиворечивости.

Социальные гарантии не снимают зависимости индивида от общества, от коллектива. Зависимость многократно опосредуется, не давит на индивида как внешняя прямая и чуждая ему сила, но не может быть снята, хотя бы уже потому, что реализация социальных гарантий зависит и от ресурсов общества, и от конкретного характера отношений в нем, и от его традиций, и от характера управления обществом. (Относительно последнего специально отметим, что только демократизация и гласность делают не то чтобы совсем невозможным, но во всяком случае крайне затрудненным злоупотребления в пользовании социальными гарантиями со стороны круга лиц, профессионально занятых управлением).

Социальные гарантии предполагают со стороны индивида обязательную оценку степени реализации этих гарантий (то есть оценку общества, коллектива индивидом как «своего»), оценку границ пользования ими, своей удовлетворенности ими. Социальные гарантии поэтому выступают как фактор, формирующий самую социальность, общество как совокупность коллективистских отношений в очень большой (а в каком-то аспекте – решающей) зависимости от индивидуальной субъективности. Субъективный фактор варьирует социальные гарантии в весьма широком диапазоне степеней свободы.

Социальные гарантии не могут снять дифференциации личностных способностей, не уменьшают влияние этого фактора социальной дифференциации. Поэтому дифференциация индивидов в коллективистском обществе закономерна. Она теперь очень мало зависит от внешних для индивида факторов (сословная принадлежность, материальный достаток и т.п.), но зато фактор внутренний для личности – ее интегральные способности – остается. И дифференциация этого рода не может быть оценена негативно (при всей ее противоречивости), ибо она является предпосылкой внутренней подвижности коллективистского общества.

Дело в том, что социальные гарантии потенциально могут способствовать (и в какой-то мере действительно способствуют) определенной тенденции к социальному иждивенчеству, к пассивности. Нужен какой-то фермент активности, чтобы уравновесить, нейтрализовать эту тенденцию к пассивности, обусловить подвижность коллективистского общества, его способность к развитию. Этот фермент активности как раз и основан на дифференциации индивидов в обществе. Этим фактором активности, движения, развития является соревновательность – человеческое отношение, имеющее определяющее значение в системе отношений коллективности.

Соревновательность или конкуренция?

Определяющее (основное) отношение любой формации по своему характеру проявляется в специфическом для нее механизме развития, движения вперед всей социальной системы. Поскольку общество состоит из индивидов, в какой-то мере этот механизм

всегда включает в себя состязательность этих индивидов, их совокупностей. Состязательность – основа активности человеческих сообществ и индивидов.

Капитализм движется вперед конкуренцией товаров и услуг. Конкуренция, в конечном счете, ведется ради цели и движущего мотива капиталистического производства – прибыли. Конкуренция является универсальным методом развития капитализма, вытекающим из природы его определяющего (основного) отношения. Механизм, средства, формы конкуренции подробно описаны и в классической марксистской литературе, и в различных учебных пособиях, ей посвящены специальные исследования и популярные издания¹.

Какой же столь универсальный и действенный метод противопоставляет конкуренции коллективность как новое и более исторически прогрессивное определяющее (основное) отношение в обществе. Таким отношением является *соревновательность*.

Размышляя о существовании социализма, В.И. Ленин уловил, что одним из самых критических пунктов в характеристике социализма является необходимость выяснения его способности к активности, к движению, к развитию. Важно было найти, выделить, определить, и на этой основе развернуть на практике ту форму активности нового общественного строя, которая не только способна была бы по эффективности противостоять конкуренции, но и способна была бы ее принципиально превосходить. Вместе с тем по закону формационной преемственности эта форма могла вести свое происхождение только от конкуренции. При этом она, однако, должна была отвечать существу социализма, его коллективистскому характеру, а поэтому по своему существу быть полярно противоположной капиталистической конкуренции. Первым плодом этих раздумий В.И. Ленина была статья «Как организовать соревнование», написанная практически сразу же после Октябрьской революции (в декабре 1917 г.)².

¹ «...По своему понятию конкуренция есть не что иное, как внутренняя природа капитала, его существенное определение, проявляющееся и реализующееся во взаимном воздействии многих капиталов друг на друга, не что иное как внутренняя тенденция, выступающая в форме внешней необходимости». Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. – М.: Политиздат, 1960. Ч. 2. С. 395. – Авторы.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 195–205. – Авторы.

Это – первая после революции работа В.И. Ленина, посвященная, как это видно из ее содержания, главному, основному вопросу жизнеспособности нового общества.

Еще К. Маркс в «Капитале» (в XI главе)¹ отметил, что всякий совместный труд людей, всякая совместная их деятельность неизбежно порождают соревнование между ними. В.И. Ленин эту мысль К. Маркса последовательно развил. В обществе нового типа весь спектр социальной жизни должен, по мысли В.И. Ленина, стать пространством такой соревновательности. Соревнование должно развиваться в одну из основных форм взаимодействия людей, объединенных общими интересами, стать основной формой развития, прогресса коллективистского общества.

Постановка вопроса о соревновательности в работе В.И. Ленина «Как организовать соревнование?» дана еще на абстрактном – общеформационном – уровне. Забывать это нельзя, ибо переход к практике требовал нахождения ступеней опосредствования абстрактных определений.

В условиях становления социализма соревновательность оказывается не только межличностным отношением, но еще и формой связи между относительно экономически обособленными хозяйственными предприятиями, а отношение соревновательности связывает между собой экономически обособленных (через личное присвоение) отдельных работников. Эта обособленность экономически реализуется преимущественно через стоимостные, товарно-денежные отношения, а следовательно, происходит своего рода «раздвоение» соревновательности: один ее аспект – собственно экономическая соревновательность, реализующаяся через стоимостные отношения (соревновательность, конечной целью которой является дифференцирование в индивидуальном присвоении), другой ее аспект – так называемая личностная соревновательность (целью которой является личностное самоутверждение работника в трудовом коллективе, в других формах социальных сообществ, в обществе как коллективе).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 337. – Авторы.

Таким образом, налицо условия для формирования системы всеобщей соревновательности, охватывающей всю толщу отношений общества социалистического типа. Эта всеобщая соревновательность характеризует коллективистское общество (и в том числе социализм) исторически. Налицо не абстрактная соревновательность, а соревновательность в конкретно-исторической форме, соответствующей формальному подчинению труда коллективности, характерному для первой исторической ступени коллективности.

Два аспекта соревновательности, о которых идет речь выше, находятся друг с другом в состоянии противоречивого единства. Тенденцией этого противоречия является поддержание своего рода оптимальной равновесности между его противоположностями, однако значение личностной стороны противоречия должно постепенно возрастать. Личностное соревнование будет становиться все более сложным, многогранным, отражая не только развитие личности как всесторонней свободной индивидуальности, но и соревновательные отношения функциональных человеческих совокупностей. В современных же условиях особенно важно найти оптимальные для экономики социалистического типа формы экономической соревновательности и тем самым помочь экономике социалистического типа приобрести необходимую динамичность в новых условиях.

Соревновательность – сложное, многоплановое отношение, кроме всего прочего неизбежно по-разному затрагивающее интересы тех или иных индивидов и социальных групп социалистического общества. При этом соревновательность, для того чтобы она могла существовать и быть эффективной, требует организации, планомерности, органически (и противоречиво) связанной с ней, с ней единой.

Соревновательность по своему происхождению (как высший тип состязательности) связана с конкуренцией как своей предшественницей и своей исторической предпосылкой. В философском контексте анализа можно было бы сказать, что конкуренция в снятом виде содержится в соревновательности. И всякое отступление от критериев коллективности, нарушение этих критериев «обнажает» в соревновательности следы ее происхождения, т.е. «отпечатки

старого общества» (К. Маркс), «отпечатки» конкуренции. Это делает управление соревновательностью одним из труднейших и сложнейших элементов социальной политики в коллективистском обществе.

Даже там, где необходимость соревновательных отношений в нашем обществе была признана официозной теорией – в сфере труда, сложился формализм в организации соревнования, отсутствие достаточного уровня гласности и критики, приписки. Это не исключения, но типичные свойства его организации, без которых истинное положение в трудовом соревновании в прошлом (и во многом – еще и в настоящем) представить себе нельзя. Они деформируют самую суть соревнования, снижают его эффективность. Мелкобуржуазность в целях и ценностях жизнедеятельности соединяет с этой формальной соревновательностью протекционизм, взяточничество, карьеризм, приписки (ради «зачета» в хорошо работающие, т.е. ради авторитета, а то и попросту ради получения дополнительных необоснованных привилегий) и т.п.

Особенно отчетливо видна совершенно недостаточная соревновательность в ряде аспектов экономической жизни. До сих пор плохо развита в народном хозяйстве соревновательность в области науки и научно-технического прогресса, поскольку в сферу науки без достаточных оснований была перенесена система жесткой централизации в управлении производством.

В сфере технического прогресса в нашем производстве индивидуальные интересы – предприятий, ведомств, отраслевых НИИ и т.п. пока превалируют над общественными. Отнюдь нет уверенности в достаточной эффективности для научно-технического прогресса попыток сейчас имитировать в условиях экономики социалистического типа индивидуальную прибыль от технических новаций. При таком методе стимулирования научно-технического прогресса теряется планомерный контроль над его ходом в обществе, и научно-технический прогресс как совокупность новаций фактически идет стихийно. Индивидуальная материальная заинтересованность в научно-техническом прогрессе может играть при социализме важную роль, но она одна не в состоянии обеспечить опре-

деленную формационную (в сторону второй промышленной революции) направленность научно-технического прогресса.

Сейчас принцип соревновательности еще очень узко применяется в управлении. Здесь нет ни строго регламентированной системы продвижения кадров, ни системы объективных оценок результативности деятельности. Почти все вопросы продвижения решаются либо простым субъективным волеизъявлением представителей более высоких инстанций, либо на основании субъективных оценок личности, программ и реальной деятельности демократическим путем избираемых руководителей. Это ведет к недостаточно высокому уровню критики и самокритики в институтах управления, к отсутствию безусловных преград проявлениям карьеризма, подхалимажа, протекционизма и т.п.

Соревновательность – объективный закон коллективистского общества, одна из ведущих и определяющих сторон коллективности. Всякая недооценка соревновательности, какие бы формы она не принимала, ведет только к одному результату: снижению эффективности социализма как социальной системы.

Коллективистские отношения и участие индивида в общественном труде

В условиях коллективистского общества соответственно его природе реализуются две основные тенденции, определяющие характер участия индивида в коллективном труде: общество гарантирует индивиду удовлетворение потребностей в труде (с какой бы целью индивид не принимал в нем участие – заработка или самореализации личности, или того и другого вместе); и одновременно общество гарантирует индивиду удовлетворение потребности в материальном обеспечении через «распределение по труду».

Гарантии участия в труде и участия в потреблении фактически и выступают в качестве оснований для организации общественного труда и организации распределения продуктов производства в коллективистском обществе. Это – основания организации в единстве труда и распределения: в целом и одно, и другое определяются сложным взаимодействием экономических и социальных законов.

Однако историческую (формационную) специфику определяет и здесь наличие социальных гарантий в целом и двух выделенных нами выше гарантий – в труде и в потреблении – в особенности.

Историческая форма побуждения к труду, участия в труде, присвоения и потребления результатов труда является ключевым моментом для любой социально-экономической системы. Напомним, что К. Маркс определял отношения в труде как деятельную форму отношений собственности.

Современный капитализм с большим трудом, долго и в острейших классовых столкновениях вырабатывал ту сложную социально-экономическую и идеологическую систему организации трудовых отношений, которая с позиций его конечного классового интереса является оптимальной: не угрожает самому существованию капитализма, ибо дает определенное (хоть и чреватое обострениями) равновесие классовых интересов; в определенной мере удовлетворяет индивидуальные интересы, ради которых люди вступают в сферу труда; обеспечивает труд достаточно высокоэффективный и при этом воспроизводящий условия своей эффективности.

Коллективистскому обществу пока достичь такой относительно динамичной формационной оптимизации трудовых отношений не удалось. Мы полагаем, что основной причиной этого является пренебрежение научным подходом к труду, дилетантское шарханье от предельной натурализации трудовых отношений до их предельно денежно-стоимостной интерпретации. То предметно-натуралистическая форма насаждалась, когда для нее еще не было предпосылок ни в содержании труда, ни в его социально-экономическом характере, ни в культуре общества и людей. То пытаются сейчас перетащить из капитализма его абсолютизированную денежно-стоимостную систему, забывая, что она предполагает столь мощный фактор социально-экономического давления, как безработица. Поскольку этим попыткам насаждения буржуазной организации труда и трудовых отношений явно противоречит система коллективистских по своей природе социальных гарантий, доходят до предложений снять эти гарантии (если не целиком, то в

значительной степени), забывая, что тогда от коллективистской природы общества останется только вывеска...

Естественно и закономерно для коллективистского общества проявление исторической преемственности в том, что на протяжении всей первой фазы нового общества, то есть социализма, характерно преобладание старых стимулов к труду, старых методов побуждения к труду. В той мере, в какой это была буржуазная традиция (и для нее были соответствующие технические и экономические обоснования), она выражена в системе материального стимулирования; в той мере, в какой это была феодальная традиция, она выражена в методах прямого принуждения.

Мы полагаем, что прямое принуждение не может быть просто отнесено только на счет «культы личности». Для него была еще и глубокая социокультурная традиция: с точки зрения феодальной культуры праздность является одной из высших жизненных ценностей. Ленинская идея нэпа включала в себя, в том числе, и воспитание через стимулирование товарных отношений и индивидуального интереса, через сочетание коллективного (группового) и индивидуального материального интереса в кооперации, более высокой, чем феодальная, формы отношения к труду. Ведь феодальная традиция негативного восприятия труда не изжита и до сих пор. Следы ее явственно видны в культурном стереотипе работать спустя рукава, небрежно, некачественно.

В годы застоя (середина 60-х – начало 80-х гг. XX в.), когда расцвело казнокрадство, потребительство, вещизм, все же выросло и корыстное трудолюбие, хоть и в превращенной форме тяготения к «левым» заработкам. Собственно же коллективистское трудолюбие, не потерявшееся окончательно даже в годы культа И.В. Сталина, оказалось после 1964 г. в состоянии глубокого кризиса.

Система организации труда, его стимулирования и опирающаяся на организацию труда система распределения материальных благ в условиях социализма – первой фазы нового общества, даже, если бы все было в его истории прекрасно, все строго по научным теоретическим образцам, неизбежно бы представляла сложное взаимодействие нового и старого. Старое опирается при социализ-

ме не просто на традицию: неизбежно сохраняется старое разделение труда, поскольку налицо однотипность материально-технической базы социализма и капитализма, неизбежно сохраняется так называемая совместность в производственно-технической стороне кооперации труда. Вполне естественно, что социально-экономическая сторона кооперации труда испытывает давление старого, отражающееся в необходимости материального стимулирования труда (то есть косвенного принуждения к труду).

Суть конфликтной исторической ситуации, закономерной для первой фазы нового общества (К. Маркс подробно описывает аналогичную по своему содержанию конфликтную ситуацию, через которую на первой фазе своего развития прошел капитализм) состоит в том, что формационное качество социально-экономической стороны кооперации труда и обусловленного ею распределения уже задано свойствами коллективистских отношений в обществе, а сам труд по своему содержанию, по своей производственно-технической организации осуществляется в прежних формах.

Капитализм, таким образом, оставляет социализму в наследие принуждение к труду в опосредствованной форме материального стимулирования. Но за «материальным стимулированием» (а точнее: куплей-продажей рабочей силы, подкрепляемой и одновременно маскируемой дифференциацией оплаты стоимости рабочей силы в соответствии с квалификацией и результативностью труда) при капитализме стоит мощнейший фактор давления на работника: безработица. А при социализме за материальным стимулированием неизбежно и неотвратно стоят социальные гарантии. В первую очередь – гарантия участия в труде, являющаяся, вместе с тем, формой гарантии участия в потреблении. Исторический прогресс состоит в том, что снят фактор давления на работника. Но тогда: (а) старый стимул – материальная заинтересованность как форма принуждения к труду – теряет свой безусловный и абсолютный характер; (б) общественная организация труда нуждается в обязательном участии нового стимула, соединяющего общество-коллектив как работодателя с индивидом как работником уже по иному, без какого-либо прямого и неотвратимого силового давления, каким была безработица при капитализме. Нужна (даже при

социализме, то есть как необходимое дополнение к материальному стимулированию) идентификация индивида как работника с обществом как коллективом.

Новые стимулы, основу которых составляет универсальный, всеобщий, всесторонний принцип соревновательности, обладают рядом свойств, с которыми связаны, с одной стороны, их исторические преимущества, а с другой – их возросшая сложность, повышенная чувствительность к условиям, в которых они действенны и эффективны. Сущностные противоречия новых стимулов к труду много сложнее и труднее для разрешения, чем противоречия старых стимулов.

Новые стимулы к труду более универсальны, ибо их природа охватывает все бытие индивида в системе социальных отношений, поскольку коллективность – общесоциальное свойство. Именно универсальность делает эти стимулы более безусловными, более сильными, чем узко экономические, более прямыми (они по своему действию одновременно и предельно индивидуальны и предельно коллективны). Но та же универсальность делает эти стимулы и много более сложными и уязвимыми, а также делает много более сложными условия их применения.

Поскольку природа новых стимулов общесоциальна, они почти не обладают свойством действовать «автоматически». Они должны быть в полной мере осознаны, тогда как осознание старых чисто экономических стимулов достигается в значительной степени на уровне стереотипов, на уровне обыденного сознания. В этом своем качестве новые стимулы более индивидуальны, более субъективны, сращены с самой сутью личности работника, его социальным самосознанием, его культурой. В своей универсальности они связывают воедино образ жизни, и труд в них неотделим от всей остальной жизнедеятельности, что должно снять в принципе антагонистическое противостояние труда и всей остальной жизнедеятельности, которое было свойственно капитализму. Наконец, как проявление личностного в работнике, новые стимулы требуют определенного уровня нравственности, ибо основываются не столько на внешнем контроле за работающим, сколько на его самоконтроле, самосознании, самоуправлении. Новые стимулы не позволяют механически

разделять права и обязанности, исполнение и ответственность: они их связывают в нерасторжимое, хотя, конечно, не лишенное внутренней самопротиворечивости, единство. Наконец, они в определенном смысле по своей природе уравнительны: измерить величину, интенсивность такого стимула невозможно, поскольку как проявление личностного, субъективного он вообще не поддается прямому количественному выражению, тогда как количественное выражение материального стимула доступно любому человеку.

Такого рода стимулы предъявляют высокие требования к работнику, причем, прежде всего, собственно личностные, а уже потом – функциональные. Эти стимулы эффективны в условиях кооперации труда, в которой приоритетную (доминирующую) роль играют не функциональные качества работника (совместность – как мы обозначили этот исторический тип кооперации), а личностные (коллективность как тип кооперации). Но и функциональные качества работника в этой системе стимулирования должны быть очень высоки. Они не снижаются, а растут, причем и они здесь выступают как проявление, реализация личностных качеств работника.

Мы не считаем, что речь идет о стимулах отдаленного и гипотетического будущего. В той или иной форме эти стимулы рождает сама социалистическая ориентация общества. Сама революция когда-то породила эти стимулы в их зародышевой, исходной форме. В.И. Ленин высоко оценил первые коммунистические субботники именно потому, что увидел в них зарождение новых стимулов к труду.

Перспектива революционного обновления общества и человека создавала обстановку всеобщего подъема. Действовали, конечно, при этом и факторы религиозно-утопического восприятия революционных преобразований. Однако уже тогда, в самом начале 20-х гг. XX в., было ясно, что этот энтузиазм надо сплавить, соединить с материальной заинтересованностью как преобладавшей пока объективно заданной необходимостью¹. Но при этом надо этот энтузиазм сберечь, сохранить, умножить как культур-

¹ В.И. Ленин в письме инженера Петрогубсовнархоза Е.И. Моисеева о введении сдельной заработной платы подчеркнул и пометил: «Верно!!!», следующие слова: «...Люди не могут годами пребывать в состоянии экстатического подъема, и заставить их работать может только экономическая необходимость». (Ленинский сборник. – М.: Партийное издательство, 1933. Т. XXIII. С. 255). – Авторы.

ную традицию социализма, а затем именно как культурную традицию (и в соответствии с законами трансляции культуры) передать следующим поколениям. Надо было снять религиозно-утопический налет с этих новых стимулов, не уничтожив их при этом, и перевести их на более прочную основу сознательной, научно трезвой и обоснованной идентификации индивида с коллективом, с обществом. При этом должно было совершенствоваться соединение новых и старых стимулов, поскольку именно такое их соединение специфично, как минимум, для всей первой фазы развития коллективистских отношений.

В условиях культа личности формализация и бюрократизация соревнования, его ограничение авторитаризмом, его подавление личностного трактовкой человека в качестве «винтика» системы (то есть, опять-таки функции, а не личности) неизбежно мешали развитию новых стимулов. Эти стимулы как проявление инициативы «снизу» противоречили культу личности.

В годы застоя получил широкое развитие всепроникающий цинизм, отравлявший от лицемерия, демагогии. Попустительство потребительству и казнокрадству, предельное выхолащивание в официозной идеологии гуманитарных начал вели к ослаблению коллективистского самосознания в нашем обществе. Новые стимулы тем самым фактически подавлялись, разрушались, обесценивались.

Сегодня перед советским обществом стоит очень трудная задача: найти в новых условиях оптимальное соединение стимулов новых, собственно коллективистских, и стимулов старых, индивидуалистических по своему генезису. Необходимо найти пути возрождения коллективистского энтузиазма, укрепления сознания причастности каждого человека к общему делу. Очень трудно на этом пути избежать шарахания то в сторону абсолютизации старого (что сейчас стало в чем-то даже модным), то в сторону преувеличения сегодняшних, сравнительно пока еще ограниченных возможностей нового. Однако необходимость полного использования всего арсенала стимулов к труду, которыми располагает коллективистское общество, безальтернативна.

В заключение надо специально оговорить некоторые особенности материального стимулирования труда в условиях социализма – первой ступени коллективистского общества.

Выше уже отмечалось, что материальное стимулирование в условиях действия социальных гарантий теряет свою безусловность и абсолютность. Но есть и другой аспект ограничения возможности его эффективного применения. Те, кто требует (а в таких требованиях нет недостатка на страницах не только общественно-политической, но специальной научной периодики) полной эквивалентности между индивидуальными затратами труда и индивидуальной долей в фондах потребления, забывают, что такая эквивалентность в принципе невозможна.

Заработная плата при капитализме – превращенная форма стоимости и цены рабочей силы. Заработная плата при социализме (в той части, в которой она отражает новое – коллективистские отношения) – превращенная форма социальной гарантии участия каждого в общественном потреблении. (В той части, в какой в ней проявляется старое, она по-прежнему является ценой рабочей силы, но уже в рецидивной, подчиненной, в конечном счете, новому содержанию форме).

Труд в современном производстве настолько глубоко дифференцирован по своему содержанию, квалификации, интенсивности, общественной эффективности, что из-за одного этого абсолютной пропорциональности затрат труда и его оплаты достичь нельзя. Для капитализма она не была нужна, а в условиях социализма она попросту невозможна, ибо привела бы к такой чрезмерной дифференцированности в оплате труда, что неизбежно вызвала бы разрушение или деформацию коллективистских отношений.

Формационный принцип коллективистских отношений – распределение «по потребностям». В условиях социализма его исторической формой (его превращенной формой) является распределение «по труду». Налицо закономерное проявление формального характера любых свойств коллективности в условиях первой фазы коллективистских отношений. В данном случае речь идет о формальном характере реализации социальной гарантии участия каждого индивида в потреблении.

Кроме того, обязательно надо отметить, что какие-либо процедуры установления эквивалентности труда и потребления вообще теряют смысл, когда налицо труд творческий, поскольку он в принципе не может быть измерен традиционными методами. Дифференциация его оплаты, если она все же имеет место, фактически либо конвенциональна, либо строится по аналогии в соответствии с предрассудками и стереотипами массового обыденного сознания в данный момент, либо (в лучшем случае) основывается на субъективных оценках экспертов.

Становление новых стимулов к труду имеет сегодня не только субъективные, но и объективные границы. Старое разделение труда, закономерно господствующее в социалистическом производстве, является объективно заданной границей нового. Помнить и знать это необходимо. Но столь же необходимо ясно понимать природу коллективистского общества, порождающего новые специфические стимулы к труду, к социальной активности.

Коллективность и производительность общественного труда

К. Маркс, а затем В.И. Ленин развили идею о том, что каждый новый общественный строй характеризуется качественным сдвигом в области общественной производительности (эффективности) труда. Однако данные современной статистики о соревновании двух систем говорят пока не в пользу социализма.

На этой почве возникают поиски панацеи, далеко не всегда приносящие пользу становлению коллективистских отношений: через арендный подряд и кооперацию предпринимаются попытки прежде всего высоко поднять интенсивность труда, удлинить рабочий день, вовлечь в производство детей и т.п.; через конкуренцию в сфере сбыта создать прямую заинтересованность хозрасчетных предприятий в прибыли за счет увеличения и интенсивности и собственно производительности труда. Мы полагаем, что все эти меры в настоящий момент, безусловно, необходимы, ибо значение кооперации, индивидуальной экономической инициативы для социализма долгие годы недооценивалось. Там, где производственно-организационные условия труда соответствуют пока групповой

собственности, индивидуальному труду и т.п., надо опираться на экономически эффективный уровень обобществления, не пытаясь перепрыгнуть через формационные ступени, не пытаясь декретами насаждать коллективные формы хозяйствования, крупное производство и т.п. Вместе с тем формационного выигрыша в производительности одними только средствами эффективного использования индивидуального и группового труда нам не достичь. И это тоже кажется нам очевидным.

Идея В.И. Ленина, что каждый новый (последующий) общественный строй формирует производительность общественного труда более высокую, чем предыдущий, трактовалась, на наш взгляд, упрощенно, избыточно прямолинейно: все (техника, организация труда и производства и т.п.) останется тем же самым, но производительность сразу будет на порядок выше – только за счет энтузиазма, интенсивности и плановости. На самом деле, поскольку речь здесь идет о производительности труда в формационном смысле, дело обстоит значительно сложнее.

Более высокая в формационном смысле производительность общественного труда зависит от совокупности факторов:

- более высокого (качественно) типа и уровня техники производства и более благоприятных условий для ее развития;
- более высокого типа кооперации труда на всех уровнях: предприятия, отрасли, народного хозяйства в целом;
- более эффективных социально-экономических средств побуждения работника к труду в общественном производстве.

При этом обязательно должно быть учтено и само качественное изменение конечных критериев эффективности производства: для феодализма – масштаб и качество личного потребления феодала, для капитализма – рост нормы и массы прибыли как превращенный показатель экономии труда, для коллективистского общества – расширение круга и повышение качества социальных гарантий, развитие индивида как свободной индивидуальности¹. Крите-

¹ Весьма показательны, что в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя капитализм в сравнении с феодализмом, в основном акцентируют экономическое превосходство капитализма (глава I «Буржуа и пролетарии»), тогда как преимущества социализма перед капитализмом они раскрывают, прежде всего, как преимущества социальные (Глава II «Пролетарии и коммунисты»). См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 437–447. – Авторы.

рии эти, как можно заметить, не просто качественно различны, но и отражают историческое (формационное) развитие общества и общественного производства. Каждая последующая историческая ступень эффективности «перекрывает» экономически предыдущую, а не просто отбрасывает ее. Каждый исторически последующий критерий эффективности содержит в себе в снятом и преобразованном виде предыдущие.

Социализм – первая историческая форма коллективистского общества – по законам формационного перехода не может опережать капитализм (принципиально, а не в частностях) по типу техники. Материально-технические базы капитализма и социализма однотипны по исторической форме техники. В реальном же соревновании СССР с развитыми капиталистическими странами фактически было допущено такое отставание, для которого нет объективных оснований. Субъективный метод управления, пренебрежение объективными законами развития, подчинение науки случайным и частным политическим интересам принесли свои горькие для нас «плоды» в области технического соревнования с капитализмом.

В этой сфере формационного соревнования коллективистское общество на первой фазе его развития могло иметь преимущества за счет более последовательного проведения единой и перспективной технической политики, за счет возможностей более системного использования технических новаций, за счет нового отношения к труду и т.п. Это не давало бы окончательного выигрыша, но определенные преимущества сулило. Однако в силу отмеченных выше причин и эти возможности остались пока неиспользованными.

В области организации производства и труда принципиальное преимущество социализма состоит прежде всего в возможности последовательного и перспективного планирования, охватывающего все производство, всю экономику. На первых порах социалистического строительства, в том числе в годы войны 1941–1945 гг., это преимущество, несмотря на ряд серьезнейших ошибок, в целом дало свой эффект. Однако в послевоенный период (и особенно в 60–80-е гг.) планирование в СССР оказалось по своим конкретным методам в типике, превратившись в административно-бюрократическое командование. Именно поэтому даже по эффективности планирования социа-

листические страны пока не могут превзойти современный государственно-монополистический капитализм. Что же касается организации производства на предприятиях, то тут развитый капитализм вообще еще не уступал пока в целом своего лидерства, умело приспособивая к своим условиям в том числе и достижения организации производства в социалистическом мире.

Что касается третьего основного фактора производительности, то о нем уже шла речь выше. Материальный стимул – изобретение и историческое преимущество капитализма. Возможности состязаться с капитализмом у коллективистского общества относительно ограничены. А собственные стимулы к эффективному труду коллективистское общество пока использовало недостаточно, поскольку любой авторитарный режим их боится и не приемлет: ведь они ведут к становлению отношений реальной коллективности. Так что и здесь пока еще все впереди.

Социализм как первая фаза коллективистского общества все же должен был и мог бы в какой-то мере опередить капитализм по производительности труда, хотя и не очень намного: первая фаза новой формации еще не может дать окончательного формационного выигрыша. Но все же мог бы – в основном за счет своих социально-экономических возможностей, пока использованных лишь в малой степени. Почему эти потенциальные возможности не были использованы, уже сказано выше.

Решающие (формационные) преимущества в производительности коллективистское общество может и должно получить в результате второй промышленной революции (мы о ней писали выше, писали и в прежних публикациях)¹. Здесь налицо вполне определенная аналогия с историей капитализма, получившего безусловные преимущества лишь с переходом к машинной технике. Центральным пунктом второй промышленной революции явится не просто увеличение производительности труда и не только создание производственного изобилия продуктов: эти задачи фактически

¹ См., в частности: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Научно-технический прогресс и совершенствование социалистических производственных отношений. М.: Знание, 1987. Вып. 7. (Серия: Научный коммунизм); Козлова Г.П., Слюсарянский М.А., Файнбург З.И. Труд – первооснова социалистического образа жизни. М.: Знание, 1987. (Библиотека: Социология в системе научного управления обществом). – Авторы.

позволяет решить в конечном итоге еще первая промышленная революция. Вторая промышленная революция, суть которой – переход к автономно-автоматической технике производства, должна обеспечить коренное, качественное изменение содержания труда и его организации, изменение социально-экономического характера труда, а на этой основе – всей совокупности социальных отношений. Она, эта революция, должна на качественно более высокую ступень поднять характер реализации отношений коллективности: создать материальные условия для перехода от формальной коллективности (первая фаза коллективистских отношений) к реальной коллективности (вторая фаза коллективистских отношений).

Вторая промышленная революция выдвигает на первый план решение не столько экономических, сколько собственно социальных задач. В том числе она должна будет создать материальную основу для обеспечения такого уровня и качества социальных гарантий общества индивиду, который в принципе недоступен капитализму и на порядок превосходит степень реализации этих гарантий при социализме.

Пока же социализм фактически решает куда более скромную задачу: устранить накопившееся за годы культа личности и застоя, за годы господства субъективизма в социально-экономической политике серьезное отставание от современного капитализма и в уровне техники, и в методах осуществления научно-технического прогресса.

Коллективность и социальная структура

Проблема социальной структуры одна из сложнейших в формационном анализе. И в марксистской и в немарксистской литературе по проблемам социальной структуры написано очень много, однако это пока никак не умерило остроты идущих дискуссий.

Сложность проблемы состоит прежде всего в том, что необходимо найти «сквозные» принципы структурности общества, соединяющие исторические его формы (сквозные критерии структурности), но предопределяющие, вместе с тем, и формационные особенности структурирования общественных организмов.

Классики марксизма выделили классовый критерий структурности общества, связав его с эксплуататорской природой экономического процесса. Соответственно этой логике они придерживались гипотезы о бесклассовости как характерной черте будущего коллективистского общества. Однако это, так сказать, – отрицательное определение будущего состояния, то есть вывод о том, чего *не будет* в обществе после изменения его формационного качества. Этого прогноза достаточно для подготовки социалистической революции, но им одним никак невозможно обойтись для управления социальным процессом после революции. Для решения этой задачи необходимо выяснить, что же *будет* в обществе нового типа, необходимо дополнить отрицательное определение новой социальной структурности ее положительным определением.

Мы полагаем, что эта задача в теории социализма не решена и до сегодняшнего дня, не решена на таком уровне, который позволил бы уверенно управлять процессом развития социальной структуры. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что в новой редакции Программы КПСС остался тезис о движении общества к полной социальной однородности.

Этот постулат – дань элементарному утопизму грубо уравнительного толка (типа, скажем, бабувизма).

Общество как сложная (и даже сверхсложная) система не может быть бесструктурным. В системе такого рода наличие структуры – условие ее способности к функционированию и развитию. Здесь понятие структурности в чем-то главном совпадает с понятием организации (тогда как понятие бесструктурности могло бы означать только аморфность).

Понятие «бесклассовости» – абстракция. Нужно искать конкретные формы этой бесклассовости, видеть их генезис, а не пытаться «абстрактное» без каких-либо ступеней опосредствования трансформировать в «конкретное».

Коллективности, как можно предположить, свойственна своя особая, неэкономическая структурность, достаточно глубокая и существенная. Без органической для данного общества структурности нет оснований для его развития. (Напомним, что противоречие

как источник движения, развития возникает из внутренней расчлененности единого).

Мы полагаем обоснованным допустить, что если коллективность на первый план в системе социальных отношений выдвигает организационный аспект, то и структурность общества, прежде всего, должна определяться организационными связями.

При таком допущении определяющим моментом неклассовой структуры общества выступает место индивида, группы, социального слоя в социальной организации, статус того конкретного организационного элемента общества, в который входит индивид, социальная группа. Организационный критерий социального положения в этом случае постепенно вытесняет классовый принцип структурирования общества. Снятие классовой природы расчленения социальной структуры в сколько-нибудь полном виде можно связать лишь с новой промышленной революцией, призванной упразднить старое разделение труда и совместно-индивидуальное участие работников в их функциональных ролях в труде. Соответственно изменятся и экономические отношения. Иначе говоря, относительно полное преодоление классовой структурности общества возможно только на основе перехода от формального подчинения труда коллективности к реальному.

Неэкономическая структурность в той или иной мере проявляет себя сразу же после того, как общество вступает в полосу государственного социализма – первую форму социалистического развития. Однако в условиях первой фазы коллективистских отношений – от самых первых форм государственного социализма до социализма зрелого, сложившегося – элементы экономической (то есть по своему происхождению классовой) структурности остаются весьма существенными, а на начальных ступенях социалистического развития, наверное, и определяющими. Вместе с тем старых классов здесь уже нет (ибо нет классового антагонизма – решающего критерия существования «полноценных» классов, истинно классового противостояния). Налицо поэтому взаимодействие старых и новых критериев структурности общества.

В условиях, когда налицо старое разделение труда, когда работник жестко привязан к своему рабочему месту, когда труд его

вынужденно жестко регламентирован во времени, когда индивидуальное участие в труде выступает не только как условие, но и как мера участия в потреблении, в значительной степени сохраняют свою силу основания классового деления общества.

С самого начала развития социализма на своей собственной основе (то есть уже в условиях государственного социализма) для социальной структуры характерно, прежде всего, взаимодействие социальных общностей, постепенно (однако лишь в меру формационного развития общества, а не от самого по себе хода физического времени) переставших быть классами, но еще отнюдь не переставших ими быть. Здесь нет непримиримой противоположности отношений между основными составляющими социальной структуры, – рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией, – то есть, нет решающего критерия полной и безусловной классовости. Однако разделенность труда (умственного и физического, сельскохозяйственного и промышленного и т.п.) такова, что социально-экономические различия между основными составляющими социальной структуры имеют, прежде всего, пока классовую природу. Различия между элементами социальной структуры двойственны: в главном – все еще классовые по своей природе, в пока еще не главном, но в тенденции выходящем на первый план – неклассовые.

От нового, от коллективности проистекает уже специфическая неклассовая структурность общества. Но эта новая структурность еще не созрела, не вытеснила старую, классовую структурность. Старое пока еще очень существенно (что было характерно для первой фазы новой формации всегда). В целом же налицо диалектическое взаимодействие двух принципов структурности общества – новой и старой. При определенных условиях то новое, то старое в процессах, проходящих в социальной структуре, выступает на первый план.

Давление старого особенно болезненно ощутимо проявляется в эффекте бюрократии.

Определенное неантагонистическое противостояние простого рабочего и специалиста в процессе труда ведет и в условиях реализации социалистической тенденции развития к неизбежной частич-

ной профессионализации управления. Это относится и к хозяйственному управлению, и ко всем институтам законодательной и, особенно, исполнительной власти. Такое положение, если различия в труде и социальном положении не выходят за пределы различий лишь в социальных функциях, остается в пределах доминирования нового, неклассового в структурности общества. Классовое и в этом случае неизбежно присутствует, но оно не доминирует.

Ситуация в корне меняется, если на первый план выступает собственно социальное (в том числе и экономическое) противостояние работника и управляющего. Не просто работник физического труда противостоит тогда работнику умственного труда, а представитель рабочего класса противостоит персонификации государства (в какой-то мере отчужденного от работника), – управляющему, трансформирующемуся (независимо от его индивидуального желания или нежелания) в бюрократа. Из-под отношения государственного социализма проступают тогда, становятся реальностью черты его предшественника – государственного капитализма.

Отношение коллективности в таком случае становится в чем-то иллюзорным. Руководители безразличны к работнику как к личности: «Лишь бы работал!». Со своей стороны, у работника эта ситуация порождает отчужденное отношение к своей работе: «Лишь бы заработать!». Интересы общества и предприятия в этом случае мало интересуют и ту и другую сторону: и управляющие, и управляемые, хотя и по-разному, но выводят на первый план свой индивидуальный интерес, понимаемый узко, упрощенно, вульгарно как интерес не столько индивидуальный, сколько частный, противостоящий общественному. На первый план (на позицию доминирования) как раз и выступает тогда классовое, а в противостоянии рабочего класса и управляющих проглядывают элементы антагонизма.

Взаимодействие старого и нового в социальной структуре весьма своеобразно проявляет себя в некоторых негативных для коллективистского общества явлениях. Новое в социальной структуре весьма своеобразно ограничивает некоторые возможные формы реализации старого «внутри» нового.

Прямая эксплуатация рабочей силы в форме найма работников, обеспечивающих рост частных доходов в виде прибавочной стоимости, чрезвычайно затруднена, практически невозможна уже в условиях государственного социализма. Поэтому эксплуатация прорывается через наиболее доступный в этих условиях для частного интереса канал: использование определенным кругом лиц своей профессии, своего служебного положения для перераспределения прибавочного продукта в свою пользу. Налицо безусловный процесс экономической эксплуатации, но осуществляется она через механизм взяточничества, приписок, вымогательства, привилегий, спекуляции, обмана покупателя в торговле и т.п. Природа полученного в процессе этой эксплуатации дохода очевидна: перераспределенный прибавочный продукт общества – часть необходимого продукта, отторгнутого у законного владельца указанными методами. Однако экономический (да и социальный) механизм, господствующий в обществе, не дает денежному доходу, полученному в результате такого перераспределения, превратиться в капитал. И деньги накапливаются в форме сокровищ.

В настоящее время развитие кооперации, так называемой индивидуальной трудовой деятельности, приоткрыли некоторые каналы превращения денег в капитал под правовым прикрытием новых экономических форм. Надо ожидать на этой основе определенного обострения классовой конфронтации в обществе.

Взаимодействие (и взаимовлияние) элементов старого и нового в социальной структуре отчетливо проявляется еще в целом ряде конкретных форм, из которых мы полагаем наиболее существенными две, характеристику которых и даем ниже.

Прежде всего возросла проницаемость границ между социальными классами и слоями. Достаточно часто индивид за свою жизнь несколько раз меняет свою социально-классовую принадлежность (не говоря уж о более частных переменах), сам того не замечая. Сам он фиксирует лишь изменения конкретных условий жизнедеятельности: переход на другое место работы, на другую должность, смену местожительства и т.п. С точки же зрения обобщенного теоретического анализа социальной структуры, индивид, возможно, переходит из одного в другой социальный класс, социальный слой.

Другое новое явление – возросшая множественность градаций в социальном статусе, их более тесная связь с сознательно избираемым самим индивидом тем или иным вариантом самоутверждения в обществе¹.

Радикальная смена критериев социальной структурности – длительный и сложный социальный процесс. Этот процесс будет идти в оптимальных формах только в том случае, если он будет сознательно управляемым, регулируемым.

Определяющее отношение как определяющее (основное) противоречие

Сегодня само признание необходимости противоречий как сущности явлений при социализме уже является фактом. Коллективности, как и всем предшествовавшим ей типам социальности, свойственна разветвленная, всеохватывающая система противоречий. Чтобы подытожить анализ сущности коллективности как определяющего (основного) отношения коммунистической формации надо хотя бы бегло, хотя бы в самом основном охарактеризовать свойственное ей сущностное противоречие.

От признания самого существования противоречий до построения в теории характеристики общества той или иной ступени его развития, в основе которой лежат свойственные ему противоречия, еще немалая дистанция. Во всяком случае дискуссии о противоречиях при социализме идут с середины 50-х гг. XX в., а концепции социализма, построенной на его основном противоречии, нет в широком научном обороте и до сих пор².

¹ См. нашу публикацию: Файнбург З.И. К вопросу об исторических типах самореализации личности // Всестороннее развитие личности советского человека. Философские и социологические проблемы: сб. науч. труд. Свердловск, 1979. С.18–27. – Авторы.

² Их нет и в самых последних изданиях учебников и учебных пособий по научному коммунизму (В.Ф. Халипова, Э.В. Тадевосяна, под ред. Е.А. Ануфриева, Г.Л. Смирнова и др.) и по политической экономии (в том числе и в подготовленном к изданию по указанию ЦК КПСС и широко разрекламированном новом учебнике под ред. В.А. Медведева). В методологическом обосновании теории этот учебник в принципе не перешагнул уровня учебника 1954 г., хотя в ряде конкретных постановок он, безусловно, современнее.

Напомним, что для официозной науки именно учебник являлся и все еще является изложением нормативного содержания знания. – Авторы.

Противоречие – наиболее глубокая и обобщенная характеристика сущности любого явления, в том числе и социального. Но при этом социальное противоречие по самому своему типу, по своему механизму столь же исторично, как и все другие социальные явления. В ходе истории меняется и само общество как организм, как система, меняются и определяющие его сущность социальные противоречия.

Превращение содержания социальных отношений в свою полярную противоположность при переходе от капитализма к коммунистической формации основано на коренном изменении самой природы социального противоречия, и должно быть, прежде всего, выражено в этом изменении.

Изменение характера сущностных социальных противоречий и является наиболее общим (обобщенным) конкретным выражением (и отражением одновременно) полярной противоположности социализма капитализму, выражением так называемого нового системного качества новой социальной системы, выражением глубинной сущности коллективности как новой исторической формы соединения индивидов в обществе, коллективности как определяющего (основного) отношения общества нового типа – коммунистического.

Противоречие по своей структуре представляет собой, как известно, взаимодействие, взаимосвязь – единство и «борьбу» – взаимодействующих противоположностей. Антагонистическое и неантагонистическое противоречие представляют собой два особых (противоположных по своим свойствам) типа социального противоречия, различающихся: (а) характером образующих противоположностей, (б) характером взаимодействия этих противоположностей. Если в отдельном, частном случае тот или иной тип социальной противоречивости зависит от конкретных (столь же частных) обстоятельств, то исторический тип социального противоречия, доминирующий и определяющий для той или иной формации, есть целиком продукт истории. Смена типа социальной, характера взаимодействия образующих общество элементов, характера структурного членения общества предопределяют характер доминирующего исторического типа социального противоречия – и в свою оче-

редь определяются им как наиболее глубокой сущностной характеристикой явлений.

Обществу, в котором доминируют взаимоисключающие интересы образующих его социальных слоев, классов, групп, причем их взаимодействие характеризуется стихийным характером, т.е. безусловным доминированием объективного основания в человеческой деятельности, – свойственен антагонистический тип социального противоречия. Таким обществом, в частности, является капитализм. Не все его социальные противоречия, конечно, антагонистичны, но основные, определяющие характер и тенденции его развития как формации, как общества, основные, определяющие отношения в социальной структуре и т.п., антагонистичны, безусловно. Они и определяют общие исторические свойства формации.

Обществу, в котором доминируют интересы в основе своей, в главном и в конечном совпадающие, согласуемые, сосуществующие (что и отражено, в частности, в социальной структуре, определяемой отношениями коллективности), причем их взаимодействие характеризуется планомерностью регулирования, т.е. доминированием коллективного субъективного начала в организации человеческой деятельности (определявшая функция объективного этим не снимается и не может быть снята), – свойственен неантагонистический тип сущностного, определяющего социального противоречия. Таким обществом является коллективистское общество, характеризующееся коллективностью отношений и планомерностью своей организации, своего функционирования и развития. Конечно, не все частные противоречия коллективистского общества (и особенно на ступени социализма) неантагонистичны, но основные, определяющие его формационный тип, определяющие закономерные характер и тенденции его развития, определяющие закономерные отношения в его социальной структуре и т.п. неантагонистичны, и именно они определяют системные свойства формации как ступени прогресса истории.

На современном этапе исторического развития сохранение условий доминирования антагонизмов как определяющего типа социального противоречия означает постоянное, неуклонное и неиз-

бежное нарастание потенциальной опасности гибели общества как целого, уничтожения социальной формы бытия материи.

Переход общества к коллективности, как доминирующей в этих условиях форме социальности, к плановости, как определяющей в этих условиях форме организации коллективистского общества, форме его функционирования и развития, выступает теперь как объективная материальная потребность самого сохранения существования социальности, как безальтернативная необходимость.

Разграничение характера социальных противоречий – антагонистических и неантагонистических – имеет смысл тогда, когда речь идет не о любом взаимодействии внутри общества, например, о взаимодействии индивидов или малых групп (так сказать, взаимодействиях «внутри» общества – без прямого существенного влияния на его движение и развитие как целого), а о взаимодействии таких структурных элементов общества, которые определяют в целом характер общественного развития, формационные свойства общества, его формационный исторический тип. Постулат о смене исторического типа социального противоречия – смене антагонизмов неантагонистическими противоречиями – относится, безусловно, лишь к противоречиям всеобщественного уровня развития. Что же касается, в частности, уровня развития индивидов, малых групп, тех или иных социальных групп, то проблема противоречий, замыкающихся на этом уровне, нуждается в специальном исследовании. Здесь, на наш взгляд, нет оснований утверждать, что могут исчезнуть антагонизмы. Во всяком случае, надо еще анализировать этот вопрос, чтобы писать о нем достаточно конкретно.

Антагонистическая и неантагонистическая формы социальных противоречий всегда присутствуют в социальном процессе на каких-либо его уровнях. Но общий характер социального развития определяется доминированием на всеобщественном уровне по отношению к социальному процессу в целом какой-либо одной (той или иной из двух, образующих диалектическую пару) формы социального противоречия. Антагонистическая форма противоречия не исчезает сама собой. Она перестает доминировать постепенно в диалектическом контексте перехода к новому качеству, когда старое качество в снятом виде еще присутствует в «глубине» объекта.

Если планомерно и целенаправленно развивается новое качество общественных (формационных) отношений – коллективность, планомерность, положение личности в обществе в качестве свободной индивидуальности и т.п., – то снимаются и условия для того, чтобы старая форма противоречия (то есть антагонизм) оказалась вновь на поверхности общественных отношений, вернула бы себе роль определяющей формы социального противоречия.

Противоречие как характеристика самой глубокой сущности явления требует, чтобы в анализе, в объяснении все время присутствовали, сталкивались, зримо переходили друг в друга образующие противоречие противоположности. Всякий иной подход, сколь бы «высокой» и насыщенной научной риторикой он не сопровождался, с наукой имеет мало общего. Это – апология, вульгарный уровень рассмотрения того или иного объекта, но не наука. Реальные общественные процессы и противоречия не могут рассматриваться так сказать «параллельно», ибо это и было бы метафизикой, лишь прикрываемой псевдодialeктической фразеологией.

Наша литература по проблеме противоречия, как мы полагаем, в целом все еще остается в рамках принципиальной концепции (парадигмы, ведущей свое происхождение от постановки ее в статье Н. Власова (см. ссылку на стр. 89)). Развитие пока шло в основном вширь, и принципиально новый уровень реализации принципа противоречий в нашем обществознании – революционная смена парадигмы (по Т. Куну) – еще впереди. Переход к новой парадигме назрел, он на очереди, он подготовлен всем предшествующим развитием и продолжает готовиться нынешним, но он в целом пока еще не состоялся¹.

Прежде всего стоило бы напомнить, что основное противоречие формации является противоречием всей системы социальных (включая и экономические) отношений. Рассматриваться может либо некая целостность общества и природы, либо общество как совокупность отношений. Противоречие общества и природы является для общества в известном смысле внешним противоречием,

¹ См. уже упоминавшуюся выше статью: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Становление новой парадигмы политической экономии социализма // Экономические науки. 1987. № 3. – Авторы.

противоречия же самих общественных отношений – внутренними. Нет нужды повторять здесь общеизвестные положения об их взаимной связи и обусловленности и т.п., однако полезно все же напомнить необходимость их различения в анализе.

Если трактовать развитие общества как самодвижение, то его источником может быть лишь внутреннее атрибутивное противоречие самого общества. Это никак не умаляет значения взаимодействия внешних противоречий общества с внутренними, однако требует строгого различения двух этих аспектов взаимодействия.

С этой точки зрения мы считаем, что: основное противоречие формации: (а) является внутренним противоречием общества как системы отношений; (б) характеризует общество как систему отношений в целом, а не только его производственные или какие-либо иные отношения; (в) выражает и характеризует сущность основного отношения в обществе; (г) взаимодействует с противоречием природы и общества (производительных сил и производственных отношений) как внутреннее противоречие с внешним.

Мы полагаем (и могли бы привести в подтверждение данные анализа как всей концепции, так и текстов), что К. Маркс именно в таком ключе трактует основное отношение капитализма и его основное противоречие.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями «безразлично» к любой конкретной экономической категории. Любая из них присутствует в этом противоречии не в своем особенном или единичном, а в своем наиболее всеобщем, предельно всеобщем виде – только как «обезличенная», лишенная своего индивидуального «имени» частичка производственных отношений «вообще». Все отношения внутри способа производства становятся обезличенными перед противоречием производительных сил и производственных отношений. И это проявляется в том, что на основе одного только противоречия между производительными силами и производственными отношениями невозможно строить логически обоснованную систему категорий политической экономии. Тем более невозможно строить такую систему категорий для характеристики формации в целом.

Связь основного противоречия формации с основным экономическим противоречием – взаимодействие чрезвычайно важное и для понимания общей сущности формации, и для познания ее особенностей.

Специфический для каждой формации тип «генетического вектора» (см. выше) предопределяет и исторический тип ее же структурного построения – определенное соотношение экономического и общесоциального. В одной системе ее «генетический вектор» представляет собой движение от экономического «атома» к целому (капитализм), в другой – движение от генеральной общности людей (от ассоциации) к образующим ее элементам.

С этой точки зрения для капитализма его основное экономическое противоречие является исходным для основного общеформационного противоречия. Относительно же социализма налицо обратная зависимость: его основное формационное противоречие (как, соответственно, его основное отношение) предопределяет и его основное экономическое противоречие (соответственно, и его основное экономическое отношение).

Мы полагаем, что основное формационное противоречие социализма не может быть также сведено и к соотношению производства и потребления, производства и потребностей, как бы его не трактовать. Значение этой проблемы для социалистического общества весьма велико, однако, во-первых, соотношение производства и потребления относится к сфере собственно экономической и никак не может быть названо общеформационным, во-вторых, и в качестве именно основного экономического отношения (соответственно, противоречия) оно также, на наш взгляд, не выдерживает критики, поскольку на его основе не может быть выстроена многоуровневая система категорий политической экономии.

Последнее нуждается в более подробном объяснении.

Вернемся к тем, уже далеким временам, когда К. Маркс искал методологию построения системы экономических категорий для анализа капитализма. Возможны были два пути такого построения системы: (а) движение по «кругу»: производство – обмен – распределение – потребление; (б) движение по уровням восхождения от абстрактного к конкретному, т.е. последовательный анализ сначала

сущности, затем явления, наконец – действительности. Речь шла не о том, чтобы один путь целиком отбросить, на другом остановиться. Оба подхода с какой-то стороны отражали экономическую реальность, а потому необходимо было не «отбрасывание», а выбор доминирующей стороны, методология диалектического (единого и противоречивого) соединения этих подходов.

Во «Введении»¹ и дано обоснование этой диалектической методологии выбора и доминирующего подхода к определению характера взаимосвязи одного и другого подходов. Результат выбора хорошо известен.

В «Капитале» К. Маркса исследование движется по ступеням восхождения от абстрактного к конкретному, и именно с точки зрения этой логики определяющим (основным) отношением капиталистического общества является капитал. Капитал здесь рассмотрен не как функциональное явление, а как общественное отношение – как необходимая форма взаимной диалектической связи общественного характера производства и частнокапиталистической формы присвоения. Антагонистическое противоречие этих двух сторон опосредованного обобществления и образует основное экономическое противоречие капитализма, выступающее в качестве основания и его общеформационного противоречия. Противоречивое же единство производства, обмена, распределения и потребления рассматривается как движение капитала по функциональным ступеням производства, хотя и оно рассмотрено под углом зрения основного противоречия капитализма.

Есть ли основания применять по отношению к социализму принципиально иную методологию подхода к проблеме взаимосвязи типа обобществления, с одной стороны, типа производства и потребления – с другой, чем та, которую К. Маркс применил в «Капитале»? Мы полагаем, что принципиальная методология формационного анализа едина для всей истории. А коли так, то нет методологических оснований, чтобы искать основное противоречие социализма во взаимодействии производства и потребления.

¹ См. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 годов. М.: Политиздат, 1960. Ч. 1. С. 32–46. – Авторы.

Мы полагаем, что изложенные выше критерии еще раз подтверждают сделанный ранее вывод о том, что наиболее правильно считать именно коллективность определяющим (основным) отношением общественного организма коммунистической формации. Коллективность выступает здесь как наиболее развитая форма человеческого сообщества со своими конкретными специфическими историческими свойствами.

Коллективность выступает в виде свойства, определяющего все системное качество общественных отношений коммунистической формации. Как определенное историческое качество социальности, коллективность определяет доминирование в социальном процессе противоречий неантагонистического типа, она предопределяет характер «генетического вектора» общественных отношений, она лежит в основе определяющего принципа социализма – его полярной противоположности капиталистической формации и его генетической обусловленности своим происхождением из капитализма. Соответственно основное формационное противоречие коллективистского общества (и в том числе социализма) представляет собой единство и неантагонистическую противоположность непосредственной общности людей в коллективистском обществе и их индивидуального (группового и собственно индивидуального) обособления в этом обществе. Доминирующей (определяющей) стороной этого противоречия выступает собственно коллективность, подчиненной – индивидуальная выделенность. Этот тип асимметрии данного противоречия снимает антагонистическую обособленность индивида и индивидуального, имевшую место в частнособственнических формациях. Обособленность оказывается существующей «внутри» общества, а не противостоящей ему. Сущностное же противоречие этой общности приобретает неантагонистический характер.

Сущностное противоречие коллективности как определяющего (основного) отношения является источником развития формации в целом, степень же развитости отношения коллективности – критерием формационной зрелости коммунистического общества. Мы полагаем, что методология характеристики степени зрелости капиталистической формации, предложенная К. Марксом в его экономических работах, – концепция формального и реального подчинения

труда капиталу – в своей основе применима к характеристике формационной зрелости отношения коллективности (в экономической сфере – непосредственного обобществления, выражающего сначала формальную, а затем реальную реализацию в труде отношения коллективности), является критерием, разделяющим социализм как первую фазу формации и коммунизм как фазу ее зрелости.

В экономической сфере противоречие коллективного и индивидуального выступает как противоречие между непосредственно общественным характером производства и общественно-индивидуальным присвоением, предполагающим всю гамму относительной выделенности индивидуального – хозяйственную самостоятельность предприятий и объединений, обособленность и выделенность кооперативных форм, подрядные и арендные формы ведения общественного хозяйства, акционерные формы, индивидуальную трудовую деятельность и т.д. – вплоть до присвоения в личную собственность индивидуальной доли в фонде потребления¹.

Понятие «индивидуальное» в коллективном скрывает явление само по себе сложное и многоуровневое. Нельзя забывать, что противоположности взаимодействуют не в статике, а в динамике, что их связывает, в том числе и отношение взаимоперехода. Понятие индивидуального по отношению, скажем, к коллективу предприятия – это и цех, и бригада, и отдельный работник. По отношению к бригаде как к коллективу в позиции индивидуального оказываются и отдельный ее работник, и какие-то формальные и неформальные группы внутри бригады и т.п. По отношению же к обществу любой его структурный элемент выступает в качестве индивидуального. Общество в целом, противостоящее отдельному индивиду, – лишь крайние точки, крайние полюса этого противостояния коллективного индивидуальному.

Противоречие коллективного и индивидуального выражено, прежде всего, в неантагонистическом расхождении их интересов.

¹ Эта точка зрения была высказана нами в 1966 г. и затем развита в ряде последующих публикаций. См., в частности: Файнбург З.И. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. 1966. № 6; Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономики социализма. Саратов, 1982; Файнбург З.И., Козлова Г.П. К вопросу о политической экономике в широком смысле слова // Экономические науки. 1985. № 8; и др. – Авторы.

Коллективность отнюдь не сводима к простой сумме воплощений индивидуального. Возможности индивидуального начала в определенной степени заданы коллективностью общества, но вместе с тем именно индивид, свободная индивидуальность является не только конечной целевой ориентацией общества, но и носителем его подвижности, источником творчества и т.п.¹

Благополучие индивидов, их удовлетворенность условиями своей жизнедеятельности есть один из критериев реализации отношения коллективности. Успешное функционирование индивидуального (предприятия, бригады, семьи, кружка хорового пения, футбольной команды и т.д., и т.п.) есть условие эффективности коллективного и вместе с тем критерий реализации отношения коллективности. Однако общность основных интересов в каком-то пункте неизбежно переходит в их расхождение. Причем речь идет не о разных интересах (часто в литературе ситуацию упрощают: основные интересы – совпадают, второстепенные – расходятся), а об одних и тех же: одни и те же интересы в одном аспекте совпадают, а в другом – они же расходятся.

Коллективность, как определяющее (основное) отношение в обществе, есть соединение двух неантагонистически противоречивых тенденций: уравнивания возможностей образующих его индивидуальностей (каждый индивид, каждое индивидуальное сообщество равны другому как свободной индивидуальности) и их дифференциации в процессе соревнования (в том числе дифференциаций индивидов «по способностям»). При неантагонистическом характере дифференцирования коллективистское общество оказывается прямо на этом дифференцировании основано: диапазон дифференцированности обуславливает уровень социальной активности, результативность соревновательности. Однако это имеет место только тогда, когда дифференцирование находится в границах какой-то условной меры, задаваемой тенденцией к равенству возможностей, к осуществлению исторически обоснованной формы справедливости. Это дифференцирование не должно выходить за рамки крите-

¹ См., в частности, одну из наиболее интересных монографий по проблеме индивидуальности: Ватин К.В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1984. – Авторы.

риев, соответствующих сущности и ценностям коллективности, сущности принципа социального равенства.

Основное противоречие разворачивается в целую систему противоречий, каждое из которых содержит в себе конкретную форму противостояния коллективного индивидуальному. В каждой из основных сфер общественного организма определяющее (основное) отношение, и, соответственно, основное противоречие выступает поэтому в своей конкретной модификации.

Таким образом, основные свойства коллективности как социальности нового типа, коллективности как определяющего (основного) отношения коммунистической формации разворачиваются как взаимосвязь свойственных им неантагонистически противоречивых сторон, в совокупности и образующих основное противоречие коммунистической формации. Это противоречие выступает как источник самодвижения коллективистского общества.

**Итоги и обобщение:
критерии и ступени
формационного развития
коллективистского общества**

Общий теоретический подход к анализу ступеней формационного развития, критерии этого развития были исследованы К. Марксом на материалах капитализма. Эта методологическая основа применима и, в принципе, достаточна для теоретического исследования развития социалистической формации. Более того, методология К. Маркса для этих целей имеет, на наш взгляд, большее значение, чем отдельные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о социализме¹. Эти высказывания были лишь абстрактным теоретическим прогнозом и не выходили за пределы социалистической критики капитализма, они неизбежно были гипотетичными. Их нельзя игнорировать, но нельзя и преувеличивать их место в анализе современного социализма.

¹ См., в частности, нашу работу: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Концепция против цитаты. К вопросу о современном прочтении классического наследия // Экономические науки. 1989. № 1. – Авторы.

В качестве основных критериев формационного анализа марксизм предлагает следующие: тип материально-технической базы, характер и уровень обобществления, степень подчинения труда определяющему (основному) отношению, характер реализации определяющего (основного) отношения, степень научности управления социальным развитием, характер социальной структуры, тип политической деятельности и политической организации общества, тип культуры и степень ее совершенства. Применение этой совокупности критериев позволяет, как мы полагаем, выяснить, в конечном счете, последовательность фаз и ступеней движения формации под углом зрения развития ее определяющего (основного) отношения и ее основного противоречия.

Мы полагаем, что изложенный нами подход существенно отличается от традиционного вульгарно-апологетического подхода, в ложном свете характеризовавшего формационное развитие общества в СССР в 30–80-е гг. XX в.

Позитивное развитие общества в тот период не было иллюзией. Россия конца 30-х гг. XX в. коренным образом отличалась от царской России. Именно эта позитивная сторона реального развития общества СССР легла в основу трудового энтузиазма масс в годы пятилеток, их героизма в 1941–1945 гг. Однако при этом позитивное развитие было антагонистически соединено с грубейшими деформациями самой сущности коллективистских отношений, а идеология социалистического строительства была превращена вульгарной апологетикой и утопическими иллюзиями в свою противоположность. Утопические иллюзии и вульгарная апологетика не столько способствовали созидательному порыву масс, сколько дезориентировали его.

Согласно приведенной выше системе критериев формационного развития за политической революцией (Октябрьской революцией 1917 г. в России) непосредственно следует период «подтягивания» предпосылок будущего перехода к социализму.

Экономические отношения периода «подтягивания» предпосылок социализма сложны и неоднородны.

Развитие государственной промышленности являлось экономической основой создания предпосылок социализма. Но экономиче-

ская природа самой этой промышленности была фактически маргинальной. Не случайно вопрос об экономической природе самой государственной промышленности явился предметом ожесточенных споров на XIV съезде ВКП(б). По характеру функционирования, организации и т.п. – государственная промышленность во многом, как мы полагаем, тяготела к государственному капитализму.

Традиционное для того времени употребление этого термина, когда им обозначали лишь концессии и предприятия, сданные в аренду частным предпринимателям, представляется нам с точки зрения современных взглядов избыточно зауженным. Тем самым за основу классификации ранее скорее принималась лишь юридическая форма собственности, нежели реальные отношения предприятия и работника.

Политика в области сельского хозяйства была направлена на то, чтобы всемерно развивать товарные начала и тем самым интегрировать мелкое крестьянское хозяйство в общественное воспроизводство. Развитие капиталистических отношений при этом должно было ограничиваться экономическими средствами. Предполагалось, что в этих условиях мелкотоварное хозяйство на экономической основе, то есть в соответствии со своим интересом, все более полно и последовательно будет втягиваться в кооперацию. Кооперирование же, в конечном счете, обуславливало перевод сельского хозяйства на путь социалистического развития.

Только сильная, централизованная политическая организация, построенная на широкой самодеятельности масс (так называемая «диктатура-демократия») могла обеспечить согласованное движение этого сложного хозяйственного и социально-классового конгломерата в сторону социализма.

Развитие культуры в этот период не могло быть сведено лишь к росту общей грамотности. Предполагалось, что оно обеспечит такой уровень социальной информированности, который позволит массам творчески усвоить основанное на науке социалистическое мировоззрение и в соответствии с этим мировоззрением сознательно активно участвовать в управлении. Тем самым были бы созданы прочные предпосылки социалистической демократии, социалистического самоуправления.

В реальном же развитии общества в СССР имела место (особенно после 1927–1929 гг.) грубая деформация процесса продвижения к социализму: преувеличено значение изменений юридической формулы собственности, резко принижено значение личного материального интереса, вместо «диктатуры-демократии» в политической организации насаждался командно-административный метод управления, научные основания управления и планирования были подменены субъективизмом и волюнтаризмом, социалистическая сознательность – «культовым» единомыслием.

В системе «культовых» отношений переход к социализму трактовался не как относительно длительный процесс, а как ближайшая, конкретная, практическая цель. Речь шла не о более или менее отдаленной перспективе, а о задаче сегодняшнего дня. При этом переход к социализму в кратчайшие исторические сроки считалось возможным осуществить любой ценой, методом «большого скачка». Переход к социализму в этой ситуации отождествлялся, прежде всего, с экстенсивным ростом производства, с простым увеличением его объемов.

Конечно, социализм в стране с неразвитой экономикой без прямого наращивания объемов производства построить нельзя. Но переход к социализму все же никак не может быть сведен только к экстенсивному росту производства. Тем более нельзя строить социализм «любой ценой»: результат оказывается не соответствующим поставленной цели.

Провозглашение такой быстрой, рассчитанной не более чем на 5–10 лет, реализации сокровенной мечты трудящихся об обществе равенства и справедливости фактически было поставлено на службу идеологическому оправданию грубого насилия, неэффективной затраты средств, огромных человеческих жертв. Эти потери были представлены трудящимся не как издержки «культы личности», а как якобы необходимая и обязательная цена «всемирно-исторической победы».

В 1930–1931 гг. было провозглашено вступление СССР в «полосу социализма». В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) в отчетном докладе ЦК утверждалось, что социализм в СССР уже в основном построен и на очереди стоит задача перехода к коммунизму.

Фактически же итогом первого этапа реализации социалистической тенденции развития в СССР – «подтягивания» предпосылок социализма – явилось создание так называемого **государственного социализма**: самой первой, еще пограничной, весьма неразвитой ступени коллективистских отношений. При этом государственный социализм в СССР был к тому же грубо деформирован отношениями культа личности. После войны, где-то в середине 50-х гг. наше общество вернулось к этому же формационному рубежу. Реально оно на нем, в принципе, остается и по сей день: имеет место экстенсивный рост ряда показателей, но без существенного изменения формационного качества общественных отношений.

Степень развитости коллективистских начал общества характеризуется в первую очередь степенью и характером реализации социальных гарантий – пограничного условия вступления в полосу социализма. В условиях государственного социализма (даже при самых благоприятных условиях) социальные гарантии реализуются еще весьма формально, они недостаточно увязаны друг с другом, в определенных отношениях – и неполны. Такое качество социальных гарантий исходит из свойств государственной собственности – из того, в какой мере она реализуется как общенародная.

Однако в условиях государственного социализма, да еще деформированного культом личности, государственный аппарат монополизировал распоряжение и самим трудом, и созданным им продуктом. Государственная собственность реализуется в этом случае в формах, сходных с собственностью государственно-капиталистического типа. Работник в такого рода отношениях собственности чаще всего рассматривался только как рабочая сила, как средство выполнения плановых заданий, а не как подлинный хозяин производства, не как его конечная цель. При таком положении государство получало возможность бесконтрольного распоряжения созданным работником прибавочным продуктом.

На ступени государственного социализма общество должно развиваться дальше уже на собственной социальной основе. Именно поэтому это развитие уже не может ограничиваться чисто экстенсивным ростом экономических показателей. В качестве следующего формационного рубежа развитие должно прийти к собст-

венно социализму (развитому, зрелому социализму). Но односторонний экстенсивный рост объемных показателей производства противоречит природе современных производительных сил, современной научно-технической революции, сместившей эпицентр развития производительных сил в сферу их качественного совершенствования. Степень взаимосвязи сфер общественных отношений в современном обществе качественно выше, чем в прошлом, а потому односторонний экстенсивный рост производства может вести только к нарастающей несбалансированности не только в экономике, но и в системе общественных отношений в целом.

Обозначение этого состояния только как «застоя» справедливо, но недостаточно, ибо несбалансированность сфер общественных отношений не остается на некоем стабильном уровне, а нарастает. Общество фактически оказывается в формационном тупике. Выход из этого тупика, выраженный в какой-то мере в программе перестройки, мог бы быть осуществлен по пути всесторонней интенсификации общественного процесса, на пути качественного совершенствования материально-технической базы общества, радикальной политической реформы, развития всех сфер общественных отношений.

Таким образом, современное состояние нашего общества – это все еще государственный социализм, причем серьезно деформированный по сравнению со своей теоретической моделью. Причина деформации, предопределившая и ее характер, – отношения культа личности и их последствия, активное освобождение от которых очень затянулось.

Формационная характеристика зрелого социализма, к которому наше общество в перспективе должно будет переходить, не менее сложна, противоречива и многопланова, чем общественные отношения прошлого.

До тех пор, пока общество коллективистского типа развивается на основе однотипной с капитализмом материально-технической базе, оно остается на первой формационной фазе своего развития – формальной реализации отношения коллективности. Это и есть в целом фаза социализма.

Однотипность материально-технической базы обуславливает существенное сходство ряда экономических и социальных меха-

низмов не только государственного, но и зрелого социализма с аналогичными механизмами развитого современного капитализма. Ряд конкретных общественных форм и институтов социализма в той или иной мере характеризуется сходством, однопорядковостью с аналогичными формами и институтами в условиях развитого капитализма. Это – не формационный дефект общества социалистического типа, а его исторически закономерное свойство. Современный капитализм – это в формационном отношении умирающий капитализм (см. выше), то есть общество, в котором его развитие необходимо создает элементы и формы обобществления, перерастающие собственно капиталистические рамки – рамки опосредствованного обобществления¹.

Сложившийся зрелый социализм – общество, экономически (то есть по производству и качеству потребительских жизненных благ на душу населения) сравнявшееся в основном с современным ему развитым капитализмом. Степень зрелости социализма – первой фазы коллективистского общества, для которой сосуществование с капитализмом естественно и закономерно, – обязательно определяется конкретным состоянием его соревнования с капитализмом.

Коллективистский характер общественных отношений зрелого социализма проявляется в необратимом уже характере отношений общенародной собственности, реализующих полной мерой интерес общества как целого, как ассоциации. Это обуславливает качественное повышение степени реальности и полноты социальных гарантий и соответствующей их наличию организации распределения благ в обществе. Планомерная организация социального процесса должна стать последовательно научной. Соответственно, в этих условиях управление социальными процессами возможно только на последовательно демократической основе. Природа политических институтов в обществе должна быть такова, чтобы обеспечить высокий уровень реальной его самоуправляемости. Все это может стать реальностью только на основе развитой коллективистской

¹ В современной ситуации в принципе возможна и такая парадоксальная ситуация, когда степень зрелости той или иной частной конкретной стороны непосредственного обобществления в развитом капиталистическом обществе может оказаться выше, чем ее состояние в формационно застойном до недавнего времени обществе социалистического типа в Советском Союзе. – Авторы.

культуры, на основе коллективистских ценностей жизни, на основе развития личности как свободной индивидуальности.

Только на рубеже зрелого социализма преимущества социализма перед капитализмом проявятся полной мерой, и историческое развитие необходимо поставит на очередь последовательную смену индивидуалистических отношений коллективистскими.

Как видится с этой точки зрения переход в более отдаленной перспективе на высшую (вторую) фазу коллективистского общества?

Такой переход в любом случае не может быть решен только созданием производственного изобилия, как это полагали до недавнего времени. Производственное изобилие сегодня – условие создания зрелого социализма, то есть достижения первой, а не второй (высшей) фазы коллективистского общества¹.

Путь ко второй, высшей фазе коллективистского общества может лежать только через новую *промышленную революцию*: переход к технической основе производства нового типа – автономно-автоматической системе техники. Качественно новая материально-техническая база общества, изменив и содержание труда, и характер его кооперации, сделает объективно необходимым новый тип отношения работника и общества в экономической сфере – прямое распределение по потребностям.

Тем самым будут созданы условия перехода от *формальной* коллективности к *реальной* – со всеми ее социально-экономическими атрибутами, подробно о которых говорить сейчас было бы, наверное, преждевременно. Слишком долгий путь еще отделяет нас от зрелого социализма, чтобы пытаться сейчас строить подробные гипотезы о деталях высшей фазы коллективистского общества. Для целей практических сегодня вполне достаточно его общей теоретической формационной характеристики. Но без такой его общей характеристики сегодня обойтись уже нельзя: в соответствии с методологией формационного анализа только с помощью абстрактной общей характеристики высшей фазы коммунизма – с помощью так называемой коммунистической критики социализма – возможна последовательно научная разработка теории современного реального социализма.

¹ Эта идея более подробно развита нами в работе: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Научно-технический прогресс и совершенствование социалистических производственных отношений. М.: Знание, 1987. Вып. 7. (Серия. Научный коммунизм). – Авторы.

Глава V. КОЛЛЕКТИВНОСТЬ КАК ПЛАНОМЕРНОСТЬ

Планомерность, как мы уже отмечали выше, это – атрибутивная форма движения коллективности. Поэтому планомерность в принципе должна проявляться в коллективистском обществе во всех сторонах жизни. О планомерности, плановости, планируемости, планировании сейчас написано очень много: библиография проблемы не уместилась бы и в многотомном издании. Проблемой же является характер планомерности тех или иных сторон жизни общества, реальные функции и методы планомерного воздействия на социальный процесс.

Планомерность – способ движения коллективности

Каждый определенный тип общественной жизни имеет и соответственную ему форму движения. Если в обществе доминирует частное (индивидуальное) начало, то стихийный характер развития неизбежно будет доминировать в нем над планомерным. Любая планомерность является способом ограничения в той или иной форме этого частного начала. Коллективность же, как определяющее отношение общества, необходимо обуславливает и доминирование планомерности в характере движения общества.

Особенностью любого социального процесса является присутствие в нем человека как носителя субъективного начала. Однако за обособленными, самостоятельными, субъективными действиями индивида в той или иной мере стоит объективная закономерность: и сам человек – всегда продукт своего времени (при всем диапазоне колебаний своей субъективности, своего индивидуального), и обстоятельства, в которых он действует, в своих общих чертах задано историей. Субъективное (выбираемое субъектом) в историческом процессе неизбежно взаимодействует с объективным, закономерным (заданным). Социальное в единстве образует диалектическую пару объективного и субъективного, т.е. диалектическое про-

тиворечие, сторонами которого являются объективное и субъективное. На каждой определенной ступени развития общества доминируют в соотношении этих противоположных его сторон то одна, то другая сторона.

Развитие общества по ступеням истории, в конечном счете, закономерно. Объективное в этом смысле поэтому всегда является определяющим. Но на определенной ступени истории – в коллективистском обществе, в коммунистической формации – в диалектической паре субъективного и объективного доминирование переходит к субъективному. Диалектика движения коллективистского общества состоит как раз в том, что объективное остается определяющим, но доминирование переходит к субъективному: меняется характер противоречия.

Доминирование субъективного ни в какой мере не означает допустимости, приемлемости произвола, возможности пренебречь безнаказно объективными законами развития общества. Такое утопическое по своей природе понимание доминирования субъективного получило, однако, широкое распространение на первых этапах реализации социалистической тенденции общественного развития. В СССР его придерживались не только профессиональные политики, но и многие ученые. Идея всесилья планирования была основой социально-экономической политики в 30–50-е гг. XX в. Можно предположить, что налицо была иллюзия, типичная для условий становления планирования¹.

Что же меняется в условиях планомерного развития в возможностях субъективного фактора по отношению к объективному?

Во-первых, возможность познания закономерностей развития объекта как целого, т.е. общества как целого. Субъект познания, фактически находящийся «внутри» познаваемой системы, являющийся ее элементом, ее частью, помещает себя, опираясь на силу (возможности) абстракции, как бы «вне» познаваемой им системы. Наряду с необхо-

¹ Один из видных экономистов 30-х гг. XX в. В.С. Борилин писал: «...Нет других законов в советской экономике, кроме законов, вытекающих из экономической политики социалистического государства или непосредственно связанных с ее действием» (Борилин В. О предмете и преподавании политической экономии социализма // Проблемы экономики. 1937. №1. С. 22). Аналогичных взглядов придерживался и один из ведущих теоретиков собственно планирования – С.Г. Струмилин, а с ним и многие другие. Идея о том, что план – прежде всего директива, а отнюдь не прогноз, была охотно подхвачена И.В. Сталиным. – Авторы.

димостью накопления соответствующих методов познания и какого-то объема позитивных знаний об обществе, ключевое значение, в конечном счете, имеет объективное положение познающего субъекта в общественном процессе. Особенно существенную роль играют положение субъекта познания в социальной структуре и характер его коренных интересов в социальном процессе.

Во-вторых, меняется коренным образом сам характер субъекта познания. Благодаря общности основных интересов, т.е. благодаря эффекту коллективности, границы субъекта познания и границы его объекта, являющегося одновременно и объектом целенаправленного воздействия, теперь в принципе совпадают: это – общество как коллектив. Это коренным образом меняет и возможности, и направленность познания и управления. Процесс познания социальных процессов и управления ими превращается теперь в процесс самопознания и самоуправления.

В этих условиях определяющая роль объективного выступает в виде ограничительных условий для активности субъективного: субъективное выбирает пути, способы, формы деятельности, но оно должно исходить из содержания и характера объективного развития общества для того, чтобы его активность сама приобрела характер объективированного процесса, чтобы эта деятельность была не разрушительна, а созидательна, была оптимальной по своему результату.

Субъективное же выступает как активное начало социального процесса, вбирающего в себя, воплощающего в себе объективно обусловленное движение общества. Сам факт такой активности безальтернативен: в условиях доминирования субъективного (а это доминирование в коллективистском обществе заданно историей) даже прямой отказ от каких-либо субъектных решений выглядят негативной формой активности. Такая «негативная активность» фактически все отдает на волю случая, т.е. означает выбор случайности как типа развития.

Переход к доминированию субъективного в соотношении объективного и субъективного означает коренное изменение характера организации общества, характера его функционирования и развития. Именно это новое качество общественного процесса послужило основанием К. Марксу для того, чтобы выделить в историческом

существовании человечества предысторию общества и собственно его историю, становление социальности и ее зрелое функционирование. По идее К. Маркса подлинная история, зрелая социальность начинаются лишь тогда, когда общество поднялось до самосознания в качестве единого и целого субъекта, до самоуправления и саморазвития, осуществляемого им самим как субъектом своего собственного бытия в качестве объекта.

Планомерность представляет собой такую форму организации общества, которая по своей сложности на историческую качественную ступень превосходит стихийность. В планомерности нет того «автоматизма истории», который типичен для стихийности. Стихийность означала, что закономерности общественного развития прокладывали себе дорогу через свое неосуществление в каждый данный момент. Эти закономерности в какой-то мере – чаще всего в превращенных формах – все же осознавались. Планомерность же требует относительно прямого и последовательного, системного и целостного осознания объективного, ибо иначе (т.е. если познание неполно или несистемно) это объективное обязательно проявит себя как какое-то нарушение оптимального хода данного социального процесса. Целенаправленность усилий может при этом выглядеть весьма эффективно, будут произнесены все необходимые громкие слова, но следствия, результаты деятельности будут неожиданны, а порой и просто парадоксальны (т.е. обратны ожидаемому).

Характеризуя планомерность как доминирование субъективного, следует учитывать, что само объективное (закономерное) отнюдь не механически однозначно, не узко, не может быть в условном графическом изображении сведено к элементарной прямой. Объективное – это лишь определенная тенденция социального процесса, достаточно вариативная, гибкая, в самой себе противоречивая. Поэтому и субъективное в его познании социального процесса и в управлении им столь же неоднозначно. Субъективное как управляющее, активное начало, чтобы оно было функциональным, все время должно строиться как обоснованный научный выбор вариантов в границах объективно возможного, а не как простое гадание «чет или нечет».

Нет оснований уповать на то, что некие «автоматические механизмы» (т.е. объективное) подавят недостаточно верное субъективное управленческое решение: объективное может напомнить о себе прежде всего как нарушение, как дисфункция, как деформация в той или иной конкретной форме. Объективное не реализуется в коллективистском обществе иным образом, кроме как через активность субъективного. Но именно поэтому эта активность по своему конкретному содержанию не может быть произвольной, не может быть однозначной. Она должна строиться – при всех возможных альтернативах – по внутренним сущностным свойствам объективного, по обусловленным этими свойствами тенденциям развития. Чтобы объективное реализовывалось через субъективное (реально оказалось определяющим в позитивном для субъективных целей ключе), субъективное по своему содержанию должно быть выражением объективного, его активность должна строиться в соответствии с объективным¹.

Такова взаимосвязь между объективным и субъективным в условиях общества, организованного как коллектив, такова внутренняя противоречивость их взаимосвязи.

Поскольку отличие антагонистического социального противоречия от неантагонистического связано, в том числе, и с планомерностью в реализации социальных закономерностей, надо иметь в виду, что и неантагонистический характер противоречия объективного и субъективного не задан «автоматически». Его необходимо целенаправленно поддерживать. Здесь еще раз проявляется одна из общих закономерностей истории: предпосылки не отбрасываются

¹ В этом ключе понимания проблемы научного обоснования выбора вариантов развития сугубо ошибочными выглядят попытки в конце 20-х – начале 30-х гг. решать научные по своему существу проблемы выбора альтернатив социально-экономического развития страны на основе доводов элементарного здравого смысла, набора подходящих цитат из классической литературы, утверждая затем все это результатами элементарного голосования. Большинство, отнюдь не всегда сколько-нибудь компетентное (а порой и просто недостаточно грамотное), должно было решать таким методом вопросы сугубо научной компетенции. Фактически за такого рода голосованием по поводу «выбора» научных проблем стоял просто выбор той или иной политической ориентации, а порой – и вовсе имел место лишь процесс выбора политического авторитета – вождя, мнение которого и принималось в качестве решающего. Найти истину таким методом можно было только случайно.

Методы такого рода отражали сложный конгломерат и соответствующего уровня политической культуры, и недоверия к академической науке, и, особенно, к ее авторитетам, зачастую весьма критически оценивающим политические тенденции тех лет, и попросту непонимание того, как и какими методами наука может искать истину. – Авторы.

движением истории, а сохраняются в снятом виде. Антагонистическая форма социального противоречия есть предпосылка его исторически более прогрессивной неантагонистической формы. Поэтому потенциальная возможность «возврата» в данном конкретном случае к антагонистической форме всегда является реальной и актуальной для новой, неантагонистической формы противоречия.

Планирование как система противоречий

Планомерность – общая форма организации коллективистского общества, общая форма его движения. Реализуется планомерность через систему институтов – планирующих, научных, хозяйственных и прочих учреждений, – обосновывающих конкретные плановые задания, составляющих эти задания на какую-то конкретную перспективу, доводящих эти задания до конкретных исполнителей и контролирующих выполнение плановых заданий. В совокупности это и называется планированием – формой реализации планомерности. (От планирования мы отличаем оперативное, текущее управление социальными процессами. Взаимосвязь планирования и оперативного управления очевидна, но столь же очевидна их нетождественность).

Противоречивое соотношение субъективной деятельности и объективной необходимости в условиях коллективистского общества реализуется в том числе (и прежде всего) через противоречие планомерности и планирования. Планомерность (объективно необходимое) может быть реализована только через субъективные действия – через планирование. И противоречие между ними поэтому существует не просто из-за нерадивости или некомпетентности отдельных плановиков, а закономерно. Соотношение планомерности и планирования может быть только противоречивым. Проблема состоит не в том, чтобы снять это противоречие, а в том, чтобы управлять его действием, свести к минимуму его негативные, неожиданные следствия, находить оптимальные и эффективные формы его разрешения.

Можно выделить два основных аспекта развертывания противоречивого соотношения планомерности и планирования.

Первый аспект можно назвать аспектом организации планомерности через планирование («организация организации»).

Социальный процесс непрерывен и, соответственно, непрерывно движение его организации, т.е. планомерности. Планирование же, как система институтов – учреждений, конкретных методов и т.п., изменяется лишь периодически, лишь «толчками». В самой его природе потенциально заложена инерция. Организация планирования, его методы не могут меняться непрерывно – как непрерывно течет социальный процесс. Причем чем сложнее процесс планирования, чем полнее он охватывает совокупность социальных отношений, тем сильнее и масштабнее потенциально заложенный в нем момент инерции. Противоречие налицо, и неполный учет его существования ведет к недостаточно эффективному планированию, к кризисам (периодическим) планирования, к систематически обостряющимся конфликтным ситуациям в планируемом объекте.

Другой, не менее важный аспект противоречия планомерности и планирования, это необходимость персонифицировать всю плановую работу. Она не совершается «сама собой», ее делают вполне конкретные люди, определенный круг специалистов, определенный социальный слой.

Общество (коллектив) как субъект социального процесса может практически реализовать эту сторону своей деятельности только через определенную систему институтов и только делегируя (передавая) функцию «представлять общество» в системе планирования определенному, относительно ограниченному кругу лиц. При этом может исследоваться общественное мнение, может учитываться мнение различных научных направлений и школ, но сам по себе процесс планового социального управления – в достаточной степени самостоятельная, специализированная, профессиональная деятельность. Занятые непосредственно (профессионально) в органах планового управления социальными процессами образуют особую социальную группу, характеризующуюся наличием определенных групповых и индивидуальных интересов. Люди, занятые плановой работой, плановым управлением, имеют свои определенные (и ограниченные) знания, опыт, мнения. С этой работой связано их положение в обществе, их самореализация в жизни, свои

привилегии. Этот круг лиц не может составить какого-либо исключения в общей системе соотношения общих (коллективных) и индивидуальных (групповых, личностных) интересов: их связывает противоречие, восходящее непосредственно к основному социальному противоречию социализма.

Как и всякое другое неантагонистическое в принципе противоречие, данное противоречие можно оптимизировать, можно успешно разрешить той или иной системой мер, но его нельзя просто снять, устранить как таковое. Речь идет об атрибутивном для данного рода деятельности противоречии, причем производном от основного социального противоречия формации.

Индивидуальный интерес (как противоположность коллективному) в данном противоречии проявляет себя чаще всего: (а) в тенденции к стабилизации, закреплению тех институтов и методов планирования, которые связаны со знаниями и опытом, со статусными преимуществами данной группы, данных конкретно людей; (б) в тенденции к абсолютизации собственного личного анализа, собственных оценок социальной ситуации (абсолютизация субъективного познания условий и методов планомерного управления) и собственных управленческих решений (абсолютизация субъективного программирования функционирования объекта). Субъективное здесь некритически приравнивается к объективному, отождествляется с ним, причем побудительным и искажающим истинное положение вещей фактором выступает именно индивидуальный интерес.

Субъективная активность может обнаружить тенденцию «освободиться» от определяющей роли коллективного, объективного, что ведет к тому, что планирование, плановое управление трансформируется в субъективизм, волюнтаризм. Однако этот же индивидуальный интерес может выразиться и в столь же ошибочном стремлении попросту снизить субъективную активность во избежание ошибочных оценок и решений. В этом случае налицо преувеличение роли объективного, упование на автоматизм реализации его определяющей роли. Это отражает явление, противоположное волюнтаризму: принижение (недооценку, недоиспользование) доминирования субъективного в соотношении объективного и субъективного. Планомерность (плановость) и в том, и в другом случае фактически подменяется то одной, то другой формой стихийности.

Подмена коллективных целей и интересов индивидуально-групповыми целями и интересами как раз и есть по своей сути «эффект бюрократии». Неслучайно В.И. Ленин считал бюрократизм одной из главных для социализма «внутренних» опасностей¹.

Другим существенным противоречием планомерности в ее соотношении с планированием является столкновение тенденции к ограничению, к стабильности принятого планового решения с необходимостью мобилизации творческих, активных начал человеческой деятельности.

Планирование в его абсолютизированной консервативно-директивной стороне (так называемое «тотальное планирование» в интерпретации его наиболее последовательного критика Ф.Э. Хайека²) не способно решать задачи интенсивного роста, включающие внутреннее качественное совершенствование планируемого объекта, будь то экономика, социальные отношения, культура. Консервативная сторона бытия не может быть уравновешена одним лишь фактором активности.

Планирование такого рода в каком-то отношении может дать известный позитивный результат только для решения конкретных задач экстенсивного роста. (Именно таковы были элементы эффективного в целом волюнтаристском планировании 30-х гг.). Однако в конечном счете оно не эффективно и не соответствует оптимальной форме планомерности коллективистского общества.

Формула «альтернативой планомерности является стихийность» – носит, на наш взгляд, избыточно абстрактный характер. Научная методология не случайно считает попытки непосредственно перейти от высокой абстракции к конкретной практике, минуя все ступени опосредствования, принадлежностью вульгарного взгляда на вещи. Именно в таком положении, как мы полагаем,

¹ Тема эта, в частности, – одна из доминирующих в цикле работ В.И. Ленина, обычно обозначаемом как «Последние письма и статьи». Все они опубликованы в 45-м томе полн. собр. соч. Кроме того они были изданы отдельной брошюрой под указанным выше названием. – Авторы.

² Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago, 1944. Концепция тотального планирования неоднократно критиковалась в зарубежной литературе. При этом частично предпринимались попытки поставить под сомнение вообще целесообразность самого планирования (путем его отождествления с тотальным планированием и т.п.). Однако эта литература в немалой степени и небезосновательно нащупывала слабые места в практике планирования в СССР и других странах. – Авторы.

оказались сейчас те критики ошибок в планировании в нашем обществе, которые предлагают не совершенствовать планирование, а фактически полностью от него отказаться, целиком заменив его рынком как регулятором.

Одностороннее понимание спонтанности развития (как внутренней альтернативы планомерности) неправомерно. С планомерностью связана не одна лишь «рыночная» стихийность, а две формы спонтанности, отражающие в себе основное противоречие коллективистских отношений.

Прежде всего, неправомерно считать современный рынок неким абсолютизированным воплощением стихийности. Современный государственно-монополистический капитализм нашел относительно эффективное сочетание законов рынка и определенных методов планомерного регулирования экономических процессов. Такого рода сочетание (с учетом особенностей коллективистской экономики) должно иметь место и в обществе социалистического типа. Для социализма – первой фазы коллективистского общества – оптимальное сочетание прямой планомерности и рынка как конкретной формы стихийности является необходимостью. В этом сочетании – формационная специфика социализма.

Но есть и другой аспект спонтанности в развитии коллективистского общества, соединяющийся с планомерностью в другом качестве и в других формах. Это – соревновательность.

В условиях коллективистского общества, коллективистского производства спонтанный («автоматический») механизм, соответствующий доминированию планомерности, – это соревновательность, соревнование, о котором уже шла речь выше. Именно соревновательность как исторически обусловленная форма спонтанности образует, как мы полагаем, в системе коллективистских отношений «диалектическую пару» с планомерностью. В современных обществах социалистического типа достаточно еще велико многообразие форм спонтанности (стихийности). Это естественно для формальной коллективности первой фазы коллективистского общества. Эти формы спонтанности должны быть основательно исследованы сейчас экономической наукой. Суть современной ситуации, как мы ее понимаем, состоит в том, чтобы доминантность планомерности (без ее

абсолютизации, без ее извращений и т.п.) была бы, безусловно, в целом обеспечена, однако при этом соревновательность, связанная с планомерностью, как органичная для нее форма спонтанности, находила бы себе место во всех вариантах хозяйственных решений.

Таков в принципе метод преодоления и этого противоречия между планомерностью и планированием.

Наконец, надо выделить противоречие между безусловным требованием научности, идущим от планомерности как отражения объективной закономерности развития коллективистского общества, и директивностью (управленческим аспектом), свойственным планированию как продукту социальных институтов системы управления обществом.

Обстановка эпохи становления планирования сильно способствовала преувеличению значения директивности планирования. Дополнительные силы этому подходу придавала и обстановка культа личности. Если в плане ГОЭЛРО, в первых вариантах плана 1-й пятилетки преобладал принцип обоснованности планов, то потом, особенно после 1929 г., предельно абсолютизирована была именно директивность. В основе научно обоснованного плана лежат: (а) предвидение будущего состояния, (б) задание на оптимальный вариант реализации этого предсказанного будущего. Вполне логично, что доминирующее значение здесь должно придаваться научности, то есть обоснованности предвидения. Обоснованность плана не снижает и не умаляет значение воплощения предвидения в директиву. Наоборот, только обоснованный план реален в своем исходном пункте, только обоснованный план опирается на позитивные реальные исторические закономерности.

Фактическое доминирование директивности планирования над его научной обоснованностью далеко не изжито и на сегодняшний день представляет собой тяжелое наследие эпохи становления социализма. Процесс принятия плановых решений происходит сейчас, конечно, при много более значительном, прямом или косвенном участии науки, видимый спектр этого участия расширился, однако суть проблемы не в том: должно быть в корне изменено само соотношение научного и управленческого аспекта в планировании в пользу научного, но при этом должна повыситься (а не по-

нижаться) степень директивности планов (при их научно обоснованной вариативности и т.п.). Короче, нужен принципиально более высокий уровень разрешения описываемого противоречия и противоположная общая направленность его решения.

Даже нынешнее, все еще недостаточное участие науки в планировании дает свой положительный эффект. Однако пока нет оснований считать, что обеспечена гарантия высокого уровня научности плановых решений. Актуальные и новые (а потому и неизбежно «острые») научные разработки пока совершенно недостаточно оказываются в поле зрения планирующих институтов. Новое для этих институтов зачастую не является самым выгодным.

Лица, персонифицировавшие принятие важнейших плановых решений, пока в значительной мере отгорожены от «всей науки» с ее новациями, борьбой идей и направлений. Сам принцип принятия персонифицированных решений при этом тоже в чем-то устарел для современного общества, хотя бы уже из-за одной только возросшей его сложности (так же, как устарел для этих целей и принцип принятия радикальных решений некомпетентным большинством). Институты науки пока в лучшем случае остаются в роли консультантов, а сами рекомендации науки во многом анонимны¹.

Так называемые «всенародные обсуждения» перспектив развития и предлагаемых решений, при всем их высоком политическом эффекте, все же не заменяют широкого обсуждения подготавливаемых плановых директив специалистами на уровне «вся наука». Сам механизм обсуждения плановых перспектив на уровне «вся наука» фактически пока не выработан, технология и организация таких обсуждений не разработана.

Таковы сложности и трудности разрешения и этого, может быть, самого сложного по характеру его решения противоречия планомерности и планирования.

Мы полагаем, что реальное совершенствование планирования невозможно без углубленного фундаментального исследования его противоречий.

¹ Весьма впечатляющую и довольно полную картину того, как действует механизм «анонимной научности» при подготовке различного рода директивных документов, дал Ф.М. Бурлацкий в своем очерке: После Сталина. Заметки о политической оттепели // Новый мир. 1988. № 10. – Авторы.

Планомерность как социальное предвидение в сфере практического развития

Доминирование субъективного, если развернуть это положение, означает в том числе и коренное изменение конкретной исторической формы связи производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки. Определяющая роль производительных сил – базиса – не может быть изменена и в новых условиях, ибо объективное всегда играет роль определяющего. Однако доминирование субъективного в коллективистском обществе проявляет себя в том, что теперь производственные отношения в какой-то форме должны опережать развитие производительных сил. Опережать только в определенном смысле, только на определенную, точно заданную дистанцию (то есть без «забегания вперед»), но именно и обязательно опережать. Соответственно, надстройка может опережать в той же мере развитие базиса, социальное самопознание – социальное бытие. Планомерность по своей сути предполагает опережение всеми теми элементами общественной жизни, где ощутимо доминирование субъективного фактора¹.

Опережающее развитие производственных отношений, надстройки, сознания является при социализме не просто субъективно возможным, но и объективно необходимым. Планомерность, как доминирование субъективного в социальном развитии, предполагает известное опережение осознания средств преобразования социальной действительности перед применением их для самого этого преобразования. Напомним, что только опираясь на политическую надстройку, могла (в любом варианте – в том числе в условиях нэпа по В.И. Ленину) быть реализована конечная социалистическая ориентация. Опережение субъективного осознания необходимо для коллективистских отношений, поскольку в планомерно управляе-

¹ Практика (и соответственно идея опережения развития производственных отношений по отношению к производительным силам) вызвала в свое время массу резких критических высказываний. Однако мы полагаем, что эта идея в своей основе верна, а справедливое вполне возмущение вызвала практика волюнтаристского изменения производственных отношений без какого-либо основания и обоснования. Такая судьба постигла не одну эту идею: порочная практика дала повод к скоропалительной (опять – таки с точки зрения «здорового смысла») дискредитации идей, в своей основе не лишенных достаточно реальных оснований. – Авторы.

мом обществе оно есть способ, форма развития всех основных коллективистски организованных элементов социальной системы.

Экономический (да и социальный в целом) процесс оказывается противоречивым соединением необходимости опережения производственных отношений и традиционного их отставания от развития производительных сил (отставания надстройки от базиса). Это единство двух полярных форм развития восходит к основному противоречию общества коллективистского типа: развитие коллективистских элементов общественных отношений характеризуется доминированием планомерности и, соответственно, опережением в развитии производственных отношений; развитие индивидуалистических элементов тяготеет к спонтанным, стихийным формам развития и связано, соответственно, с отставанием производственных отношений от производительных сил.

Особенно остро проявляется это противоречие в первой фазе коллективистского общества, когда весь процесс развития представляет собой противоречивое взаимодействие старого и нового, когда индивидуальное в ряде отношений фактически вообще выпадает еще и как частное.

Опережающее развитие производственных отношений по отношению к производительным силам, сознания – по отношению к общественному бытию, надстройки – по отношению к базису по своей направленности и своему характеру должно строго и взвешенно соответствовать объективным закономерностям развития единых и противоречивых сторон этих диалектических пар. Опережение должно осуществляться в строго определенных (каждый раз конкретных) масштабах. Только в этом случае такое опережение будет эффективным, т.е. оптимальным по масштабам и результатам. Во всех других случаях, либо мы столкнемся с практиковавшимся долгие годы иллюзорным «забеганием вперед» производственных отношений, либо направление опережения развития не будет соответствовать объективно обусловленным тенденциям, либо, наконец, будет иметь место чрезмерное, неоправданное отставание производственных отношений, надстройки, сознания. Во всех этих случаях процесс развития не будет соответствовать критериям оптимальности, поскольку налицо конфликтная форма про-

тиворечия между субъективной и объективной сторонами социального процесса, между планомерностью и планированием, а социальное развитие не столько стимулируется, сколько тормозится.

Планомерность совокупной жизнедеятельности: формы и границы

В тенденции планомерность является всеобщей для коллективистских отношений формой движения и развития всей совокупности общественных отношений.

Было бы неверным считать, что планомерность раньше вовсе не затрагивала сферы жизнедеятельности, находящиеся за пределами экономики. Однако планомерность в этих сферах (за некоторыми небольшими исключениями) не имела системного характера, т.е. не охватывала всю сферу как целое, затрагивая в ней лишь некоторые отдельные элементы (преимущественно материального обеспечения данной сферы).

Развитие коллективистской тенденции общественного развития в числе прочих новаций требует качественного расширения круга в той или иной мере планомерно регулируемых сторон жизнедеятельности. О том, насколько это не просто, свидетельствует опыт социального планирования¹ в СССР.

Казалось бы, с социальным планированием все обстояло сравнительно благополучно. За 10 с небольшим лет оно прошло путь от первых экспериментов до фиксирования его обязательности в Конституции СССР. (Для сравнения напомним, что от научной постановки проблемы механизации труда – в середине 50-х гг. XX в. – до составления действенных программ устранения ручного труда прошло 30–35 лет). Однако общая деформация политической системы нашего общества не могла не затронуть и социальное планирование.

Вместо планомерного регулирования социальных отношений имело место лишь плановое воздействие на материальное обеспе-

¹ Лаборатория социологии Пермского политехнического института совместно с Пермским телефонным заводом была в числе трех первых зачинателей социального планирования в СССР в начале-середине 60-х гг. Оценки деформации сути социального планирования были даны в свое время в ряде наших публикаций, исходивших от кафедры научного коммунизма и лаборатории социологии Пермского политехнического института. – Авторы.

чение внеэкономических процессов. Да и тут господствовал так называемый «остаточный принцип»: на материальное обеспечение внеэкономических сторон жизнедеятельности выделялись остатки от вложений в экономическую сферу. Планы, громко именуемые «социально-экономическими», и по содержанию, и по методам оставались и пока еще остаются на девять десятых экономическими. Лишь круг экономических показателей несколько расширился.

Сложность проблемы состоит, прежде всего, в том, что лишь малая толика конкретных методов экономического планирования имеет действительно всеобщее значение. В целом же переносить методы планирования экономики на планомерное регулирование развития культуры или на планомерное воздействие, на формирование условий социализации личности попросту невозможно. В этих отраслях жизнедеятельности совершенно иное конкретное соотношение субъективного и объективного, иное их содержание, иные свойства объективного и субъективного, а потому и система планомерного воздействия на их развитие должна быть качественно иной¹.

Чем дальше отстоит планомерно регулируемое отношение от элементарных форм своего материально-вещного обеспечения, тем более сложным и опосредованным становится планирующее воздействие на него и, тем самым, все более вариативными становятся сами возможные результаты планомерного воздействия. Трудности здесь усугубляются еще и тем, что здесь, как правило, ни сами планы, ни особенно их результаты никак не могут уложиться в традиционные для планирования экономики сроки в один год, пять лет и т.п. Даже пятнадцатилетние или двадцатилетние перспективные разработки в этих сферах далеко не вмещают решающих для них сдвигов, для которых «единицей» времени является смена поколений.

В области выработки методов и форм планомерного воздействия на межличностные отношения, культуру, социализацию личности, сознание и т.п. принятая в СССР система научного обоснования планомерности находится еще в самом начале пути. Заимствовать здесь

¹ Наиболее основательно соотношение экономического и социального планирования было рассмотрено в работе: Козлова Г.П. Вопросы соотношения экономического и социального планирования // Проблемы социального планирования: (Личность, группа, общество): сб. науч. тр. № 157 / Перм. политехн. ин-т. Пермь, 1974. С. 63–75. – Авторы.

особенно не у кого и нечего: в этом столь специфическом деле именно коллективистское общество призвано быть впереди.

Сложность проблемы состоит еще и в том, что именно в этих сферах возможные ошибки планомерного воздействия могут иметь в полном смысле трагические последствия. Сделанное в этих сферах, как правило, необратимо. Поэтому требования к научной обоснованности выбираемых вариантов планомерного воздействия здесь особенно велики, особенно жестки.

С другой стороны, отказаться от планомерного воздействия на все эти внеэкономические процессы невозможно: целиком стихийное развитие этих отношений в условиях общественных отношений нового типа может быть только тупиковым, составлявшим серьезную угрозу самому существованию человечества.

**«Эффект Мюнхаузена»
или проблема планомерности
будущего развития общества**

Среди рассказов о бароне Мюнхаузене есть и такой, где он сам себя за косицу выдергивает из болота... Общество, которое само себя познает, само себя планирует и само управляет своими собственными процессами – по характеру деятельности и ее эффекту – напоминает пресловутого барона... То, что барон с точки зрения механики на самом деле никуда бы себя не вытащил, это мы знаем. А общество?.. И вот здесь-то мы сталкиваемся с проблемой планомерности, имеющей и сегодня первостепенное значение, а для будущего человеческого общества – решающее.

Ситуация, образно названная нами «эффектом Мюнхаузена», безальтернативна: управление своим собственным развитием имеет решающее значение для сохранения существования общества, самосохранения человечества. При этом исходным пунктом процесса самовоздействия общества на собственное развитие является самопознание. Суть проблемы состоит прежде всего в том, способен ли субъект познания (человечество и человек) к самопознанию (не в отдельных моментах своего бытия, а системно – на уровне функционирования и смены формаций)? Парадоксальность этой проблемы в том, что она может (и должна) быть поставлена, и на нее

можно дать ответ в конкретных исторических границах и в конкретном историческом времени, но в принципе, в предельно общем виде она никогда не сможет быть решена окончательно.

На уровне философской абстракции мир в принципе познаваем без ограничений. Но в этой формуле обобщен (до абсолютного предела) субъект познания, да и само познание рассмотрено предельно абстрактно. Эта формула – скорее абстрактный объяснительный принцип, тогда как для практики нужно конкретное решение. Когда же налицо конкретная познавательная ситуация, положение существенно меняется: в данных конкретных условиях, при данном конкретном отправном уровне знания, при данных конкретных инструментах познания всегда существуют столь же конкретные (всегда относительные, но всегда наличествующие) границы познания. Проблема социального самопознания и есть такая конкретная проблема познания. Главная сложность здесь, во-первых, в том, что познает само себя субъективное, то есть нуждающееся в способности «посмотреть на себя со стороны», абстрагируясь от собственной субъективности; во-вторых, в том, что такой важный инструмент познания, как практический опыт, может оказаться в глобальных проблемах не обязательно полезным. Любой практический опыт (эксперимент) сколько-нибудь глобального масштаба необратим, т.е. фактически является не столько экспериментом, сколько в основе своей окончательным решением.

Хотя глобальный социальный эксперимент необратим, это не снимает возможности и целесообразности частных экспериментов: отказ от проверяемого частного варианта решения хотя и будет все равно иметь необратимые (для его участников) последствия, но для общества в целом эти последствия будут частичными. Любой же глобальный «эксперимент» фактически экспериментом уже не является: это – не эксперимент, а окончательное по своим последствиям решение, ибо след его, его последствия для истории уже не могут быть сняты, ибо исходное состояние вернуть невозможно.

Субъект познания в рассматриваемой нами ситуации отнюдь не абстрактен: это – конкретное человеческое общество планеты Земля, это – образующие его люди. Развернутое определение общества есть и определение его ограничений: субъекту познания свойственна че-

ловеческая субъективность, ему (обществу) свойственна противоречивая структура состава и противоречивая структура интересов, его самопознание вооружено теорией социального процесса, но основным инструментом является метод абстракции (чем «выше» уровень познаваемого явления социальной жизни, тем выше и абстракция), у него накоплен изрядный социальный опыт, но это – опыт прошлого, весьма ограниченно экстраполируемый в будущее (которое то и должно быть познанным)...

Налицо безусловно противоречивая ситуация, и самое время начать интенсивно искать (точнее, может быть, систематизировать, развивать) методы разрешения этого противоречия. Противоречие это отнюдь не абстрактно, и уже сегодня на уровне самой практической практики мы сталкиваемся с его проявлениями, с теми совершенно конкретными проблемами, перед которыми оно нас ставит¹.

Планомерность – это не только планирующие учреждения, история пятилеток – сейчас опыт планирования есть уже в большинстве стран земного шара и т.д., и т.п. Планомерность – серьезнейшая, имеющая в полном смысле критическое значение для существования человеческой цивилизации на Земле проблема. Человеческое общество, вступающее в новую эру своей истории – эру коллективистских отношений, – находится пока в самом начале и становления развитой, всесторонней планомерности. И каждый шаг в этом направлении открывает все новые и новые трудности и сложности. Совершенствование всегда трудно, но без совершенствования нет развития...

¹ Мы более обстоятельно писали об этой проблеме в нескольких прежних публикациях. См.: Файнбург З.И. К вопросу о планомерном управлении процессом социализации личности // Проблемы социального планирования: (Личность, группа, общество): сб. науч. тр. № 157 / Перм. политехн. ин-т. Пермь, 1974. С. 142–161; Файнбург З.И., Козлова Г.П. Взаимосвязь субъективного и объективного как условие эффективности хозяйственного механизма // XXVI съезд КПСС о нацеленности хозяйственного механизма на интенсификацию и повышение эффективности производства: тез. докл. и выступлен. на Всесоюз. науч.-практ. конф. Уфа, 1983. Ч. 1. С. 7–10; Файнбург З.И., Козлова Г.П. Вычленение объективного в субъективном как критический пункт прикладного социального познания // VIII Междунар. конгресс по логике, методологии и философии науки: тез. докл., Москва, 17–22 авг. 1987 г. М., 1987. Т. 5, ч. 2, секции 7–11. С. 463–465. – Авторы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: БЕСКОНЕЧНОСТЬ ИСТОРИИ...

Выше мы конспективно рассмотрели некоторые основные характеристики коллективистского общества на первой фазе его развития – фазе социализма. Хотя научное знание об обществе коллективистского типа существует уже не первый день, знанию этому еще очень далеко до необходимой полноты. Совершенствованию этого знания мешали, прежде всего, объективные причины, но и субъективных было предостаточно.

Наша работа не ставила своей задачей исчерпать проблематику коллективистского общества: мы будем удовлетворены тем, что нам удалось, как нам кажется, хотя бы некоторые из этих проблем поставить.

Мы заканчиваем свой анализ коллективистского общества попыткой некоторого взгляда в будущее.

Социализм сегодня вступил в полосу своего развития на собственной основе (хотя пока эта основа получилась отнюдь не лишенной перекосов и недоделок). Сегодня трехчленная формула познания сути коллективистского общества (она приведена нами выше) в качестве обязательной ступени требует критики социализма как первой фазы коллективистского общества с позиций развитого его состояния (т.е. с позиций высшей фазы коммунизма). Наши представления о развитом состоянии коллективистского общества пока еще весьма скромны и недостаточно последовательны в методологическом отношении. Сегодняшние наши возможности предвидения будущего коллективистских отношений объективно исторически ограничены, но все что можно тут сделать, не сползая на уровень утопии, должно быть сделано.

Следует специально подчеркнуть, что акцент в трактовке социализма как первой фазы коллективистского общества только как переходного состояния общества в принципе неверен. Он ошибочен не потому, что в социальных отношениях социализма нет переходных черт – они всегда в известной и значительной мере налицо.

Не стоит забывать, что какие-то элементы «переходности», «пограничности» свойственны любому отрезку истории: история никогда не стоит на месте. В условиях социализма их даже относительно больше, поскольку речь идет о начальном этапе развития общества нового типа. Но акцент на переходность неверен, поскольку он, прежде всего, не полон. Такая трактовка пытается обособить и абсолютизировать только одну сторону диалектического единства, тяготеет к тому, чтобы фактически оторвать характеристику исторического места социализма от общего хода истории.

Для анализа формационной динамики коллективистского общества очень важна проблема критериев развития. Новый тип общественных отношений, как мы полагаем, обуславливает и изменения в соотношении прежних критериев, и появление новых.

Капитализм, обусловив создание машинной техники, в принципе создал потенциальную основу полного экономического обеспечения жизнедеятельности человека в обществе, да и общественного развития в целом. Антагонистический характер решения капитализмом этой проблемы развития общества обстоятельно исследован в марксистской литературе. Коллективистское общество лишь доводит до конца решение экономической задачи общества, причем завершение этого процесса связано с новой промышленной революцией, создающей материально-техническую базу, в которой предельно последовательно должны быть воплощены прогрессивные принципы машинного производства.

С одной стороны, конечно, поэтому допустимо характеризовать переход к развитому коллективистскому обществу прежде всего как достижение определенного этапа экономического развития общества. Этот тезис недвусмысленно был сформулирован К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1-й главе «Немецкой идеологии». Однако специфика такой характеристики, при ее определенной обоснованности, состоит и в том, что будущее здесь характеризуется с точки зрения критериев уже осуществленного в прошлом развития общества. Поэтому, мы полагаем, что критерий этот необходим, но сам по себе явно недостаточен.

Применение абсолютизированной экономической шкалы исторического времени могло бы привести нас к весьма неожиданной для материалистической диалектики иллюзии полного социального финала: могло бы показаться, что развитое коммунистическое общество явится абсолютным завершением истории. Экономическая проблема – первая по очередности и важности историческая проблема существования и развития общества – могла бы показаться единственной генеральной проблемой. Развитое коллективистское общество выступило бы тогда перед нами в сияющем облике застывшего и неподвижного воплощенного идеала.

Налицо могло бы оказаться повторение все той же трагикомической гегелевской иллюзии истории: будто бы она, совершив полный цикл саморазвития, остановилась. Принципиальная разница выразилась бы только в том, что иллюзия завершения истории в новом варианте предусматривала бы всего лишь продвижение на несколько исторических ступеней дальше, чем это в свое время провозгласил Гегель.

С позиций общей марксистской методологии социального знания правомерно не наивно-утопическое предположение об «исчезновении истории», а осознание необходимости подъема этого знания на уровень новой парадигмы; осмысление с позиций этой парадигмы существенных изменений в критериях исторического развития, критериях его периодизации в новых условиях теперь уже коллективистского по своей природе общества.

Относительно этих новых критериев прежде всего может быть высказано предположение, непосредственно относящееся не столько к изменению самих критериев развития по их внутреннему содержанию, сколько к методологии фиксации социальных исторических изменений. Может быть сделано гипотетическое предположение, что в качестве эталонов социальных изменений в прошлом были приняты не столько более существенные, сколько более «грубые» изменения. По отношению к будущему, с точки зрения прежних эталонов развития и свойственных им масштабов социальных изменений, мы можем столкнуться то ли с иллюзией изменений крайне медленных и малосущественных, то ли с иллюзией измене-

ний в логарифмическом масштабе. Однако нельзя забывать, что критерии масштабности социальных изменений исторически подвижны и относительны. Попытки прямого применения масштабов изменений в прошлом к изменениям в будущем, скорее всего, могут оказаться несостоятельными, поскольку гипотетическое предположение о постепенном уменьшении масштаба исторических социальных изменений выглядит весьма уязвимо. В нем правомерно заподозрить наличие определенного привкуса механистической трактовки исторического изменения.

Более убедительной, на наш взгляд, выглядит гипотеза иного плана: о закономерном изменении не столько масштабов, сколько самого существа критериев периодизации истории, поскольку, в этих критериях прежде всего отражается изменение содержания и характера социального развития.

Автономность функционирования производительных сил общества (автономность средств производства в их действии) соответственно повлечет за собой в перспективе и определенную автономность отношений людей между собой по поводу производства. А поскольку эти отношения дают достаточный (не беспредельный, а строго направленный) простор развитию техники производства, то они приобретают известную стабильность при качественно возросшей относительной их независимости по отношению к изменениям самой техники.

Неизбежно должно качественно возрасти значение изменений и в других, не экономических, сферах общественной жизни. Поскольку при этом экономический «фундамент» жизнедеятельности общества, во-первых, будет стабильно существовать, во-вторых, будет существовать в принципе на уровне максимально оптимизированного удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей, постольку общественный человек в своих целях и ценностях центр своего внимания в своей социальной практике будет переносить с непосредственно экономических сторон жизнедеятельности на другие, внеэкономические (социальную организацию, культуру и т.п.) ее стороны.

Экономические отношения в развитом коллективистском обществе безусловно и безоговорочно останутся базисными для всей системы общественных отношений. Однако базисность каких-то отношений не обязательно означает, что только прямое изменение самих базисных отношений может быть непосредственным исходным пунктом изменения других общественных отношений. Общественные отношения структурированы и иерархизированы по многим сферам и уровням, каждая их сфера обладает относительной самостоятельностью, а эпицентр реального изменения общества как целостной системы, эпицентр реального конкретного исторического развития может, скорее всего, последовательно перемещаться по всей этой «многослойной» системе, каждый раз лишь отправляясь от совершенно определенного состояния базисных отношений.

Можно сказать, что выполнение экономическими отношениями своей базисной роли в новых условиях будет связано с относительно возросшей подвижностью других, внеэкономических социальных отношений. При этом детерминация, в конечном счете, этих внеэкономических отношений экономическим базисом остается, однако конкретно-историческая форма этой детерминации, очевидно, должна будет измениться, станет более сложной, более опосредованной. Общий динамизм социальной жизни от этого отнюдь не снизится, ибо изменения могут относиться к структурным характеристикам и к конкретным формам этого динамизма, но отнюдь не к самому его наличию.

В основе развития общества, в основе развития материального производства лежат человеческие потребности, человеческие интересы. Если достигнуто изобилие основных материальных благ, реализуемое в условиях доминирования непосредственного обобществления производственного аппарата, то вполне правомерно предположить, что какие-либо (даже относительно существенные) сдвиги в естественнонаучной и технической стороне производства будут не в состоянии радикально изменить общую социальную форму самого по себе коллективистского производства. Эпицентр потребностей общественного человека неизбежно должен будет тогда переместиться из сферы обеспечения условий существования

человека (т.е. обеспечения потребностей в еде, жилище, одежде и т.п.) в сферу обеспечения условий самореализации личности.

Следовательно, можно предположить, что:

(а) будет изменяться содержание, направленность общественного развития, поскольку оно теперь будет ориентировано уже не столько на оптимизацию условий существования, сколько во все возрастающей степени на оптимизацию условий самореализации личности в обществе;

(б) будет изменяться эпицентр человеческих интересов, эпицентр целенаправленной деятельности общественного человека в его роли субъекта исторического процесса социального развития;

(в) будут изменяться объективные критерии разграничения эпох, этапов, периодов, ступеней, фаз социального развития коллективистских отношений;

(г) будет получено адекватное отражение предполагаемых изменений объективных критериев членения человеческой истории в научном социальном знании: в частности, в первую очередь существенно усовершенствуется за счет элементов нового содержания сама теория социально-экономической формации, имеющая фундаментальное значение в диалектико-материалистической философии истории.

К. Маркс и Ф. Энгельс чаще всего используют понятие формация, акцентируя ее свойства в качестве социально-экономического феномена. Понятие формации они, конечно, не сводят к характеристике способа производства, но тяготеют именно к анализу экономических отношений в системе формации. Этот их подход основывался на том, что базисные экономические отношения на первом крупном витке исторической спирали достаточно полно характеризовали историческую специфику той или иной формации. Экономические свойства формации не исчерпывали ее типологических характеристик, но они давали возможность установить главное. Подход, раскрывавший состояние и динамику экономического базиса, позволял уверенно характеризовать фазы, ступени, периоды, эпохи формационного развития. В конце жизни Ф. Энгельс все же отметил, что в его и К. Маркса работах им надо было бы полнее

показать роль в формационном развитии надстроечных институтов и культуры, но эта известная односторонность имела свои объективные причины.

В настоящее время, скорее всего, еще преждевременно искать сколько-нибудь окончательного решения проблемы будущего членения истории. Однако уже налицо объективные предпосылки того, чтобы эта проблема была поставлена (что мы в нашем исследовании и пытаемся сделать хотя бы в первом приближении), поскольку в условиях современных совершенствующихся коллективистских отношений управление процессом развития этих отношений уже требует каких-то достаточно определенных представлений о зрелых (развитых, высших) формах коллективистских отношений, которые сложатся в будущем.

Выделение социализма в качестве самостоятельной фазы коллективистских отношений было невозможно без прямой опоры на экономические критерии. Последующее же членение того, что мы сегодня называем обобщенно «высшей фазой коммунизма», будет, возможно, осуществляться уже по иным, более «высоким» в общепросторическом смысле критериям. Определение высшей фазы коммунизма только как эпохи творческого труда, материального изобилия, непосредственного обобществления и всестороннего развития личности – само по себе, безусловно, верное – уже сегодня не исчерпывает наших представлений о богатстве сторон развития общества в ходе его уходящей в будущее истории.

Для более совершенных форм человеческого существования будут объективно возникать какие-то новые, более сложные и более развитые градации членения исторического процесса, какие-то новые критерии измерения и оценки изменений общества и человека.

ДОПОЛНЕНИЯ

К ОСНОВНОМУ ТЕКСТУ РУКОПИСИ 1988 Г.

ОСНОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАНИЯ И ОБЪЕМА РУКОПИСИ

Выше мы уже писали, что в процессе почти пятилетнего написания, редактирования, согласования с предполагаемыми издательствами рукописи книги «Коллективистское общество», ее содержание менялось как по объему, так и по структуре¹.

Заметим, что сложившаяся в головах авторов логически стройная структура описания интересующей их проблемы – становления и развития коллективистского общества – требовала наличия примерно 10–12 крупных глав (очерков, разделов), а также солидных по объему и глубине содержания введения и заключения. Все это «тянуло» на 15 п.л. минимум. Однако в то время существовало установленное сверху обязательное ограничение объема подобного рода публикаций – максимум 10 п.л.

Поэтому первоначальная структура в 10 глав, введения и заключения² сначала была трансформирована в структуру из 8 глав и введения, а заключение формально исчезло, полностью переместившись в заключительную – 8-ю главу³:

«ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПОИСКИ ИСТИНЫ

- 1.1. Реальность фантазии или насколько утопичны утопии?
- 1.2. Решающий шаг: от предпочтительного к закономерному.
- 1.3. Классика – концепция или цитата?
- 1.4. Новая практика жизни – новая парадигма науки.
- 1.5. Современность и повседневность: задачи...
- 1.6. ...и трудности их решения.

¹ Вдумчивый читатель может увидеть динамику мысли и трансформацию структуры изложения по материалам планов-проспектов, приведенных в приложениях. – Издатель.

² См. Приложение 5 настоящего издания. – Издатель.

³ Здесь из оригинала убраны сноски и примечания, вынесенные отдельно по каждой главе, ибо таково было общепринятое требование редакций для удобства работы. – Издатель.

ПРИЛОЖЕНИЕ к ГЛАВЕ I: Ф. Энгельс об искажениях подлинного марксизма людьми, в той или иной мере считающих себя марксистами.

ГЛАВА II. НЕОБРАТИМОСТЬ ИСТОРИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

- 2.1. Материалистическое понимание истории.
- 2.2. Направленность истории и проблема прогресса.
- 2.3. Главная детерминанта необходимости социализма.
- 2.4. От абстрактной неизбежности к конкретной революции.

ГЛАВА III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КАК РЕШЕНИЕ И КАК ПРОБЛЕМА

- 3.1. Революция или реформа?
- 3.2. «Слабое звено» и будущее реального социализма...
- 3.3. Первоначально в одной стране...
- 3.4. Отрицание – но преемственность; преемственность – но отрицание.
- 3.5. Начало начал...
- 3.6. Объяснительный принцип: от теории к истории.

ГЛАВА IV. ГЛАВНОЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ, ОСНОВНОЕ.

- 4.1. Определяющий (объяснительный) принцип и определяющее отношение.
- 4.2. Всеобщая история и историзм основного отношения формации.
- 4.3. От всеобщей антагонистичности к историческому отрицанию антагонизмов...
- 4.4. Коллективность или просто совместность?
- 4.5. Соревновательность или конкуренция?
- 4.6. Коллективность как она есть: признаки, свойства, структура.
- 4.7. Уровни коллективности: определяющее отношение и система жизнедеятельности в обществе.
- 4.8. Определяющее отношение как определяющее (основное) противоречие.

ГЛАВА V. ОБЩЕСТВО, КОТОРОЕ САМО СЕБЯ ПЛАНИРУЕТ

- 5.1. Планомерность – способ движения коллективности.
- 5.2. Что такое «правильное» и «неправильное» планирование?
- 5.3. Эффект опережения производственных отношений по отношению к производительным силам.
- 5.4. Планомерность совокупной жизнедеятельности: формы и границы.
- 5.5. «Эффект Мюнхаузена» или проблема планомерности будущего развития общества.

ГЛАВА VI. ОБЩЕСТВО – ЭТО ТРУД...

- 6.1. Развитие труда как основа человеческой истории.

- 6.2. Становление нового исторического типа труда – становление коллективистского общества.
- 6.3. От труда репродуктивного к труду творческому.
- 6.4. Это такое «эффективный труд»?
- 6.5. Воспитание трудом и для труда: обогащение личности или ее обеднение?
- 6.6. Цивилизация труда или «цивилизация досуга»?

ГЛАВА VII. КОЛЛЕКТИВНОСТЬ И СВОБОДНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

- 7.1. Личность в обществе и общество в личности: единство и противостояние.
- 7.2. Индивид и история: историческая детерминированность становления свободной индивидуальности.
- 7.3. Кто, от чего и для чего свободен в обществе?
- 7.4. Индивидуальность личности и принцип социального равенства: единство и противоречие.
- 7.5. Человеческая общность и человеческое общение: альтернативы необходимости и потребности.
- 7.6. Производство для человека и производство самого человека: диалектика связи и противостояния.

ГЛАВА VIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ. БЕСКОНЕЧНОСТЬ ИСТОРИИ

- 8.1. Социализм и коммунизм: ступени развивающейся формации. Промышленная, экономическая и социальная революции как шаги истории со ступени на ступень.
- 8.2. Что мы можем знать о развитом коммунизме?
- 8.3. История как решение и история как проблема. Может ли история получить окончательное завершение?

Но и этого сокращения оказывается мало. Сохранился листок, на котором рукой Захара Ильича набросана оценка возможного объема всей рукописи, исходя из объема уже написанного. (В оглавлении карандашом были расставлены страницы первых пяти глав, что дало 302 страниц.). Основной столбик гласит: 7 – Заголовки и оглавление; 9 – Введение; 37 – I глава; 39 – II глава; 41 – III глава; 83 – IV глава; 32 – V глава; 53 – VI глава; = 301 стр. Ниже и справа дописан другой столбик, озаглавленный «Предположительно» – VII глава – 40; VIII глава – 40; библиографические сноски, примечания, Карл Маркс об апологетике – 20; = 100. Ниже проведена черта и написано: хорошо бы 400 стр. (min = 300 стр.). 15 печ. л. = 24 x 15 = 360 стр.

Из этой оценки хорошо видно, что выполнение требований издательств об объеме рукописи в 10 п.л. (240 страниц) означал сокращение нормальной рукописи практически в 1,5 – 2 раза. Кроме того, несложно усмотреть, что при нормальном объеме в 35–40 страниц на главку, IV и VI главы оказываются перегруженными.

В итоге авторы останавливаются на следующем¹ – основных глав будет шесть, а завершится все это фактической главой «Вместо заключения: бесконечность истории». При этом в главе II появляется новый важный параграф: 2.3. Методология формационного анализа социализма: общие принципы научного подхода к явлению, а глава VI. ОБЩЕСТВО – ЭТО ТРУД... и глава VII. КОЛЛЕКТИВНОСТЬ И СВОБОДНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ формально исчезают.

Однако в книге появляется новая ГЛАВА VI. КОЛЛЕКТИВИСТСКАЯ КУЛЬТУРА И КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ:

- 6.1. Несколько общих характеристик понятия «культура».
- 6.2. Культура эксплуататорских формаций как индивидуалистская культура.
- 6.3. «Массовая культура» и «воспроизводственная жизнь» как продукты индивидуалистического общества.
- 6.4. Становление социалистической культуры – наполнение культуры коллективистским содержанием.
- 6.5. Реальная культура реального социализма.
- 6.6. Тенденции развития коллективистской культуры.
- 6.7. Исторический тип культуры и человек социалистического сознания.
- 6.8. Реальное социальное самосознание в реальном социалистическом обществе и тенденции его развития.

Но и этого сокращения оказалось мало, и написанными параграфами 6.7 и 6.8 при отправке рукописи в издательство «Авотс» пришлось пожертвовать из-за «перебора» требуемого объема.

И, наконец, при окончательной подготовке рукописи в издательство Саратовского университета² пришлось, к сожалению, пожертвовать всей главой VI о культуре и приложением к главе I о мнении Ф. Энгельса об искажениях марксизма.

Ниже мы приводим их в полном объеме.

¹ Именно так и была подготовлена рукопись для издательства «Авотс». – Издатель.

² Именно она и была выбрана нами для настоящего мемориального издания. – Издатель.

Глава VI. КОЛЛЕКТИВИСТСКАЯ КУЛЬТУРА И КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ

Подход к культуре с точки зрения ее формационной детерминированности (что и выражено в том числе в противостоянии понятий «индивидуалистическая культура» и «коллективистская культура») не получил еще достаточно полного развития. Слишком часто анализ формационных особенностей культуры подменяется публицистическим описанием каких-то отдельных конкретных форм культуры или столь же несистемной (а потому и не всегда убедительной) критикой этих отдельных форм и проявлений культуры.

Вместе с тем в последние два-три десятилетия марксистская философская литература сравнительно успешно разрабатывала проблему духовного производства культуры¹, исторической специфики тех или иных форм общественного сознания и самосознания².

Характеристика коммунистической формации была бы принципиально неполной, если бы мы не выделили бы (хотя бы кратко и неполно) некоторые основные характеристики свойственных ей культуры и сознания. По своему существу это и есть сопоставительный анализ индивидуалистической и коллективистской культуры, индивидуалистического и коллективистского сознания.

Несколько общих характеристик понятия «культура»

Как и всякое сложное синтетическое социальное явление, понятие культуры очень трудно определить кратко, почти афористично. Определение понятия культуры должно: (а) показать единство и различие понятий культуры и общества; (б) специфичность культуры как только социального, только человеческого способа деятельности; (в) специфичность культуры в системе общественных явлений, ее роль во взаимодействии элементов общественной

¹ В 60–80-х гг. [XX в.] по проблеме духовного производства и культуры были опубликованы работы Б.И. Шенкмана, Э.С. Маркаряна, Е.М. Штаерман, Н.С. Злобина, М.Б. Туровского, Л.Н. Когана, Э.В. Соколова, М.М. Субботина, З.И. Файнбурга, В.И. Толстых, Р.В. Седова, В.М. Межуева, М.С. Кагана, В.Ж. Келле, А.А. Зворыкина, В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова, А.Я. Гуревича, Э.А. Баллера, С.Н. Артановского, С.Н. Иконниковой, А.И. Арнольдова, Е.Я. Режабека и др. – Авторы.

² См. работы В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона, Э.В. Ильенкова, А.Г. Спиркина, А.К. Уледова. – Авторы.

жизни; (г) единство духовной и материальной сторон человеческой деятельности, воплощаемое в феноменах культуры; (д) историчность явлений и форм культуры, развитие которой тесно взаимосвязано с развитием материального производства, развитием базисных отношений в обществе, развитием общества как целого.

В структуре каждого общественного явления, каждой формы социальной деятельности присутствуют: (а) предметное содержание деятельности, (б) характер социальных связей в процессе деятельности или ее организации, (в) «технологическая» характеристика деятельности как процесса или культуры, предопределившей способ деятельности. В другом аспекте членения общества культура может быть рассмотрена и в качестве своеобразной сферы общественных отношений – в качестве сферы духовной деятельности, охватывающей систему знания в ее конкретно-исторической форме, весь формально-процедурный аспект человеческой деятельности, образ жизни людей и их системы ценностей, все отношения эстетической деятельности и т.п.

Ограничимся в связи с этим лишь несколькими аспектами характеристики понятия культуры, поскольку именно эти аспекты наиболее прямо связаны с общей проблематикой нашего исследования. Отметим, что понятие культура характеризует, во-первых, функциональный аспект человеческой деятельности, специфику собственно человеческого (социального) функционирования по отношению к природе, а, во-вторых, то, как собственно человеческий, собственно социальный способ функционирования культуры характеризуется обязательным присутствием творческого начала. Каждый феномен культуры зарождался в процессе творчества, хотя его последующее существование неизбежно связано уже с формами репродуцирующей деятельности, со стереотипами и т.п. Поэтому труд в общеисторическом смысле (как обобщенная характеристика взаимодействия человека и природы) представляет собой творческую по самой своей конечной сути деятельность. В-третьих, своеобразным пробным камнем и одновременно эпицентром каждого типа культуры является способ хранения, передачи и переработки знания в обществе, сам уровень этого знания и его методология, степень и характер его распространения в обществе, взаимо-

связь способа функционирования знания в обществе и его социальной структуры. В-четвертых, хотя все внешние формы, связанные с данной конкретной культурой, и её частные стороны чрезвычайно вариативны в зависимости от множества самых разнообразных факторов (региональный и этнический аспект культуры), однако в основе каждого исторического типа культуры лежат весьма ограниченные и лаконичные формулы взаимоотношения социальных общностей (в частности, на соответствующем отрезке истории - классов) и индивидов в данном обществе. Содержание каждого данного исторического типа культуры, ее видов и форм, в конечном счете, всегда определяется характером данных конкретно-исторических общественных отношений, сколь бы сложным и опосредованным не был процесс обусловливания и какие бы региональные и этнические наслоения не наложили свои отпечатки на внешние формы данной культуры.

Исследование исторической детерминации культуры и соответствующего ей сознания – самый сложный компонент материалистического понимания истории.

Культура эксплуататорских формаций как индивидуалистическая культура

Общественно разделенный труд детерминирует самые общие (самые абстрактные, глубинные и фундаментальные) черты культуры эпохи классовых антагонистических формаций. При всех региональных, этнических, историко-хронологических и т.п. различиях здесь прослеживаются совершенно очевидные и ясные общие черты, причем, прежде всего, относящиеся к взаимоотношениям личности и общества, личности и личности.

Для этой эпохи характерны в качестве определяющего принципа культуры не самоценность личности, не самоцельность ее деятельности (т.е. проявления ее сущностных свойств), а стремящаяся к абсолютизации функциональность ее социального положения, ее социальных ролей, ее деятельности. Человек выступает в общественном процессе как его средство, является объектом исторического социального процесса, не будучи еще в состоянии выступать в полной мере его субъектом. Человек еще не в состоянии

ни адекватно познать социальный процесс как целое, ни адекватно научно осознать и оценить свое место в этом процессе, ни управлять им.

Идеологическим эквивалентом такого рода функциональности личности в социальном процессе и соответственного характера ее связи с обществом является система религиозных или религиозно-подобных по своей природе представлений индивида о себе и об обществе. Этот исторический тип сознания проходит длительный путь развития и его конечные (для капитализма) формы существенно отличаются от исходных. Однако налицо и общие, причем главные, типологические свойства такого типа сознания.

В условиях буржуазного общества главным критерием социального положения индивида является его отношение к средствам производства, его положение относительно материального мира вещей. Отсюда вытекает известное положение К. Маркса о стоимости как наиболее общем и абстрактном выражении сущности буржуазного общества, ибо стоимость – обобщенное и всеобщее (а потому и абстрактное) выражение вещной оболочки отношений между людьми. Процесс труда в буржуазном обществе выделен из остальных типов человеческой деятельности и противостоит им, причем противостоит во всех аспектах социальных отношений, в том числе и в качестве основания для формирования систем ценностных ориентации у представителей различных социальных групп, в качестве основания для формирования типа и структуры культуры и сознания как общества в целом, так и образующих его социальных классов, слоев, групп.

Закономерным следствием этого характера буржуазных социальных отношений является то, что можно было бы назвать гипертрофированной функционализацией всех элементов культуры, преобладание прагматизации основных культурных навыков – преобладание критериев эквивалентности во всех главных взаимных связях между людьми (критерий эквивалентности в превращенной форме воспроизводит один из главных принципов товарного обмена), приоритет ценностей, имеющих вещную форму, вещную оболочку над так называемыми «духовными» ценностями и т.п.

Для этого периода истории общества материальный интерес вполне закономерно выступает в качестве вершины пирамиды человеческих интересов (в соответственно институционализированной форме). То, что (в нестрогой, образной форме) мы называем «духовной» стороной культуры, в известном смысле все еще второстепенно для этого этапа общественного развития. В лучшем случае такого рода «духовность» здесь инструментальна. Природа главных, предопределяющих основные стороны практической повседневной деятельности мотивов, в конечном счете, лежит в буржуазном обществе еще по ту сторону этой «духовности»¹.

Для буржуазного общества соответственно этой взаимосвязи между социальными отношениями и сторонами культуры характерна резкая дифференциация «уровней» и «типов» культуры в зависимости от принадлежности к той или иной социально-экономической группе общества, антагонизм компонентов культуры (норм, ценностных ориентаций и т.п.) основных социальных классов, отражающий антагонизм классовых отношений в социально-экономической сфере. Господствующий класс – буржуазия – стремится навязать свои культурные нормы и ценности другим классам и социальным слоям общества. Дифференцированность культуры в зависимости от принадлежности к той или иной социально-экономической группе, отражает реализацию индивидуалистической природы общества в сфере духовного производства, ведет в культуре к поляризации культур «элит» и «масс», что, в конечном счете, отражает противостояние индивидов и классов в социально-экономических отношениях. При этом, однако, надо оговориться, что сами критерии «элитарности» здесь практически никак не определены, и даже во многом плюралистичны, так как главные из них, в конечном счете, тяготеют к внекультурному феномену: отношению данной социальной группы или данного индивида к вещному миру общественного богатства.

Восприятие человека в системе буржуазной культуры в качестве лишь функционального элемента, в качестве средства, служит,

¹ «...Даже высшие виды духовного производства получают признание и становятся извинительными в глазах буржуа только благодаря тому, что их изображают и ложно истолковывают как прямых производителей материального богатства» Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 1. С. 282. – Авторы.

как показал К. Маркс, непосредственной предпосылкой для существования в качестве культурного феномена буржуазного общества эффекта «воспроизводственной жизни». Воспроизводство человека и условий его жизни не только реально осуществляется здесь как воспроизводство функционального элемента материального производства – рабочей силы, но и вся жизнедеятельность человека в системе культурных норм рассматривается преимущественно в плане осуществления им своей функциональной роли в системе общественного производства¹. Функциональность играет роль определяющего критерия относительно развития тех или иных качеств у индивида, служит основанием для выработки норм поведения, фактически делающих иллюзорной и формальной возможность свободного самоопределения личности.

«Массовая культура» и «воспроизводственная жизнь» как продукты индивидуалистического общества

В этой исторической ситуации (капитализма) оба основных социальных класса оказываются в известном смысле культурно ущербными.

Для одного – эксплуатируемого – восприятие всего богатства духовной культуры во многом предопределено лишь в качестве вспомогательного, функционального момента для восстановления физических сил, для воспроизводства своей рабочей силы для её реализации во все новых и новых циклах труда. «Духовная» сторона культуры вынуждено выступает для работника, прежде всего, как форма досуга, как что-то второстепенное, если не третьестепенное. Усложнение элементов «духовной» стороны культуры принципиально тормозится тенденцией к прикладному и узко функциональному ее восприятию и не может быть эффективным. Наоборот, в «воспроизводственной жизни» наиболее рациональным становится низведение культуры до ее самых элементарных, почти физиологических форм. Это и находит в известной мере свое

¹ «...Он обладает существованием не как человек, а как рабочий. Потребности рабочего превращаются для нее [речь идет о буржуазной политической экономии – Авторы] только в потребность содержать его во время работы... В силу этого заработная плата имеет совершенно тот же смысл, как и содержание, сохранение в исправности любого другого производственного инструмента...». Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 573–574. – Авторы.

конкретное воплощение в так называемой «массовой культуре» буржуазного общества.

Развлекательная, узко функциональная «массовая культура» оказывается в буржуазном бытии воплощением духовных потребностей в равной мере, как низведенных до нее своим отчужденным трудом эксплуатируемых, так и буржуа, низведенных до нее фетишизацией мира неодушевленных вещей, возведением предметного мира богатства в ранг самоцели и высшей жизненной ценности. Сам же механизм «массовой культуры» используется буржуазией для решения своих идеологических задач.

Для другого социального класса – эксплуататоров – духовная сторона культуры также оказывается осмысленной прежде всего с точки зрения практического функционирования капитала. И здесь, в свою очередь, налицо оказываются две крайности в метаморфозах духовной культуры. У собственно функционирующих буржуа она невольно трансформируется в нечто второстепенное по сравнению с главной функциональной для данного социального класса целью: стремлением к увеличению вещественного богатства в его капиталистической форме. Это находит свое отражение в культурных ценностях в виде поклонения безудержному стяжательству, «золотому тельцу». У выразителей же и творцов буржуазного мировоззрения – его идеологов и теоретиков – духовное содержание культуры в какой-то мере становится самоцелью, изыском «чистой» мысли, где релятивны и форма, и содержание, релятивны и все границы, и все критерии. Отделяемая от социальной практики и противопоставляемая ей «духовность» служит здесь средством утверждения своей выделенности, своей иллюзорной независимости, надклассовости, «чистой свободы».

Утонченность форм и средств «духовной» стороны так называемой «элитарной культуры» у буржуазной интеллигенции не так уж редко также оказывается иллюзорной. Эта псевдоэлитарная культура зачастую оказывается лишенной в ее реальном внутреннем содержании существенного смысла, лишенной зачастую связи с главными сторонами реальной жизнедеятельности общества, с трудом как основой человеческого существования. Кажущееся противостояние так называемой «массовой культуры» буржуазного общества и его же

«элитарной культуры» оказывается в чем-то весьма существенном ложным. Налицо не столько противостояние различных по уровню двух культур («низкой» массовой и «высокой» элитарной), сколько органическое сосуществование двух разных форм низведения на второстепенные роли духовности человеческого бытия, двух равнозначных форм подчинения человеческого духовности – либо биологическому началу, либо грубой предметной функциональности.

Понятие «воспроизводственной жизни» неправомерно, по нашему мнению, относить к условиям жизни и типу культуры только рабочего класса. Как подчеркивает К. Маркс, и буржуа воспроизводится прежде всего не как сама по себе личность, но как персонификация капитала. Конкретное содержание понятия «воспроизводственной жизни», конечно, существенно различно по отношению к рабочему или к капиталисту, но в буржуазном обществе тип жизни всякого индивида и воспроизводство его жизни осуществляются в принципе по всеобщей формуле абсолютизируемой функциональности – формуле «воспроизводственной жизни».

«Воспроизводственная жизнь», как типологическая характеристика культуры, обуславливает в буржуазном обществе предпочтительность частичности каждого отдельного индивида, какова бы ни была его социально-экономическая и профессиональная принадлежность. Социальное положение и буржуа, и интеллигента, и рабочего предполагают определенную их односторонность, частичность в причастности ко всей полноте содержания общественной жизни. Не столько узость самой по себе профессионализации, сколько относительная узость социальной функции и норм культуры каждой из основных социально-экономических групп обуславливают эту частичность. С одной стороны, налицо объективные препятствия всестороннему развитию личности (особенно по отношению к трудящимся элементам общества), но с другой, – сама социальная система с её культурой, с её критериями жизненного успеха ни в коей мере не требует этой всесторонности.

Надо специально отметить, что профессионализация в какой-либо из отраслей собственно духовной культуры сама по себе еще не означает всестороннего развития, даже если необходимый круг знаний по данной профессии относительно широк. Всестороннее

развитие – это не только формально усвоенное знание, но и реально применяемое знание, необходимо охватывающее весь диапазон жизнедеятельности. Первым необходимым условием всестороннего развития является соответствующий тип жизнедеятельности, при котором сама активная жизнедеятельность в принципе универсальна, причем эта универсальность является социальной и культурной нормой. Универсальность знания возникает в социальном процессе как следствие объективно универсальной жизнедеятельности лишь в условиях коллективности. Всестороннее развитие является поэтому свойством не обособленного индивида или какой-либо локальной группы в любом обществе, а общесоциальной исторической закономерностью коллективистского общества, общесоциальной и культурной нормой лишь на определенной ступени развития общества. Такого рода всестороннее развитие в принципе несовместимо с буржуазной культурой и буржуазным обществом, о какой бы его социальной группе не шла речь.

Вещественная форма общественных связей, вещественное воплощение общественного богатства – так называемая «власть вещей», «власть денег» – обуславливают в буржуазном обществе перенесение свойств денежного эквивалента, критериев товарного обмена, ценностей мира вещественного богатства на восприятие вообще всех явлений общественной жизни, на общую систему жизненных ценностей, на общую иерархию оценки достоинств окружающего мира¹. В системе отношений культуры возникает в качестве нормативного феномена прагматическая оценка деятельности по критериям стоимостной эквивалентности, вещная, предметная оценка всякого результата деятельности². Цель деятельности тем самым вынесена за пределы самой деятельности и воплощается в каком-либо самостоятельно функционирующем, отчужденном предметном результате.

¹ «... Консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещьную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов во всем предшествующем историческом развитии». Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Вопросы философии. 1965. № 10. С. 96. – Авторы.

² «... На место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания». Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 592. – Авторы.

И вот уже не сама по себе молитва вдохновляет молящегося, а стремление получить что-либо взамен своего благочестия; не сама по себе помощь страждущим вдохновляет филантропа, а стремление замолить грехи перед Всевышним или заслужить благоприятную репутацию в глазах окружающих; не сам по себе предмет нужен для удовлетворения той или иной реальной потребности, а его наличие служит признаком респектабельности, признаком какой-либо преимущественной статусной принадлежности. Цель действия здесь лежит за пределами содержания самого действия.

Деятельность в любой сфере человеческих отношений осуществляется здесь по критериям эквивалентного обмена товарами, в роли которых в своеобразных превращенных формах выступают и чувства, и идеи, и предпочтения, и поступки¹. Такого рода содержательный аспект культуры мы называем «культурой эквивалентных отношений». Это, несомненно, одна из главных и существенных типологических характеристик буржуазной индивидуалистической культуры и индивидуалистического общества.

Социалистическая революция, открывая процесс становления непосредственно обобщественного труда, создает (в принципе) социальные предпосылки для постепенного изживания явлений «воспроизводственной жизни» и «культуры эквивалентных отношений». Однако это – лишь начало постепенного процесса, внутренней перестройки тех аспектов культуры, где она непосредственно обуславливается функциональным содержанием и социальным характером труда, степенью развитости способа материального производства.

Становление социалистической культуры – наполнение культуры коллективистским содержанием

Становление социалистической культуры – длительный, сложный и противоречивый процесс. Его предпосылкой (и вместе с тем

¹ «...Экономить ты должен не только на твоих непосредственных чувственных потребностях, на еде и прочем, но и на участии в общих интересах, на сострадании, доверии и т.д.; во всем этом ты должен проявлять максимальную бережливость, если ты ... не хочешь погибнуть от своих иллюзий. Все, что у тебя есть, ты должен пускать в продажу, т.е. извлекать из этого пользу...». Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 603. – Авторы.

в известном смысле и его результатом) является развитие материального производства. Процесс развития функциональной стороны труда, развития его как системы социальных связей и отношений в ходе промышленной революции в социалистическом обществе есть вместе тем предпосылка и основание процесса трансформации и развития культуры и с ее сущностной стороны, и со стороны ее институциональных форм. Общество развивается как целостность в единстве его содержательной, организационной и культурной сторон. При всей относительной самостоятельности культурного аспекта социальных отношений, все же он – лишь определённый сторона, определённый элемент социального целого.

Изменение положения и роли человека в общественном труде, изменение его места и роли в социально-экономических отношениях, наконец, изменения в характере мотивации труда образуют в совокупности исходный пункт длительного процесса общего изменения типа культуры в социалистическом обществе, постепенного стирания дифференциации культуры в зависимости от социально-экономической дифференциации, постепенного снятия ее дифференцированности, обусловленной генетической неоднородностью исходных форм культуры.

Безусловный и реальный приоритет воспроизводства человека как целостной личности, когда его воспроизводство в качестве работника выступает, в конечном счете, как производное, как частный момент его воспроизводства как целостной личности, утверждается в ходе исторического процесса постепенного становления социалистической культуры на основе активных предпосылок, созданных социалистической революцией и развиваемых вместе с общим прогрессом социалистических отношений в целом. От зарождения до реального практического преобладания этого ведущего принципа социалистической культуры пролегает целая эпоха. Только в условиях сложившегося в основных чертах и развивающегося социалистического общества со всеми его атрибутами в области материального производства, производственных отношений и т.п. может быть реально осуществлено доминирование принципа непосредственного воспроизводства человека как целостной личности.

Очевидно, правомерно предположить, что в условиях развитой автоматической системы производства и полностью развитого непосредственного обобществления непосредственное воспроизводство человека как целостной личности не только будет, как сейчас, доминантным (т.е. внутренне еще противоречиво совмещающимся с непосредственной установкой на его воспроизводство в качестве рабочей силы), но станет уже и безраздельно господствующим. Воспроизводство же его как работника будет выступать только и исключительно производным от его воспроизводства как личности. Становление именно такого соотношения между ними как раз и является преобладающей тенденцией в развитии социалистического общества в целом и социалистической культуры в частности под воздействием научно-технической революции.

Даже в исходном пункте своего развития новая мотивация труда уже требует, хотя бы в какой-то минимальной степени, относительно более высокого уровня осознания индивидом своей общественной функции, заключенной в его участии в общественном труде, осознания взаимосвязи своего индивидуального существования и общественного процесса, своей включенности в общесоциальный процесс и своей активной роли в нем. Понятие частной собственности, личного блага для своего практического усвоения не требует теоретического сознания. Оно целиком может быть освоено на уровне обыденного сознания. Другое дело – понятие общественной собственности, общественного интереса, общественного блага: даже самое элементарное представление о них требует элементов хотя бы неразвитого, хотя бы самого простого теоретического сознания, на котором только и может эффективно базироваться гласность и информированность. Без относительно высокого уровня знания у индивида не могут сложиться достаточно зрелые, достаточно развитые представления о своем месте и о своей роли в общественном процессе, осуществляющемся на базе коллективного труда, о самих законах этого труда.

В условиях капитализма социально-необходимое (с точки зрения капиталистических общественных отношений) образование не выходит в принципе за пределы производственно-необходимого. Это – од-

на из форм закрепления в сфере духовного производства порабощения человека труда общественными условиями производства.

В условиях же социализма высокий уровень (универсального по своему типу) общественно-необходимого образования выступает, напротив, необходимой и закономерной предпосылкой формирования и реализации новых, порождаемых социализмом форм побуждения к труду, предпосылкой реализации потенциальных исторических преимуществ человеческого фактора в обеспечении эффективности общественного труда. Общественно-необходимое образование здесь в известном смысле приоритетно перед общественно-необходимым, каковы бы ни были конкретные требования к нему по данной профессии или на данном рабочем месте. Каким бы ни был – низким или высоким – уровень производственно-необходимого образования, предопределяемый функциональным содержанием труда, социальный характер труда, свойственный социалистическому обществу, в принципе требует максимально высокого общественно-необходимого (социально-необходимого) образования. Участие в труде тут с порога задано как деятельность непосредственно-общественная. Все это в совокупности предопределяет роль и направленность знания как одного из базовых свойств типа культуры и ее характера.

Реальная культура реального социализма

Поскольку в условиях социализма элементы старого разделения труда (обуславливающего социально-экономические – вплоть до классовых – различия между лицами, занятыми в той или иной сфере труда) еще далеко не изжиты, постольку здесь в качестве закономерного для социалистического общества явления имеет место противоречивое соотношение между нормативно высоким, универсальным (или, как его принято называть, «общим»), имеющим в тенденции равное распространение, общественно-необходимым (социально-необходимым) образованием, с одной стороны, и пока еще глубоко дифференцированным в соответствии с элементами старого разделения труда производственно-необходимым (часто называемым профессиональным) образованием – с другой.

Реальный уровень социально-необходимого образования в условиях социализма далек от идеала: налицо достаточно существенные различия общеобразовательной подготовки у представителей различных социальных групп и слоев, различия этнического и регионального происхождения. Не безусловна и сама потребность в образовании, превышающем производственно-необходимый уровень. Это порождает и известные негативные явления: (а) сдерживается развитие творческого отношения к труду, базирующегося во многом на знании законов социального развития; (б) сдерживается развитие социалистических форм управления социальными процессами, развитие самоуправления, так как всеобщее активное и осознанное участие в социальном управлении невозможно и недостаточно эффективно без относительно высоких научных знаний об обществе и его процессах; (в) сдерживается развитие собственно социалистического содержания культуры, так как она необходимо требует достаточно развитого теоретического осознания мира.

Во всяком обществе существует некоторый объективно необходимый уровень образования его членов. Этот уровень можно назвать базовым для данного общества в данных конкретных исторических условиях. В условиях социализма уровень базового образования предопределяется общественно-необходимой его стороной. И это – высокое (и относительно, и абсолютно) образование. В условиях реального социализма пока это – полное среднее общее образование. Оно является базовым не просто по кругу знаний, но и в системе социальных институтов: на нем строятся все основные варианты социальной карьеры.

Сложнее обстоит дело с производственно-необходимым образованием. Его развитие находится в прямой зависимости от развития технической базы социалистического производства, т.е. в прямой зависимости от темпов и масштабов научно-технического прогресса. Отставание же производственно-необходимого образования от социально-необходимого, объективно обусловленное в условиях реального социализма отставанием уровня техники и технологии, вызывает у ряда категорий работников (занятых преимущественно трудом ручным, малоквалифицированным и т.п.) глубокую неудовлетворенность содержанием своего труда. В свою очередь это

в ряде случаев ведет к снижению трудовой дисциплины, к распространению текучести и т.п.

Застойные явления в технике производства, получившие распространение в 70–80-е гг., сдерживали и развитие, и совершенствование производственно-необходимого образования.

Для конкретной характеристики культуры социалистического общества очень важное значение имеет положение о так называемой «исторической инерции» в культурном развитии.

Трансляция культуры от поколения к поколению осуществляется через механизмы социализации, по своей сути обязательно связанной с изменением социально-экономического положения, но связанной с ним лишь опосредствованно. Наиболее общие исходные компоненты социально-культурного типа личности формируются большей частью в результате первичной социализации в раннем возрасте, причем преимущественно по методу идентификации и подражания. Поэтому наиболее общие, собственно личностные культурные навыки в ходе первичной социализации во многом формируются еще до того, как они могут быть критически осознаны и оценены. Они-то и откладываются в сознании в качестве «естественных» стереотипов поведения, применяемых потом преимущественно автоматически. Последующие воздействия общества на индивид (вторичная социализация) неизбежно наталкиваются на неосознаваемую самим индивидом преграду в виде более глубоких, более органически материализованных, переросших в «естественные» стереотипы социально-культурных навыков. Поэтому между результатами первичной и самим процессом вторичной социализации неизбежно возникают конфликты.

Относительно более быстрые изменения социально-экономических отношений меняют условия, формы, цели вторичной социализации, но не могут сами по себе что-либо серьезно изменить в более медленно меняющихся условиях первичной социализации, в глубинных, «естественных» для данной личности культурных стереотипах. Следствия вторичной социализации в основном надстраиваются на относительно стабильном базисе стереотипов, усвоенных в ходе первичной социализации. Только весьма острый конфликт новых требований и первичного стереотипа может при-

вести к осознанному отказу от этого стереотипа, да и то в результате значительных и относительно длительных усилий.

Вот почему смена культурных стереотипов требует, как минимум, смены поколения, а зачастую – и нескольких поколений. Такова природа «исторической инерции» культуры. В условиях социалистического общества именно ускорение темпов общественно-экономического развития делает эту «историческую инерцию» культуры особенно ощутимой. Именно она объясняет, почему в социалистическом обществе к собственно социалистической по своему содержанию культуре примешиваются весьма существенные остаточные проявления досоциалистических исторических типов культуры, почему налицо оказывается достаточно существенная дифференциация культуры в зависимости от социально-экономической, классовой дифференцированности социалистического общества и т.п.¹

Необходимо подчеркнуть, что в случаях, когда речь идет о генетическом наследии прошлого в культуре социалистического общества, сводить эти генетические следы досоциалистической культуры к каким-то внешним по своему существу «добавкам», «примесям» и т.п. неправомерно. Они тоже наличествуют, но не о них речь. Речь идет о сущностных исторических свойствах культуры социалистического общества, характеризующих ее исторически в качестве культуры первой, начальной фазы коммунистической эпохи истории.

Тенденции развития коллективистской культуры

Существенное изменение характера социально-экономической дифференциации общества при социализме, тенденция к постепенному стиранию социально-классовых различий в обществе обусловливают и тенденцию к постепенному изменению характера «вертикальной», «уровневой» дифференциации общества по типам культуры, выравнивание «уровней» культуры различных социальных классов и групп. При этом прежде всего выравниваются базовые основания культуры: характеристики общего образования,

¹ См.: Файнбург З.И. Культура и история // Проблемы теории культуры: труды / НИИ культуры. – М.: 1977. № 55. С. 133–154. – Авторы.

обеспеченность жилищем, обеспеченность техническими средствами массовой коммуникации и т.п.

«Уровневая» дифференциация культуры социалистического общества – не только и не просто генетическое наследие культуры прошлого. Известная «уровневая» дифференциация свойственна и собственно социалистической культуре. Основанием этой «уровневой» дифференцированности служит внутренняя противоречивость функционального содержания труда и социально разнокачественной его разделенности. Соответственно противоречив и социальный характер труда при социализме, что порождает, в конечном счете, «уровневую» дифференцированность культуры. Такого рода «уровневая» дифференцированность не может быть снята одним только целенаправленным воздействием на саму по себе культуру. Поэтому такого рода «уровневая» дифференцированность составляет один из наиболее существенных элементов генетического наследия прошлого в культуре социалистического общества.

Есть все основания предполагать, что сам вектор структуризации в новых условиях, создаваемых развитием социалистического общества на основе научно-технической революции, будет иным. Преимущественно «вертикальную», «уровневую» по социальному значению дифференциацию культуры постепенно будет сменять культура с известным принципиальным (но не более того) преобладанием «горизонтальной», «веерообразной» дифференциации. Разнообразие относительно более равноправных проявлений дифференциации культуры необходимо обусловит возможность более полной самореализации индивидуальности в развитом коммунистическом обществе. Однако в определенном аспекте новая дифференциация культуры, возможно, как-то по-новому обострит проблему взаимопонимания? Но здесь мы вступаем в область таких гипотез, которые выходят за пределы достаточно обоснованного научного анализа. Ограничимся поэтому пока лишь наиболее общим постулатом о том, что новая структура культуры сменяет старую в процессе преобразования социалистического общества под воздействием идущей сейчас научно-технической революции.

В системе разнообразных форм социальной деятельности в условиях новой культуры труд для индивида во все большей степени

становится одной из главных рядоположенных форм самореализации личности, не переставая быть для общества сферой необходимости. Новый по своему характеру, творческий в своей основе труд не требует ни специальных мер принуждения, ни столь жестких мер регламентации со стороны общества относительно места своего приложения, своей результативности и своей интенсивности, как прежде. Коренное изменение технической основы и функциональной природы труда влечет за собой в условиях социалистического общества столь же коренное изменение его социального характера и его свойств как культурного феномена.

Принципиальная универсализация человеческой деятельности, таким образом, необходимо предполагает снятие характерного для предшествующей истории жесткого противостояния так называемого «рабочего» и «свободного» времени. По существу в этой дихотомии реализуется противостояние труда (и, соответственно, рабочего времени), как НЕсвободы, и прочих видов деятельности, по отношению к труду являющихся свободными (и реализуемыми, соответственно, в свободное время). Единое для индивида с точки зрения собственно социальных критериев время деятельности, структурируемое, но не столь жестко функционально, приходит на смену современной вынужденной, социально противоречивой его разделенности.

Универсальность и относительная социальная равноценность видов творческой деятельности необходимо предполагают изменение типа работника, типа человека, независимо от того, в какой сфере деятельности он будет прилагать свои силы. Причем эффект универсальности знаний отнюдь не снимается их известной специализацией, индивидуализацией их структуры и направленности в каждом отдельном случае. Развитие принципиальной универсальности знания является условием существенного развития процессов самоконтроля и самоуправления в обществе, необходимо базирующихся на достаточно глубоком, основанном на данных науки осознании сути общественного процесса и роли своей собственной деятельности, своего места в этом процессе. Творчество как основа деятельности требует максимального развития эмоциональной сферы жизни, как неотъемлемого фактора своей успешности. Развитие эмоциональной сферы является, в частности, необходимой

предпосылкой развития образного мышления, имеющего первоочередное значение в любом по своей направленности творчестве, поскольку без него невозможно охватить в сознании любой предмет в его целостности. Вся совокупность этих требований как раз и воплощается в формулу так называемого «всестороннего развития личности», предусматривающего не просто пассивное усвоение какой-то суммы сведений, а объективно обусловленное активное функционирование на ее основе, самореализацию личности в процессе универсальной деятельности, опирающейся на универсальное знание.

В этих условиях не остается оснований и для прагматико-функционального подхода к личности в системе воспроизводства общественных отношений. Воспроизводство индивида как личности необходимо будет рассматриваться в новой культуре как самоцель.

В культуре нового типа оказывается снятым приоритет вещных, предметно осязаемых критериев деятельности. Функционально-вещный подход к каждому из видов деятельности, а также эквивалентно-предметная, узко прагматическая оценка любого, не только экономического, но и собственно культурного феномена, уступают свое место так называемым «духовным» критериям деятельности. При этом роль оценки извне по отношению к действующему субъекту (будь то индивид или социальная группа) имеет тенденцию к известному снижению (но никак не к исчезновению), а роль внутренних критериев (т.е. самооценки) – к известному возрастанию. Оценки собственной деятельности здесь в существенно большей степени, чем прежде, становятся внутренней функцией каждого действующего в обществе субъекта. В свою очередь это обстоятельство качественно повышает требования к социальному знанию как к необходимо строгой и точной науке, обуславливавшей функционирование социального контроля в преимущественной форме САМОконтроля.

Новая культура должна быть качественно более, чем сейчас, насыщена внешне самоцельными, кажущимися на первый взгляд далекими от практики элементами. Эта внешняя отдаленность от практики, в конечном счете, как показывает опыт истории, оборачивается особенно высоким конечным практическим эффектом, поскольку при таком подходе решения носят обычно весьма мас-

штабный обобщающий характер. Однако такая форма может получить преобладающее значение практически только тогда, когда достигнут весьма высокий уровень развития и материального, и духовного производства в целом.

Развитие творческого труда и соответствующих ему социальных отношений и социальных институтов обуславливает перестройку фактически всех основных структурных внутренних связей культуры. Весьма трудно было бы сейчас сколько-нибудь полно отобразить в анализе всю эту перестройку – чрезвычайно сложную, многостороннюю, с трудом воспринимаемую современным сознанием с его ценностями и культурными стереотипами.

Исторический тип культуры и человек социалистического сознания

Буржуазное общество противостоит индивиду как отчужденная от него, независимая от него, стихийная (природная) сила. Поэтому сознание индивида в буржуазном обществе стихийно ориентируется на пассивную адаптацию к обществу в целом, а в конкретной, повседневной практике – на поиск своей «собственной» случайности, как реализации той единственной возможности активного воздействия на свое собственное индивидуальное социальное положение, которую ему на определенных условиях и на принципах лотереи может предоставить буржуазное общество. Этой возможности как всеобщей закономерности не существует, так как она может быть реализована только весьма немногими одиночками (фактически как своеобразная «закономерная случайность»). По отношению же к целым социальным классам господствует безусловная предопределенность их социального статуса, существенно воздействовать на который в рамках сохранения буржуазного строя невозможно.

Типичный представитель буржуазного общества строит свою непосредственную социальную практику как программу именно своего личного индивидуального действия, в центре которого стоит абсолютизированное, эгоцентрическое «Я», а вся социальная практика индивида разворачивается в границах альтернативы «Я» и «Они», где под последними понимается все остальное общество.

В этой социальной практике стихийный рационализм непосредственной деятельности индивида органически сочетается с мистицизмом и иррациональностью в попытках осознания общесоциальных процессов, общесоциальной ситуации.

Для непосредственной социальной практики индивида в рамках буржуазных отношений и буржуазных целей сколько-нибудь развернутое и адекватное (последовательно научное) осознание общесоциального не только принципиально невозможно (в силу специфики социальных отношений, а не самой по себе «нехватки просвещения»), но и попросту излишне. Оно лишено практического смысла, ибо общественные глобальные качества не поддаются целенаправленному воздействию со стороны обособленного, «атомизированного» индивида.

Именно вследствие этой специфики отражения в сознании реального положения индивида в буржуазном обществе буржуазное сознание и особенно социальное самосознание по своему общему историческому типу все еще должно быть отнесено к религиозоподобному.

Специфическое классовое самосознание рабочего класса может и должно выделиться из этого общего фона, общего контекста индивидуалистического религиозоподобного буржуазного сознания, из этого общего буржуазного по своему содержанию осознания собственной социальной практики. Но непосредственная практика каждого индивида в буржуазном обществе есть прежде всего и главным образом его экономическая практика. Поэтому исторически материальное, экономическое положение рабочего класса есть исходный пункт осознания им противоположности его интересов интересам класса буржуазии.

Самостоятельно, без помощи извне социальное самосознание рабочего класса развивается преимущественно лишь до первой ступени осознания собственного классового интереса: осознания его лишь через свою непосредственную и конкретную выгоду, т.е. через частное (индивидуальное, групповое, региональное, отраслевое, профессиональное и т.п.) и конкретное (уровень заработной платы, условия труда и т.п.).

Следующая ступень осознания рабочим классом своего интереса – осознание противоположности интересов буржуазии и рабочих не в узко локальном, узко профессиональном (т.е. в чисто экономическом тред-юнионистском) аспекте, а в общесоциальном масштабе, как противостояние и непримиримую борьбу политических сил, – может быть достигнута рабочим классом, как подчеркивает В.И. Ленин, только с помощью интеллигенции как носителя знаний. Формирование ступени политического осознания рабочим классом своего классового интереса возможно лишь на основе соединения теории научного коммунизма с рабочим движением, возможно лишь путем политического воспитания рабочего класса со стороны революционной марксистской партии¹.

Процесс усвоения рабочим (как обособленным индивидом и как составной частью класса) научного сознания мира в целом и идеи научного социализма в частности представляет собой поэтому относительно длительный и сложный процесс.

Каждая следующая ступень постижения научного осознания мира и социализма, во-первых, требует длительного исторического времени, а, во-вторых, происходит отнюдь не самопроизвольно, но под двойным внешним воздействием: с одной стороны, под воздействием реально развивающейся классовой борьбы, под воздействием реальной социально-исторической практики, обуславливающих самую потребность в новом взгляде на социальные отношения, а с другой – под воздействием революционной марксистской партии теоретиков и организаторов, без деятельности которой обобщенная социальная научная информация не могла бы быть приведена в соответствие с новыми условиями.

Однако к моменту революции даже у идеологического ядра движения, не говоря уже о широких массах, отнюдь не завершается

¹ «... Как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции: следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества». Маркс К., Энгельс Ф. Новая публикация I главы «Немецкой идеологии» // Вопросы философии. 1965. № 10. С. 99–100.

Эту же идею развивает В.И. Ленин в работе «Что делать?» (См. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 69–70, 79 и др.). – Авторы.

полная перестройка всей системы сознания целиком на социалистический лад. Осмысление в сфере политического и философского сознания социально-экономической и политической исторической ситуации с позиций научного коммунизма (вполне достаточное для формирования развитых намерений не только самостоятельного революционного действия, но и для руководства массами) закономерно и в достаточно массовых масштабах сосуществует с элементарными формами мелкобуржуазных предрассудков в сфере нравственного, эстетического, правового сознания. Это делает не только возможной, но в определенном смысле и закономерной известную внутреннюю конфликтность сознания людей, творящих новое, стоя при этом по колено в старом, а иной раз и борющимися со старым его же, старого, собственными методами.

Становление устойчивой идентификации личности в историческом процессе может быть осуществлено органическим единством двух путей: либо путем принятия на веру общих политических и философских истин, опираясь на их конечные практические выходы, опираясь на связанные с ними ожидания чисто практического плана (что происходит преимущественно на уровне обыденного сознания)¹; либо путем достаточно последовательного глубокого критического научного освоения идей коллективности в рамках философского и политического теоретического сознания.

Первый путь, если только им ограничиться, в принципе противоречит смыслу и целям марксизма. Об этом неоднократно писали К. Маркс и Ф. Энгельс, на это неоднократно указывал В.И. Ленин². Однако в какой-то мере и на каком-то этапе исторического развития эта простейшая форма идентификации, восходящая по своему методологическому смыслу к старому типу сознания, неизбежно осуществляется стихийно даже в случае активного ей противодействия. Здесь закономерно проявляется историческая социальная

¹ «... Массы, как таковые, не могут усваивать философию иначе, как веру...». Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения. М.: Иностранная литература, 1959. Т. III. С. 29. – Авторы.

² В целом ряде работ В.И. Ленин высказывает свое непримиримое отношение к попыткам построения «религиозного атеизма». Подчеркивая в своей работе «Об отношении рабочей партии к религии» то, что для «неразвитой массы» религиозное отношение к социализму может быть «... формой перехода от религии к социализму», В.И. Ленин считал в принципе несовместимым с марксизмом попытки сознательного возведения социализма в ранг новой религии. (См.: Полн. собр. соч. Т.17. С. 422–423.) – Авторы.

обусловленность определенного, тяготеющего по своему методологическому типу и своей морфологической структуре восприятия мира (и особенно социального мира) к религиозному («религиозоподобному») типу сознания. Относительно низкий уровень общей грамотности и соответствующий этому тип культуры обуславливают гносеологические основания для этого «религиозоподобного» сознания. До тех пор, пока в какой-то мере сохраняются элементы отчужденности от индивида социальных сил и институтов, их известное противостояние индивиду обуславливает реальные воспроизводящиеся социальные основания сохранения такого «религиозоподобного» сознания и в условиях социалистического строительства.

Социалистическое сознание (т.е. мировоззрение рабочего класса) в принципе (т.е. в качестве «идеального типа») безрелигиозно. Для социалистического человека характерен новый исторический тип сознания – сознание научного типа. Причем (и это надо подчеркнуть с особой силой) речь не идет о тех или иных вкраплениях отдельных научных представлений в сознание. Такого рода вкрапления закономерны и в буржуазном сознании, в целом тяготеющему к религиозному типу. Социалистическое же сознание (тем более в качестве «идеального типа») как целостность, как система характеризуется последовательной научностью. Локальные же, частные вкрапления «религиозоподобного» сознания в сознание социалистическое закономерны для начальных ступеней его развития. Их изживание есть длительный исторический процесс развития, осуществляющийся на основе развития социалистического общества в целом.

Реальное социальное самосознание в реальном социалистическом обществе и тенденция его развития

Общественное (и, соответственно, индивидуальное) самосознание – целостный, системный феномен. Разделение в нем элементов «старого» и «нового» всегда в известной мере есть умозрительная процедура, хотя в основе самого их различения лежат реальные основания. Распределение старого и нового в сознании при этом всегда неравномерно, однако «граница» между старым и новым в сознании пролегает прежде всего внутри каждого целостного сгу-

стка сознания: внутри сознания каждого индивида, каждой группы, класса, общества. Такого рода «граница» (кавычки тут необходимы, ибо само понятие границы здесь весьма условно: это – более образ, чем научное понятие) с большим трудом и далеко не всегда может быть проведена между социальными целостностями, поскольку главным образом она пролегает внутри них. В этом как раз и выражена специфика диалектического единства «старого» и «нового», – в отличие от механической разделенности: «с одной стороны» и «с другой стороны»...

Если подходить к оценке степени развития научного теоретического сознания с точки зрения общей структуры общественного сознания, то можно сказать, что степень развития далеко не одинакова в сферах философского, политического, религиозного, правового, эстетического и нравственного сознания. Более того, в нравственном, правовом и эстетическом сознании относительно более значимы элементы «старого» во всех его смыслах. Именно в этих сферах подход к явлениям с точки зрения обыденного сознания чаще всего превалирует над научным теоретическим подходом.

Можно умозрительно себе представить два гипотетических варианта высоко гомеостатичного относительно ориентации в социальной сфере сознания индивида: (а) религиозное, доведенное до фанатизма, (б) научное, рациональное, доведенное до высокого уровня самосознания, самоконтроля, самокритичности и критичности. Однако принципы действия этих двух гипотетических типов гомеостатичного сознания будут диаметрально противоположны.

Первый тип гомеостатичен потому, что имеет жестко заданную извне программу, допускающую лишь крайний минимум отклонений. Самопрограммирование здесь близко к нулю. Такой тип гомеостаза может быть эффективен лишь для практически неподвижного общества¹. Даже уже только по тому, что развивающееся социалистическое общество характеризуется обратным свойством – высоким динамизмом, этот тип сознания в принципе не мог бы здесь быть функциональным, не мог бы оказаться эффективным в системе планомерной социальной организации.

¹ См.: Левада Ю.А. Сознание и управление в общественных процессах // Вопросы философии. 1966. № 5. С. 68–69. – Авторы.

Второй же тип гомеостатичен потому, что обладает максимальной способностью именно к самоконтролю и самопрограммированию, располагая для этого всей совокупностью предпосылок и в знании и в условиях своего функционирования в обществе. Его гибкость, подвижность, внутренняя активная адаптивная способность и творческая продуктивность в принципе весьма велики и находятся в соответствии с динамизмом развивающегося социалистического общества и характером его планомерной социальной организации.

Для современного состояния социалистического общества научное осознание индивидом своего места в общественном процессе является предпочтительным и желательным, но само по себе не является еще безусловно необходимым для каждого. В условиях сохранения элементов «воспроизводственной жизни» отдельный индивид органически включается в глобальные социальные процессы, в частности, через прямое материальное обеспечение, построенное по принципу эквивалентных отношений, через внешний для индивида механизм удовлетворения обществом его потребностей в каких-то эмоциях престижа, самоутверждения и т.п. (опять-таки не без участия критерия эквивалентности отношений). Такой тип включения индивида в общественный процесс может с успехом осуществляться преимущественно на уровне обыденного сознания. Научное же теоретическое сознание выступает как фактор, заново преобразующий связь индивида с данной формой общества, придающий социальной организации качественно новые свойства и т.п. Такое научное теоретическое сознание при социализме уже налицо, но оно еще не является безусловным и единственным фактором взаимосвязи индивида и общества.

Основной же массе ориентирующихся на материальную обеспеченность свойственно сознание, так сказать, «нормального» социалистического типа со всеми его качествами. Здесь перед нами типичный пример сочетания того, что составляет специфически социалистическое с тем, что генетически восходит к буржуазному (а порой и к добуржуазному) сознанию. Поэтому ориентация на материальную обеспеченность сама по себе внутренне противоречива.

С одной стороны, в ней отражена объективная необходимость в материальной заинтересованности при социализме (которую надо совершенствовать и развивать), а с другой – тот факт, что сама по себе она является в генетическом плане отражением «старого» в сознании людей социалистического общества. Это противоречивое единство существует при социализме вполне закономерно и правомерно, ибо социализм есть первая фаза коммунистического общества, непосредственно исторически сменяющая капитализм и наследующая не только его материально-техническую базу, элементы его разделения труда и т.п., но и вполне определенные элементы его культуры и сознания. Преодоление в реальном бытии тех его сторон, которые в условиях социализма закономерно питают ориентацию сознания на материальную обеспеченность как содержательную ценность, может быть в этой сфере общества осуществлено только на основе поступательного развития общества как целого.

Какие-то неблагоприятные жизненные обстоятельства могут способствовать (и обычно способствуют) формированию в условиях социализма того или иного отклонения в конкретном содержании ценностной ориентации в сторону чрезмерного доминирования эгоистического начала. Само наличие таких относительно неблагоприятных жизненных обстоятельств, отрицательно влияющих на формирование личности, хотя и нежелательно с точки зрения идеала, однако вполне обычно для реального социализма.

В той же мере, в такой типично для социализма наличие определенного круга неблагоприятных жизненных ситуаций, отрицательно влияющих на формирование социалистического сознания, безусловно закономерно и наличие положительно влияющих благоприятных ситуаций. Благоприятные условия формируют сознание, тяготеющее к акценту на коллективные, общественные интересы (т.е. на интересы тоже во многом свои, но не со стороны своего личного индивидуального обособления и потребления, а со стороны своего прямого участия в коллективной деятельности по использованию обобществленных средств производства на общее благо). Это соответствует восприятию материальной обеспеченности преимущественно лишь как средства, но отнюдь не как самоцели (к чему тяготеет противоположный полюс сознания). Такое вос-

приятие в идеале приближается к тому, что должно собой представлять развитое социалистическое отношение к материальной обеспеченности.

Путь освоения всеобщей концепции мироздания как последовательного научного знания – путь не быстрый и не легкий. Однако только этот путь адекватен общей тенденции развития коллективистского общества. Создание высокоразвитого общества творческого труда и материального изобилия на основе научно-технической революции в непосредственно обобщественных средствах производства, превращение науки в непосредственную производительную силу предъявляют такие требования к организации общественной жизни, к самой личности и характеру ее деятельности, которые могут быть обеспечены только на базе весьма высокой культуры, основанной на последовательно научном осознании всего бытия, но в особенности социального мира. Этот тип организации общественной жизни (так называемое общественное самоуправление) и этот тип личности (так называемое всесторонне развитая личность) могут сложиться лишь на основе последовательно научного, теоретического, научно-критического осмысления бытия, когда остаточные элементы «религиозоподобного» сознания изжиты практически полностью.

Вполне очевидно, что путь последовательно научного освоения идеи коллективистского общества требует коренных социальных преобразований как социального бытия в целом, так и самого человека вместе с его культурой и типом его сознания.

Правомерно предположить, что в своих основных чертах процесс этот завершится лишь в ходе последовательного развертывания научно-технической революции в совершенствующемся социалистическом обществе, поднимающемся в своем развитии на новую, более высокую ступень.

Между социалистической революцией и завершением процесса становления коллективистского общества лежит, как мы видим, целая историческая эпоха.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I. Ф. Энгельс об искажениях подлинного марксизма людьми, в той или иной мере считающими себя марксистами

В 1890–1894 гг. Ф. Энгельс написал ряд писем различным адресатам, объединяемых сегодня под общим заглавием «Письма об историческом материализме» (Изданы «Политиздатом» отдельной брошюрой в 1980 и 1983 г.). Их появление закономерно: в конце XIX в. интерес к творческому наследию К. Маркса, к работам Ф. Энгельса рос буквально лавинообразно. Наиболее трудным для усвоения, вполне естественно, оказался именно исторический материализм. Поэтому буквально в каждом из этих писем Ф. Энгельс подвергает критике поверхностное «усвоение» марксизма людьми, которые сами в той или иной мере считали себя марксистами. (Подчеркнем: речь идет не о тех, кто прямо возражал против основных положений работ К. Маркса и Ф. Энгельса, а, наоборот, о тех, кто вслух провозгласил себя сторонником их концепции).

Нас в данной книге интересуют прежде всего проблемы именно исторического материализма, причем как раз в том самом общем виде, о котором речь идет в письмах Ф. Энгельса. Набор типичных ошибок в усвоении исторического материализма (а фактически – социальной философии марксизма в ее полном объеме, включая научную теорию социализма) мы и приводим ниже в несколько систематизированном (против реальной хронологии этих писем) виде. Этот набор и сегодня столь же типичен.

1. Красной нитью через все письма проходит возражение Ф. Энгельса против упрощенного, вульгаризированного понимания определяющей роли экономических отношений в социальном развитии. «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали». Абсолютизация экономического фактора «...превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу». (Из письма Йозефу Блоху 21-/22/ сент. 1890 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394).

2. В этом же письме Ф. Энгельс замечает, что когда то или иное мировоззрение становится господствующим, становится

весьма вероятным, а порой и обязательным его «...дальнейшее развитие в систему догм». (Там же, с. 395).

3. Ф. Энгельс отмечает, что подлинное исследование конкретных явлений на основе материалистической диалектики порой подменяется пустой фразой: «...приклеивают этот ярлычок [«материалистический», отмечает выше Ф. Энгельс – Авторы] и считают, что этим вопрос решен. Однако наше понимание истории, есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства». (Из письма Конраду Шмидту, 5 авг. 1890 г. Там же, с. 371).

4. В этом же письме Ф. Энгельс пишет по поводу участников дискуссии о распределении продуктов в будущем обществе в газете «Фолькс-Трибуне»: «...Участники дискуссии рассматривают «социалистическое общество» не как что-то постоянно меняющееся и прогрессирующее, а как нечто стабильное, раз навсегда установленное...» (Там же, с. 370).

5. В выше цитированном письме Й. Блоху Ф. Энгельс дает недвусмысленное сопоставление первоисточников (самих текстов К. Маркса и своих) и их разнообразных популярных переложений: «...Я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук – право же, это гораздо легче». (Там же, с. 396).

6. В этом же письме Ф. Энгельс пишет о применении поверхностно усвоенных постулатов марксизма: «К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно» и продолжает: «...благодаря этому...возникла удивительная путаница...». (Там же, с. 396).

7. Объяснение всем этого (и иного) рода искажениям Ф. Энгельс дает кратко, но исчерпывающе: «Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики... Для них Гегеля не существовало...» (Из письма К. Шмидту, 27 окт. 1890 г. Там же, с. 421). Эти слова Ф. Энгельса удивительно точно совпадают с тем объяснением, которое В. И. Ленин в «Философских тетрадах» давал путанице в понимании экономических работ К. Маркса: «...Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса..., не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162).

8. Своеобразным итогом характеристики всех этих и подобных им искажений социальной философии марксизма могут служить не лишние иронии и горечи слова Ф. Энгельса об отношении самого К. Маркса к такого рода явлениям: «...У материалистического понимания истории имеется теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать историю. Дело обстоит совершенно так же, как тогда, когда Маркс говорил о французских “марксистах” конца 70-х годов [XIX века]: “Я знаю только одно, что я не марксист”. (Из письма К. Шмидту, 5 авг. 1890 г. Там же, с. 370).

От этих высказываний Ф. Энгельса нас отделяет сейчас уже почти 100 лет, марксизм стал в нашей стране общим официальным научным знанием, его развивают и популяризируют множество различных институций, однако перечень форм искаженного, ложного понимания марксизма можно сейчас лишь повторить. Даже добавить к ним особенно нечего.

Думается, что причиной является не просто чье-то персональное упущение, какие-то недостатки в изучении марксизма, в организации марксистских научных исследований и т.п. Объявить себя марксистом сейчас чрезвычайно легко и для житейских целей прямо-таки полезно. Однако быть марксистом сейчас нисколько не легче, чем было в те далекие годы. Очевидно, что в современной культурной традиции, в способах выработки мировоззрения, в характере формирования социального самосознания, в самом внутреннем настрое на социальное философское знание есть какой-то существенный уязвимый пункт, обуславливающий еще и еще раз (уже почти 100 лет) повторение одних и тех же ошибок.

Современная культурная традиция сформировалась в обществе буржуазном (а порой и добуржуазном). На нее огромное влияние оказала религиозная традиция. Марксизм же – социальная философия нового типа и для полного и соответственного его усвоения должны меняться какие-то фундаментальные культурные навыки, должен меняться сам тип человеческого мышления, осмысления человеком самого себя и своего места в мире.

Освоение марксизма, надо полагать, это не просто задача на заучивание, запоминание и на простое усвоение. Это длительный исторический процесс, не менее сложный, трудный, а порой и трагический – как и сама история в целом...

**СПИСОК
ОСНОВНЫХ ИЗБРАННЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ
ТРУДОВ ЗАХАРА ИЛЬИЧА ФАЙНБУРГА
И ГАЛИНЫ ПЕТРОВНЫ КОЗЛОВОЙ
ПО ТЕМАТИКЕ КНИГИ**

Противоречия

Файнбург З.И. К вопросу о противоречиях при социализме // Сборник трудов кафедры общественных наук / Поволжск. лесотехн. ин-т. – Йошкар-Ола, 1957. – Вып. 1. – С. 45–60.

Файнбург З.И. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. – 1966. – № 6. – С. 14–24.

Файнбург З.И. Противоречия коммунистической формации: сущность и методология исследования // Противоречие как источник развития: межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Проблемный совет по материалист. диалектике. – Л., 1988. – С. 97–111. – (Проблемы диалектики. Вып. XIII).

Труд

Файнбург З.И., Мотылев А.С. Труд в коммунистическом завтра: техника и люди // Техника – молодежи. – 1959. – № 2. – С. 7–10.

Файнбург З.И., Мотылев А.С. Наше коммунистическое завтра // Техника – молодежи. – 1959. – № 5. – С. 1–3.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Технический прогресс и изменения в характере труда при переходе от социализма к коммунизму // Науч. конф. «Закономерности строительства коммунистической экономики и их использование в народном хозяйстве СССР на современном этапе», 22–26 янв. 1963 г. / Ин-т экономики АН СССР. – М., 1963. – 23 с. (На правах рукописи).

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Технический прогресс и изменения в характере труда при переходе от социализма к коммунизму // Экономические науки. – 1963. – № 3. – С. 21–27.

Козлова Г.П. Изменение содержания труда в связи с техническим прогрессом // Социальные проблемы труда производства: советско-польск. сравнит. исслед. – М., 1969. – С. 304–327.

Файнбург З.И., Лихачев В.М. Технический прогресс – содержание труда – духовная культура: из опыта конкретно-социологического исследования // Рабочее Прикамье: ежегодник. – Пермь, 1966. – Вып. 1. – С. 122–134.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Становление коммунистического труда // Диалектика строительства коммунизма. – М., 1968. – С. 81–100.

Козлова Г.П., Слюсарянский М.А., Файнбург З.И. Труд – первооснова социалистического образа жизни. – М.: Знание, 1987. – 48 с. – (Библиотечка «Социология в системе научного управления обществом»).

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Научно-технический прогресс и совершенствование социалистических производственных отношений // Новое в жизни, науке, технике. – М.: Знание, 1987. – № 7. – 64 с. – (Сер. «Науч. коммунизм»).

Развитие общества, культуры, личности

Файнбург З.И. Исследование социальных процессов и разработка системы социальных показателей развития общества // Исследование построения показателей социального развития и планирования / АН СССР; Ин-т социол. исслед. – М., 1979. – С. 51–118.

Файнбург З.И. Перспективы научно-технической революции и развитие личности // Вопросы философии. – 1969. – № 2. – С. 32–42.

Файнбург З.И. Вопросы методологии анализа развития социалистического общества в условиях научно-технической революции // Методология естественнонаучного и социального познания: сб. науч. тр. № 134 / Перм. политехн. ин-т. – Пермь, 1973. – С. 85–102.

Козлова Г.П. Вопросы соотношения экономического и социального планирования // Проблемы социального планирования (личность, группа, общество): сб. науч. тр. № 157 / Перм. политехн. ин-т. – Пермь, 1974. – С. 63–75.

Файнбург З.И. К вопросу о планомерном управлении процессом социализации личности // Проблемы социального планирова-

ния (личность, группа, общество): сб. науч. тр. № 157 / Перм. политехн. ин-т. – Пермь, 1974. – С. 142–161.

Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1978. – № 1 (21). – С. 28–35.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Взаимосвязь субъективного и объективного как условие эффективности хозяйственного механизма // XXVI съезд КПСС о нацеленности хозяйственного механизма на интенсификацию и повышение эффективности производства: тез. докл. и выступлен. на Всесоюзн. науч.-практ. конф. – Уфа, 1983. – Ч. 1. – С. 7–10.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Вычленение объективного в субъективном как критический пункт прикладного социального познания // VIII Междунар. конгресс по логике, методологии и философии науки: тез. докл., Москва, 17–22 авг. 1987 г. – М., 1987. – Т. 5, ч. 2, секции 7–11. – С. 463–465.

Цикл статей политэкономического характера

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Становление нового исторического типа труда // Экономические науки. – 1976. – № 5. – С. 19–30.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Становление нового типа труда и некоторые проблемы политической экономии социализма // Экономические науки. – 1979. – № 7. – С. 10–18.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Логика «Капитала» К. Маркса и логика политической экономии социализма // Экономические науки. – 1981. – № 8. – С. 3–14.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Уровень развития методологии политической экономии социализма и ее практическая функция // Экономические науки. – 1984. – № 11. – С. 3–10.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. К вопросу о политической экономии в широком смысле слова // Экономические науки. – 1985. – № 8. – С. 24–31.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Становление новой парадигмы политической экономии социализма // Экономические науки. – 1987. – № 3. – С. 13–25.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Концепция против цитаты: к вопросу о современном прочтении классического наследия // Экономические науки. – 1989. – № 1. – С. 77–86.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. – 1990. – № 6. – С. 24–37.

Социализм

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Формирование научных представлений о социализме на основе «Социалистической критики капиталистического способа производства» // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» К. Маркса. – М., 1985. – С. 86–97.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Какой социализм мы строили? // Политическое образование. – 1989. – № 18. – С. № 37–45.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Развитие взглядов В.И. Ленина на социализм // Обновляющийся социализм: облик, тенденции, поиск: тез. к науч.-метод. конф. преподавателей ун-та марксизма-ленинизма / Общест.-полит. центр Перм. обкома КПСС; Ун-т марксизма-ленинизма. – Пермь, 1990. – С. 5–9.

Что такое социализм: круглый стол. Ведущий **З.И. Файнбург** // Вечерняя Пермь. – 1990. – 16 марта.

Коллективность

Файнбург З.И. Коллективность как тип общественного отношения. Свойства производственного коллектива // Социология социалистического производственного коллектива. – М., 1982. – С. 6–11.

Файнбург З.И. Нравственные проблемы коллективизма: некоторые подходы // Современная цивилизация и моральные ценности: сб. статей / АН СССР; Ин-т философии. – М., 1982. – С. 94–101.

Файнбург З.И., Баландин А.М. Социалистическое соревнование как выражение отношений коллективности // Социология социалистического производственного коллектива. – М., 1982. – С. 21–24.

Файнбург З.И. Коллективизм и индивидуализм: проблема взаимоотношения в реальном экономическом процессе, экономиче-

ском поведении индивида // Коллективность, экономическое поведение работника и закон о трудовых коллективах: тез. науч.-практ. конф. / Перм. политехн. ин-т; Перм. дом техники НТО. – Пермь, 1984. – С. 11–14.

Файнбург З.И. Коллективность и экономическое поведение: постановка исследовательской проблемы: вводные замечания к дискуссии // Коллективность, экономическое поведение работника и закон о трудовых коллективах: тез. науч.-практ. конф. / Перм. политехн. ин-т; Перм. дом техники НТО. – Пермь, 1984. – С. 3–5.

Файнбург З.И. Коллективность как проблема актуальной практики социализма // Отношения коллективности, типы коллективов и проблемы управления развитием коллективности: тез. докл. науч.-практ. конф., 18–19 окт. 1988 г. / Перм. филиал Урал. отд-я Сов. социол. ассоц.; Перм. политехн. ин-т; Перм. дом науки и техн. – Пермь, 1988. – С. 3–5.

Файнбург З.И. Коллективность в современном обществе // Коллективность в современном обществе: тез. докл. науч.-практ. конф. / Перм. политехн. ин-т; Перм. дом науки и техн. Союза НИО СССР. – Пермь, 1990. – С. 3–6.

Монографическое изложение формационной теории становления коллективистского общества

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма / под ред. д-ра филос. наук, проф. В.П. Красавина. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1982. – 138 с.

Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: очерки теории. – М.: Политиздат, 1991. – 319 с.

Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: современная утопия в облике научной фантастики / Мемориальное издание под общей редакцией проф. Г.З. Файнбурга; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2007. – 280 с.

Общий список опубликованных работ

Научный тандем: Файнбург Захар Ильич – Козлова Галина Петровна: Биобиблиографический указатель / сост.: Н.В. Якшина; консультант Г.З. Файнбург; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2004. – 84 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**План-проспект книги
ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА
(социально-экономические очерки)
[1966 г.]**

З.И.Файнбург

Краткая аннотация

Книга представляет собой общетеоретическое исследование исторического места социалистического общества в общем ходе общественного развития и в развитии коммунистической формации в частности. Источники движения и самодвижения социалистического общества, его главное противоречие, специфика социальной структуры социализма, его духовной культуры и идеологии, проблема отчуждения в условиях социализма, вопросы развития общества на высшей фазе коммунизма и т.п. – вот далеко неполный перечень рассматриваемых в книге проблем. Постановка большинства этих проблем дискуссионна.

Книга представляет собой очерки по отдельным проблемам исторического места социализма, однако они связаны между собой логикой проблемы и расположены в строго определенной последовательности.

Книга предназначена для специалистов в области социологии, политэкономии, философии, для аспирантов и студентов соответствующих специальностей, а также может быть полезной пропагандистам и всем интересующимся проблемами теории коммунистической формации.

Содержание книги.

Введение. Постановка проблемы.

Глава I. Вопросы анализа социализма как динамической системы. Ретроспективный анализ современности.

Глава II. Социализм как самодвижущаяся система. Самодвижение и планомерность.

Глава III. Об основном противоречии социализма.

Глава IV. К вопросу о диалектическом отрицании при переходе от капитализма к коммунизму.

Глава V. Проблема «разграничительных линий» этапов развития коммунистической формации.

Глава VI. Разделение труда и характер труда при социализме и коммунизме.

Глава VII. Исторические формы индивидуального потребления при социализме и коммунизме.

Глава VIII. Социально-классовая структура социализма и проблема социальной структуры высшей фазы коммунизма.

Глава IX. Проблема стимулов и их развитие при переходе от социализма к коммунизму.

Глава X. От «цивилизации вещей» к «цивилизации людей».

Глава XI. Духовная культура и идеология при переходе от социализма к коммунизму.

Глава XII. Проблемы формирования личности при социализме и коммунизме.

Глава XIII. Высшая фаза коммунизма: как цель, как состояние и как процесс.

Заключение.

Предполагаемый объем книги – 20 п.л.

Предполагаемый тираж – примерно 4–5 тыс. экз.

Автор: кандидат экономических наук, доцент З.И. Файнбург, заведующий кафедрой научного коммунизма и руководитель социологической группы Пермского политехнического института, член Научного совета по социологическим исследованиям при Президиуме АН СССР, член правления Советской социологической ассоциации.

План-проспект книги
СОЦИАЛИЗМ:
Краткий конспект системной трактовки явления
[1974 г.]

З.И. Файнбург

Структура работы

Раздел I. Философия.

Раздел II. Политэкономия.

Раздел III. Социология.

Раздел IV. Сознание и социальное самосознание.

Работа представляет собой попытку краткой конспективной характеристики социализма как специфического исторического этапа развития общества. Основным замыслом был системный (целостный) анализ социализма. На абсолютную полноту не может рассчитывать ни одна энциклопедия, а тем более – монографическое исследование, каковым является наш конспект.

Ряд вопросов прорабатывался нами ранее в уже опубликованных работах, ряд вопросов в конспекте прорабатывается впервые. При этом разные привходящие соображения не принимались во внимание, так как конспект был написан для уяснения вопроса самому себе, для систематизации своих представления по этой проблеме. В конспекте излагается только теоретический аспект проблем, причем изложены преимущественно постулаты: аргументация в развернутом виде в тексте изложения отсутствует. Такого рода аргументация содержится в работах, послуживших нам источниками для данного конспекта. Но и в тех случаях, когда какие-либо постулаты приводятся впервые, подробную аргументацию мы вынуждены снять в тексте конспекта из-за ограниченности его размеров, не оставляя надежды воспроизвести ее в других публикациях.

Охарактеризованное выше отношение к изложению в тексте конспекта аргументации его основных постулатов обусловило и

минимальное количество ссылок на литературные источники. Конспект опирается на очень большое количество литературных источников, но воспроизвести здесь все ссылки на них практически невозможно.

Раздел II конспекта и некоторые части раздела III написаны в соавторстве с Г.П. Козловой.

Раздел I. ФИЛОСОФИЯ

1. Проблема соотношения всеобщего и специфического в законах диалектики (в том числе социальной). Всеобщее, всеобщее (всеисторическое) и конкретно-историческое. Социализм как специфическая историческая форма всеобщего.

2. Самопротиворечивость общественных явлений. Исторический процесс и генезис социальной самопротиворечивости (в том числе социальный антагонизм как предсоциальная форма противоречия в становящейся социальности). Объективное противоречие и целенаправленная (субъектная) деятельность. Метафизический диалектизм (противоречие = недостатку, изъяну) как социально-исторический феномен.

3. Абсолютное и относительное в историческом социальном процессе. Объективный ход истории и неизбежность ее восприятия через призму ценностного сознания. Прогрессивность данного исторического состояния общества и методология оценки степени прогрессивности. Принципиальная ограниченность в каждый данный момент знания и развертывание этой закономерности познания в социальном самосознании.

4. Естественно-исторический процесс социального развития и целенаправленная (субъективная) деятельность. Соотношение объективного и субъективного, закономерного и случайного в социальном процессе. Принципиальная стохастичность социальных процессов и социальная организация.

5. Проблема принципиальной рубрикации исторического процесса. Историческое место социального феномена. Проблема измерения (оценки) социального развития. Объективное и субъективное в типологизации социальной истории. Формирование субъективного как выбор точки зрения. Историческое место социализма как

конкретное приложение общеметодологических принципов рубрики социального процесса. Проблема «переходности» в определении сущности социального феномена: соотношение абсолютного и относительного в понятии «переходности» отношений.

6. Марксистско-ленинская концепция социально-исторической формации. Исторические критерии содержательной характеристики понятия формации. Экономическое и «сверхэкономическое» в применении концепции формации и проблема периодизации коммунистического общества.

7. Проблема диалектического отрицания в историческом процессе. Соотношение отрицания и преемственности при революционных сменах типов социальных отношений, проблема смены качества социальных явлений как исторических процессов (т.е. процессов, идущих во времени). Социальное время и качественные изменения свойств социальных явлений.

8. Диалектика всеобщего и единичного в социальном процессе: соотношение «уровня истории» и «уровня биографии». Абстрактная концепция развития (в применении к данному «конкретному» периоду) и восприятие социальной системы личностью. Два уровня характеристики капитализма в «Капитале». К. Маркс и буржуазная интерпретация марксовых законов развития капитализма. Объективное и субъективное в восприятии социализма.

9. Социальная история и основной вопрос философии. Исторический генезис основного вопроса философии и социалистическое общество.

Раздел II. ПОЛИТЭКОНОМИЯ

1. Смена исторического типа материального производства в целом как предпосылка смены типа, характера и роли экономических отношений.

Смена исторического типа труда как непосредственная предпосылка смены исторического типа политэкономии.

2. Творческий труд как новый исторический тип труда.

Соотношение творческого труда и разделенного труда в историческом процессе. Процесс перехода от одного типа труда к другому (логический и исторический аспекты). Элементы «переходно-

сти» в материальном производстве при социализме и проблема исходных оснований для политэкономии социализма. Две главных противоположных конкурирующих концепции: социализм как первая фаза нетоварной экономики и социализм как специфическая (последняя) форма товарного производства.

3. Специфические свойства экономики социализма и проблема их адекватного отражения в логической структуре науки политэкономии.

Логика «Капитала» К. Маркса (общее и особенное) и логика политэкономии социализма. Две противостоящих друг другу главных концепции экономической сущности социализма и два крайних варианта логики политэкономии социализма.

4. Взаимная связь исторического типа труда, отношений собственности, типа продукта в общественном производстве.

Непосредственно обобществленный труд и его взаимосвязь (диалектическое единство) с опосредствованно обобществленным трудом в условиях социализма. Характер и структура общественной собственности в социалистической экономике. Единство общественной и личной собственности в социалистическом обществе. Непосредственно-общественное и индивидуальное присвоение в их единстве в социалистической экономике. Тенденция к перерастанию индивидуального присвоения в индивидуальное потребление при непосредственно-общественном присвоении всего продукта. Иллюзия «исчезновения собственности». Проблема «основного экономического отношения».

«Нетоварный характер товара» – специфическая форма продукта общественного производства в условиях социализма. Диалектическое единство нетоварной и товарной сторон в продукте социалистического производства и проблема доминирующей стороны. Критика концепции «натурализации» экономических отношений при социализме.

5. Отношения собственности и тип общественной организации экономического процесса. Непосредственное обобществление и планомерность. Планомерность как необходимая атрибутивная черта социалистической экономики. Природа и формы дисфункциональности планомерной организации общественного производства. Эволюция планомерной организации общественного произ-

водства в ходе развития социалистического общества. Организация планирования социалистической экономики: институты, формы, уровни, технические средства планирования.

6. Проблема основного экономического противоречия социализма.

Соотношение основного социального противоречия и основного экономического противоречия в досоциалистических обществах и при социализме. Критерии основного экономического противоречия, его органическая связь с конкретно-исторической формой собственности. Апологетические концепции основного противоречия и их критика.

7. Работник социалистического производства и его способность к труду.

Специфические свойства «рабочей силы» в условиях творческого труда: единство и нераздельность общеличных свойств и способности к труду работника. Эволюция категории «рабочая сила» в процессе становления творческого труда. Участие работника в общественном потреблении как предпосылка его участия в трудовом процессе при социализме. Диалектическое соотношение потребления как предпосылки социалистического производства и потребления как его следствия. Рабочий день и изменение самой сущности этой категории в условиях творческого труда. Общественно-экономические формы побуждения работника к труду в условиях социализма.

Диалектическое единство опосредствованного принуждения к труду через материальные стимулы (формула: «Кто не работает, тот не ест») и распределения фонда индивидуального потребления, исходящего непосредственно из потребностей работника (как предпосылки его участия в общественном труде).

Труд и социальное положение индивида в социалистическом обществе. Проблема превращения труда в непосредственную жизненную потребность индивида. Процесс развития диалектического единства необходимости труда для общества в целом и потребности в труде для отдельного индивида.

8. Структура общественного продукта: накопление и потребление в социалистической экономике.

Категории необходимого и прибавочного труда в условиях социалистической экономики: объективные границы и их планомер-

ное варьирование. Проблема оптимизации, с одной стороны, темпов накопления, а с другой – условий функциональности работника социалистического производства. Структура (внутренняя) фонда накопления и фонда потребления (объективно обусловленная) и ее соотношение с плановыми решениями. Исторический экскурс: так называемое «первоначальное социалистическое накопление».

9. Структура общественного продукта: обмен деятельностью и ресурсами.

Проблема пропорций в условиях планомерной организации экономики. Экономический механизм обеспечения обмена деятельностью и ресурсами в социалистической экономике. Планомерное обеспечение баланса народного хозяйства. Денежное обращение и ценообразование. Кредитно-финансовая система социализма. Механизм обеспечения движения ресурсов: материально-техническое снабжение, оптовая торговля, розничная торговля. Планомерное регулирование трудового баланса в обществе в целом и в материальном производстве в частности. Социально-экономическая природа механизма обмена деятельностью и ресурсами в социалистической экономике и эволюция этой природы с развитием социализма.

10. Воспроизводство в социалистической экономике.

Критерии эффективности экономической деятельности при социализме. Соотношение собственно экономической и социальной эффективности. Эффективность общая и частичная, перспективная и текущая. Роль критериев эффективности в качестве регуляторов процесса воспроизводства: объективные требования и планомерное воздействие на экономические процессы.

Воспроизводство материальных и трудовых ресурсов. Демографические процессы в социалистическом обществе и баланс труда. Регулирование распределения и использования трудовых ресурсов через планомерное воздействие на социальную мобильность и планомерное обеспечение профориентации. Проблема реализации жизненных планов в социалистическом обществе.

Потребности, потребление и реализация. Проблема планомерного воздействия на потребление и процессы реализации. Основ-

ные пропорции в материальном производстве, возможные диспропорции и пути планомерного поддержания пропорциональности.

Национальный (народный) доход социалистического общества и планомерное воздействие на его производство, распределение, перераспределение и использование.

Воспроизводство социалистических производственных отношений и процесс социального развития. Соотношение развития производственных и социальных отношений в социалистическом обществе.

11. Распределительные отношения и социальная структура социалистического общества.

Распределение по труду и его влияние на социальные классы, группы и слои социалистического общества. Распределение фонда непосредственно-общественного потребления и его влияние на социальную структуру: функциональное осуществление этого распределения определенным социальным слоем и проблема его положения в обществе (проблема «бюрократии»). Распределение по потребностям и становление новой социальной структуры.

Социальное дифференцирование «по способностям» и экономические факторы этого типа дифференцирования. Экономические отношения и проблема преимущественных позиций в социальной структуре (социальных привилегий) в развивающемся социалистическом обществе. Отношения распределения и проблема социального равенства.

12. Историческая тенденция развития социалистической экономики.

Развитие социализма как «вымывание» элементов переходности и становление так называемого «развитого» состояния. Единство и различия экономических черт социализма и высшей ступени коммунизма. Базисная роль экономических отношений (специфика и основные черты) в обществе коммунистического типа. Понятие «стабилизированной экономики»

Раздел III. СОЦИОЛОГИЯ

1. Проблемы социальной структуры.

Проблема основной исторической единицы социальной структуры в условиях социализма. Так называемое «бесструктурное об-

щество»: источники заблуждения и его критика. Новые черты социальной структуры и их развитие. Коллективизм как новая объективно обусловленная специфическая форма общественной связи и социальное структурирование.

Внутренние конфликты коллективизма. Группы непосредственного функционирования и группы общей жизнедеятельности в условиях коллективистского общества: специфика формирования и функционирования. Диалектика смены старых элементов социальной структуры (нация, класс и т.д.) новыми. Внутренние противоречия как источник развития новой социальной структуры. Социальное равенство и структурирование общества.

2. Социальная организация и управление социальными процессами.

Исторические типологические черты социальной организации социалистического общества. Политическая организация общества и ее эволюция в условиях социализма.

Иерархическая структура политической организации и внутренние специфические противоречия ее функционирования и развития в условиях социализма. Проблема идеологического обеспечения функционирования политической организации общества в условиях социализма: специфические требования к идеологическим институтам (рецидивы религиозоподобного сознания, Робеспьер и его культ «Верховного Существа», так называемый «культ личности» и т.п.) и их соотношение с научным социалистическим сознанием.

Принципиальная универсальность социальной организации нового типа и специфические особенности ее развития в условиях социализма.

Управление как социальная привилегия и управление как функциональная деятельность. Универсальность социальной организации и всеобщность участия в управлении: диалектическое единство и взаимопереходы субъекта (управляющего) и объекта (управляемого) управления. Соотношение управления вещами и людьми в социалистическом обществе: управление и самоуправление и тенденции развития их соотношения. Самоуправление, самоконтроль и их развитие с развитием социалистического общества. Противоречия социалистического управления и самоуправления.

3. Типологические черты социалистической культуры.

Смена исторического типа культуры с переходом к социализму. Процесс постепенного отмирания культуры индивидуализма, «эквивалентных отношений», функциональной оценки человека, «вещизма» и т.п. как одновременный процесс становления новой культуры. Основные черты и внутренние противоречия социалистической культуры. Социалистическая культура и культура социалистического общества: единство и различия. Соотношение изменений во времени экономики, социальных отношений и культуры. «Шаг» культуры во времени и проблема разнопорядковости изменения во времени культуры и других компонентов общества. Культура и личность, культура и социальный слой: процессы интеграции и дифференциации по типам культуры в социальной структуре социалистического общества. «Вертикальная» и «горизонтальная» дифференцированность культуры и тенденции изменения их соотношения с развитием социализма.

4. Семья в условиях социализма.

Факторы, определяющие существование семьи. Снижение роли экономического и возрастание роли социально-культурного фактора формирования семьи. Эмоциональные факторы брака и их соотношение с рационально-социальными. Исторический генезис понятия стабильности брака, критика метафизического, абсолютизированного понимания этой стабильности. Семья и дети, семья и процесс социализации. Характер семьи и функциональность данной социальной системы. Основные тенденции и противоречия развития семьи.

5. Личность и социалистическое общество. Личность и индивидуальность. Образ жизни.

Единство личности и общества. Личность как индивидуализация социального (всеобщего). Творческий труд как предпосылка изменения роли и характера самореализации личности в обществе. Самореализация личности как фактор функциональности социальной системы в целом (генезис явления и его специфические черты в условиях социализма). Основные специфические для социализма направления самореализации личности: творчество, умение, честность, гедонизм, внешние формы и т.д. Рецидивные формы самореализации: стяжательство, потребительство, властолюбие и др.

Бюрократия как специфическая рецидивная форма самореализации (типажи «начальника», «аппаратчика» и т.п.). Общая концепция норм-целей для условий социализма: историческая детерминация целей и субъективное их варьирование. Проблема комплекса неполноценности и специфических для него форм самореализации как социальная проблема. Компенсаторные формы самореализации. Общая концепция норм-рамок для условий социализма: ужесточение граничных требований при возрастании степеней внутренней свободы. Социальный контроль в форме самоконтроля. Проблема индивидуальных способностей как важнейшего фактора самореализации. Психологические (генетические) предпосылки способностей и их трансформация в реальные социальные способности в процессе социализации.

Необратимость процесса формирования способностей и обусловленные этим социальные конфликты. Специфические особенности и структура процесса социализации в социалистическом обществе. Личность и индивидуальность в коллективистском обществе. Принципиальная функциональность с точки зрения общества в целом максимальной вариативности индивидуальности в условиях социализма. Личность и ценности.

Личность и социальная активность. Понятие социалистического образа жизни: общие черты, внутренняя типология, предположительные модели распределения.

6. Проблемы человеческого расселения. Урбанизация и деурбанизация. Человек и среда.

Основные собственно социальные факторы, определяющие характер и форму человеческого расселения (функционирование, общение, концентрация культурного потенциала, экономия труда, эмоциональный фактор). Сосредоточенное поселение (основные исторические формы в их генезисе) и рассредоточенное (формы и генезис). Противоречивость развития исторических форм расселения. Коммунистическое общество и урбанизация: урбанистический характер начальных этапов коммунистической цивилизации. Специфические черты социалистического урбанизма и противоречивость его развития. Преобладание собственно экономических критериев формирования типа расселения при социализме. Отношение

к природе по формуле экономической бедности и научно-технической слабости: «Мы не может ждать милостей от природы, взять их – наша задача» (И.В. Мичурин). Проблема становления новых типов расселения с развитием коммунистического общества. Деурбанистические тенденции. Неурбанистический характер сосредоточенных поселений будущего. Универсальность и индивидуализация жилой ячейки. Восстановление единства человека с природой на новой, более высокой основе так называемой «биологической цивилизации». Восстановление естественных ландшафтов, природного равновесия и т.п.

7. Человек и машина (робот), человек и сверхчеловек.

Критика технократических концепций, сводящих человека к частичной функции (буржуазный характер технократизма во всех его вариантах).

Принципиальное размежевание человеческого (целостного) и машинного (частичного). Границы использования машины, имеющие источником социальную сущность человека. Принцип: «Можно, но не нужно», – в применении к проблеме применения машин (применения искусственного в принципе). Единство и противоречивость принципов функциональной и имитирующей робототехники.

Социальный аспект проблемы эволюции человеческого вида. Проблема качественной границы изменения (совершенствования) человеческого организма. Задача управления свойствами и параметрами человеческого организма и проблема границы человеческого и социального. Критика концепций «сверхчеловека», «цивилизации роботов» и т.п. Человеческое и социальное как специфическое, граничное, бесконечное в конечном. Проблема смерти и бессмертия как специфическая проблема будущей истории.

8. Социальные аспекты проблемы освоения космоса и контакта цивилизаций.

Социальные корни тенденции к освоению космоса: научные, экономические, собственно личностные факторы (Ст. Лем. «Возвращение со звезд»), поиски «зеркала цивилизации», абсолютной системы координат и т.п. Иллюзорное и реальное в соотношении этих факторов. Проблематичность узкого внешнего практицизма контакта цивилизаций («Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких) и

относительно высокая внутренняя социальная эффективность. Проблема Контакта как специфическая социальная проблема коммунистической эпохи.

9. Социальное прогнозирование и социальное планирование.

Объективная необходимость долгосрочного социального прогнозирования и его социальная функция. Иерархия и формы прогнозов. Методологические и методические вопросы социального прогнозирования. Дисфункциональность непрогнозирувавшихся социальных изменений в условиях социализма. Социальное прогнозирование и социальная планомерность.

Универсальность социальной организации социалистического общества и необходимость универсального социального планирования. Проблема планомерного управления личностными свойствами и процессом их формирования. Специфические черты планомерного воздействия на внеэкономические (собственно социальные) процессы. Эффективность социальных изменений (социального планирования). Проблема критериев оценки и методики интегрирования разнородных и разнопорядковых частных эффектов. Общество как планомерно управляемый целостный (системный) феномен.

10. Социальные изменения.

Общество как динамическая система. Объективное и субъективное в социальной динамике. Ограниченность управления социальным и бесконечность социального процесса. Механизм социального изменения в условиях социализма и внутренние противоречия процесса. Критерии динамизма социальной системы и закономерности динамических свойств исторических социальных систем. Проблема конечного и бесконечного в общем процессе социального развития.

Раздел IV. СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

1. Социология знания в условиях социалистического общества.

Социальная обусловленность типа и функции знания. Знание и социальная структура социалистического общества. Реально сосуществующие типы знания и собственно социалистический тип: проблема генезиса и эволюция соотношения. Социальное знание и

социальные интересы. Консервативная и динамическая тенденции: их объективная обусловленность, их конфронтация, пути разрешения противоречия (тенденция развития реальных отношений как разрешение противоречия). Структурно-гносеологические компоненты знания, структурно-морфологические компоненты. Генетический аспект анализа структуры знания. Историческая прогрессивность и историческая ограниченность специфического для социализма типа знания.

2. Мировоззрение и идеология в социалистическом обществе.

Объективные социальные предпосылки становления целостного научного мировоззрения (аналогия со становлением научного естествознания в XVII–XVIII вв.). Социальное самосознание, базирующееся на науке как неотъемлемый (системный) элемент научного мировоззрения. Историческая ограниченность (абсолютное и относительное) в научном мировоззрении.

Мировоззрение и идеология: единство и противоположность. Внутренняя конфронтация позитивного научного знания и выражения конкретного социального интереса в социалистической идеологии. Смещение акцента в ту или другую сторону в зависимости от социальной позиции данной группы, слоя, отдельного индивида. Социалистическая критика и социалистическая апологетика. Политическая организация социалистического общества как предпосылка канонизации (идеологизации) определенных моментов научного мировоззрения. Так называемый «метафизический диалектизм» в качестве примера. Принцип «жареного петуха» в развитии социалистической идеологии. Теоретики, апологеты, пропагандисты стереотипов – основные категории разработчиков мировоззрения и конфронтация между ними. Социальные и методологические предпосылки формирования рецидивных форм идеологии: бюрократической, технократической, индивидуалистической, потребительской и др. Процесс сужения базы этих форм идеологии с развитием социализма.

3. Научное сознание и религиозное сознание: проблемы перехода одного в другое (взаимная трансформация противоположностей), преемственности и отрицания.

Социальный процесс движения научного мировоззрения от принадлежности профессиональных теоретиков к принадлежности всех.

Религиозоподобная форма первоначального освоения научного мировоззрения (религиозоподобная форма материалистической диалектики, религиозоподобное социальное знание, религиозоподобный атеизм и т.п.) массами: социальные корни (единство типа знания и социального положения), основные тенденции развития. Соотношение теоретического и обыденного сознания в формировании социального самосознания и тенденции развития этого соотношения с развитием социализма. Противоположность и черты единства в гносеологическом механизме научного и религиозоподобного сознания. Диалектика их взаимного отрицания. Политическая организация как питательная среда религиозоподобного сознания.

4. Жизнедеятельность индивида и тип сознания.

Основные факторы (и основные альтернативы) жизнедеятельности, непосредственно воздействующие на тип сознания и самосознания: творческая или стереотипическая деятельность, универсальность или узкая специализация в функционировании, единство образного и логического или акцент на что-либо одно в деятельности, соотношение импульсивной деятельности и самоанализа в поведении и т.п. Внутренние противоречия индивидуального сознания и процесс формирования его содержания. Биография и самосознание. Рецидивные формы социального самосознания: эгоцентристское, функционалистское, фанатическое, эклектическое, начетнический алогизм (ценностные пристрастия), скептическое и т.п. «Правверные» и «еретики» – как конфронтация социальных интересов.

Личность, осознающая себя винтиком, и личность, осознающая себя «Верховным Существом». Единство фанатизма и политического шарлатанства «живых богов». Осознанная (сознательная) научная убежденность: единство критического и утверждающего начала, специфика межличностных отношений, специфика выполнения субъективных и объектных социальных ролей, взаимоотношения с политической организацией и ее идеологическими аксиомами (догмами). Социальная эволюция социализма и тенденции развития индивидуального сознания.

5. Этические аспекты научного мировоззрения.

Тип деятельности как предпосылка и основание этического сознания. Внутренняя этика творческой деятельности и ее воздей-

стве на общую этику жизнедеятельности в социалистическом обществе.

Типы труда и типы морали труда при социализме. Социальная структура социализма, мобильность и соревновательные отношения – и их отражение в этических нормах, в этическом сознании. Этические противоречия соревновательной деятельности в социалистическом обществе, межличностные конфликты и их морально-этический аспект. Рецидивные формы морально-этического сознания. «Мораль успеха» в социальных иерархиях социалистического общества (специфических и рецидивных).

Соотношение традиционного и специфического в социалистическом этическом сознании. «Этический рационализм» и «прагматический гуманизм» научного сознания как отражения его внутренней противоречивости. Новые технические средства и новые порождаемые на их основании этические нормы. Соотношение консервативных (сохраняющихся) и динамических (изменяющихся) элементов в морально-этическом сознании при социализме.

6. Научное сознание и искусство.

Рациональное и эмоциональное в человеческом поведении: единство и противоположность. Научное самосознание и эмоциональное восприятие мира.

Единство логического и образного в познании. Человек и искусство. Специфические черты формы развития искусства в условиях творческого труда, новых принципов культуры и т.п.: эстетическое как среда, преодоление узкопрагматического отношения к искусству, абсолютизации рациональности и т.п.

Творческое отношение к искусству: активный и пассивный варианты творчества. Рецидивные формы отношения к искусству в условиях социализма: гипертрофированный вульгарный идеологизм, гипертрофия критерия пользы и др. Искусство как канал самореализации личности и социальный аспект этой самореализации в условиях социализма. Искусство как отражение историко-социальной специфики социализма.

7. Массовые коммуникации и индивидуальность. Массовые коммуникации и тип деятельности. Творческое и стереотипическое в информации, идущей и воспринимаемой через массовые комму-

никации. «Усредненный» зритель (читатель, слушатель) средств массовой коммуникации. Проблема дифференцирования информации. Объективная обусловленность стимулирования развития индивидуальности в социалистическом обществе и средства массовой коммуникации.

Мировоззрение и идеология в информации, вульгарный идеологизм, прагматизация искусства и т.п. Социальные интересы и средства массовой коммуникации: проблема манипулирования. Основные тенденции развития средств массовой коммуникации в условиях социализма и факторы, предопределяющие это развитие.

8. Осознание личностью своих ролей субъекта и объекта социально-исторического процесса.

Реальное выполнение социальной функции как предпосылка адекватного осознания своей социальной роли на основе научного мировоззрения. Реальные социальные роли индивида в социалистическом обществе и внутренняя противоречивость их структуры: профессионализация управления, занятий и творческой деятельностью, причастности к искусству, спорту и т.д.

Иерархия ролей (ее специфические черты: подвижность, относительность, невозможность монополизировать роль и т.п.) и иерархия осознания своей социальной функции, иерархия социальной активности и т.п.

Творческое отношение к труду как нормативное требование высшей социалистической производительности и реальное выполнение функций «хозяина»: объективная внутренняя противоречивость их соотношения. Социальная структура и социальная активность при социализме. Восприятие личностью объективного аспекта ее социального статуса и критерии так называемого «счастья». Внутренняя противоречивость самосознания личности как отражение противоречивости ее ролей субъекта и объекта исторического социального процесса. Триумфы и трагедии социалистического самосознания.

К. Маркс о зависти как рецидиве частнособственнического отношения. Эмоция «причастности» – специфический элемент нового самосознания. Социальная активность личности и проблема со-

циальной динамики. Перецы и Кандиды¹ социальной динамики при социализме. Самосознание личности и социальный прогресс.

9. Социальное воображение и феномен утопии.

Социальная активность как необходимая предпосылка социального воображения. Социальная утопия как продукт социального воображения. Научное знание и социальная утопия: диалектическое единство и альтернативность явлений (понятий). Образная форма и социальная утопия в системе научного мировоззрения. Функциональные эффекты образной утопии. Основные формы образной утопии в социальной среде социализма. Тип социальной среды и доминирующий аспект утопии: «утопия индивида» и «обобществленная утопия» (реализация индивидуалистского и коллективистского сознания в утопии). Единство прошлого, настоящего и будущего как новая черта социального самосознания развитого социалистического человека и ее реализация в утопии. Социальная утопия как выражение и предпосылка целенаправленной и сознательной социальной активности в социалистическом обществе. Социальная утопия как вариант «популярной» социальной философии масс. Второстепенный характер комментаторских функций социальной утопии. Развитие (расцвет) социальной утопии как одно из отражений исторической смены предмета философии.

¹ Перец и Кандид – главные герои научно-фантастической повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне», принадлежащей к жанру социальной фантастики. Отправляясь от однотипной позиции, от однотипного сознания, в конце концов развития сюжета Перец и Кандид по разному решают поставленную перед ними жизнью проблему ВЫБОРА – главную проблему для интеллигенции в современном мире и закономерно оказываются на разных (точнее на противоположных) жизненных позициях. Развернутые характеристики Переца, действующего в забюрократизованном «Управлении», и Кандида, борющегося со злом во враждебной стихии «Леса», даны З.И. Файнбургом в написанной в 1968 году, но опубликованной лишь спустя 40 лет рецензии: Файнбург З.И. Философская художественная фантастика и некоторые социальные реалии современности: размышления по поводу философской фантастической повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Улитка на склоне» // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга, Пермь, ноябрь 2008 г. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2008. – Том II. – С. 208-234. – Издатель.

**План-проспект книги
ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА
[1976 г.]**

З.И. Файнбург

Книга посвящена одной из центральных проблем марксистско-ленинской теории общественного развития. Соревнование двух систем – социализма и капитализма – делает проблему исторического места социализма одной из наиболее актуальных в настоящее время. В книге предпринята попытка, отходя от критериев формационного подхода, рассмотреть социализм как целостное явление. В работе дан не простой последовательный перечень сфер социалистического общества, а в каждой из них выделены такие проблемные вопросы, которые в данный момент наиболее актуальны с точки зрения исследования исторического места социализма.

По всем разделам работы красной нитью проходит анализ характера самодвижения социалистического общества, анализ эффективности социализма.

Книга предназначена для читателя, глубоко интересующегося марксизмом-ленинизмом, работающего над углубленным усвоением теории.

Историческое место социализма.

10 п.л.

Введение

Глава 1. Методологические вопросы марксистского подхода к проблеме исторического места социализма.

Глава 2. Производительные силы социалистического общества.

2.1. Развитие техники производства и научно-техническая революция.

2.2. Развитие рабочей силы и смена исторического типа труда (функциональный: аспект).

Глава 3. Экономические отношения социализма: генезис, сущность, тенденции развития.

Глава 4. Социальная структура социализма: становление бесклассовой структуры и взаимодействие классов при социализме.

Глава 5. Организация общественного процесса при социализме: преимущества и проблемы.

Глава 6. Общество и личность в условиях социализма: взаимоотношения и тенденции развития взаимосвязи.

Глава 7. Социалистическая культура: генезис, сущность и характер взаимосвязи с другими элементами общественных отношений.

Глава 8. Социалистическое сознание и социальное самосознание при социализме.

Глава 9. Развитие коммунистического общества и проблема членения его истории по формационным критериям,

Заключение.

З.И. Файнбург, доктор философских наук, профессор ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА

Введение. Постановка проблемы, краткая характеристика ее освещения в литературе. Её политическая актуальность, определяющая практическое значение исследования проблемы. Специфика данной работы.

Глава 1. Методологические вопросы марксистского подхода к проблеме исторического места социализма.

Теоретическое наследие: исследование исторического места капитализма в целом и империализма в классической литературе (работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина). Формационный подход как основа постановки проблемы исторического места социализма. Требования системности анализа: целостность и структура, элементы и их связи. Анализ самодвижения как выявление самого существенного в данном общественном строе. Генетический аспект проблемы: соотношение предпосылок социализма и его свойств. Специфические черты социалистической революции. Диалектическая природа исторического отрицания при переходе к социализму. Формация в целом и принципы выделения отдельных фаз (ступеней) ее развития.

Глава 2. Производительные силы социалистического общества.

Закономерности взаимной связи количественных и качественных характеристик производительных сил социализма. Предпосылки социализма в материально-технической базе капитализма и проблема индустриализации.

2.1. Развитие техники производства и научно-техническая революция.

Исторические ступени развития орудий труда и специфические черты материально-технической базы производства. Техника и природа. Проблема объективизации производственного эффекта на основе тенденции автоматизации. Начальные фазы развития научно-технической революции в условиях капитализма и социализма. Проблема соревнования с капитализмом в области техники и тенденции последующего развития научно-технической революции в условиях социализма.

2.2. Развитие рабочей силы и смена исторического типа труда (функциональный аспект).

Развитие орудий труда и функциональных требований к работнику. Функциональные требования к работнику как одна из предпосылок социальных отношений на производстве. Смена общественно-разделенного труда новым историческим типом труда – трудом творческим. Степень развития нового исторического типа труда в условиях социализма. Взаимная связь и обусловленность функционального содержания труда и его социально-экономического характера.

Глава 3. Экономические отношения социализма: генезис, сущность, тенденции развития.

Развитие производительных сил и объективная обусловленность исторического типа обобществления – общественной собственности. Непосредственно-общественный труд и степень его развитости при социализме. Социально-экономический аспект нового исторического типа труда. Основное экономическое противоречие социализма. Основной экономический закон социализма. Всеобщая обязательность труда при социализме. Соревновательное отношение к труду при социализме. Новые критерии общественного богатства при социализме. Распределительные отношения при социализме. Условия и критерии экономической эффективности при социализме. Историческая прогрессивность экономики социализма и тенденции воспроизводства социалистических производственных отношений при движении общества к коммунизму.

Глава 4. Социальная структура социализма: становление бесклассовой структуры и взаимоотношения классов при социализме.

Объективный характер тенденции к становлению бесклассовой социальной структуры. Диалектика взаимодействия унаследованной от капитализма социальной структуры и новой социальной структуры социализма. Новые свойства классов в условиях социализма. Взаимосвязь национальной и классовой структур общества при социализме. Народ социалистического общества в качестве новой социальной общности. Роль участия в труде в формировании новых черт социальной структуры при социализме – становления бесклассовой социальной структуры. Ведущая роль рабочего класса в социальной структуре социализма и в становлении бесклассовых отношений. Историческая прогрессивность социальной структуры социализма.

Глава 5. Организация общественного процесса при социализме: преимущества и проблемы.

Стихийность и планомерность как две противоположные системы организации общественного процесса. Историческая прогрессивность планомерной организации и ее генезис. Планомерность как всеобщий закон социальной организации при социализме. Научность как важнейшее свойство планомерной социальной организации. Новый характер управления социальными процессами в условиях социализма. Всеобщая коллективность управления – участие всех в управлении как важнейшая предпосылка эффективности социальной организации при социализме. Управление и самоуправление как диалектическое единство. Основные институты социальной организации: партия, государство, общественные организации и т.п.

Ведущая роль партии в социальной организации социализма как отражение политического содержания социальной организации (реализация ведущей роли рабочего класса в социальной структуре и социальном развитии при социализме).

Глава 6. Общество и личность в условиях социализма: взаимоотношения и тенденции развития взаимосвязи.

Личность как средство в эксплуататорских формациях и личность как самоцель в коммунистическом обществе. Проблема формирования коллективизма (сменяющего индивидуализм буржуаз-

ного общества). Уровни коллективности в обществе. Проблема свободы личности в обществе: состояние, тенденции, противоречия. Основные аспекты нравственности и морали в условиях социализма. Единство и различия целей личности и целей общества. Основные формы самореализации личности в условиях социализма и соревнования «по способностям». Ценностные ориентации личности в условиях социализма. Социалистический образ жизни.

Глава 7. Социалистическая культура: генезис, сущность и характер взаимосвязи с другими элементами общественных отношений.

Сущность и исторические типы культуры: детерминированность генезиса культуры. Классовое дифференцирование культуры. Преодоление культурного наследия эксплуататорского общества как одно из необходимых условий победы и развития социализма. Проблема «культурной инерции»: взаимодействие культуры и других сфер общества в процессе строительства социализма и его последующего развития. Культурная революция и ее взаимосвязь с социально-экономическим развитием. Институты культурной жизни общества и их специфика в условиях социализма. Ценностный и идеологический контекст культуры. Взаимосвязь изменений в социальной структуре и культурного развития. Развитие культуры как фактор реализации исторической эффективности социализма.

Глава 8. Социалистическое сознание и социальное самосознание при социализме.

Социальное развитие и смена исторических типов сознания: становление сознания, научного по своему типу. Общественное сознание и сознание класса, социальной группы, личности. Генезис социалистического сознания. Социальная структура общества и структура сознания в социалистическом обществе. Остаточные формы «религиозоподобного» сознания в социалистическом обществе. Генезис научного сознания и его противоречия. Превращенные формы социального самосознания и их преодоление в ходе развития социалистического общества. Осознание личностью в единстве своих функций субъекта и объекта истории в социалистическом обществе. Социальное самосознание при социализме и социальная активность.

Глава 9. Развитие коммунистического общества и проблема членения его истории по формационным критериям.

Характер социального развития в условиях коммунистической формации и «внутренние» для формации критерии прогресса. Самодвижение коммунистического общества. Специфические черты зрелого социализма и тенденции его объективного развития. Соотношение изменений экономики и изменений в других сферах общества в процессе социального развития коммунистической формации.

Проблема «внутренних» критериев формационного членения в коммунистическую эпоху истории. Историческая прогрессивность коммунизма и неизбежность его утверждения. Коммунизм как цель и коммунизм как реальность: диалектика поступательного хода истории. Исторические судьбы коммунистической формации как целого.

Заключение. Общие выводы по теме исследования. Некоторые рекомендации по дальнейшему направлению исследовательской работы, по более глубокой постановке проблемы исторического места социализма при самостоятельном освоении теоретического богатства марксизма.

Предполагаемый объём работы: 10 п. л.

Степень готовности: имеется черновой вариант рукописи.

Сведения об авторе: Файнбург Захар Ильич, доктор философских наук и кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой научного коммунизма Пермского политехнического института; руководитель лаборатории социологии того же института.

**План-конспект спецкурса
ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗМА:
Методологический аспект проблемы
(Монографическое изложение
содержания специального курса лекций)
[1983 г.]**

З.И. ФАЙНБУРГ, доктор философских наук, профессор
Г.П. КОЗЛОВА, кандидат экономических наук, доцент

От авторов.

Данный курс лекций представляет собой монографическое конспективное изложение проблемы, в той или иной форме отраженной в научных публикациях авторов, и составивших содержание специального курса лекций, прочитанного З.И. Файнбургом в Латвийском государственном университете осенью 1983 г.¹ Он также отражает вопросы, ставившиеся авторами в курсах научного коммунизма (З.И. Файнбург) и политэкономии (Г.П. Козлова), много лет читаемых ими для студентов в Пермском политехническом институте, а также в лекциях на методологических семинарах кафедр общественных наук и в системе партийного просвещения.

Текст специального курса представляет скорее конспективное изложение материалов к лекциям, но отнюдь не является стенографическим изложением реально прочитанного курса. По характеру интерпретации материала он ближе к монографии и отличается от нее несколько меньшей проработкой библиографических аспектов текста, меньшим количеством примеров и иллюстраций.

Авторство лекций распределяется следующим образом: Лекция 1 – З.И. Файнбург и Г.П. Козлова, лекции 2, 3 – З.И. Файнбург, лекции 4, 5, 6 – З.И. Файнбург и Г.П. Козлова, лекция 7 – Г.П. Коз-

¹ Конец фразы со слов «и составивших...» дописан при правке. Это значит, что первоначальный текст, по крайней мере план лекций, был набросан летом 1983 г. в ходе подготовки к лекциям. После лекций осенью 1983 г. текст закономерно подвергся правке. – Издатель.

лова и З.И. Файнбург, лекция 8 – З.И. Файнбург и Г.П. Козлова, лекции 9, 10 – З.И. Файнбург.

Авторы выражают свою признательность коллективам кафедр научного коммунизма и политэкономии, а также лаборатории социологии Пермского политехнического института, слушавшим и обсуждавшим их лекции, положенные в основу данного спецкурса.

Содержание спецкурса:

Лекция 1. (вводная). Историческое место формации или формационной фазы (социализма): понятие и общая методология исследования проблемы.

Лекция 2. Теоретическое освоение направленности исторического процесса. Генезис теоретического содержания проблемы исторического места социализма.

Лекция 3. Смена капиталистической формации коммунистической: критерии прогрессивного развития.

Лекция 4. Противоположность формационных свойств капитализма и коммунизма (социализма) как его историческое свойство и как объяснительный принцип его теоретического анализа.

Лекция 5. Коллективность как новая историческая форма социальности. Определяющее (основное) социальное отношение и основные социальные противоречия социализма.

Лекция 6. Новое соотношение объективного и субъективного в социальном процессе в коммунистической формации. Планомерность как форма организации, функционирования и развития общества как коллективности.

[В процессе написания конспекта лекций в каждой лекции были сформулированы три основных вопроса. - Издатель].

Лекция 1:

1. Понятие исторического места общественно-экономической формации в социальной философии марксизма.

2. Общая методология исследования исторического места формации и специфика ее применения по отношению к коммунистической формации.

3. Проблема исследования исторического места коммунистической формации и дискуссия о предмете научного коммунизма как самостоятельной отрасли обществензнания.

Лекция 2.

1. Три уровня освоения в теории сущности формационных процессов.

2. Социальное развитие и генезис концепции исторического места социализма.

3. Преодоление генетического наследия досоциалистической истории в сознании масс: кризис финалистского восприятия исторического места коммунистической формации.

Лекция 3.

1. История как прогресс общества. Проблема критериев прогрессивного развития (абстрактные и конкретные критерии).

2. Методология сопоставительного анализа прогрессивности капиталистической и коммунистической сущности.

3. Диалектичность прогресса. Корни финализма и его критика в концепции исторического прогресса.

[Лекция 4 и Лекция 5 не сохранились. – Издатель].

Лекция 6.

1. Особенности взаимосвязи объективного и субъективного в обществе как коллективности. Детерминация и сущность доминирования субъективного.

2. Специфическая противоречивость доминирования субъективного начала в социальном процессе. Основное противоречие планомерности. Функциональное и дисфункциональное в планомерной социальной организации.

3. Самодвижение общества как коллективности в процессе взаимодействия объективного и субъективного.

[Вышеприведенный набросок структуры и содержания написанного почти полностью от руки спецкурса, видимо, не удовлетворил авторов (быть может, после прочтения спецкурса), а потому затем была написана другая структура изложения, увеличивающая число лекций (глав) и изменяющая терминологию. Все было переформулировано под понятие «формация». – Издатель.]

Лекция 1. (вводная). Историческое место формации: понятия и общая методология подхода к исследованию.

Лекция 2. Смена формаций и ступени прогрессивного развития.

Лекция 3. Становление в историческом процессе (генезис) социального объекта и три уровня его теоретической интерпретации.

Лекция 4. Закон противоречия и формационный процесс. Особенности действия закона противоречия в коммунистической формации.

Лекция 5. Противоположность формационных свойств коммунизма и капитализма как выражение их исторического соотношения и как объяснительный принцип.

Лекция 6. Соотношение объективного и субъективного в формационном процессе. Специфическая роль субъективного фактора в развитии коммунистической формации.

Лекция 7. Соотношение функционального и дисфункционального в социальном процессе: критерии эффективности формационного развития.

Лекция 8. Проблема исторического места коммунистической формации (социализма) и обоснование предмета научной теории коммунизма¹.

Лекция 9. Развитие формации как целого и развитие образующих ее элементов: проблема взаимосвязи.

Лекция 10. Формационное развитие как целое и его «внутреннее» историческое членение.

¹ Рассмотрение вопроса о предмете научного коммунизма было важно и фактически обязательно для авторов, поскольку лекции спецкурса читались в первую очередь сотрудникам кафедры научного коммунизма Латвийского госуниверситета. – Издатель

План-проспект книги
КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО:
Утопия. Теория. Реальность.
(Популярный очерк исторического места
коммунистической формации).
[1985 г.]

З.И. ФАЙНБУРГ, доктор философских наук, профессор
Г.П. КОЗЛОВА, кандидат экономических наук, доцент

Введение. Коммунизм: реальность против утопии.

Современная идеологическая борьба вокруг идеи и практики коммунизма. Распространенность полуутопических представлений об обществе будущего как о «земле обетованной» и использование этих представлений буржуазными идеологами для борьбы против реального социализма. Идеальное представление об общественном устройстве и реальное общество.

Глава 1. История движется направленно...

История общества как закономерный процесс. Социальные противоречия как источник развития; их воплощение в действии классов и слоев общества. Основная тенденция истории: практическое освоение законов природы (то есть развитие производительных сил) ведет к социальному освобождению человечества. Смена формаций как прогрессивное развитие общества. Движение истории по спирали как образная модель прогресса общества. История и социально-историческое самопознание человека.

Глава 2. Историческое развитие: преемственность и отрицание.

К. Маркс об основном законе смены формаций. Развитие предпосылок коммунистического общества с развитием капитализма. Современные представления об объективных предпосылках социализма. Историческая неизбежность перехода от капитализма к социализму. Безальтернативность самого перехода и вариативность его форм. Три ступени научного познания будущего по мере его превращения в настоящее: идеал, научная теория, реальная практика.

Глава 3. Социалистическая революция и реальный социализм.

Предпосылки социализма и революционная ситуация: противоречия экономического развития и политической ситуации. Противоречия «слабого звена». Просто ли «догонять историю»? Премущественность и отрицание при коренных переломах истории.

Элементы неотвратимого «наследства»: генетическое влияние капитализма на возникающий социализм. В.И. Ленин о социализме как ступени истории. «Инерция» истории: экономика, социальная структура, культура и идеология. Сражение Ф.М. Достоевского... с «ветряными мельницами» революции. Длительность одной человеческой жизни и протяженность истории. Формация обретает себя: проблемы, преобразования, люди, самопознание.

Глава 4. Коллективность: определяющее отношение коммунистической формации. Основное противоречие нового общества.

От первобытной общности к атомизированному обществу, от атомизированной совместности к коллективистской целостности. История как развитие и прогресс общественных связей людей. Что есть коллективность: предпосылки, условия, основные черты? Определяющее (основное) отношение как основное неантагонистическое противоречие. Коллективность как основание изменения природы определяющих социальных противоречий – смены антагонизмов неантагонистическими противоречиями. Коллективность теоретическая и практика коллективности: объективные и субъективные трудности воплощения самоочевидного, коллективность, коллектив, коллективизм. Социальная структура коллективистского общества.

Глава 5. Планомерность – форма движения и развития коллективистского общества. Наука против субъективизма.

Субъективное и объективное в общественном развитии. Самоотрицание стихийности (объективного как непознаваемого и неуправляемого) в условиях капитализма (государственно-монополистический капитализм). Доминирование субъектного (планомерного) в коллективистском обществе по отношению к объективному (при определяющей роли объективного). Познаваемость общественного процесса и возможность (необходимость) научного управ-

ления им в коллективистском обществе. Безальтернативность планомерности. Критика концепций «автоматических регуляторов» коллективистского общества («рыночный социализм» и др.). Научный характер планомерности как предпосылка его эффективности. Критика субъективизма.

Глава 6. Коллективность и свободная индивидуальность: условия неантагонистического единства. Свобода личности в обществе с точки зрения истории.

Коллективность как идентификация индивида с обществом. Условия идентификации и факторы расхождения. Соревновательные отношения между людьми как главный индикатор эффективного принятия личностью коллективистских (общественных) целей и ценностей; соревновательность как способ самоорганизации и развития коллективистского общества. Противоречия соревновательности при социализме и пути их разрешения при движении общества к коммунизму. Свободная индивидуальность как всесторонне развитая личность. Критика буржуазного негативизма по отношению к возможностям и условиям свободы личности (индивидуальности) в коллективистском обществе (Е.И. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл). Свобода как продукт истории. Истинные коллизии свободы личности в условиях коллективизма: свобода личности в обществе, но не от общества.

Глава 7. Коммунизм и экономическое развитие общества: стереотипы сознания и противоречия практики.

Наследство «наличного процесса труда» (К. Маркс) и материально-техническая база социализма. Человек для труда или труд для человека? Двойственность труда – двойственность интересов и стимулов при социализме. Индивидуальное присвоение и самопротиворечивость материального стимулирования (стимулирование технического прогресса, стимулирование высокого качества продукции, стимулирование эффективного труда и т.п.). Соревновательность в труде как проявление его подлинной коллективности.

Хозяйственный механизм как форма реализации объективных законов: соотношение формы и содержания. Историческая форма потребности и понятие изобилия. Структура функций в разделенном труде и проблема всеобщего участия и в труде, и в управлении. Самосознание личности в коллективистском трудовом процессе. Социали-

стическое трудолюбие: проблемы формирования и развития. Условия и пути превращения труда в первую жизненную потребность.

Глава 8. Управление и самоуправление в обществе: управляемость общества.

Кооперация труда и управление. Управление: централизация и самоуправление. Демократические институты управления: условия эффективности и формы развития. Социальная структура, социальная организация, уровень социального самосознания как факторы, предопределяющие формы управления и его эффективность. Управление в коллективистском обществе без самоуправления не эффективно. Коллективность и индивидуальные (групповые) интересы: взаимодействие в системе управления.

Глава 9. Культура и образ жизни в коллективистском обществе.

Инерция буржуазной культуры и проблемы ее преодоления в процессе развития социализма. Смена поколений – «шаг» культуры и сознания в историческом времени. Социалистическая культура и культура социалистического общества. Обыденное и теоретическое в социальном самосознании личности в эпоху коммунизма; особенности социалистического самосознания.

Активность в жизненной позиции индивида: ее критерии и условия развития. Ценности культуры и их развитие. Образ жизни как интегральное выражение уровня культуры, жизненных ценностей и социального самосознания. Коммунизм как образ жизни.

Глава 10. Ступени развития коммунистического общества: объективные основания и масштабы исторического времени.

Объективные основания единства и исторической последовательности (различия) социализма и коммунизма: формальное и реальное подчинение труда отношению коллективности. Желаемое и реально достижимое в историческом процессе. Безобидны ли исторические иллюзии? Несовместимость научной марксистской трактовки общественного развития с утопизмом, вульгарным идеологизмом, апологетикой. Критика «марксизма учебников» (Р.И. Косолапов) с позиций последовательно научного марксизма. Развитой социализм как ступень реального коммунистического общества. Развитие коммунизма в реальном историческом времени.

Заключение. Может ли исчерпать себя история?..

Многосторонность общества и историческая последовательность решения социальных проблем. Освоение людьми природы общественных отношений как процесс поступательного движения общества. Критика финализма и провиденциализма в трактовке коммунистического общества. Коммунизм как начало подлинной истории общественного человека.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, знакомых с основными проблемами современного обществоведения (на уровне курса общественных наук в вузах, университетов марксизма-ленинизма сети партийного просвещения). Книга должна быть не только понятной, но и интересной всем, сколько-нибудь серьезно относящимся к актуальным общественным проблемам современности, к идеологической конфронтации в современном мире.

Форма изложения и язык – популярные (но без упрощенчества). В тексте имеются отсылки к основной литературе, позволяющие читателю самостоятельно оценивать достоверность излагаемого и, при желании, более углубленно осваивать проблематику книги. Возможна краткая рекомендательная библиография.

Предполагаемый объем – 10 п.л. (Материал сложен, а популярное изложение скорее увеличивает объем, чем ведет к его сокращению).

Язык публикации – русский (что не исключает возможности перевода на латышский).

Апробация идей книги. В течение 1982–1984 гг. авторы неоднократно выступали с лекциями по проблематике книги перед студентами и преподавателями вузов, слушателями факультета переподготовки руководящих инженерных кадров, в сети партийного просвещения и т.п. В ноябре 1983 г. соответствующий цикл лекций был прочитан проф. З.И. Файнбургом в Латвийском госуниверситете им. П. Стучки.

**Набросок оглавления книги
НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ
(Очерк теории, история вопроса, полемика)**

Коллектив авторов под руководством доктора философских и кандидата экономических наук, профессора З.И. Файнбурга¹

Введение. В чем проблемность современной ситуации?

Очерк 1. Предпосылки коллективистских отношений в отношениях капиталистического общества. Является ли современный капитализм умирающим?...

Очерк 2. Революционная ситуация и политическая революция: история, современность, историческая перспектива.

Очерк 3. Марксизм и псевдомарксизм в теории и истории социализма.

Очерк 4. Характер переходных отношений как предпосылка реализации социалистической тенденции.

Очерк 5. Диктатура как демократия: проблема политической организации как инструмента социальной ориентации.

Очерк 6. Коллективность как определяющее (основное) отношение новой формации.

Очерк 7. Основное отношение как основное противоречие.

Очерк 8. Социальные гарантии как системное качество коллективистского общества.

Очерк 9. Формационные критерии и формационные ступени: государственный капитализм, государственный социализм, собственно социализм.

Очерк 10. Социализм как старое в новом и новое в старом: диалектика бытия и диалектика развития.

¹ Текст написан шариковой ручкой, но везде под названиями очерков стоят написанные карандашом инициалы возможных авторов: ЗФ – З.И. Файнбург, ГК – Г.П. Козлова, ВК – В.А. Кайдалов, МС – М.А. Слюсарянский, ВС – В.Н. Стегний, ОЛ – О.Л. Лейбович, ЕШ – Е.С. Шайдарова. – Издатель.

Очерк 11. Структурное развертывание социалистических отношений как развертывание категориальной системы теории социализма.

[Ниже карандашом идет краткий набросок возможных дополнительных очерков – Издатель.]

Политическая организация – способ соединения индивидуального и коллективного.

Культура – технология функционирования, развития, осмысления.

Личность – образ и качество жизни.

Сознание – наука и иллюзии.

Труд как единство необходимости и свободы.

План-проспект книги
ЭРА КОЛЛЕКТИВНОСТИ...
(Коллективность как новый исторический тип отношений
людей в обществе коммунистической формации)

Коллектив авторов (сотрудники кафедры научного коммунизма и лаборатории социологии Пермского политехнического института) под руководством доктора философских и кандидата экономических наук, профессора З.И. Файнбурга.

Предполагаемый объем 12 п.л. (т.е. предположительно в среднем по 0,75 п.л. на одну главу)¹.

Введение. Постановка проблемы: необходимость выделения для каждой крупной эпохи истории ее определяющего (основного) формационного свойства.

Глава 1. Неизбежность коллективности. Историческая детерминированность перехода общества к коллективистским отношениям.

Глава 2. «Стержень» формации. Коллективизм как определяющее (основное) отношение коммунистической формации, как новый тип социальности.

Глава 3. От совместности к коллективности. Диалектический характер отрицания типа общественных отношений при переходе от капитализма к коммунистическому обществу. Безальтернативность коллективистской кооперации труда в производстве и обществе.

Глава 4. Новое в сущем всего сущего: диалектическое изменение характера социальных противоречий в эпоху коллективистских отношений.

Глава 5. Коллективность «изнутри»: общность основных интересов всех структурных элементов коллективности – от социаль-

¹ Вниманию читающих план-проспект: в приведенном плане книги названия глав условные. Они стремятся передать содержание главы. При подготовке рукописи приведенные названия будут в большинстве своем заменены на более краткие, более звучные и простые. – ЗИФ.

ных совокупностей (классов – при социализме) до отдельного индивида. Общность интересов и различия в положении и ролях в обществе.

Глава 6. Коллективность «изнутри»: приоритет личного (над функциональным) во взаимосвязях людей; в обществе. Коллективность и равенство.

Глава 7. Коллективность «изнутри»: планомерность – доминирование осознанного и целенаправленного начала – в организации, функционировании и развитии коллективности. Осознание и деятельность.

Глава 8. Коллективность «изнутри»: управление как самоуправление. Самоорганизация – условие эффективности коллективистского общества.

Глава 9. Коллективность «изнутри»: общество, которое образуют «свободные индивидуальности» (К. Маркс). Коллективность и свобода, и самореализация личности.

Глава 10. Коллективность «изнутри»: соревновательность как отношение людей друг к другу и фактор совершенствования общества. Индивидуализм, реализуемый в конкуренции, и коллективность, реализуемая в соревновательности.

Глава 11. Ступени, уровни и формы коллективности. Коллективность как формационное свойство и как система социальных институтов. (Первичный контактный коллектив – бригада и т.п.; трудовой коллектив предприятия, учреждения и т.п.; общество в целом как форма коллектива). Особенности коллективности в труде, в политической жизни, в творчестве, в поселенческой общности.

Глава 12. Функциональность и функции коллективности.

Глава 13. Коллективность и коллективизм: формирование коллективистской культуры и коллективистского сознания.

Глава 14. Этика и эстетика коллективизма.

Глава 15. Историческая (формационная) эффективность коллективности: коллективность – безальтернативная ступень исторического прогресса.

Заключение. Бесконечность истории...

АННОТАЦИЯ

Фактически предметом исследования в книге является историческое место общества реального социализма, рассматриваемое с точки зрения характера «вхождения» личности в общество. Коллективность рассмотрена в книге как всеобщая форма социальных отношений нового типа, как определяющее (основное) отношение коммунистической формации в целом.

Прежде всего рассматривается историческая обусловленность перехода к обществу коммунистического типа. Коммунизм как формация выводится не из идей, а из материальной необходимости коллективистских отношений как условия самосохранения человечества. Выделена необходимость осознания безальтернативности коллективизма для перехода общества к коллективистским отношениям.

Далее в ряде глав рассмотрены основные свойства (признаки) коллективности как определяющего отношения нового общества. Их рассмотрение ведется под углом зрения выявления места и роли каждого индивида в обществе коллективистских отношений: что они ему дают и чего от него требуют. В ходе этого анализа развиваются иллюзорные представления об установлении коллективистских отношений как финале истории, утопические представления о коллективистском обществе как обществе без противоречий, проблем, трудностей, как бесструктурной массе «стершихся» индивидуальностей. Дана критика буржуазных и мелкобуржуазных представлений о коллективности.

Специально выделена необходимость научного осознания закономерностей развития коллективистских отношений, необходимость планомерности для становления, функционирования и развития коллективности (показана невозможность стихийного возникновения и развития коллективности). Это свойство коллективности обуславливает необходимость воспитания самого духа коллективизма, коллективистского отношения к труду, этики и эстетических представлений коллективизма. Коллективистски направленная социальная активность – необходимое требование к личности при социализме и коммунизме.

В работе большое внимание уделено важнейшим проблемам взаимоотношения личности с коллективистским обществом: коллек-

тивизм и равенство, свобода личности и т.п. Критике подвергнута попытка буржуазных идеологов представить формальное индивидуалистическое буржуазное представление о свободе как некое единственное, абсолютное, не меняющееся в историческом развитии общества. С марксистских позиций рассмотрен вопрос об обоюдной ответственности: общества – перед индивидом, индивида – перед обществом. В качестве способа движения и развития коллективистского общества рассматривается соревновательность (в ключе работы В.И. Ленина «Как организовать соревнование»). Критике подвергаются мелкобуржуазные извращения принципов коллективизма: потребительство во всех вариантах, казнокрадство, протекционизм, взяточничество, стремление получить необоснованные привилегии, попытки превратить общественные дела в некую «тайну тайн», доступную лишь посвященным, зазнайство, зависть, «вождизм» и т.п.

Обосновывается высшая формула сознательной ответственности человека перед коллективистским обществом за свое дело и за свой личностный облик.

Коллективность раскрыта как сложное, многоуровневое общественное отношение: от первичных контактных групп (бригад, звеньев и т.п.) до общества в целом. Особенно внимательно рассмотрена основная социальная ячейка нашего общества – трудовой коллектив. Рассмотрена также проблема воплощения коллективности в систему конкретных социальных институтов, проблема правового регулирования коллективности, развития в коллективах «внутренних» социальных норм и т.п.

В заключение рассмотрена общая историческая эффективность коллективности, ее прогрессивный характер и ее способность к развитию, к совершенствованию. Эпоха коллективности характеризуется в качестве быстро развивающейся, в качестве лишь «начала подлинной истории» (К. Маркс).

Изложение в книге построено в популярной, живой форме, со ссылками на художественную литературу, произведения киноискусства, конкретный исторический материал. Используются данные эмпирических социологических исследований проблем коллективности, в течение ряда лет выполнявшиеся лабораторией социологии.

**Структура коллективной монографии
КОЛЛЕКТИВНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ
СОЦИАЛИЗМА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
[1987 г.]**

Коллектив авторов – все желающие.
Предполагаемый объем 10 п.л.
(т.е. предположительно в среднем по 1,0 п.л. на одну главу)¹.

Глава 1. Генезис коллективности (капитал – становление непосредственных связей – совместность труда – иллюзорная коллективность).

Глава 2. Социалистическое обобществление: историческая ступень развития экономических отношений. Непосредственная общность и исходное отношение социализма, противоречия и динамика.

Глава 3. Планомерность как определяющая форма организации непосредственно обобщественного производства: соотношение планомерности и стихийности, противоречивость планомерности, единство централизации и соревновательности. Эволюция планомерности.

Глава 4. Товарные отношения в непосредственно обобщественном производстве: товар как форма разрешения противоречий коллективности.

Глава 5. Основное (определяющее) экономическое отношение социализма. Принадлежность к коллективу как предпосылка участия в экономическом процессе. Содержание коллективности и её уровни. Общественная собственность, соединение факторов производства и подчинение планомерно организованного производственного процесса самим его участникам.

¹ Взято из информационного письма, призывающего к участию в написании коллективной монографии в рамках сотрудничества с Головным советом по коллективности. – Издатель.

Глава 6. Непосредственно-общественная деятельность как всеобщая форма в коллективном обществе. Труд как жизнедеятельность ассоциированных индивидов. Процесс труда как единство производства продуктов и самоутверждения работника как личности. Формальное и реальное подчинение труда коллективности. Становление нового коллективистского исторического типа труда.

Глава 7. Производство, потребление и накопление в коллективистском обществе; их сущность и соотношение.

Глава 8. Экономическая основа становления и развития коллективистского образа жизни.

Глава 9. Планомерное управление непосредственно обобществленным производством: субъект и объект управления, роль самоуправления, противоречия субъекта экономического процесса как одна из форм проявления основного экономического противоречия общества.

Глава 10. Эффективность коллективистских экономических отношений: соотношение уровней и форм эффективности экономических процессов, роль общесоциальных критериев. Воспроизводство отношений коллективности как решающий критерий развития.

Научное издание

**Захар Ильич Файнбург,
Галина Петровна Козлова**

КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИДЕАЛ. ТЕОРИЯ. РЕАЛЬНОСТЬ

Мемориальное издание

Подготовка к изданию – профессор Г.З. Файнбург

В оформлении обложки использована акварель
друга семьи З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой
Михаила Столбова «Солнце, пробивающее тучи»

Подписано в печать 04.02.2013. Тираж 200 экз.

Усл. печ. л. 22,0. Формат 60×90/16.

Набор компьютерный. Заказ № 18 / 2013

Издательство Пермского национального исследовательского
политехнического университета
Адрес: 614990, Пермь, Комсомольский пр., 29